

Юнг К.Г.

Божественный ребенок

Ю 50 Божественный ребенок: / воспитание: Сб. - М.: "О. АСТ-ЛТД", 1997. - 400,с.
ISBN 5-7370-0493-4 ("Олимп") ISBN 5-15-000037-Х (000 "Издательство АСТ-ЛТД"

В предлагаемом издании собраны речи, выступления, лекции, статьи, эссе по проблемам глубинных основ психики человека, воспитания личности известного швейцарского философа, ученика и последователя 3. Фрейда, основателя аналитической психологии Карла Густава Юнга (1875-1961). Созданные в разное время, эти работы позволяют не только ознакомиться со взглядами выдающегося ученого, но и лучше понять себя, свое окружение.
Сборник рассчитан на всех, кто интересуется вопросами психологии личности, воспитания.

ББК 88.5
Москва, 1997

Содержание:

Антропологический персонаж Юнга

Предлагаемый сборник философских текстов швейцарского психолога, создателя аналитической психологии К. Г. Юнга (1875— 1961) знакомит широкий круг читателей и специалистов с основными философско-антропологическими идеями выдающегося мыслителя. Со страниц его произведений встает уникальный образ антропологического персонажа, во многом отличающийся от того, как рисовал человека 3. Фрейд — основатель психоанализа.

Психоанализ в целом радикально изменил философские представления о человеке, обеспечив своеобразный антропологический поворот в его постижении. С одной стороны, философское творчество 3. Фрейда опиралось на просветительские воззрения, культивирующие разум. Обнаружив иррациональность человеческого поведения, 3. Фрейд не мог до конца избавиться от рационалистических традиций. Венский психоаналитик надеялся, что с помощью специальной техники богатство подсознательного человеческого опыта может быть вынесено на светлый суд разума. Так, образ просветительски ориентированной личности сохранял себя в подтексте психоаналитической концепции.

Философы-рационалисты XVIII в. осознали мощный потенциал человеческого разумения. Все должно быть подвластно свету разума, считали они. Там, куда разум еще не проник, господствует тьма стихийного и бесформенного. Но это господство временно, ибо прогресс разума — это прогресс человека и его нельзя остановить. Хляби неорганизованного, стихийного, бессознательного должны быть укрощены. Рационалистический оптимизм еще не раскалывали трещины пессимизма. Но в XIX в. ситуация уже меняется. И хотя 3. Фрейд еще оставался под сильным влиянием рационалистических взглядов, но творчество его уже шло в русле философии жизни, как она разрабатывалась А. Шопенгауэром, Ф. Ницше и другими мыслителями. Уже в романтической традиции воображение ценилось выше, нежели разум.

Некий парадокс просматривается в том, что философскими антропологами называют в основном тех, кто толкует о важности темы человека, независимо от собственного вклада в ее разработку. Так, мало кому придет в голову назвать философским антропологом 3. Фрейда, а вот его ученик и продолжатель традиции Э. Фромм легко проходит по этому ведомству, поскольку (выскажем такое предположение) у него есть специальные и постоянные пассажи о значении темы человека.

Или другой пример — Н. А. Бердяев. Он безусловно числится видным представителем

персоналистской традиции. А вот причастность к философской антропологии основателей философии жизни ни в одной энциклопедии до сих пор не отмечена. Даже в книге М. Бубера «Проблема человека» (М., 1997) в серьезном очерке философско-антропологической мысли говорится об Аристотеле и Канте, о Гегеле и Марксе, но мельком о Шопенгауэре. А ведь немецкий философ (вернемся к этому сюжету) предельно обострил философско-антропологическую тему и дал ей новое истолкование.

В XIX в. Ч. Дарвин доказал, что человек как природное существо представляет собой завершение эволюционного процесса, венец его. Казалось бы, экспертиза науки внушительна и диагноз поставлен, философу остается только подвести теоретическую базу под это грандиозное открытие. Однако в этом же веке рождается новая установка. Причем именно в философии. Сначала А. Шопенгауэр, а затем Ф. Ницше задумываются над странностью человека как живого существа. Путем чисто философского умозрения формируется мысль о том, что человек, вероятно, выпадает из цепи природных «тварей». Он эксцентричен и вовсе не производит впечатления «венца творения». Напротив, если сделать, условно говоря, допущение, что человек — уже установившееся животное, то ничего, кроме «халтуры природы», не получается.

И вот тогда, казалось бы, вопреки научным фактам философы выдвигают идею о том, что человек есть «еще не установившееся животное» (Ф. Ницше). Он не только не замыкает некую природную цепь, а попросту выпадает из ее звеньев. Все, что до этого оценивалось как приобретение человека, с новой точки зрения выглядит процессом его вырождения. Эти идеи радикально преобразили философскую антропологию. ^

Фрейд во многом следует за философами жизни. Он склоняется к мысли, что культура стала бременем для природного человека. Иначе говоря, он следует за Ницше, который предлагал вернуться к дионисийскому (природному) человеку, преодолев в себе аполлоническое (окультуренное) начало. Рассуждая о либидо,

Фрейд видит в любви и особенно в ее поэтических формах восстание против инстинкта и берется лечить любовь как невротическое переживание. Для Фрейда, как и для Ницше, важно возвращение к природному человеку.

Философская антропология XIX в. показала, что человек является не столько венцом творения, сколько «дезертиром природы», ее «вольноотпущенником». О каждом живом существе на нашей планете можно в принципе сказать: оно сложилось окончательно. Животное действует так, как записано в его инстинктуальной программе: пауки безошибочно мастерят орудия лова; птицы совершают дальние перелеты без навигационных приборов; пчелы строят соты, не подозревая о необходимости предварительного архитектурного проекта...

Фрейд еще верил в живительную силу истории. Человек, возможно, создаст достойные себя условия жизни. Потеснится и жестокость. Фрейд еще не оценивал разрушительное как тайну. Он склонялся к мысли, что деструктивное — это результат непрожитой жизни. Иначе говоря, те тенденции, которые могли бы реализоваться фактически, оставшись без воплощения, рождают огромную энергию уничтожения. Человечество, в принципе, может спастись от гибели. Однако, возможно, пройдет тысячелетие, прежде чем человек перерастет свою дочеловеческую историю.

Итак, антропологический персонаж 3. Фрейда — это человек, вытолкнутый из природы, переживающий постоянный конфликт сознания и подсознания, рационального и иррационального. Романтики XIX в. исходили из культа бессознательного как глубинного источника творчества. Их усилиями в общественном мнении укрепилась мысль, что сознание не

является единственной формой духовной жизни. Но до конца столетия не было ясного представления о том, как рождается бессознательное, какова его структура. что связывает его с сознанием. На рубеже веков 3. Фрейд разработал психологическую концепцию, направленную на изучение скрытых связей и основ человеческой душевной жизни.

Теперь посмотрим, как преобразилась антропологическая концепция в философии Юнга. О нем в отечественной философии написано немало. Издания его книг, философских текстов сопровождались предисловиями, комментариями. И все-таки есть необходимость, предваряя предлагаемые материалы, отметить малоосвещенные стороны юнговских рассуждений о человеке.

Антропологический персонаж Юнга отличается от фрейдовского. Преодолевается философское представление о том, что человек — принципиально разорванное, рассогласованное создание.

Вынашивается мысль о целостности человеческой психики, в которой бессознательное вовсе не противостоит фатально сознанию. Человек выступает как особый,род сущего, который вполне самодостаточен как живая целостность.

Уже в своей докторской диссертации Юнг обозначил пять главных тем, которые станут для него державными, проходящими через все его творчество. Первая идея состояла в утверждении автономии психических содержаний. Когда человек находится в сомнамбулическом состоянии, в его психике рождаются галлюцинаторные видения, он слышит голоса. Эти феномены могут с течением времени укрепляться, и тогда есть вероятность появления второй «бессознательной» личности. Она способна в определенных обстоятельствах подменить первую.

Вторая идея позволяла понять целесообразность таких психических нарушений, которые оценивались в качестве переходных, кризисных состояний. Именно эти состояния выполняют защитные функции и одновременно не только спасают личность, но и содействуют развитию ее. Без них человек оказался бы жертвой тяжелых обстоятельств. Далее (речь идет о третьем и четвертом положении диссертации) бессознательное трактуется как вместилище утраченных для сознания воспоминаний. Интуитивное восприятие значительно превосходит возможности сознательного мышления. Наконец, Юнг показал в своей работе, что девочкамедиум, которая в состоянии душевного просветления передала мифологическую модель космоса, не знала источников, в которых эта модель описывается. Между тем ее версия оказалась близкой к оккультным системам. Это — провозвестие идеи архетипа.

Теперь можно поставить вопрос: каковы те новые моменты, которые отличают философию Юнга от его предшественников? Можно указать, по крайней мере, на несколько пунктов. Во-первых, Юнг значительно расширил понятие либидо. Фрейд отмечал, что все вокруг пропитано пряным ароматом многоликого Эроса. Его присутствие обнаруживается далеко за пределами эрогенных зон — в политике, в молитвенном экстазе, в житейской сутолоке. Эрос — глубинная, трудноутоляемая потребность человека. Он неизбывен, неисчерпаем. Все мы то и дело вязнем в оргастическом исступлении, в эротическом движении мысли, в сладчайших фантазийных грехах.

Это не только страсть, но и стиль современной жизни, специфический способ существования людей.

Юнг отказал либидо в столь всепроницающей мощи. Он убедился в том, что неврозы обусловлены не только сексуальностью. Не менее значимы в их возникновении, считал Юнг, такие факторы,

как социальные коллизии, подавленность трагическими жизненными обстоятельствами, невозможность обрести престиж и т. д.

Само понятие либидо приобрело у Юнга более широкий смысл. В нем, по Юнгу, обнаруживается мощный жизненный порыв, истоком которого является сексуальность. Однако эта энергия ею не исчерпывается. Безусловно, для человеческой психики чрезвычайно значима драматургия сознательного и бессознательного. Однако Юнг обратил внимание и на то, что они взаимодействуют, уравновешивая друг друга. Деятельность сознательного выравнивается сознательной установкой, а деятельность сознания в целом — бессознательной установкой.

Психологического индивида Юнг рассматривает как некую целостность. Если бессознательные процессы вообще существуют, рассуждает он, то они определенно принадлежат к тотальности индивида. Ведь не являются же они составными частями лишь сознательного Я. Если бы они были его частью, то они должны были бы быть сознательными, так как все, что находится в непосредственной близости к Я, является сознательным. Сознание даже можно приравнять к отношению между Я и психическими содержаниями.

Сознание — способность человека воспринимать и оценивать окружающую реальность, не утрачивая при этом внутреннего духовного опыта. Подлинное состояние человека тогда, когда ему одновременно внятен мир и он сам. В таком состоянии человек помышляет о себе, ощущает себя. Противоположные состояния — сон, анестезия, кома. М. К. Мамардашвили сравнивает сознание со светящейся точкой, с таинственным миром перспективы, в котором мгновенно рождается связь и соотнесение того, что я увидел, что я почувствовал, что я пережил, что я подумал.

В психоанализе сознание — это калейдоскоп чувственных и умственных образов, при котором одновременно возникает ощущение, что именно я переживаю пролетающие образы. Человек не только существует, но и отдает себе отчет в том, что наделен светлым даром. В отличие от животных, человек обладает самосознанием. При этом существует определенная неясность: предстают ли нашему сознанию действительные образы, или же они есть продукт рефлексивного самоосознания.

По мнению Юнга, психические процессы имеют количественный энергетический аспект. «Все происходит в согласии с психологическим законом, — отмечал он, — неизменно действующим в личной жизни. Если что-нибудь важное обесценивается и исчезает в нашей сознательной жизни, то — по этому поводу — появ-

ляется компенсация утраченного в бессознательном»[1]. Таким образом, во-вторых. Юнг фактически преодолел противопоставление сознательного и бессознательного, размышляя о их внутреннем единстве.

Юнг, и это,- пожалуй, третье отличие его концепции, возвел над индивидуальным бессознательным фундамент коллективного бессознательного. Это термин, введенный Юнгом для обозначения одной из форм бессознательного (части психики, которая содержит воспоминания и импульсы, не осознаваемые индивидом). Коллективное бессознательное принадлежит всему человечеству и является продуктом наследуемых структур мозга. Коллективное бессознательное отличается от индивидуальной (личной) формы бессознательного, которое основывается на опыте конкретного человека. Согласно Юнгу, коллективное бессознательное содержит архетипы, или общечеловеческие первообразы и идеи.

Если вспомнить о Фрейде, то он фактически стирал границу между коллективной и индивидуальной психикой. Можно сказать, что он выводил первую из второй. У Юнга совсем иной поворот мысли. Более общее, универсальное лежит в основе мировых процессов. Оно-то и обусловливает менее общее, специфическое. Индивидуальное бессознательное, следовательно, выводится из уни версального бессознательного. Людей скрепляет не только современная культура, цивилизационный уклад, общее сознание. Их также связывают еще более глубокие и прочные узы бессознательного предкультурного и раннекультурного совместного существования, запечатленные на глубинном уровне человеческой психики.

Юнг подчеркивал, что коллективное бессознательное не обязано своим существованием личному опыту и, следовательно, не является персональным приобретением. В то время как личностное бессознательное состоит в основном из таких содержаний, которые исчезли из сознания, будучи забытыми или подавленными, содержания коллективного бессознательного никогда не входили в сознание. Таким образом, они никогда не были индивидуальной находкой, но обязаны своим существованием исключительно наследственности. Содержание коллективного бессознательного в основном представлено архетипами.

Аналитическая психология Юнга, сохраняя связи с психоанализом, вместе с тем во многом разошлась с фрейдизмом. Уже отмечалось, что Юнг не принял тотально сексуальную мотивацию

'Юнг К. Проблема души современного человека // Это человек. Антология, 1995. С. 34.

человеческого поведения, из которой исходил Фрейд. Это вызваю преображение фрейдовской концепции либидо. Общий подход к психике со стороны Фрейда, как полагал Юнг, был механическим и автоматически причинным. Однако Юнг был убежден в том, что человеческие существа живут не только по законам, которые основаны на физических и механических причинах.

Юнг также критиковал Фрейда за то, что тот проводил слишком жесткое разграничение между «галлюцинацией» и «реальностью». Юнг интерпретировал психическую реальность как нечто, переживаемое самим индивидом. В этом контексте бессознательное оценивается не в качестве врага, а скорее как нечто потенциально полезное и созидательное. Сновидения, скажем, по истолкованию Юнга, перестают быть чем-то обманчивым, требующим расшифровки.

Исследователи Юнга, обращаясь к антропологическому содержанию его учения, отмечали, что

оно есть прежде всего эмпирическая антропология. Психическая природа человека есть еще природа, хотя свободный дух, религия и культура уже не есть природа. К философско-антропологическому постижению можно отнести характерологию Юнга. Что это такое? Это учение о формировании и сущности характера и его значении для личности в целом, а также учение о личности вообще. Родоначальником этого учения следует считать немецкого философа XIX в. Юлиуса Банзена. Учение ставит себе целью объяснить характер, то есть индивидуальные особенности, человека. Обобщением получаемых результатов занимается типология.

Образование характера есть сознательный либо бессознательный процесс самоформирования (психогенетическая теория), вызываемый половым чувством, моментами его вытеснения и сублимации (Фрейд) или же честолюбивыми и властолюбивыми побуждениями (Адлер, Юнг). Согласно Юнгу, люди делятся на экстравертов, интровертов и амбовертов. Экстраверты общительны, легко вступают в контакт, нуждаются в компании. Интроверты погружены в себя, одиноки, нелюдимы, рассудительны.

Кстати, вы лично кто — интроверт или экстраверт? Этот вопрос я задаю в любой аудитории. Прошу поднять руку интровертов. Никто не рискует. Экстраверты, где вы? Молчат, затрудняются. Возможно, полагают, что они промежуточный, не ярко выраженный тип — «амбоверты». Ничего подобного... Основная масса опрашиваемых убеждена, что она не имеет никакого отношения к этой выдумке Юнга. Каждый считает себя не «экстра» и не «интро». Он вообще настолько самобытен...

Героиня отечественного фильма «Покровские ворота» говорит о себе: «Я вся такая несуразная, угловатая, такая противоречивая. Я вся такая внезапная». Вообще-то я застенчива, трудно вступаю в общение, боюсь выступать на собраниях. Люблю одиночество, всегда погружена в свои мысли. Выходит, я интроверт? Но я совсем забыла сказать вам, что я иногда хожу в гости... И этого еще мало для психологической характеристики? Ну зачем вы так сразу— поставили клеймо и обжалованию не подлежит! Я, может быть, с завтрашнего дня стану экстравертом... Что? Это в человеке окончательно, дано природой? Никогда бы не подумала.

Английский психолог Т. Айзенк считает, что экстравертивность — интровертивность складываются в зависимости от расположения звезд. Выходит, это астрологическая тайна.

Фрейд по своему темпераменту был экстравертом. Что касается Адлера, то он был интроверт. Каждый из них не заметил «иной» характер. Нет никаких оснований полагать, что в своей медицинской практике Адлер встречался со случаями невроза, принципиально отличавшимися от случаев, которые лечил Фрейд. Наоборот, кажется очевидным, что у того и другого клинический материал аналогичен. Исследователи были различными, оригинальным был склад их ума, одни и те же вещи они видели под разным углом, потому-то и разработали они диаметрально противоположные теории, Адлер видит и представляет себе, каким образом человек, чувствующий свою неполноценность, старается обеспечить свое мнимое превосходство над окружением путем «актов протеста», «построений» и тому подобных уловок. Причем эти средства он пускает в ход в равной степени перед родителями, учителями, начальниками, властями, перед всеми, к кому он обращается в трудном положении или с целью «приспособления» к

общественному укладу, — словом, при каждом столкновении с каким-либо препятствием.

Анализируя эмпирический материал, Юнг поставил следующий вопрос: существуют ли по меньшей мере два разных человеческих типа, из которых один связан больше с объектом, чем с самим собой, а другой — больше с собой, чем с объектом? Инт роверсия выражается у нормального человека в форме сдержанности, созерцательности, часто склонности к нерешительности, к ускользанию от объектов, к настороженности и некоторой недоверчивости, побуждающей прятать свои чувства и скорее наблюдать, чем активно действовать.

Экстраверсия при нормальных условиях проявляется в натурах открытых, отзывчивых, услужливых, легко применяющихся к новой

обстановке, быстро завязывающих знакомства, беспечно и доверчиво подходящих к неизвестным ситуациям, отстраняющих все приходящие в голову сомнения. Интровертированный тип явно приписывает главную роль субъекту, экстравертированный — объекту.

Юнг разработал еще одно важное понятие — архетипы. Архетип — это прообраз, первичная форма, образец, структурный элемент так называемого коллективного бессознательного. Он находится в зародыше всех психических процессов и переживаний. Юнг обратил внимание на то, что в самых различных мифах, притчах, религиях, эзотерических доктринах (таких, как алхимия), сновидениях, фантазиях душевно больных и здоровых людей вне зависимости от эпохи и места вновь и вновь повторяются некоторые определенные структурные мотивы.

Архетипы сложились за многие тысячелетия человеческой истории и испокон века наследуются коллективным бессознательным. Они представляют собой символы, которые выражают наиболее фундаментальные взаимоотношения и цели. Их можно отыскать в фольклоре, сказках, легендах. Архетипы — символы материнского начала, рождения человека, его смерти, образы огня, моря и др. То же самое можно сказать о божественных образах (потерянный рай, Христос, Будда, Брама).

Юнг отмечал, что архетип как таковой существенно отличается от исторически ставших или переработанных духовных форм. На высших уровнях тайных учений архетипы предстают в такой оправе, которая, как правило, безошибочно указывает на слияние сознательной их переработки в суждениях и оценках. Непосредственные обнаружения архетипов, с которыми мы встречаемся в сновидениях или видениях, напротив, значительно более индивидуальны, непонятны или наивны, нежели, скажем, мифы. По существу, архетип представляет собой то бессознательное содержание, которое изменяется, становясь осознанным и воспринятым. Оно претерпевает изменения под влиянием того индивидуального сознания, на поверхности которого оно возникает.

Оценивая концепцию архетипов Юнга, известный американский исследователь С. Гроф отмечает, что в прошлом многие традиционно мыслящие психиатры и психологи оценивали проявления юнговских архетипов как плоды воображения человеческого разума, сконструированные им из данных реального сенсорного восприятия других людей, животных, объектов и событий материального мира. В любом случае архетипические феномены следует понимать как упорядочивающие принципы, стоящие над материальной реальностью и ей предшествующие, а не как ее производные.

П. С. ГУРЕВИЧ

Термин «архетип» в широком смысле может использоваться для обозначения всех статических образований и конфигураций, а также динамических событий Вупсихике, обладающих универсальным трансиндивидуальным качеством. Испытуемые (это Гроф рассказывает о собственных опытах) могут переживать полное отождестви ление с архетипами Мученика, Странника, Отверженного, Просветленного, Проводника, Тирана, Дурака, Мудрого Старца, Злого Искусителя, Аскета или Отшельника'.

В экспериментах с некоторыми наиболее универсальными архетипами может произойти отождествление с Матерью, Отцом, Ребенком, Женщиной, Мужчиной или Любовником. Многие в высшей степени универсальные роли переживаются как сокровенные и священные, что можно видеть на примере архетипов Великой Матери, Ужасной Матери, Матери-Земли, Матери-Природы. Другие из переживаемых событий значительно более специфичны и необычны, к ним принадлежит тема вечного проклятия в историях о Тантале, Сизифе, Агасфере и Летучем Голландце, тема рождения или смерти героя, миф о супергерое, который совершает труднейшие подвиги.

Представленные здесь работы Юнга дают возможность осознать неисчерпаемость человеческой психики, ее соотнесенность с универсальным опытом человечества, рождение неуловимых связей между сознанием и бессознательным.

П. Гуревич

Троф '.' '1.' iip'.\"e-i;iMit м(ч(л М , 1.Ч9.1; Гроф С' 06'исги че ювг геского бес.: > качельного М , 1994

ТРИ ЛЕКЦИИ, ПРОЧИТАННЫЕ К. Г. ЮНГОМ В ЛОНДОНЕ В МАЕ 1924

I ЛЕКЦИЯ

Дамы и господа!

Психология — одна из самых молодых наук. Хотя термин «психология» существовал уже давно, но сама она представляла собой лишь один из разделов философии, а именно тот, в котором философ устанавливал законы человеческой души с точки зрения данного философского направления. Я вспоминаю, что, будучи еще молодым студентом, имел возможность слышать от одного профессора, как мало знают о действительной природе психических процессов и о том, что из себя должна представлять душа.

Если вы изучаете начала современной психологии, вы несомненно будете под впечатлением той борьбы, которую вели исследователи прошлого против устоявшихся схоластических понятий. Громадная сила средневекового догматизма и его господство над эмпирическими представлениями, глубоко укоренившаяся власть априорных допущений и наивная вера в святые идеи почтенного возраста, естественно, привели современный дух к реакции, которая обнаружилась в материалистической эпохе XIX века, от духа которой мы до сих пор не вполне освободились.

Успех эмпирического принципа был настолько непоколебим, что отблески его победы достигли и материалистической философии, которая в действительности является скорее психологической реакцией, чем определенной научной теорией. Это была чрезмерная реакция на средневековый идеализм, и она не имела ничего общего с сущностью эмпиризма.

Так, естественным образом, современная научная психология нашла свою колыбель в материалистическом мировоззрении. Это была физиологическая психология, эмпирически основанная на экспериментальном базисе, рассматривающая психический процесс исключительно извне, и главным образом с точки зрения его физиологических феноменов. Такое состояние вещей было вполне удовлетворительным до тех пор, пока психология относилась к области философии и естествознанию. До тех пор, пока она была ограничена психологической лабораторией, она могла оставаться чисто экспериментальной и рассматривающей психический процесс исключительно извне.

Но мир академической лаборатории скоро стал тесен для тех, кто использовал психологию на практике. Этими первопроходцами стали врачи. Неврологи, как и психиатры, занимавшиеся психическими расстройствами, особенно остро ощущали необходимость в прикладной психологии. Находясь в стороне от академической психологии, медики нашли свой подход к пониманию человеческого духа и к психологическому лечению его нарушений.

Это был гипнотизм, который развился из того, что в конце XVIII века называлось «месмеризмом», а в начале XIX века — «животным магнетизмом». Развитие гипнотизма привело через Шарко, Либоля и Бернхайма к медицинской психологии, которую представляет Пьер Жане. Другой из учеников Шарко, Фрейд из Вены, использовал вначале гипнотический метод в тех же случаях, что и Жане, но пришел к другим результатам. В то время как метод Жане в основном остался экспериментальным и описательным, Фрейд пошел дальше и глубже в изучении тех сфер психики,

которые представлялись медицинской науке того времени недостойным внимания, а именно: болезненных фантазий пациента и их изменений в подсознательных слоях духа.

Было бы несправедливо утверждать, заметим мы, что Жане недооценил это обстоятельство. Случилось обратное. Большая заслуга Жане состоит в том, что он указал на существование и значение подсознательных процессов в психологической структуре невротических и умственных отклонений и расстройств.

Особая заслуга Фрейда не в том, что он открыл генезис подсознательной деятельности, а в том, что объяснил ее действительную природу и прежде всего разработал практический метод эффективной работы с ней.

Независимо от Фрейда, я подошел к практической психологии со стороны экспериментальной лабораторной психологии в результате применения главным образом так называемого метода ассоциаций. Как Фрейд сделал особым предметом своего анализа болезненную фантазию пациента, так и я пытался понять, почему неожиданно возникающие отклонения выступают в процессе ассоциативного эксперимента. Таким образом я открыл, что эти отклонения рождены бессознательными процессами, которые принадлежат к комплексам, как я их называл, определяющим чувства.

Практические выводы о психологическом механизме, к которым я пришел, подобны фрейдовским, — ведь в течение многих лет я был его учеником и сотрудником. Но в то же время, хоть я и признавал истинность его выводов, основанных на фактах, я не скрывал своих сомнений по поводу применимости его сексуальной теории. Присущий ему догматизм, заслуживающий сожаления, стал причиной того, почему я разошелся с Фрейдом и пошел своим путем. Моя научная совесть не позволила мне поддерживать почти фантастическое убеждение, которое превращало одностороннее и потому наверное толкование фактов в догму.

При этом заслуги Фрейда ни в коей мере не умаляются. Хоть он и разделяет с другими учеными открытие значимости бессознательного для причинности и структуры неврозов и психозов, только его оригинальной и своеобразной заслугой является метод толкования сновидений, или как минимум его смелая попытка открыть тайные двери сновидений. Я не думаю, что Фрейдом сказано последнее слово о сновидениях, но обоснование снов и выработка подходов к их толкованию, несомненно, краеугольные камни того впечатляющего здания, которое именуется психоанализом.

Я ни в коей мере не хотел бы преуменьшать заслуги Фрейда, как это мне часто приписывают мои недруги. Но я должен высказать признательность тем ученым, которые

способствовали своей деятельностью получению таких результатов, без которых ни Фрейд, ни я были бы неспособны выполнить нашу задачу. Это — Пьер Жане, Август Форель, Теодор Флурно, Мортон Пранц, Евгент Блейлер, которых мы с благодарностью вспоминаем всякий раз, когда говорим о началах новой медицинской психологии.

Взгляд на структуру неврозов и психозов, который мы приобрели с помощью методов аналитической психологии, позволяет подчеркнуть, что функциональные неврозы, а также многие психозы причинно обусловлены бессознательными феноменами, природа которых позволяет нам понять, как появляется болезнь.

Значение этого открытия так же велико, как и обнаружение специфического возбудителя туберкулеза или других часто встречающихся инфекционных болезней. Наряду со строгим медицинским значением аналитической психологии была существенно обогащена психология нормы, т. к. понимание снов открыло почти необозримый простор для развития сознания из удаленных и темнейших глубин бессознательного, а практическое применение аналитического метода позволило нам исследовать и различать типичные функции и представления в поведении нормального индивидуума.

В то время как психоанализ, оставаясь медицинской психологией, занимается только аномальными случаями и врач сосредоточен на них, психология сновидений и человеческого поведения направлена на изучение обыкновенных людей и преследует терапевтические цели. В действительности было бы желательно, чтобы педагог, если он хочет понять внутренний мир своих воспитанников, обращал внимание на результаты аналитической психологии.

Но это включает в себя и хорошее знание патологии, т. к. отклонение от нормы и болезнь недалеки друг от друга, и если мы ожидаем от честного воспитателя определенных знаний о том, что представлют собой телесные заболевания детей, то можно также ожидать от него и некоторого знания душевных расстройств.

Есть пять групп душевных расстройств, о которых должен знать каждый воспитатель:

1. Умственно отсталый ребенок — наиболее часто встречающийся случай — имбецильность, которая характеризуется главным образом низкой интеллектуальностью и общей неспособностью понимания. Часто встречающийся тип — флегматичный, замедленный и бесчувственный ребенок. Более редкий и тяжелый для изучения тип, нежели имбецильный, — легко возбудимый, весьма активный и раздражительный ребенок. Его психическая неполноценность так же несомненна, как и в первом случае, но часто является чрезвычайно односторонней. От этих врожденных, практически неподдающихся лечению и воспитанию форм нужно отличать ребенка с задержкой психического развития. Развитие такого ребенка очень замедленно, временами почти незаметно, и часто необходим точный диагноз опытного психиатра, чтобы понять, идет ли речь об идиоте или нет. Очень часто такие дети реагируют так же, как и имбецилы.

Я однажды консультировал шестилетнего мальчика, страдавшего острыми приступами ярости, во время которых он ломал свои игрушки и угрожал родителям и воспитательнице; кроме того, он «не хотел разговаривать», как это описывали его родители. Это был маленький, упитанный мальчик, но чрезвычайно злой, сердитый, своенравный и отсталый. Он был, несомненно, идиотом и не мог говорить. Он никогда не учился. Но его идиотизм был не в такой тяжелой форме, чтобы этим объяснять его речевой дефект. Его общее поведение указывало на невроз. Всегда, когда маленький ребенок демонстрирует симптомы невроза, не стоит терять много времени на исследование его подсознания. Нужно начать исследования в другом месте, и в первую очередь у матери, ибо родители, как правило, являются или прямыми источниками неврозов у детей, или как минимум важнейшей составной частью этого источника. В данном случае я понял, что ребенок

был единственным мальчиком среди семи девочек. Мать была честолюбивой, своенравной женщиной, и она восприняла как оскорбление, когда я сказал, что ее сын нездоров. Она была убеждена, что ее сын должен быть умным, а если он не мог быть таким, то только потому, что не хотел из вредности и упрямства.

Конечно, мальчик совсем не учился, но знал намного меньше, чем был бы способен знать, если бы имел более разумную мать, ведь ее честолюбие принуждало его быть сердито-своенравным. Так как он был совсем не понят и изолирован в себе самом, его приступы ярости развились из простого сомнения в себе. Я видел другого 14-летнего мальчика при подобных обстоятельствах, убившего в приступе ярости топором своего отчима, который требовал от него слишком многого.

Отсталое умственное развитие встречается нередко у единственных в семье детей или у детей, родители которых отчуждены друг от друга в результате душевной несовместимости, или оно есть следствие болезни матери во время беременности или очень длительных родов, или при деформации черепа во время родов. Если таких детей не портит честолюбие воспитателей, они достигают со временем относительной умственной зрелости, хотя и позднее, чем их товарищи.

2. Группу составляют морально-дефектные дети. Случаи «морального слабоумия», врожденные или возникшие в результате органического повреждения частей головного мозга из-за болезни или травмы, не поддаются лечению. От этой группы надо отличать ребенка с отсталым моральным развитием — болезненно аутоэротический тип. Эти случаи показывают ненадежность, фальшивость ранней сексуальной активности наряду с полным отсутствием любви и человеческого чувства. Такова жуткая цена аутоэротизма.

Такие дети, часто незаконнорожденные, никогда или очень часто не имели счастья воспитываться в душевной атмосфере действительных родителей. Эти дети страдают от почти органического отсутствия того, в чем каждый ребенок жизненно нуждается. Некоторые из них усыновляются приемными родителями, но далеко не все; у неусыновленных развиваются в высшей степени эгоцентрические представления с неосознанной целью — дать самим себе то, чего они не получали от родителей. Такие случаи ни в коей мере не являются неизлечимыми. Я видел мальчика, который в свои пять лет мучил свою четырехлетнюю сестру, а в восемь лет пытался убить своего отца и к восемнадцати годам развился в нормального юношу, несмотря на поставленный диагноз· неизлечим, «моральное слабоумие».

3. Группа — эпилептический ребенок. Такие случаи, к сожалению, не редки. Конечно, легко узнать явный эпилептический случай, но то, что известно как «птималь»', является очень темным и сложным состоянием, при котором нет очевидных припадков, но есть своеобразные и часто почти незаметные изменения сознания, переходящие тем не менее в характерный тип эпилептика с его раздражительностью, хмуростью и жадностью, с его навязчивой сентиментальностью,

болезненной любовью к справедливости, с его эгоизмом, с его узким кругом интересов. Сейчас невозможно перечислить все из многообразных" форм эпилептического состояния, но я, чтобы проиллюстрировать симптоматологию такого состояния, хочу упомянуть об одном маленьком мальчике, у которого примерно с семи лет стали наблюдаться некоторые особенности. Первое, что было замечено, — это то, что он иногда исчезал, а затем его находили спрятавшимся в подвале или в темном углу. Далее, было невозможно получить от него объяснения, почему он так неожиданно убегал и исчезал. Иногда он прекращал игру, подбегал к матери и прятал лицо, уткнувшись ей в фартук. Сначала это было так редко, что на его странное поведение не обратили внимания, но когда он то же самое делал в школе, где он неожиданно покидал парту и бежал к учителю, домашние его обеспокоились. Никто, однако. не думал о возможности серьезного заболевания.

Иногда он мог среди игры остановиться на несколько секунд, не давая объяснения и даже сам не зная почему. У него развился характер неприятный и раздражительный. Иногда у него были приступы ярости, во время одного из которых он бросил в свою младшую сестру ножницы с такой силой, что они пробили лобную кость как раз над глазом, Он чуть не убил тогда свою сестру. Поскольку его родители не подумали тогда обратиться к психиатру, этот случай остался непонятым, а к ребенку стали относиться как к злому мальчику. В двенадцать лет он имел первый объективно наблюдаемый эпилептический припадок, и с того момента стала очевидна его болезнь.

•Птималь (фр.) — малый припадок. — Примеч. авт.

Несмотря на большие трудности, я смог узнать от мальчика, что он в шесть лет испытал ужас. С тех пор он опасался маленького человечка с бородой, которого раньше никогда не видел, но черты его лица мог описать во всех подробностях. Этот человечек появился неожиданно и испугал его так, что он побежал прочь. Мне было очень трудно понять, чем этот человек столь ужасен. Понадобилось много времени, чтобы завоевать доверие мальчика, и он мне поведал: «Этот человечек пытался передать мне нечто страшное. Я не могу сказать, что это было, но это было страшно. Он подходил ко мне все ближе и ближе и настаивал на том, что я должен взять это, но я был так испуган, что убежал». Пока он все это говорил, он побледнел и начал трястись от страха.

Когда мне наконец удалось успокоить его, он продолжил: «Этот человек пытался отдать мне долг». — «Но за что долг?» — спросил я. Тогда мальчик встал, посмотрел недоверчиво вокруг и сказал почти шепотом: «Это был убийца». Когда мальчику было восемь лет, он чуть не убил свою сестру, как сказано выше. Позднее приступы страха продолжались, но видение изменилось. Ужасный человек больше не приходил, но появлялся образ монахини, сестры милосердия, сначала с закрытым лицом, но вскоре и с открытым, что явилось в высшей степени шокирующим фактором — лицом бледным как смерть. Больше года его преследовал этот образ. Приступы ярости прекратились позднее, несмотря на растущую возбудимость, но вместо них начались открытые эпилептические припадки. Очевидно, появление образа монахини означает превращение криминальной тенденции, символом которой был бородатый человек, в открытую болезнь.

Такие случаи возможно описывать только на путях аналитического обсуждения. Это и есть та причина, по которой я упомянул так много деталей этого случая. Он показывает, что может

происходить в глубинах души ребенка.

4. Группа состоит из невротических детей. Я не буду давать здесь описание всей полноты симптомов и форм неврозов. Все они находятся между ненормальным поведением и просто истерическими припадками и состояниями. Нарушение может быть и телесным, например истерическая ли-

хорадка, ненормально низкая температура, спазмы, боли, продолжительные расстройства и т. п., и нарушение может быть умственным или моральным в форме возбуждения или депрессии, лжи, сексуальных извращений, воровства и т. п.

Я рассматривал случай одной очень маленькой девочки, которая с самых первых лет жизни страдала от запоров. Она была подвергнута всем мыслимым соматическим способам лечения. Но все было напрасно, так как врачи упускали из виду один важный фактор жизни ребенка, который был не телесного, а психологического рода, а именно ее мать. Когда я впервые увидел мать, я понял, что именно она являлась причиной, поэтому я предложил лечить ее и одновременно посоветовал оставить ребенка в покое. И уже на другой день после этого расстройство у ребенка исчезло. Решение проблемы оказалось простым. Маленькая девочка была младшим ребенком, обожаемым ее невротической матерью. Мать передавала все свои фобии ребенку и окружала его таким количеством пугающих забот, что девочка практически никогда не выходила из напряженного состояния, которое, как известно, не является благоприятным для процессов пищеварения.

5. Группа состоит из детей с различными формами психоза. Хотя такие случаи нечасты, их считают первой стадией того болезненного развития, которое позднее, после пубертата, ведет к dementia praecox1 во всех его многообразных проявлениях.

Такие дети ведут себя, как правило, своеобразно и при чудливо, они непонятливы, замкнуты, полностью погружены в свои ощущения, или тупые, или чрезвычайно взрывные по незначительным причинам.

Я наблюдал четырнадцатилетнего мальчика, у которого сексуальная активность началась неожиданно и преждевременно в довольно пугающих формах, что нарушало его сон и общее самочувствие. Расстройство началось тогда, когда мальчик решился танцевать, а девочка ему отказала. Он рассердился и ушел. Придя домой, он попытался сделать домашнее задание, но это оказалось невозможным из-за по-

'Dementia praecox (лат.) — раннее слабоумие. — Примеч. пер

стоянно растущего и неописуемого возбуждения: эмоций, страха, ярости и сомнений, которые им овладели в такой мере, что он, наконец, выбежал в сад, где в почти бессознательном состоянии катался по земле. Через несколько часов возбуждение прошло, но началось сексуальное расстройство. Это типично патологическая эмоция, характерная для детей с плохой наследственностью. В семье этого мальчика были различные случаи dementia praecox. По моему мнению, каждому воспитателю, который хочет применять принципы аналитической психологии, необходимо обратить внимание на психопатологию ребенка.

К сожалению, есть такие книги по психоанализу, которые оставляют у читателей впечатление, что применять психоанализ очень просто и самые лучшие результаты получаются сами собой. Компетентный психиатр не может разделять такие поверхностные взгляды. Он должен предостеречь от недостаточных и легкомысленных попыток анализа состояний у детей.

Несомненно, большую ценность представляет для воспитателя знание того, что дает современная психология для понимания детской души. Но тот, кто хочет применять свои методы на детях, должен иметь основательные знания о болезненных состояниях, которыми он хочет заниматься. Я должен признаться, что я не могу понять, как может тот, кто не является ответственным врачом, отважиться исследовать детей без специальных знаний и врачебного совета.

Кроме того, это очень тяжелое дело — изучать детей; здесь приходится работать при совсем других обстоятельствах, чем при анализе взрослых. Как я доказал в своем докладе на конгрессе в Территете, ребенок имеет собственный склад души. Так же как его тело в процессе эмбрионального развития составляет часть материнского тела, так же и его душа в течение многих лет есть часть духовной атмосферы родителей. Это объясняет, почему так много детских неврозов являются скорее показателями духовной атмосферы между родителями, чем собственно болезнью самого ребенка.

Ребенок лишь частично имеет собственную психологию, большей же частью она зависит от психологии родителей.

Такая зависимость нормальна, и нарушать ее опасно для естественного созревания детской души. Отсюда. понятно какое негативное влияние может иметь раннее и грубое просвещение в сексуальных вопросах на отношение ребенка » своим родителям. Негативных последствий не избежать, если применять строго фрейдовский анализ, который в значительной части представляет собой анализ сексуальности, построенный на догме, что отношения между родителями и детьми являются естественно сексуальными.

Конечно, любой последователь Фрейда будет утверждать, что он имеет в виду не грубую сексуальность, а психосексуальность, что практически равно совершенно ненаучному и логически неоправданному расширению понятия вне рамок сексуальной терминологии. Неоправданно и то, что Эдипов комплекс считается причинным фактором. Этот комплекс не более чем признак, лишь символическая языковая фигура.

Если мы, например, какую-либо сильную привязанность к чему-либо обозначим как «брак», то, согласно примитивному духу, выражающему все через сексуальную или какую-либо другую метафору, мы отметим регрессивную тенденцию ребенка как «инцестную потребность в матери». Но это фигуральный способ выражения. Слово «инцест» имеет определенное значение и обозначает определенное отношение, так ^to применять подобное обозначение для характеристики фудностей развития самосознания ребенка неправомерно.

Подобная констатация не отрицает факт ранней сексуальной зрелости. Но такие случаи — чрезвычайно болезненные исключения, и никто не оправдывает врача, если он распространяет понятия патологии на область нормальных фактов. Нельзя называть покраснение болезнью кожи, радость — частным случаем сумасшествия, как и угрюмость — не всегда садизм, удовлетворение не обязательно сладострастие, а твердость не всегда сексуальная испорченность и т. д.

Если изучать историю человеческого духа, то видно, что развитие духа есть расширение возможностей сознания и что каждый шаг вперед представлял собой чрезвычайно болезненное и напряженное достижение. Можно даже сказать, что ничто для человека не является более трудным, чем са-

мому пожертвовать маленькой частью своего бессознательного.

Человек боится неизвестного, тем более дети. Отсюда, однако, нельзя заключать, что боязнь шагать вперед у ребенка необходимо связана с сексуальной зависимостью от родителей. Даже в тех случаях, когда у детей есть сексуальные симптомы, другими словами, налицо инцестные тенденции, я бы посоветовал обратиться к анализу психики родителей. Здесь можно найти удивительные вещи, например отца, бессознательно влюбленного в свою дочь, или мать, подсознательно флиртующую со своим сыном.

Я хочу описать такой случай — речь идет о семье с четырьмя детьми: две дочери и два сына. Все четыре ребенка — невротики. Девочки проявили еще до пубертата невротические черты. Я, избегая частностей, лишь в общем опишу судьбу этой семьи.

Старшая дочь была помолвлена в двадцать лет с одним во всех отношениях порядочным молодым человеком с хорошим воспитанием и академическим образованием. В то время как свадьба по разным внешним причинам отодвигалась, она начала общаться, как загипнотизированная, с одним служащим из фирмы своего отца. Казалось, она любит своего жениха, но была с ним так жеманна, что он не имел права ее ни разу поцеловать, в то время как с другим она зашла очень далеко. Она была чрезвычайно наивна, ребячлива и действовала бессознательно. Но однажды, к ее безотчетному ужасу, к ней пришло осознание того, что она делает. Она была сломлена и впала в истерику, продолжавшуюся много лет. Она сразу же прекратила свои отношения не только с этим служащим, но и со своим женихом, никак не объясняя своего поведения.

Вторая дочь вышла замуж, кажется, без трудностей, но за человека с более низким умственным уровнем. Она была фригидна и оставалась бездетной, но не прошло и года, как она влюбилась в друга своего мужа с такой страстью, что это привело к любовным отношениям между ними, продолжавшимся много лет.

Старший сын, одаренный молодой человек, впервые проявил невротическую нерешительность, когда должен был

выбрать профессию. Наконец, он решился изучать химию. Но едва приступив к ее изучению, почувствовал такую скуку, что бросил университет и возвратился домой к матери. Там он впал в своеобразное состояние затмения, сопровождавшееся галлюцинациями, но после того, как оно прошло, он решил изучать медицину. Однако и это желание исчезло еще до первого экзамена. Сразу все после своей помолвки он стал испытывать страх и сомнения в правильности своего выбора. Непосредственно за этим он впал в очень тяжелое, болезненное состояние духа, длившееся несколько месяцев.

Второй сын — психоастенический невротик, женоненавистник, серьезно готовившийся к жизни старого холостяка и в высшей степени сентиментально привязанный к матери.

Как врач, я имел дело со всеми четырьмя детьми. История каждого отдельного случая, несомненно, восходила к загадке их матери. Выявилось следующее: она была одаренная, жизнерадостная женщина, с молоду воспитывавшаяся в строгости и скромности. С большой требовательностью к себе самой и с волевым характером она сохранила заимствованные с детства принципы на всю жизнь и не допускала исключений. Она была совсем короткое время замужем, когда познакомилась с другом своего мужа, в которого влюбилась. Она была уверена, что эта любовь не останется без ответа. Так как этот вариант не укладывался в ее принципы, она вела себя так, как будто не происходило ничего особенного, и играла эту роль двадцать лет, не проявляя себя и молча, пока не умер тот человек. Ее отношения с мужем все это время были ровные и корректные.

Конечно, такое положение создало в ее семье гнетущую атмосферу, а ничто не влияет на детей больше, чем такая невысказанная атмосфера. Подобные обстоятельства имели заразное воздействие на установки детей. Девочки бессознательно перенимали установки матери, сыновья компенсировали это тем, что стали бессознательными любовниками, и эту бессознательную любовь уравновешивали осознанным отрицательным отношением к другим женщинам.

Можно представить, как тяжело на практике лечить такой случай. Было бы большой ошибкой считать, что чисто ин-

теллектуальное просвещение может помочь в данной ситуации. Нет такой техники, которая могла бы разрушить такую сильную блокировку. Так как лечение каждого серьезного случая ведет к конфликту вне действенности какой-либо психотерапевтической техники, никто не должен забавляться аналитической психологией как игрушкой. Те, кто пишет поверхностные и дешевые книги об этом предмете, либо не понимают широкого значения аналитической психологии, либо не знают действительную природу человеческой души.

II ЛЕКЦИЯ

Дамы и господа!

Научная психология была или часто академической, или простым накоплением фактов и экспериментами над изолированными функциями. Поэтому естественно, что фрейдовская, хотя и чрезмерно сексуализированная, гипотеза стала стимулирующим фактором при переходе к психологии душевных взаимосвязей. Его труд есть собственно психология, изучающая разветвление сексуального инстинкта в человеческой душе. Несмотря на неоспоримую важность сексуальности, все же нельзя признать, что все и вся зависят от этого инстинкта. Такая гипотеза широкой применимости действует сначала как оптический обман: она стирает все, что другого цвета, и видно лишь красное. Это обстоятельство важно потому, что первый ученик Фрейда — Адлер — выдвинул совершенно другую гипотезу столь же широкой применимости. Последователи Фрейда забывают обычно упомянуть заслуги Адлера потому, что сделали из своей сексуальной гипотезы фанатичную веру.

Но догматизм и фанатизм — всегда лишь компенсации тайного сомнения. Религиозные преследования имеют место лишь там, где есть еретики. В человеке нет ни одного инстинкта, который бы не уравновешивался другим. Сексуальность была бы в человеке совершенно безгранична, если бы не было уравновешивающего фактора в виде столь

же важного инстинкта, который противодействует безграничному и потому деструктивному функционированию сексуального инстинкта. Как сексуальность есть инстинкт, захватывающий человека принудительными импульсами, так есть и другая власть — власть инстинкта самосохранения, который помогает человеку противостоять всякого рода эмоциональным взрывам. Каждое ограничение слепого действия сексуальных инстинктов порождено инстинктом самосохранения, который и подразумевается гипотезой Адлера.

К сожалению, Адлер заходит слишком далеко и впадает в заблуждение односторонности и преувеличения в результате того, что почти полностью игнорирует точку зрения Фрейда. Психология Адлера — психология разветвления инстинкта самосохранения в человеческой душе.

Я допускаю, что односторонняя истина имеет преимущество простоты, но, если она становится гипотезой, — то это уже другое дело. Мы должны видеть, что многое в человеческой душе действительно зависит от сексуальности: временами — почти все, временами — очень мало, так как влияет инстинкт самосохранения иди инстинкт власти. Ошибка как Фрейда, так и Адлера в том, что они принимают непрерывное действие одного и того же инстинкта, как будто он имеет какой-то химический состав, который является неизменным, как два атома водорода в воде. Если бы это было так, человек имел бы главной чертой сексуальность — по Фрейду, а по Адлеру главной чертой было бы стремление к утверждению и сохранению себя. Иметь одновременно и те и другие качества невозможно.

Каждый знает, что инстинкты различаются по силе. Временами может преобладать сексуальность, временами ~ самоопределение и другие инстинкты. Это простое обстоятельство оба исследователя упустили. Если преобладает сексуальность, все сексуализируется, ибо тогда все несет сексуальный отпечаток и служит ей. Если превалирует голод, все практически сводится к этому чувству голода.

Мы можем легко объединить точки зрения Фрейда и Адлера, если постараемся рассматривать душу не как тве(щую и неизменную систему, а как подвижную и текучую деятельность, t За к. №

которая изменяется с калейдоскопической быстротой в соответствии с изменениями в иерархии инстинктов. Таким образом, может случиться, что мы должны будем объяснять человека до его свадьбы по Фрейду, и после нее — по Адлеру, что и проделывает здоровый человеческий разум уже давно.

Но такое объединение ставит нас в неприятную ситуацию. Вместо того чтобы радоваться кажущейся надежности простой истины, мы чувствуем себя брошенными в безграничное море постоянно изменяющихся условий, кидающих беспомощного индивида от одного изменения к другому.

Вечно изменчивая жизнь души есть большая, хотя и не очень удобная, истина, чем надежная твердость одного убеждения. Но это не делает проблему проще, хотя мы освобождены от кошмара «Nichts als»' неизбежного лейтмотива любой односторонности.

Как мы должны различать инстинкты? Сколько их? Что вообще есть инстинкты? Так попадают в область биологии и запутываются еще более, чем раньше. Я бы ввел ограничение в области психологии на какие-либо допущения о природе лежащих в основе биологических процессов. Может быть, наступит день, когда биолог, и не только он, но и физиолог протянут руку психологу в туннеле, который они вместе рыли через горы неизвестности, но с противоположных сторон. Но это время еще не наступило. Пока же мы должны учиться противопоставлять психологическим фактам нечто определенное. Вместо точного знания, что определенные факты «не более» чем сексуальность или воля к власти, мы должны принимать во внимание многочисленные стороны их проявлений и подвергнуть углубленному рассмотрению их.

Рассмотрим для примера религию. Может ли быть уверена наука, что нет такого факта, как «религиозный инстинкт»? Можем ли мы действительно принять, что религиозный феномен есть лишь вторичная функция сексуальности? Может нам кто-нибудь показать нормальные народы или расы, которые свободны от такой вытесненной сексуальности? Но если невозможно указать на расу или на какой-либо народ, полностью свободный от религиозных фе-

' N i c h t s als (нем.) — не более чем. — Примеч. пер.

номенов, то я действительно не знаю, откуда берется повод для допущения, что религиозный феномен — лишь простое вытеснение сексуальности.

И все-таки, разве история не дает фактов, в которых сексуальность была бы даже интегрирующей составной частью религиозного переживания?Это же относится и к искусству, которое тоже должно возникнуть из сексуального вытеснения, когда даже животные имеют эстетические и художественные инстинкты.

Смешное и почти болезненное преувеличение сексуальной точки зрения есть сам по себе симптом современного душевного расстройства, которое главным образом состоит в том, что в наше время

нет правильной оценки сексуальности. Если все время недооценивать важный инстинкт, то следствием этого должна быть переоценка его проявлений. И чем несправедливее была недооценка, тем болезненнее будет следующая за ней переоценка. В действительности ни одно моральное суждение не может сделать сексуальность столь ненавистной, как неприличие и глупость психоаналитической литературы. Она ведет не иначе как к новой и более опасной девальвации сексуальности. Интеллектуальная неуклюжесть такой литературы делает невозможной правильную оценку сексуальности.

Школа Фрейда продолжает тему вытеснения сексуальности, вероятно, даже против личных намерений Фрейда. До него ничто не могло быть сексуальным, теперь все не что иное, как сексуальное. Если бы эти люди были способны понять соответствующее достоинство сексуального фактора, они бы не стали его так пачкать. Но в действительности они боятся огромного значения и огромной силы инстинкта и надеются свести его к интеллектуальному искажению. В результате происходит недооценка чувств, в то время как мы именно через соответствующие чувства можем надеяться продвинуться вперед в решении сексуальных проблем.

Сексуальная проблема — одна из психических проблем нашего времени, и именно потому, что это — болезнь, мы не должны позволять ей закрывать глаза науке. То обстоятельство, что наша современная оценка сексуальности в

чем-то неверна, не должно ограничивать наш дух настоль ко, что мы ничего, кроме сексуальности, не видели и сво лили красоту к набору извращенных фантазий.

Аналитическая психология занимается изучением комплексных психических систем и их изменением. Как и любая наука, она редуцирует эти взаимосвязи к первоначалам или элементам, С другой стороны, она пытается в соответствии с телеологической природой психики понять ее творческое действие. Редукгивная или строго аналитическая часть имеет задачу представить принципы структуры человеческой психики в соответствующей терминологии. Синтетическая или конструктивная часть пытается понятийно реконструирован функционирование сложных психических взаимосвязей.

В отличие от предшествующих этапов, аналитическа? психология не избегает заниматься комплексными психическими процессами, такими, как мышление, чувство, интуиция и восприятие. Мы допускаем, что мы не знаем, что из себя представляют эти функции в действительности. Мы охотно бы познали, на какие первичные элементы разложима, например, чувственность. Но, несмотря на незнание их глубокой природы, мы занимаемся этими функциями, как если бы они были ясно определяемыми органами духа.

Другое отличие аналитической психологии состоит в методе исследования. У нас нет академической лаборатории. Наша лаборатория — весь -мир. Наши опыты — это действительные события ежедневной человеческой жизни, и наши подопытные —- это наши пациенты, ученики, сторонники, друзья и, последнее по порядку, но не по важности, — мы сами. Судьба играет при этом роль экспериментатора. Нет иголочных уколов, искусственных шоков, потрясающего освещения и всех прочих условий опыта в искусственном лабораторном эксперименте, а есть боли

и радости, ошибки и достижения действительной жизни, которые и есть так называемый материал для наблюдений.

Наш метод — изучение жизни, причем в той форме, как она преломляется в человеческой душе. То, что мы познаем, по моему глубокому убеждению, не должно окаменеть в виде какой-либо интеллектуальной теории, а должно стать

инструментом, практическое применение которого позволит улучшить свойства этого метода. Таким образом, аналитическая психология — почти практическая наука. Мы исследуем не из страсти исследования, а из совершенно непосредственного намерения — помочь. Это — отличительная особенность аналитической психологии. Мы могли бы даже сказать, что собственно наука — лишь лобочный продукт аналитической психологии, а не ее главнейшая задача. Это также отличает ее от того, что понимают обычно под академической наукой.

Ясно, что стремление и внутренний смысл этой новой психологии является как медицинским, так и воспитательным, а потому, по возможности, индивидуальным и экспериментальным. Познание истины начинается каждый раз снова, так как каждая жизненная истина индивидуальна и невыводима из предшествующих формул. Каждый индивидуум — это эксперимент вечно меняющейся жизни, это попытка нового решения. Мы исказили бы смысл индивидуальной психики, если бы толковали ее на основе предшествующих мнений.

Для врача это означает индивидуальное изучение каждого случая, для педагога — индивидуальное изучение каждого воспитанника. Конечно, этим я не хочу сказать, что изучение каждого случая нужно начинать с нуля. Понимание возможно лишь до тех пор, пока пациент или воспитанник соглашается с нашим толкованием. Понимание «через голову» отдельного случая — ненадежное дело. Оно отчасти возможно в случае с ребенком, но — не со взрослым с его определенным уровнем духовной зрелости.

Поскольку истина очень часто скрыта как от врача, так и от пациента, разработаны различные методы, открывающие путь к познанию неизвестного. Я намеренно говорю «неизвестный», а не «вытесненный», так как думаю, что во всех отношениях неверно с самого начала допускать, что все неизвестное есть не что иное, как «вытесненное».

Есть четыре метода изучения неизвестного у пациента.

Первый и простейший метод — метод ассоциаций. Я не думаю, что сейчас есть смысл вдаваться в частности, так как этот метод известен уже двадцать лет. Его принцип — поиск

наиболее важных комплексов, которые искажаются в результате расстройств. Как введение в аналитическую психологию и в познание симптоматики этих комплексов, метод ассоциаций можно порекомендовать новичкам. Они найдут необходимые подробности в моей книге «Диагностическое изучение ассоциаций», 2-е издание, Иоганн Амброзии Барт, 1911.

Второй метод симптоматического анализа, к сожалению, имеет лишь историческую ценность и уже давно не применяется Фрейдом, его изобретателем. С помощью средства гипнотической

суггестии пытались воспроизвести у пациента определенные патологические симптомы лежащих в основании воспоминаний. Метод хорошо применим во всех тех случаях, где есть шок, душевная рана или травма как главные возбудители невроза. Это был метод, на котором Фрейд основывал свою раннюю травматическую теорию истерии. Но так как большая часть случаев истерии не травматического происхождения, эта теория исчерпала себя вместе со своим методом. В случае шока используют метод терапевтической действенности. Во время и после войны этот метод имел определенное применение при лечении шока, вызванного осколками гранаты, и тому подобных случаях.

Третий метод — анамнестический анализ — имеет большое значение и как метод исследования и как терапия. Он состоит на практике из тщательного анамнеза или реконструкции исторического развития невроза. Материал, получаемый таким образом, представляет из себя серию более или менее взаимосвязанных фактов, которые пациент рассказывает врачу, если он в состоянии их вспомнить. Пациент, конечно, упускает отдельные частности, которые или кажутся ему незначительными или которые он забыл. Опытный аналитик, знающий, как обычно протекает невротическое развитие, ставит пациенту вопросы, с помощью которых можно уяснить определенные недостающие взаимосвязи и закрыть дыры.

Уже одно это может иметь большую практическую ценность, так как это помогает пациенту понять главные факторы своего невроза и изменить решительным образом при определенных обстоятельствах его установку. Необходимо, чтобы аналитик не только ставил вопросы, но и давал кон-

кретные пояснения и указания, чтобы выделить важнейшие, неосознанные самим пациентом взаимосвязи.

Во время моей службы в качестве санитарного офицера швейцарской армии я часто имел возможность применять эту форму анамнестического метода. Например, однажды заболел девятнадцатилетний молодой рекрут. Когда я увидел этого молодого человека, то понял, что он страдает воспалением почек. Он сам тоже сказал мне об этом. Я удивился, что он так хорошо знает свой диагноз, на что он ответил, что его дядя страдает от этой же болезни и испытывает те же боли в спине. Но дальнейшее, более подробное исследование не выявило признаков какой-либо органической болезни. Это был, очевидно, невроз. Я провел тщательный анализ истории болезни. Главным было то, что молодой человек довольно рано потерял родителей и жил у дяди. Дядя стал ему приемным отцом, и он его очень любил. В тот день, когда он почувствовал себя больным, он получил письмо от дяди, который сообщал ему, что из-за нефрита он снова слег в постель.

Письмо было неприятным, и он его тотчас выбросил. У него появился сильный страх, что его приемный отец может умереть, и это вызвало у него воспоминание о той боли, которую он испытал, потеряв родителей. Он идентифицировал себя с дядей, и это вскрылось в результате тщательного анамнеза. Реализация подавленных чувств имела терапевтический эффект.

Подобный случай был у другого молодого рекрута, который уже несколько недель лечился из-за расстройства желудка, когда я с ним познакомился. У меня возникло подозрение, что он невротик. Анамнез вскрыл тот факт, что его расстройство началось тогда, когда его тетя, заменявшая ему мать, должна была лечь на операцию по поводу рака желудка.

Такие простые случаи неврозов встречаются очень часто и поддаются анамнестическому анализу. Вместе с благотворно действующим осознанием непонятных ранее взаимосвязей врач старается дать еще хороший совет или указание.

Это есть практический метод для лечения невротических детей. При лечении детей нельзя

применять метод анализа сновидений, позволяющий очень глубоко проникать в бес-

сознательное. Обычно неврозы у детей — простое дело, если нет часто встречающейся взаимосвязи между ними и неверными установками у их родителей. Это переплетание питает детский невроз, несмотря на все терапевтические атаки.

Четвертый метод есть анализ бессознательного. Несмот ря на то что анамнестический анализ может вскрыть определенные, не осознанные пациентом факты, он не является тем методом, который его основатель назвал «психоанализом». В действительности существует большая разница между двумя этими методами. Анамнестический метод, занимается, как я уже показал, осознанным и ухе готовым к репродукции содержанием, в то время как анализ бессознательного только тогда и начинается, когда осознанный материал исчерпан.

Я прошу обратить внимание, что этот четвертый метод я не называю «психоанализом», так как оставляю это выражение фрейдовским последователям. То, что они понимают под психоанализом, в действительности является сексуальным анализом. Это не только техника, но и метод, догматически связанный с фрейдовской сексуальной теорией и основанный на ней.

В то время как Фрейд открыто заявлял, что только то, что он называл психоанализом, и является в действительности психоанализом, я пошел другим путем, ибо был не в состоянии поддерживать его сексуальную теорию. Это и было причиной, почему я Предпочел говорить об этом четвертом методе как об анализе бессознательного. Я утверждал, что данный метод может быть применен правильно лишь тогда, когда осознанный материал уже исчерпан.

Анамнестический метод в действительности лишь введение в четвертый метод. В результате тщательного исследования самосознания становится ясно, что прежние гипнотизеры называли термином «раппорт». Личный контакт имеет абсолютно основополагающее значение, так как он закладывает фундамент, на котором можно отважиться познать бессознательное. Это часто упускаемое обстоятельство, и, если его недооценивать, оно станет источником всех опасностей этого метода. Поскольку даже самый

ный исследователь человеческой психологии не в состоянии познать психику каждого индивидуума, то он должен полагаться на добрую волю, то есть на хороший контакт с пациентом, который и поправит аналитика, если что не так.

Конечно, если начинать анализ с определенной догмы что человеческий дух есть то или это и неврозы не что иное как то или это, тогда справиться со своей задачей очень легко, но здесь

возникает опасность упустить из вида действительную ментальность пациента и его индивидуальность. В первом случае не добиваются успеха, во втором — результат неудовлетворительный.

Я видел большое число случаев ухудшений из-за вмешательства так называемого психоанализа. Во всех без исключения случаях это был недостаток контакта врача и пациента.

Только чрезвычайно серьезное соблюдение этого правила в состоянии устранить непредвиденную катастрофу. До тех пор пока длится человеческий контакт и сохраняется атмосфера естественного доверия, нет опасности. Но такой контакт установить совсем непросто. Обоюдное или одностороннее недоверие — плохое начало. Если я обнаруживаю малейший признак недоверия или сопротивления, я стараюсь со всей серьезностью дать пациенту возможность восстановить контакт. Пациент должен всегда иметь надежное основание для своего осознанного отношения к аналитику, а последний нуждается в контакте, чтобы быть достаточно информированным об актуальном самосознании пациента. Без этого знания он был бы неспособен понять сны пациента. Поэтому не только вначале, но и в течение всего анализа главным объектом наблюдения должен быть личный контакт, так как только он может устранить фатальные исходы. К тому же знание доставляет аналитику чрезвычайно необходимую информацию и является средством корректировки ложных представлений пациента.

Я хотел бы это продемонстрировать. Молодой человек примерно тридцати лет, очевидно очень умный, пришел ко мне не для лечения, а, как он сказал, чтобы поставить мне вопрос. Он дал мне довольно обширную рукопись, которая, по его мнению, содержит историю и анализ его слу-

чая. Он назвал его принудительным неврозом очень правильно, в чем я убедился, прочитав рукопись. Это было нечто аналитической биографии, интеллектуально обработанной, с любопытной интроспекцией. Это было научное сочинение, основанное на широком материале и тщательном самонаблюдении. Я поздравил его с достижением и спросил, с какой целью он пришел ко мне.

Он ответил: «Вы прочитали, что я написал. Можете вы мне сказать, почему я с таким пониманием себя так же невротичен, как и прежде? Согласно теории, я должен был вылечиться, ибо я вызвал у себя в памяти самые ранние воспоминания. Я читал о таком большом количестве случаев, когда люди вылечивались с меньшим самопониманием, чем у меня сейчас. Почему же я исключение? Пожалуйста, скажите, что я упустил и от чего страдаю и сегодня». Я сказал ему, что в настоящий момент не могу объяснить, почему его невроз в результате действительно удивительного самопознания не был излечен. «Но, — сказал я, — разрешите получить больше информации о вашей личности». — «С удовольствием», — ответил он. «Вы ранее сказали, что проводили зиму в Ницце, а лето — в Энгардине. Я предполагаю, что вы — сын состоятельных родителей». — «Ох нет, они совсем небогаты». — «Ну тогда вы заработали свои деньги сами?» — «О нет», — сказал он, ухмыляясь. «Но как же тогда?» — спросил я, немного помедлив. «О, об этом не стоит. Я получил их от одной женщины, ей тридцать шесть лет и она учительница в школе. Это в Лийазоне, знаете?» — добавил он.

«Вы не думаете, — предположил я, — что факт получения вами финансовой поддержки от одной небогатой женщины мог быть причиной, затрудняющей ваше лечение?» Но он лишь рассмеялся над моей, как он сказал, «абсурдной игрой», которая, по его мысли, никак не связана с научным пониманием структуры его невроза. «И все-таки, — сказал он, — я говорил с ней об этом, и мы оба согласились, что это не имеет значения». На это я ответил: «Вы допускаете всерьез, что в результате обсуждения этой ситуации исчез сам факт — то, что вы получили помощь от бедной женщины. Представьте, что вы не имеете чужих де-

нег». После этих слов он безмолвно встал и вышел. Он был один из тех, кто думает, что мораль не имеет отношения к психологии, и обдуманный грех — не грех, так как интеллектуально рационализирован. С такими взглядами можно войти в жизнь, только если являешься преступником. Но этот пациент не был преступником, а лишь современным интеллектуалом. Я верю в силу и достоинство интеллекта, но чувства тоже нельзя недооценивать. Они — не только инфантильное сопротивление.

Если анамнестическая стадия анализа уже пройдена, что возможно лишь при достаточном исследовании всего осознанного материала — воспоминаний, вопросов, сомнений, то можно переходить к анализу бессознательного. Здесь мы вступаем в новую сферу. С этого момента мы занимаемся непосредственно живым душевным процессом, а именно снами, которые несут это бессознательное. Сны — не простые репродукции воспоминаний, не абстракции пережитого. Они — истинные манифестации бессознательной творческой деятельности. Здесь нет полного соответствия моего понимания позиции Фрейда, считающего сны исполнением желаний, что лишь в определенном смысле охватывает сущность сна.

Мой опыт позволяет мне думать скорее о компенсаторной функции, чем об исполнении желаний. И это понятно, так как бессознательные возможности и есть производители сновидений. Проиллюстрирую: пожилая дама пятидесяти четырех лет, но хорошо сохранившаяся консультировалась по поводу своего невроза, который начался у нее через год после смерти ее мужа двенадцать лет назад. У нее появились различные фобии. Она мне рассказала длинную историю, из которой я упомяну лишь тот факт, что с момента смерти своего мужа она живет одна в своем прекрасном загородном доме. Ее единственная дочь уже много лет замужем. Эта пациентка была поверхностно образованной женщиной с узким духовным горизонтом. Ее идеалы и убеждения относятся к знаменитой эпохе 1870—1880-х годов. Она была верной супругой и, будучи вдовой, считала себя в браке. Она не могла понять, что могло быть причиной ее фобий. Являясь верующим человеком, она верила лишь в телесные причины. Фо-

бии она связывала то с сердцем, то с легкими, то с желудком, но врачи не нашли у нее отклонений в этих органах.

Я сказал ей, что мы теперь попробуем посмотреть, каким образом сны могли способствовать ее фобиям. Сны ее имели характер моментальных фотографий: граммофон играет песни о любви; она — молодая девушка; ее муж — врач и так далее. Это была, очевидно, проблема второго брака. При объяснении этой проблемы я наблюдал, с каким усердием пациентка стремилась назвать эти сны не «исполнением желаний», а лишь «фантазиями» и тем, что «часто снятся всякие глупости».

Ясно, что аналитик должен хорошо знать точку зрения пациента, иначе у него не будет достаточного основания для правильного толкования. Толкование снов всегда зависит от представлений, сознательно выработанных человеком. Допустим, такие же сны были бы у молодой, только что помолвленной девушки. Конечно, они имели бы совсем другое толкование. Поэтому ясно, что необходимо иметь очень хорошее понимание самосознания пациента. Было бы почти невозможно толковать обычные сны, если не знать личность пациента. Но есть хорошо читаемые сны, даже теми, кто ничего не знает о толковании снов.

Я встретил однажды в путешествии двух людей за столиком в вагоне-ресторане. Один был очень приятным старым господином, другой — открытый, очень интеллигентный человек среднего возраста. Я узнал'из их разговора, что они — военные, вероятно, генерал с адъютантом. После длительного молчания пожилой вдруг сказал товарищу: «Разве не смешно, что иногда может присниться? Прошлой ночью у меня был замечательный сон. Мне снилось, что я стою в строю с молодыми лейтенантами, а наш начальник нас экзаменует. Наконец, он подошел ко мне, но не задал мне технический вопрос, а потребовал дать ему определение прекрасного. Я тщетно пытался найти удовлетворительный ответ и чувствовал стыд, когда командир перешел к другому, очень молодому майору, чтобы задать ему подобный вопрос. Этот майор ответил правильно, так, как должен был ответить я, если бы мог. Это был такой шок для меня, что я проснулся».

И он добавил, неожиданно обращаясь ко мне, совершенно незнакомому для него человеку: «Думаете ли вы, чтс сны могут иметь смысл?» — «Да, — подтвердил я, — есть осмысленные сны». — «Но что, вы думаете, может значить этот сон?» — спросил он, нервно подрагивая лицом.

Я сказал: «Вы заметили в этом молодом майоре что-то необычное? Как он выглядел?» — «Он выглядел, как и я, когда я был молодым майором». — «Мне кажется, — сказал я, — вы как будто что-то забыли или потеряли то, к чему были еще способны, когда были майором. Очевидно, сон направляет на это ваше внимание». Он некоторое время подумал, а потом сказал: «Так и есть. Вы угадали. Когда я был молодым майором, я интересовался искусством. Но позднее эти интересы утонули в постоянно растущей профессиональной рутине». Потом он замолчал и уже больше не говорил ни слова. После обеда я имел возможность поговорить с господином, которого я принял за адъютанга. Он подтвердил мое предположение о звании этого человека, а кроме того, рассказал мне, что я задел его больное место, так как генерал был известен как законченный формалист, и его боялись, поскольку он интересовался даже мелочами, которые его не касались.

Было бы намного лучше для этого человека, если бы он сохранил и культивировал некоторые интересы, лежащие вне его работы, чтобы не впасть в рутину. Если провести дальше анализ этого случая, я показал бы ему, что очень желательно брать точку зрения сна. Он мог бы тогда увидеть свою односторонность и исправить ее. В этом смысле сны имеют неоценимую пользу.

Я не оспариваю, что есть много снов с сексуальным содержанием, но только у людей, у которых преобладает проблема сексуального инстинкта. Другие инстинкты могут господствовать над сексуальностью. Общеизвестно, например, что если человек голоден, то он чаще мечтает о хорошем обеде, и было бы смешно объяснять это чем-то другим, а не голодом.

Материал, с которым нужно работать при анализе бессознательного, состоит не только из снов. Есть продукты бессознательного, коюоые называются фантазиями. Эти

фантазии получаются или как определенного вида сны бодрствования, или как видения, инспирированные интуицией. Их можно анализировать так же, как и сны. Есть два пути толкования, которые применяют в соответствии с природой рассматриваемого случая. Первый — так называемый редуктивный метод. Его основная цель — найти лежащие в основе сна элементарные инстинктивные импульсы. Возьмите для примера сны пожилой дамы, которую я упоминал ранее. В этом случае очень важно, чтобы тот, кто видит сон, понимал лежащие в его основе инстинктивные факторы. В случае с генералом было бы искусственным говорить о вытеснении, так как маловероятно, что он оставил свой интерес к искусству. Он позволил себе лишь забыть о нем с течением времени.

Толкование сна имеет часто конструктивное намерение, если пытаться кое-что добавить к осознанному представлению и его существенно дополнить. В случае с дамой понимание сексуального фактора будет иметь воздействие на ее определенные, очень старомодные и узкие идеалы. Так мы применяем главным образом редуктивный метод, особенно в тех случаях, где речь идет о болезненных надстройках в самосознании. Об этих вещах можно сказать: «не более, чем». Возьмите, например, символ змеи, который часто используется как в мифологии, так и в сновидениях. Редуктивно толкуя — это не более чем одежда Membrum Vivile, мужского члена, конструктивно — все, что угодно, главным образом, опасность, так как человек имеет такой же инстинктивный страх перед змеями, как обезьяны и лошади.

У меня была пациентка, которая регулярно видела сны про змей, пока не слегла в постель с органической болезнью.

Как я заметил, есть люди, которые боятся сексуального инстинкта, особенно склонные видеть сны о мужском половом органе, представленном в виде змеи.

Я часто находил символ змеи как прямое выражение стра ха. А страх, как вы знаете, в высшей степени geniuner' ин стинкт, который ни в коем случае не сводим к сексуальности. Редукция ведет к историческим и биологическим основа-

1 G e n i u n e r (лат.) — преобладающий, господствующий. — Примеч. пер.

ниям, конструирование же ведет к пониманию значения символа. Слепая и односторонняя редукция может обесценить и разрушить жизненные ценности. Конструирование без различения может кончиться бессмысленной и полной предрассудков фантазией, которая для пациента так же вредна. Решение о предпочтении того или другого метода остается за врачом, его опытностью и удачливостью. Практическая медицина всегда была и есть искусство. Это же относится и к

психоанализу. Действительное искусство — нечто творческое, а творчество находится по другую сторону всех теорий. Поэтому я говорю всем начинающим: «Изучайте свои теории так хорошо, как можете, но оставляйте их в стороне, если касаетесь чуда живой души. Не теории, а только ваша творческая личность является решающим фактором».

/// ЛЕКЦИЯ

Дамы и господа!

В результате анализа снов и фантазий мы пытаемся понять тенденции бессознательного. Когда я говорю «тенденции бессознательного», то это звучит почти так же, как «персонификация бессознательного», как будто это автономный, в себе самом центрированный фактор. Но с научной точки зрения бессознательное не что иное, как свойство определенных психических феноменов.

Несмотря на тот факт, что вытеснение воспоминаний происходит при любой ментальное™, полная потеря воспоминаний является патологией. Вытеснение или подавление есть сами по себе нормальные процессы, в которых мы ежедневно нуждаемся. Если все время надо отключать от чего-то внимание, чтобы сконцентрировать его на другом предмете, то надо подавить прежнее содержание сознания, иначе человек будет не в состоянии поменять предмет для рассмотрения. В нормальном случае к ним можно всегда вернуться; они остаются довольно долго способными репродуцироваться. Если случается сопротивление репродукции,

то это — факт вытеснения. В этом случае должен быть определенный интерес к тому, как протекает забывание. Но возможен факт забывания, даже если такое содержание связано с другими осознанными содержаниями.

Нормальное забывание — чрезвычайно частый процесс, в то время как вытеснение является искусственной потерей памяти, аутогипнотической амнезией. По моему мнению, несправедливо допускать, что бессознательное состоит только или большей частью из вытесненного материала. Вытеснение — исключительный и ненормальный процесс. Конечно, вытесненные воспоминания есть содержание бессознательного, но сущность вытеснения бессознательного выводить исключительно из фактов вытеснения было бы непозволительно. Нельзя рассматривать нормальную жизнь с медицинской точки зрения. Если бы бессознательное состояло только из вытесненного содержания, то его можно было бы опустошить, что на практике невозможно. Но такую наивность я слышал неоднократно.

Теория вытеснения совсем не подходит, чтобы объяснить действительную сущность бессознательного, так как она основывается на аномальных фактах. Подобное же относится и к сексуальной теории. Она была ненормально преувеличена и раздута. Фрейд никогда не обращал внимания, что даже значительное содержание может исчезнуть бесследно из сознания без влияния вытеснения.

Я не говорю о нормальном забывании, которое является не чем иным, как естественным снятием

энергетического напряжения. Конечно, если допустить, что бессознательное состоит главным образом из вытеснений, то нельзя себе представить творческую деятельность в бессознательном состоянии или во сне. Иначе следует, что все, что несет в себе бессознательное, должно быть не чем иным, как результатом вытеснения. Таким образом, получается известный фрейдовский парадокс: искусство, религия и др. не более чем заменитель инфантильной сексуальности.

Удивительно, как вполне интеллигентные люди могут создавать подобные каузальные1 бессмыслицы. Почему мы не можем просто допустить, как нам показывает ежедневный

'Causa (дат.) — причина. — Примеч. ред.

опыт, что бессознательное есть живой и потому творческий процесс и что болезненный процесс вытеснения не является необходимым, чтобы создать что-то творческое. В действительности, чем больше вытеснения в собственном смысле, тем больше соответствует ему неврозов и болезней. Должны ли мы действительно допустить, что вся прелесть и величие человеческих творений не что иное, как бедный заменитель инфантильной примитивности? Есть ли причина, почему последователи Фрейда не должны считать свои собственные мысли таким невротическим заменителем? Творческий человек не обязательно невротик. Болезнь не является неизбежной для творчества, наоборот, она представляет сильнейшее препятствие для него. Бессознательное — мать самосознания.

Если вы спросите, как самосознание возникло из бессознательного, то я должен сказать, что единственный путь к ответу был бы тот, который от актуального опыта переходит обратно к фактам, скрытым в бездне прошлого, по ту сторону науки. Самосознание возникло в далекие времена так же, как оно еще и сегодня возникает. Есть два резко расходящихся пути, на которых возникает самосознание.

Первый — это момент высокого эмоционального напряжения, подобно сцене в вагнеровском «Парсифале», когда Парсифаль в момент величайшего испытания мгновенно познает значение раны Амфорта. Другой путь — контемдлативное состояние, в котором сменяются представления, как картинки сновидений. Вдруг между двумя внешне независимыми и отдаленными представлениями всплывает ассоциация, через которую может освободиться большое количество скрытого напряжения. Такой момент — разновидность откровения. В любом случае — это энергетическое напряжение внешней или внутренней природы, которое вызывает самосознание. Многие, но не все ранние детские воспоминания сохраняют следы этих мгновенных вспышек самосознания. Так же как одни воспоминания из темных периодов истории есть некоторые остатки действительных фактов, а другие — чисто мифологичны, можно сказать, что одни имели внешнее, другие — внутреннее происхождение. Последние — часто символические и имеют большое значение для позднейшей психологической жизни индивидуума.

Большая часть ранних жизненных впечатлений забывается и образует инфантильный слой личного подсознательного, как я его называю. Я имею основания для подобного деления бессознательного. Личное бессознательное содержит в себе все забытое или вытесненное.

В случае душевной болезни очень часто личностная сфера исчезает за коллективными представлениями. Больной слышит голос Бога, обращенный к нему, его видения показывают ему космические перевороты, которые до того скрывал его дух. Неожиданно он начинает говорить о демонах, колдунах, тайных магических преследованиях. Нетрудно догадаться, что это за мир: это мир примитивного духа, глубоко бессознательный, но этот мир вырастает как бы из глубины, если самосознание встречает что-либо угрожающее. Это я называю коллективным бессознательным. «Коллективное», так как это не есть индивидуально полученное, а является функционированием наследственных структур мозга, которые в общих чертах одинаковы у всех человеческих существ, в каком-то смысле даже у всех млекопитающих. Наследуемый мозг — результат анцестральной психической жизни. Он состоит из структурированных осадков тех психических процессов, которые бессчетное число раз повторялись в жизни предков.

Наше индивидуальное самосознание — надстройка над коллективным бессознательным. Как правило, его влияние на сознание почти незаметно. Лишь иногда оно влияет на наши сны, и если это случается, то оно приносит нам редкие и чудесные по красоте сны, полные загадочной мудрости или демонического ужаса. Люди скрывают часто такие сны как дорогую тайну, и они правы в этом. Эти сны имеют громадное значение для психического равновесия индивидуума. Очень часто они выходят далеко за пределы его душевного горизонта и получают значение на многие годы как вид пограничного камня, даже если их никогда не понимают. Это довольно безнадежное дело — редуктивно толковать такие сны, ибо их действительная ценность и смысл лежат в них самих. Они — вид духовных переживаний, которые противостоят любой попытке рационализации.

Чтобы вам показать, что я подразумеваю, я хотел бы вам рассказать сон одного молодого студента теологии. Я лично

с ним незнаком, поэтому мое личностное влияние исключено. Ему снилось, что он стоит перед священным образом, называемым «белым магистром», своим учителем. Он знал, что он — его ученик. Учитель был одет в длинное черное платье. Он был добрым и благородным, и ученик чувствовал к нему глубокое почтение. Но тут возник другой образ — «черный магистр», который был одет в белое.

И он был тоже прекрасен и лучезарен, и спящий поразился этому. Черный магистр хотел, очевидно, поговорить с мастером, но последний колебался. И тут черный маг стал рассказывать историю о том, как он нашел потерянные ключи от рая, но не знал, что с ними делать. Он рассказал также, что король страны, в которой он жил, искал подходящую могилу для себя. Вдруг случайно его подданные раскопали старый саркофаг, который содержал останки умершей молодой женщины. Король приказал открыть саркофаг, выбросить оттуда останки и приказал снова зарыть пустой саркофаг, чтобы сохранить его для дальнейшего использования. Но как только были вынуты останки на солнечный свет, изменилась сущность той, которой они когда-то принадлежали, а именно: молодая женщина превратилась в черную лошадь, которая ускакала в пустыню.

Черный маг преследовал ее через пустыню, и там нашел он после преодоления многих трудностей потерянные ключи. На этом черный маг закончил свою историю. Белый маг сохранял молчание, и на этом закончился сон.

Я думаю, что такой сон может вам помочь понять разницу между обычным сном и сном, имеющим ценность необычайно важного духовного переживания. Подобный сон происходит из другого слоя, чем обычный ночной сон.

Мы здесь затрагиваем проблему большой важности, и мы попробуем остановиться здесь подробнее. Наш сон — пример деятельности более глубоких пластов, чем личное бессознательное. В доктрине Фрейда нет места для коллективного бессознательного.

Необходимо всегда помнить, что наша психология изменяется не только в соответствии с кратковременным господством определенных инстинктивных импульсов, но и в соответствии с индивидуальным возрастом.

Поэтому надо стараться избегать примерять к ребенку психологию взрослого. Ребенка нельзя познать так же, как познают взрослого. Действительный и систематический анализ снов у детей вряд ли возможен и потому излишен, так как предметы бессознательного у детей нельзя выделить: можно легко вызвать нездоровое любопытство или спровоцировать раннюю зрелость, если выделять психологические частности, интересные только для взрослых.

Если речь идет о трудных детях, то лучше держать при себе свои знания аналитической психологии, ибо в общении с детьми необходимы простота и здоровый человеческий рассудок. Дети чувствуют, фальшивы отношения или нет. Поэтому педагог должен обратить особое внимание на свое собственное душевное состояние, чтобы он мог видеть, откуда происходит непонимание с доверяющим ему ребенком. Он сам может быть бессознательным источником болезни.

От нашей собственной, сознательной или бессознательной философии зависит наше толкование фактов — такова лучшая из возможных теорий. Поэтому очень желательно прояснить для себя свои собственные субъективные принципы. Каков человек, такова и его истина.

Так как всякий практический анализ большей частью исключительно индивидуален, нельзя выводить ни одного случая из общего описания закономерностей этого процесса. Я хотел бы вам рассказать о лечении различных случаев, в которых принимала участие моя ученица Ф. Виккес. Она — учительница и консультант-психолог в школе Св. Агаты в Нью-Йорке.

Первый случай касается семилетнего мальчика. Врач поставил ему диагноз — психически неполноценный. У мальчика были недостатки при координации движений, он косил одним глазом, и речь его была полна ошибок. Он был подвержен внезапным приступам гнева. Он приводил в смятение дом своими приступами ярости, переворачивая предметы и угрожая убить всю семью. В школе он избивал других детей. После того как он уже почти шесть месяцев ходил в школу, участились его приступы ярости до нескольких в один день. Он был первым ребенком, счастливым и приветливым до пяти с половиной лет. Он научился позд-

но говорить. Выяснилось, что у него дефект речи, поэтому он почти не мог четко изъясняться.

Когда ему было пять лет, у него появился младший брат. Сначала он радовался, а когда братишка подрос, старший его возненавидел.

Когда младший брат научился ходить, что произошло очень рано, у нашего пациента развились приступы гнева. У него появилась ненависть, которая сменялась любовью и раскаянием. Вначале на приступы ярости никто не обратил внимания. Проверка его интеллекта выявила необычайные способности мышления. Он очень радовался своим успехам и ждал похвалы, и печалился, если что-то не получалось. Надо было объяснить родителям, что приступы ярости были компенсацией бессилия в тот момент, когда хвалят младшего брата. Пока он был единственным ребенком, родители уделяли ему исключительное внимание из-за его несчастья, позже положение изменилось. Приступы ярости, как рассказала его мать, в особенности происходили тогда, когда младший брат должен был показывать свои успехи в говорении перед гостями.

В результате советов психиатра особое внимание родители стали уделять языковым упражнениям. Постепенно он добился контроля над приступами ярости. Он начал ощущать себя как «старший сын».

Нельзя было ожидать, чтобы нарушение, возникшее так рано на почве органической неполноценности, можно было вылечить сразу. Ясно, что выраженное чувство неполноценности лежало в основе этого невроза.

Другой случай касается маленькой девочки примерно восьми лет. У нее в течение трех месяцев была ненормальная температура, и она не могла ходить в школу. Других особенных симптомов не было, кроме отсутствия аппетита и увеличивающейся слабости. Врач не мог найти причины такого состояния. Отец и мать были убеждены, что обладают полным доверием ребенка. Наконец, мать рассказала психологу, что она не была счастлива со своим мужем, но они никогда не обсуждали свои трудности при ребенке и он ничего не знал об этом. Мать хотела развестись, но не могла решиться на связанные с разводом изменения в жизни. Вопрос оставался открытым. Они не предпринимали усилий ка-

ким-то образом разрешить трудности, которые делали их несчастными. Оба хотели от ребенка сильной привязанности. У ребенка был сильный отцовский комплекс. Девочка часто спала в комнате отца в своей маленькой кроватке рядом с его кроватью, а утром шла в свою кровать.

Девочка рассказала такой сон: «Я шла с отцом встречать бабушку. Бабушка была на большом корабле. Она хотела, чтобы я ее поцеловала, и хотела меня обнять, но я испугалась. Отец сказал: «Тогда я поцелую бабушку». Я не хотела, чтобы он это сделал. Я боялась, что с ним что-то случится. Затем корабль уплыл, и я никого не могла найти и испугалась». Несколько раз малышке снилась бабушка.

Она утверждала, что всякий раз, когда отец уходил, она боялась, что он больше не вернется. Она угадала всю ситуацию и рассказала психологу, что она знает о том, что мать не любит отца, но она не хочет об этом говорить родителям, так как «они будут сердиться». Когда отец уезжал в командировку, она всякий раз боялась, что он бросит их. Она заметила также, что мать в эти

периоды была более весела.

Родители должны были или разрешить возникшие между ними трудности и выработать действительное согласие, или решиться на развод. Они выбрали последнее, но объяснили ребенку ситуацию. Мать была убеждена, что развод болезненно скажется на ребенке, а вместо этого девочке стало значительно лучше, когда выяснилась вся ситуация.

Девочке сказали, что она не будет отделена ни от кого из родителей, а теперь ее дом будет в двух местах; ребенок перестал быть жертвой неопределенных страхов, а стал получать действительную радость в школе и игре.

Случай, подобный этому, представляет для практикующего врача большую загадку. Он напрасно ищет органическую причину отклонений, так как ни один медицинский учебник не дает возможность связать трудности в отношениях между отцом и матерью с ненормальной температурой у ребенка. Аналитику эти взаимосвязи известны. Ребенок в такой значительной степени часть психологической атмосферы родителей, что даже тайные и нерешенные трудности в их отношениях значительно влияют на его здоровье.

Participation mystique', примитивная бессознательная идентификация, позволяет ребенку чувствовать конфликты между родителями и страдать от них, как если бы он сам в них участвовал. Это почти всегда не открытый конфликт или очевидная трудность, а главным образом скрытые и упущенные возможности родителей.

Действительным источником подобного невротического расстройства является, без сомнения, бессознательное. То, что ребенок чувствовал больше всего, было бессознательное отца. Если у мужчины к женщине нет действительно доброго отношения, то его либидо ищет другой выход. Если этот мужчина не осознает или скрывает, гонит от себя фантазии такого рода, то его либидо регрессирует, с одной стороны, к картине воспоминаний о матери, а с другой"^- непосредственно к дочери, если такая есть. Это называется бессознательным инцестом. Нельзя возлагать ответственность на мужчину за это бессознательное.

Сон о бабушке показывает, как бессознательное в психике отца пронизывает бессознательное ребенка. Он хотел бы поцеловать мать, а ребенок чувствует себя во сне принужденным сделать это. Очевидна опасность для ребенка — быть проглоченным регрессивным либидо своего отца.

Это и есть причина, почему девочке снилась змея. Змея — издревле символ опасности, которая проглатывает или отравляет. Вы поймете эти сны лучше, если сравните это с тем, что я писал в книге «Либидо, его метаморфозы и символы» (М. 1994) о символе змеи. Этот случай показывает, что дети склонны видеть гораздо больше, чем предполагают их родители.

Конечно, невозможно, чтобы у родителей не было никаких комплексов. Это было бы сверх человеческих возможностей. Но родители должны с ними сознательно бороться, хотя бы ради детей. В любом случае лучше, если родители обсуждают свои проблемы открыто, вместо того чтобы задвигать свои комплексы в бессознательное.

'Participation mystique (лат.) — частичная, отдельная, локальная, детализированная мистика. — Примеч. ред.

Ребенок страдает не от того, что он имеет бессознатель ные инцестные фантазии, а от того, что их имеет его отец. Ребенок — жертва фальшивого представления в семье, и его нарушения исчезают, как только его родители решаются привести в порядок свои отношения.

Третий случай касается очень умной девочки, заканчива ющей школу, но необщительной, взбалмошной, отказыва ющейся подчиняться школьным порядкам. Она была време нами невнимательна и могла дать совсем неподходящий от вет, по поводу которого не хотела давать никаких пояснений Это была крупная, хорошо развитая девочка с крепким здоровьем. Телесно она обгоняла своих ровесниц, созрев уже ^ одиннадцати годам. Она боялась своего сильного сексуального томления и желания мастурбировать. Ее мать была женщиной блестящего интеллекта с сильной волей власти. Ою рано определила, что девочка должна стать вундеркиндом Она хотела, чтобы ребенок пошел в школу раньше, чем другие дети. Отец из-за своей работы часто отсутствовал дома Ребенок страдал от насилия над его чувствами.

Этот случай очень прост, но в высшей степени типичен Роль родителей снова выходит на передний план.

Речь идет о тех типичных браках, в которых отец заняэ своей работой, а мать — волевая женщина, пытающаяся через ребенка реализовать свое честолюбие. Ребенок непременно должен иметь успех„,чтобы осуществить честолюбивые планы своей матери и потешить ее самолюбие. Такая мать совершенно не видит действительный характер своего ребенка, его индивидуальность, его потребности. Она проецирует сама себя на ребенка и управляет им по своей воле.

В таких семьях есть значительная дистанция между мужем и женой. Женщина подобного мужского типа довольно успешно подчиняет действительные чувства мужа. Поэтому она ничего не получает от него, кроме денег.

Конечно, она променяет всю свою любовь на честолюбие и волю к власти, если она этого не сделала еще до свадьбы, бессознательно, следуя примеру своей матери. Такие искажения наследуются в поколениях подобно греху. Дети у таких матерей — не более чем куклы, которых можно как угод-

но наряжать. Они не более чем немые фигурки на шахматном поле родительского эгоизма, но вся «прелесть» состоит в том, что все это проделывается под вывеской беззаветной самоотдачи ради любимого ребенка, чье счастье является единственной целью жизни матери. В действительности же ребенку не дано даже зернышка настоящей любви.

Поэтому ребенок страдает от ранних сексуальных симптомов, с одной стороны, как и многие другие запущенные или плохо воспитанные дети; с другой стороны, он переполнен так называемой материнской любовью. Его гомосексуальные фантазии ясно показывают, что его потребность в действительной любви неудовлетворена. Вместе с любовью данный ребенок нуждается главным образом в понимании.

Самым правильным было бы, конечно, аналитическое лечение матери, что могло бы способствовать улучшению ее отношений с ребенком. Если это невозможно, тогда мы имеем дело с вредным влиянием матери, в результате которого у ребенка вырабатывается неприятие матери, которое позволяет справедливо критиковать ее ошибки и осознать свои индивидуальные потребности.

Ничто не может больше обезличить ребенка, как стремление матери воплотить себя в нем. Сон ребенка понятен. Сон означает смерть матери. Это — ответ бессознательного в ребенке на честолюбие матери. Если бы мать не убивала индивидуальность ребенка, бессознательное бы так остро не реагировало. Практически «смерть» матери означает только большее отдаление дочери от матери. Мать должна немного «умереть», чтобы стать менее всемогущей.

Нельзя из подобного случая делать обобщения. Сны со смертельным исходом родителя не редкость, и я склонен думать, что они основываются на тех же условиях, какие я только что описал. Но нужно всегда помнить, что картинка сна при различных условиях имеет разное значение. Поэто му никогда нельзя быть уверенным относительно смысла сна без знакомства с самосознанием человека, видящего сон.

Последний случай, который я хочу упомянуть, касается восьмилетней девочки Маргариты, которая страдает от чего-то, что родители не могут объяснить. Описание этого

случая выходит за рамки лекции. Я выбрал лишь один важный отрезок в развитии данного случая. Ребенок уже год ходил в школу, не будучи в состоянии изучить что-либо, кроме чтения. Девочка очень бестолково двигалась, ходила по лестнице вверх-вниз, как ребенок, который только учится ходить. Она почти не контролировала движения своих рук и кистей. При общении она их сначала складывала, затем внезапно закрывала ими свое лицо и больше не хотела говорить. Если же она говорила, то у нее ломалась речь и она выкрикивала лишь отдельные слова.

Она пыталась нарисовать или написать некоторые буквы, но затем зачеркивала все каракулями. Проверка интеллекта не могла быть произведена, так как она не могла удержать в уме результат. В отдельных тестах у нее был результат одиннадцатилетних, в других — едва четырехлетних.

Когда ей было десять дней после рождения, ей должны были удалить коагулу из мозга. Она была под контролем день и ночь, и ее дальнейшее развитие оберегалось с большим усердием. Скоро выявилось, что она использовала свою физическую неполноценность, чтобы управлять своими родителями, и всякую попытку помочь ей она воспринимала как должное. Родители пытались компенсировать ее дефекты тем, что оберегали ее от реальности.

Однажды Маргарита заявила: «У меня есть сестра-близнец. Ее зовут Анна. Она совершенно похожа на меня, но всегда носит красивое оранжевое платье и имеет очки. (Очки символизировали для нее ее плохое зрение, из-за чего она не могла читать книги, которые любила.) Если бы Анна была здесь, я бы охотнее занималась». Психолог тогда дала ей задание пригласить «Анну». Маргарита вышла и пришла с «Анной». Маргарита стала ей показывать, как она умеет писать, и с тех пор «Анна» всегда была рядом. Но однажды у нее не получилось написать что-то, и Маргарита

сказала: «Во всем виновата моя мать. Я левша, а она никогда не говорила об этом моим учителям. Я должна была пытаться писать правой рукой, и теперь я никогда не смогу писать из-за моей матери». Психолог рассказала ей о подобном случае с другим левшой. Маргарита спросила: «И те-

перь он совсем не может писать?» — «О нет, — был ответ, — он пишет рассказы и тому подобное, только это для него было сложнее. Вот и все. Он пишет сейчас левой рукой. И ты можешь писать левой рукой, если хочешь».

Маргарита ответила: «Но мне больше нравится правая рука». — «О, но тогда не во всем виновата твоя мать. Удивительно, кто же тогда виноват?» Она ответила, что не знает. Затем ей было дано задание спросить «Анну». Она вышла и через некоторое время вернулась, сообщив: «Анна сказала, что я сама виновата и должна теперь много работать». Раньше Маргарита не хотела говорить о своей ответственности перед собой. Теперь она стремилась поговорить об этом с «Анной», а затем объявляла результат. Иногда она приходила со всеми признаками недовольства, но всегда рассказывала правду.

Однажды у нее был приступ ярости по отношению к матери. Она прибежала в комнату, крича: «Мать ужасна, ужасна, ужасна!» Но ее спросили: «Кто ужасен?» Она ответила: «Мать». — «Но ты можешь ведь спросить Анну». После долгой паузы она сказала: «Я думаю, что Анна считает, что ужасна я. Я скажу об этом маме». Она сделала это и вернулась, уже спокойная, к своим делам.

Я считаю, что стоит упомянуть интересные эпизоды из жизни сестер-близнецов. Вследствие тяжелого повреждения при рождении ребенок не мог нормально развиваться. Девочка нуждалась и получала, естественно, большую часть заботы своих родителей. Почти невозможно провести границу, чтобы показать, как много надо уделять внимания недостат кам ребенка. Конечно, иногда достигают оптимума.

Как показал первый случай нашей серии, дети реализуют свою неполноценность определенным образом и начинают компенсировать ее с помощью неправильных размышлений, которые сами по себе тоже есть неполноценность, не уже моральная. Чем больше действительная неполноценность компенсируется ложными рассуждениями, тем меньше устраняется эта неполноценность, и к ней добавляется еще и моральная неполноценность. Это может привести к раздвоению личности.

Очерки о современных событиях

ПРЕДИСЛОВИЕ

Медицинская психология по практическим причинам имеет дело с цельностью психики. Следовательно, ей обязательно надо попытаться связать в теорию все те факторы, которые существенно влияют на психическую жизнь. Это факторы биологические, впрочем, как и социальные, и умственные.

Мы живем во времена великих потрясений — обжигающие политические страсти, внутренние подвижки привели народы на грань хаоса; разрушены самые основания нашего мировоззрения.

Такое критическое положение дел имеет настолько разрушительное влияние на психическую жизнь индивида, что врач обязан удвоить свое обычное внимание к ней. Шторм животрепещущих событий просто нахлынул на индивида из внешнего мира, и врач чувствует ужас штормовых ударов даже в покое приемной, в уединении медицинской консультации. Из-за того что он несет ответственность за пациентов, он не может себе позволить взять да и уплыть на мирный островок безмятежной научной работы, но должен постоянно всходить на арену мировых событий, чтобы вступить в битву конфликтующих страстей и мнений. Он не в состоянии отгородиться от шума и суеты, ибо тогда бедствия эпохи будут доходить до него слабыми и отдаленными, а страдания пациентов не найдут в нем должного сочувствия и понимания. Как бы доктор помог пришедшему к

'Первое отдельное издание: C. G. Jung. Essays on Contemporary Events. L., 1947.

нему пациенту, если бы он был совершенно ограничен результатами своего бедного понимания, он был бы в совершеннейшем затруднении и не знал бы, как разговаривать. Поэтому психолог не может избежать течения жизни и вступает в схватку с насущными событиями, даже если его большая душа не переваривает политической шумихи, лжи пропаганды и раздражающих речей ораторов. Не стоит напоминать ему об обязанностях гражданина, обязанности сами возникнут перед ним как задачи. Собственно, он, как врач, имеет высочайшие обязательства перед человечеством.

Время от времени я чувствовал, что должен выйти за привычные рамки своей профессии. У психолога за плечами особенный опыт всего человечества, и мне кажется, что очень разные люди могут извлечь для себя пользу, выслушивая его точку зрения. Я вряд ли ошибаюсь, думая так, потому что большинство наивных людей все же не могут не увидеть, что многие фигуры и события нашей повседневности определенно поддаются психологическому толкованию. Когда еще так наглядно выделялись те психологические симптомы, которые мы наблюдаем в наших политических событиях?

Я никогда не стремился влезать в политические вопросы дня. Но в течение ряда лет написал несколько статей, отразивших мою реакцию на события тех лет. Эта книга содержит собрание довольно случайных статей, написанных в период между 1936 и 1946 годами. Совершенно естественно, что в своих размышлениях я специально коснулся Германии. Германия стала проблемой для меня со времен первой мировой войны, проблемой, которая растет с каждой последующей статьей. Мои высказывания привели к различного рода разногласиям, несомненно, обязанным своим существованием тому, что моя психологическая точка зрения у многих оставляет впечатление новой и, следовательно, странной Вместо громоздкой аргументации в попытке прояснить тако го рода непонимание я для простоты решил собрать все пас1 сажи других моих работ, имеющих дело с такими проблемами, в эпилоге. Читатель, таким образом, сможет получить ясное представление о затронутых фактах.

ИНДИВИДУАЛЬНАЯ И МАССОВАЯ ПСИХОЛОГИЯ

(Текст воскресной радиопередачи 3 ноября 1946 г. по третьей программе Би-би-си)'

Неописуемые события последнего десятилетия будят подозрение, что характерное психологическое, сопутствующее им, — их возможная причина. Спросите у психиатра, что он про это думает, и приготовьтесь услышать от него ответ, исходящий из его особой точки зрения. Как ученый, психиатр делает свое дело, не претендуя на всеведение, и поэтому он посчитает свое мнение лишь маленьким вкладом в невероятно запутанную задачу поиска удовлетворительного объяснения.

В выступлениях от лица психопатологии нелегко обращаться к аудитории, возможно, состоящей из людей, ничего не знающих о такой специализированной и трудной области знания. Но существует простая вещь, о которой надо постоянно помнить: корни психопатологии масс лежат в психологии индивида. Психические феномены такого порядка отыскиваются в индивиде. Только тогда, когда удастся понять роль отдельных явлений и симптомов для индивида и общих у ряда изолированных индивидов, можно начинать проверку аналогичных массовых явлений. Как вы, может быть, уже знаете, я взялся за исследование психологии сознания и психологии бессознательного, а сюда входит рассмотрение сновидений, так как сновидения — это естественный продукт бессознательной деятельности. Достаточно давно мы узнали о существовании биологической взаимосвязи бессознательных процессов и сознательной умственной деятельности. Такая взаимосвязь лучше всего характеризуется понятием компенсации, означающим, что любой недостаток в сознании (например, переполненность, односторонность или просто отсутствие функции), соответственно дополняется бессознательным процессом.

Еще в 1918 году я приметил характерные нарушения в бессознательном моих немецких пациентов. Эти расстройства не могли быть описаны исходя из личной психологии. Такие

'Читано К. Юнгом на английском языке. — Примеч. пер.

неличные феномены всегда обнаруживаются в сновидениях как мифологические мотивы, которые находятся и в легендах, и волшебных сказках всего мира. Я назвал эти мифологические мотивы архетипами: то есть типическими modi1, в которых эти коллективные феномены переживаются. Налицо было расстройство коллективного бессознательного в каждом простом немецком случае. Конечно, можно было бы объяснить нарушения ближайшей причиной, но такое объяснение, скорее всего, не будет точным, потому что естественнее понять архетипы через их цели, чем через их причины. Те архетипы, что наблюдал я, выражали первобытность, насилие, жестокость. Когда я достаточно насмотрелся на эти случаи, я обратил внимание на характерное умонастроение, которое стало преобладать в Германии. Я видел только одну сторону — депрессию и беспокойство, но и эта видимость порождала подозрения более широкого масштаба. В статье, в то время опубликованной, я предположил, что в беспокойной дремоте зашевелилась «белокурая бестия» и не исключен взрыв.

Такое состояние дел не было каким-нибудь там тевтоническим феноменом2, что и стало понятным в последующие годы. Атака примитивных сил была более или менее всеобща. Исключительность же немецкого случая лежит в особом немецком умонастроении, оказавшемся из-за своей известной тенденции к массовой психологии более восприимчивым. Кроме того, поражения и социальные бедствия усилили стадные инстинкты в Германии, и становилось все более вероятным, что Германия станет первой среди западных наций жертвой массового движения,

вызванного подвижкой лежащих в бессознательном сил, готовых прорваться через всякий моральный контроль. В соответствии с упомянутыми правилами эти силы означали компенсацию. Если такой компенсаторный поток бессознательного не интегрируется с сознательным у индивида, то он приводит к неврозу или даже психозу; примерно так происходит и в обществе. По-

1 M o d i (лар.) — образы. — Примеч. пер.

1 Здесь имеются в виду сугубо националистические настроения у немецкого обывателя с агрессивной направленностью на захват «восточных земель». — Примеч. ред.

видимому, что-то не в порадке было с сознательной установкой, она не давала полной возможности компенсаторному движению, она была или ошибочна, или перегружена, потому что только испорченное сознание может вынудить часть бессознательного к противоположному движению. Так казалось, что многие вещи плохи, но толкование их было различно, а мнения разделились. Правильное мнение составляется изучением ex effectu', т. е. только наблюдая за качеством реакции, которую установки вызвали из бессознательного, мы сможем раскрыть дефекты сознания нашей эпохи.

Как я уже говорил, прилив, возникший в бессознательном после первой мировой войны, отразился в индивидуальных сновидениях как коллективные, т. е. мифологические, символы, выражающие первобытность, насилие, жестокость, короче говоря, всю власть тьмы. Когда такие символы появляются у большого числа индивидов и непонятны, они начинают как магнит притягивать индивидов друг к другу, и вот сформировалась толпа, а вскоре в ней найдется и лидер среди тех, у кого наименьшая сопротивляемость, наименьшее чувство ответственности и, исходя из дьявольских, низменных качеств, — наибольшая воля к власти. Лидер позволит сбросить с себя все, что готово упасть, и толпа последует вслед за ним с непреодолимой силой снежной лавины.

Я следил за немецкой революцией. Глядя в пробирку индивидуального случая, я вполне осознавал возникшую огромную опасность, когда такие люди собираются в толпу. Но тогда я не ведал, хватит ли их, чтобы взрыв стал неизбежным. Однако я постарался изучить достаточное число случаев и наблюдать, как подвижка темных сил разворачивается в индивидуальной пробирке. Я мог видеть, как эти силы ломают мораль и интеллектуальный самоконтроль индивида, затопляют его сознательный мир. Весьма часто это оборачивалось ужасным страданием и разрухой, но когда индивиду оставалось цепляться за обрывки смысла или сохранять узы человеческих взаимоотношений, в бессознательном вызывалась новая компенсация; после разрушительного хаоса в разуме эта компенсация могла вновь интегрировать сознание. Затем возникали

?? effectu (лат.} — после действия. — Примеч. пер.

новые символы, вышедшие из коллективной сущности, символы нового времени, отражающие силы порядка и соответствующие им. Содержанием этих символов были мера, пропорция, симметричность, выраженные с особой арифметичностью и геометричностью. Символы представляют род осевой системы и узнаются как мандала-структуры'. Я боюсь. что не смогу войти здесь в объяснение таких высокоспециальных материй, но все же должен упомянуть об этих трудных и почти непостижимых вещах, ибо они несут пусть и слабый, но все же отблеск надежды, которая в наше время разложения и хаотического беспорядка так необходима. Замешательство и беспорядок в бессознательном всего мира похожи на такое же состояние в разуме индивида, но в последнем случае этот беспорядок и недостаток ориентации фактически скомпенсированы в бессознательном архетипами порядка. Здесь я снова должен сказать: если символы порядка не интегрированы в сознание, если в сознании сохраняется разрыв между сознательным и бессознательным, то силы, выражающие эти символы порядка, накопятся в ужасающем количестве и проявятся именно как силы беспорядка и разрушения, что и произошло двадцать пять лет назад. Сейчас интеграция бессознательных содержаний — индивидуальное действие осуществления и моральной оценки. Это очень трудная задача, требующая от индивида высокой степени этической ответственности. Только от немногих можно ожидать соответствующей способности, но они — не политические, а нравственные лидеры человечества. Поддержание жизни и дальнейшее развитие цивилизации зависят от таких индивидов. Совершенно ясно, что сознание масс не продвинулось со времен первой мировой войны. Обогатились только отдельные рефлектирующие умы, они поняли то, что человечество само способно стать простым инструментом, они извлекли уроки из того, что произошло при реализации злом необъятной и несметной власти, и их моральный и интеллектуальный горизонт значительно расширился. Но средний человек все еще там, где он был в конце первой мировой войны. И только кажется, что огромное большинство совершенно неспособно к интегрированию сил

' М а н д а л а (стек.)

3 Зак. Na

круг. — Примеч. ред

порядка. Наоборот, даже возможно, что такие факторы порядка вторгнутся в бессознательное, захватят его насильно и неожиданно, вопреки воле индивида. Повсюду можно увидеть первые симптомы: тоталитаризм и рабство у Государства. Ценность и важность индивида резко падает, а шансы его быть услышанным исчезают еще быстрее. Такой процесс падения ценности может быть длительным и болезненным, но боюсь, что он неизбежен. Тем не менее своим длительным путем этот процесс предоставляет возможность уяснить, что только воссоединение жалкого в своей инфантильности и слабости человеческого бессознательного в индивиде с пониманием им того,

что человек хозяин своей судьбы, а государство — лишь инструмент, но не мастер, даст будущего человека. Но он лишь тогда достигнет этого уровня, когда поймет, что на пути одного лишь бессознательного он упустит фундаментальные droits de l'homme1. Германия представила самую яркую иллюстрацию бессознательного психологического развития. Там первая мировая война высвободила скрытые силы зла, да и война, в свою очередь, развязалась после накопления массами бессознательного, а также их безрассудных желаний. Так называемый Fnedenskaiser2 стал одной из первых жертв и, не отличаясь от того, что делал впоследствии Гитлер, выступал от имени этих беззаконных, хаотических вожделений, подталкивая таким образом к войне и неизбежной катастрофе. Вторая мировая война стала повторением тех же психических процессов, но в гораздо большем масштабе.

Как я сказал выше, подвижки массовых инстинктов соответствуют компенсаторному движению бессознательного. Такой процесс возможен из-за отчужденного существования сознательного состояния людей от естественных законов человеческого бытия. Под влиянием индустриализации большие части популяции оторвались от корней и собрались в больших центрах. Под такой новой формой существования — со своей массовой психологией и социальной зависимостью от колебаний рынков и зарплаты — индивид обрел звание неус-

'Droits de l'homme (фр.) — права человека. — Примеч. пер. Friedenskaiser (нем.) — «мирный царь», возможно, имя Вильгельма II, развязавшего первую мировую войну.

тойчивого, ненадежного и внушаемого. Индивид понял, что его жизнь зависит от собраний директоров и капитанов индустрии, и решил, правильно или неправильно: их-то мотивируют только финансовые интересы. Он знал, что, как бы сознательно он ни работал, им в любое время пожертвуют при коммерческих изменениях, неподвластных его контролю. И нет вокруг ничего, на что можно положиться. Кроме того, система нравственного и политического воспитания, преобладающая в Германии, уже сделала все возможное, чтобы пропитать каждого духом тупого послушания и уверенности, что каждая желаемая вещь придет свыше, от устанавливающих законы, от тех, чье индивидуальное чувство «на свой страх и риск» подчиняется господству особенного чувства долга. Неудивительно, что именно Германия пала добычей массовой психологии, хотя она была не единственной нацией, угрожающей опасными зародышами. Влияние массовой психологии распространилось вдаль и вширь.

У каждого индивида существовало чувство слабости, действительности несуществования, компенсирующееся подвижкой неизвестных до тех пор желаний власти. Было восстание бессилия и алчности «have-nots»1. Бессознательное заставляло тогда человека стать сознательным. Но, к сожалению, не было такой категории ценности, которая могла бы осуществиться в сознательном разуме индивида и которая способна была бы дать понимание и связать это понимание в единое целое с бессознательным. Высшие интеллектуальные авторитеты ничего, кроме материализма, не проповедовали. Наши религиозные организации были просто неспособны справиться с новой ситуацией. Церкви не могли слишком многого, протестовали, но это не здорово помогло. Таким образом, лавина продолжала катиться по Германии и сотворила лидера, который был выбран как инструмент полного развала нации. Но что стало отличительной чертой его стремлений? Он мечтал о «новом порядке». Мы бы сильно ошиблись, если бы предположили, что его попытки создать интернациональный порядок такого рода мнимы. Нет, в глубине души он был движим факторами порядка, начавшими проявлять свою ак-

'Have-nots (англ.) — ничего не имущие. — Примеч. пер.

тивность в момент, когда несдерживаемые желания и алчность полностью овладели его сознательным разумом. Гитлер стал исполнителем «нового порядка» — и реальной причиной того, почему практически каждый немец пал перед ним. Немцы хотели порядка, но совершили фатальную ошибку, выбрав своим лидером первую жертву беспорядка и безудержной алчности. Они не поняли, что ни один из них не изменил свое индивидуальное отношение к миру: так же как они алчны к власти, они алчны к порядку. Но тем не менее остались алчны. Вместе с остальным миром они не поняли, что значение Гитлера именно в том, что он стал символом для каждого индивида: он был самой невероятной персонификацией всего наихудшего в человеке. Это был невероятно бездарный, неприспособленный, психопатический индивид, полный бессодержательных детских фантазий, но отмеченный живой интуицией крысы и хулигана. Он в подавляющей степени представлял тень всякой личности, ее наихудшую часть, и это другая причина, почему немцы пали перед ним.

Но что бы они поделали? В Гитлере каждый немец смог увидеть свою личную тень, свою наихудшую опасность. Собственно, это судьба каждого человека — осознавать и учиться жить вместе с тенью. Но разве можно ждать только от немцев понимания, когда никто в целом мире не мог понять такую простую истину? Мир не сможет достичь состояния порядка, если эта истина не будет признана всеми. Между тем мы забавлялись поисками причин всех сортов, внешних и вторичных, хотя и слишком хорошо знали, что условия зависят от того способа,, каким их воспринимают. Если бы, например, франкоязычный швейцарец предположил, что все немецкие швейцарцы — дьяволы, то в Швейцарии у нас была бы славненькая гражданская война, никогда не заканчивающаяся, и мы бы нашли самые убедительные экономические причины, почему она неизбежна. Хорошо, что у нас не так, потому что мы выучили наш урок более чем четыреста лет назад. Мы ре шили, что лучше уклоняться от внешних войн, поэтому при шли домой и завязали спор между собой. В Швейцарии мы строим так называемую «совершенную демократию», в которой воинственные инстинкты распыляются в семейных ссо-

рах, именуемых «политической жизнью». Мы воюем друг t другом в рамках закона и конституции и склонны думать о демократии как о хроническом состоянии ослабленной гражданской войны. Мы вовсе не миримся сами с собой, наоборот, ненавидим и боремся друг с другом, потому что в войне, сосредоточенной самой на себе, нам сопутствует удача. Наши мирные внешние манеры служат прикрытием наших внутренних споров от иностранных вторжений, могущих им помешать. До сих пор это удается, но до окончательной победы еще далеко. Все еще есть враги в плоти человеческой природы, и мы все еще не научились обращаться с ней так, чтобы встраивать политические разногласия и споры в себя. Мы передвигаемся вперед с трудом, с нездоровым убеждением, что в себе мы должны быть мирными. Тем не менее завершилась бы и наша, ослабленная война, если каждый увидел свою тень и начал борьбу, ту, что действительно стоит себя, борьбу против труднопреодолимого power-drive1, исходящего из нашей собственной тени. Только благодаря тому, что мы боремся сами с собой, у нас в Швейцарии вполне сносный общественный порядок. Порядок был бы завершенным, если бы страсть к единоборству была взята домой, в себя. К сожалению, даже религиозное воспитание мешает это сделать фальшивыми обещаниями ближайшего мира. Мир придет, может быть, в конце концов, но это будет, когда победа или поражение потеряют свое значение. То ли имел в виду наш Пророк, когда говорил: «Я пришел дать не мир, но меч»?

Благодаря тому, что мы в состоянии основан истинную демократию в форме условной борьбы с собой, коллективной или индивидуальной, -- мы можем реализовать, мы делаем осуществимыми факторы порядка для того, чтобы при этом жить в порядочных обстоятельствах, они становятся абсолютно необходимыми. Мы просто не можем позволить при демократии треволнений внешнего вмешательства и неопределенности. Как можно развивать гражданскую войну, если вы

атакованы извне? Нет, когда вы в разладе с самим собой, вы позовете друзей, чтобы они вам посочувствовали, и станете дружественными и гостеприимными. Но в полити-

'Power-drive (англ.) ·— стремление к власти. — Примеч. пеп.

ке вы избегаете людей, которые хотят быть вам полезными и избавляющими от забот. Мы, психологи, пройдя долгий и мучительный путь, учим, что вы лишаете человека лучшего, помогая избавиться от комплексов. Можно помочь ему достаточно осознать их и освободиться, начав сознательный конфликт с собой. Так комплекс становится фокусом жизни. Все, что исчезает из вашего психологического инвентаря, может внезапно появиться в личине враждебного соседа, что неизбежно вызовет ваш гнев и сделает вас агрессивным. Определенно лучше знать, что наихудший противник находится как раз в вашем собственном сердце. Человеческие воинственные инстинкты неискоренимы — и представлять состояние полного мира легкомысленно. Более того, мир сам по себе страшен, тем, что порождает войну. Истинная демократия является высокопсихологической организацией, которая принимает человеческую природу такой, какова она есть, и, следовательно, учитывает потребность в конфликте в собственных национальных рамках.

Сравните действительное немецкое умонастроение с моими рассуждениями, и вы сможете оценить, насколько огромна задача, с которой столкнулся мир. С трудом можно ожидать, что деморализованные немецкие массы ясно постигнут возможность этой психологической истины, как она ни проста. Но у великих западных демократий больший шанс, пока они в состоянии не допустить те внешние войны, которые всегда искушают их настолько, что они верят во внешних врагов и в желательность внутреннего мира. Означенная тенденция западных демократий к внутренним войнам — то, что внушает большие надежды. Но я боюсь, что надежда будет отодвинута силами, верящими в перевернутость, а именно — в разрушение индивида, и в разрастание той фикции, что носит название Государства. Психолог очень верит в индивида как в единственного носителя разума и жизни. Качества общества или государства ведут свое происхождение от конкретного психического состояния индивида, потому что основаны на индивидах и их организациях. Как ни очевиден этот факт. он еще недостаточно воспитан коллективным мнением людей чтобы удержать их от такого использования термина «Государ-

ство», которое отсылает к некоему сорту сверхиндивидуальной одаренности, неисчерпаемости сил и ресурсов. Мы ждем от конкретного Государства, что оно с легкостью исполнит то, что нельзя ожидать от индивида. Опасная склонность, ведущая к массовой психологии, начинается с широкого распространения этого правдоподобного мнения и с сильных организаций, где индивидуум теряет свою значимость и превращается в ничто. Тем не менее все, что превосходит

определенную человеческую норму, в равной степени пробуждает силы в бессознательном человека, вызывает демонов тоталитарности, вместо того чтобы сделать хотя бы бесконечно малый шаг вперед к совершенству в природе индивидуальной нравственности. Разрушительная сила нашего оружия гигантски выросла и заставляет ставить психологическую проблему человечества: справится ли умственное и нравственное состояние человека, разрешающее использование этого оружия, с чудовищностью возможных последствий.

ВОТАН'

В Германии родятся разные секты, Которые очень приблизятся к счастливому язычеству: Плененное сердце и малый результат, Они вернутся к уплате истинной десятины.

Предсказание Мастера Мишеля Нострадамуса, 1555 г/

Когда мы оглядываемся на время до 1914 г., кажется, что мы живем в другую эпоху. То, что с нами сегодня происходит, вряд ли даже приснилось бы до войны. Вначале мы от-

'Эссе впервые опубликовано в «Neue Schweizer Rundschau» в марте 1936 г.

Вотан (Один, Водан) — верховный бог скандинаво-германской мифологии. Основной источник его сегодняшнего восприятия — дошедший древнеисландский эпос «Эдда» (см.: Старшая Эдда. Древнеисландские саги о богах и героях. М.; Л., 1963). — Примеч. пер.

2 См.: Наука и религия. 1988. № 11. — Примеч. пер.

неслись к войне между цивилизованными нациями как к чуши, ибо такая абсурдность, несомненно, становилась все менее и менее возможной в нашем рациональном, интернационально организованном мире. С войной пришло то, что можно назвать лишь бесовским шабашем. Фантастические революции и решительное перекраивание карт; в политической сфере возникают феномены, прототипы которых находятся в средневековье и античности; государства проглатывают соседей и своими тоталитарными претензиями переплевывают любое предыдущее-теократическое намерение; и христиане, и евреи подвергаются преследованиям; политические убийства сплошь и рядом, оптом, и, наконец, мы только что стали свидетелями головокружительного пиратского рейда на мирных, полуцивилизованных людей*.

Когда такие события происходят в сфере политической, то вряд ли стоит удивляться, что и другие сферы продуцируют те же характерные явления. В царстве философии надо быть терпеливым, ибо у философа должно быть время на раздумье перед тем, как он сможет понять, в каком времени мы живем. Но царство религии уже произвело на свет некоторые, очень значительные события.

Движение безбожия в России вообще-то не удивляет, потому что греческая православная церковь уподобилась своим лампадам и иконам, нагромоздив обилие ритуалов и религиозного убранства. На Ближнем Востоке облегченно вздохнули, когда, освободившись от самих себя, покинули курящуюся фимиамом атмосферу православной церкви и пришли к честной мечети, где

возвышенное и невидимое всеприсутствие Аллаха не было вытеснено обидием подмен. Каким бы плачевно низким ни был духовный уровень у «научного» противодействия, все же было неизбежно, что XIX столетие и его «научное» просвещение рано или поздно дойдет до России.

Но любопытен тот, мягко говоря, пикантный факт, что старый бог бури и натиска, давно бездействующий Вотан, ;мог проснуться, как потухший вулкан, к новой деятельнос-

' Абиссиния. — Примеч. авт. Здесь имеется в виду итало-эфиопская война 1935 г. — Примеч. пер.

ти в цивилизованной стране, о которой давно уже думали, что она переросла средневековье. Мы увидели Вотана, возрожденного в молодежном движении, и кровь нескольких овец пролилась в жертвоприношениях, возвестивших самое начало его возвращения. С рюкзаком и лютней белокурые юноши, а иногда и девушки появились как не ведающие отдыха странники на дорогах от Нордкапа до Сицилии, верные слуги скитающегося бога. Позже, ближе к концу Веймарской республики, роль странствующих переняли тысячи и тысячи безработных, которых можно было встретить везде на дорогах их бесцельных путешествий. А к 1933 г. гуляющих уже не осталось, люди сотнями тысяч маршировали. Движение Гитлера повергло всю Германию к его ногам, от пятилетних до ветеранов, и поставило спектакль великой миграции людей, спектакль, знаменующий время. Вотан-путешественник проснулся. Он появился на свет в немного застенчивом виде, на сборищах сект простых людей Северной Германии, обсуждавших то, как Христос восседает на белой лошади. Я не знаю, возможно ли, чтобы эти люди сознавали древнюю связь Вотана с фигурами Христа или Диониса, но, думаю, вряд ли.

Вотан — это лишенный покоя путешественник, который творит беспокойство и вызывает раздоры то там, то здесь или же действует магически. С приходом христианства он превратился в дьявола и жил только в быстро затухавших местных традициях призрачным охотником, которого видят в штормовую ночь со своей свитой. А роль неутомимого путешественника в средневековье перешла к Агасферу, Вечному Жиду', который является не иудейской, а христианской легендой. Другими словами, мотив странника, который не принял Христа, был спроецирован на евреев, точно так же, как мы всегда переоткрываем наши собственные психоло-

'Агасферус, Вечный Жид. Из христианской легенды: Христос, несший свой крест на Голгофу, попросил отдых, но был осмеян и оплеван шедшим неподалеку человеком по имени Агасфер. За это в наказание ему Богом была дана вечная жизнь и вечные страдания. Агасфер стал не знающим покоя скитальцем. После искупления и второго пришествия Христа кара могла быть снята. Легенда в средневековье пользовалась популярностью. — Примеч. пер

гические содержания, ставшие бессознательными, у других людей. Так или иначе, но здесь присутствует та психологическая тонкость, которую можно упомянуть, — антисемитское

движение совпало с пробуждением Вотана.

Немецкая молодежь, праздновавшая солнцестояние, была не первой, услышавшей шум в первобытном лесу бессознательного. Ее предвосхитил Ницше, Шулер, Стефан Георге и Клагес1. Литературная традиция Рейна и деревенского юга Майна имеет классическую форму, которую не такто легко отбросить. Поэтому любая интерпретация, приходящая отсюда, стремится вернуться к классической модели, к античному опьянению и роскоши, т. е. к Дионису, «puer aetemus»2 и к космогоническому Эросу3. Обращение к ним, конечно, ближе точке зрения культурного, образованного человека, но Вотан — все же более точное толкование. Он является богом бури и неистовства и высвобождает силь

но времени Ницше (1844—1900) существовало последовательное подчеркивание превосходства «дионисийского» начала жизни над «аполлонийским». После «Рождения трагедии из духа музыки» (1872) темная. земная, женская сторона с ее гадательными и оргиастическими характеристиками овладела воображением философов и поэтов. Постепенно стала считаться идеалом иррациональность: она видна, в частности, во всех исследованиях религиозных мистерий Альфреда Шулера (ум. в 1923 г.) и особенно в работах Клагеса, излагавшего философию «иррационализма». Для Клагеса логос и сознание — разрушители творящей, досознательной жизни. У этих писателей мы можем засвидетельствовать начало постепенного отказа от реальности и отрицания жизни как таковой. Это ведет в конечном счете к культу экстаза, кульминирующего в саморазрушении сознания в момент смерти, которая в их представлении означает преодоление материальных ограничений.

В поэзии Стефана Георге (1868—1933) сочетаются элементы классической цивилизации, средневекового христианства и восточной мистики Георге намеренно набрасывается на рационализм XIX и XX вв. Его аристократическое поднесение мистической красоты и эзотерической концепции истории имело сильное влияние на немецкую молодежь. Его работа стала использоваться неразборчивыми в средствах политиками с пропаган дистскими целями.

2 ? ? е г aeternus (лат.) — «вечный мальчик», имя Диониса, распространяемое автором и на других «вечно молодых богов». — Примеч. пер.

1 «О космогоническом Эросе» — так называется одно из основных произведений Клагеса.

ные чувства и страсть к войне. Кроме того, Вотан верховный маг и колдун, близкий всякой оккультной тайне.

В случае с Ницше надо учесть целый ряд индивидуальных факторов. Он блаженно не сознавал свою немецкую почву; он открыл обывателей в академическом мире. К тому же он пришел к выводу, что бог умер, и это привело к встрече Заратустры с неизвестным богом неожиданного вида, то в виде врага, то в облике самого Заратустры. Потому-то Заратустра сам себе предсказатель, колдун и буря: Подобно ветру я однажды пронесусь среди них, и вместе с моим духом возьмите дыхание из их духа: так велит мое будущее.

Воистину сильный ветер — это Заратустра, и он предостерегает как врагов, так и тех, кто плюет и низвергает: Смотри, не плюнь против ветра!'

Эта тема снова всплывает во сне Заратустры. Ему снится, что он стал хранителем могил в «Одинокой горной крепости смерти». О том, что произошло после огромных и бесплодных усилий открыть ворота, он поведал: Тогда бушующий ветер распахнул створы их: свистя, крича, разрезая воздух, бросил он мне черный гроб. И среди шума, свиста и пронзительного воя раскололся гроб, и из него раздался смех на тысячу ладов... Не ты ли сам этот ветер, с

пронзительным свистом

распахивающий ворота в замке Смерти? Не ты ли сам этот гроб, наполненный многоцветной злобою и ангельскими гримасами?2

Ницшевская тайна сбрасывает всю маскировку и возникает явственно, даже яростно в этом образе. Много лет назад, в 1863 или 1864 г., Ницше написал в поэме «Незнакомому богу»: 'Ницше Ф. Так говорил Заратустра// Ницше Ф. Соч. Т. 2. М., 1990. — Примеч. ред.

^м.: Ницше Ф. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 98.- Примеч. пер.

Я должен знать тебя, незнакомый Некто, Тебя, кто обнаруживает глубины в моей душе, И несется, как буря, сквозь мою жизнь. Ты — непостижимый, и все же мой король! Я должен знать тебя, и даже беречь тебя.

И через двенадцать лет в чудесной «Мистрально? он говорит: Мистральный ветер, ты охотник за облаками, Ты губишь страдания, ты — очиститель небес, Ты — бушующий шторм, как я люблю тебя!

И родились ли мы оба первенцами

Из одного и того же чрева, навсегда предназначенные

Одной судьбе?

В дифирамбе, известном как «Плач Ариадны», Ницше целиком, весь — жертва бога-охотника и не может ни на минуту освободиться даже последующим насильственным самоизбавлением от Заратустры: Распростертый, растянутый, дрожащий, Как и он, наполовину мертвый и холодный, только

ноги еще теплы — и сотрясаемый, о, неизвестными

лихорадками, Содрогаемый отточенными, холодными, ледяными тонкими стрелами, отточенными тобой — преследующее мое воображение!

Невыразимый! Темный! Больно-пугающий! Ты охотник позади облачных гор! А сейчас молния, пущенная тобой, Ты — насмешливый глаз, что мной в темноте н он делает так, что я лежу, подчинив себя, скрутив себя, содрогаемый постоянной, вечной пыткой, И обуянный

Тобой, жесточайший охотник, Ты, незнакомый — БОГ...

Эта живейшая картина изумительная конечно, основана на переживании

объяснена просто дифирамбичностью языка. Можно найти следы происхождения этой фигуры в книге о юности Ницше, написанной его сестрой Элизабет Фёрстер-Ницше, в которой описывается переживание, связанное с этим богом, когда Ницше был школьником в Пфорте и ему было 15 лет'. Ницше бродил ночью по унылому лесу и, напуганный впечатлением от «пронзительного крика из соседнего психиатрического приюта», повстречался с охотником, чьи «Черты были дики и жутки». В долине, «окруженной со всех сторон густым подлеском», охотник поднес свисток к губам и выдул такую «душераздирающую ноту», что Ницше лишился рассудка и пришел в себя лишь в Пфорте. Это был кошмар. Показательно, что столкновение с охотником поставило вопрос о путешествии в Тойченталь (Teutschental)2, ради чего автор кошмара действительно собрался идти в Эйслебен, город Лютера. Едва ли можно ошибочно истолковать пронзительный свист бога бури в лесу лунатиков.

Действительно ли только классический филолог, сидящий в Ницше, привел к богу, названному Дионисом, вместо Вотана, или, может быть, это результат фатального столкновения с Вагнером?

В «Царстве без пространства» («Reich ohne Reum»)3, впервые опубликованном в 1919 г., Бруно Гютц увидел тайну прихода немецких событий в виде очень характерного видения. Я не забуду эту маленькую книжку, так она меня поразила тогда предсказанием немецкой бури. Она предвидела конфликт царства идей и царства жизни; она изобразила двойную природу бога бури и тайного созерцания. Вотан исчез, когда пали его дубы, и снова возник, когда христианский бог оказался слишком слабым, чтобы спасти своих христиан от братоубийственной резни. Когда его Святейшество Папа Римский мог только горько жаловаться Богу

' Становление Ницше. Автобиографические записки (Der Werdende Nietzsche. Autobiographe Aufzeichnungen, 1924).

'Слово «Teutsch» — старая форма «Deutsch». «Teutschental» означает Немецкую долину.

'Первое издание: Kiepenheuer, Potsdam, 1919. Второе расширенное издание: Seeveriag, Kopstanz, 1925.

и был бессилен помочь своей Grex segregatus1 хоть как-нибудь иначе, одноглазый старый охотник на опушке немецких лесов смеялся и седлал Слейпнира2.

Мы, опираясь на экономические, политические и психологические факторы, убеждены, что новый мир — мир благоразумный. Но если мы забудем на мгновение, что живем в 1936 г. от Рождества Христова, и отбросим действующую из самых лучших побуждений человеческую — слишком человеческую — позицию, а также вместо себя свалим на Бога — или богов — ответственность за сегодняшние события, то гипотеза о Вотане нам сможет все прекрасно объяснить. Собственно говоря, я рискую сделать еретическое предположение, что бездонная глубина и непостижимый

характер старого Вотана раскрывает национал-социализм глубже, чем все три разумных фактора, сложенных вместе. Понятно, что каждый из этих экономических, политических и психологических факторов объясняет какой-нибудь важный аспект положения дел, происходящих в Германии, но все же Вотан объясняет лучше. Он особенно четко выявляет то, что относится к общему феномену, такому необъяснимому и непостижимому для чуждого человека, как бы глубоко он его ни обдумывал.

Общий феномен можно резюмировать как Одержимость (Ergriffenheit) — состояние существа побуждаемого или почти одержимого. Это выражение недвусмысленно обосновывает наличие некоего Одержимого (Ergriffener) — того, кто побуждаем чем-либо, а также Одержащего (Ergreifer) — того или чего-либо, что побуждает или «одерживает». Вотан — это Одержащий людей, и он реально единственное объяснение, если только мы не хотим обожествлять Гитлера, то есть делать именно то, что и сделали с ним сегодня! Да, Вотан разделяет свои качества со своим двоюродным братом Дионисом, но похоже, что последний оказывает воздействие на женщин. Менады3 — проявления женского

'Grex segregatus (лат.) — паства. — Примеч. пер. Слейпнир — мифический восьминогий, «быстро скользящий» се

рый конь Вотана. — Примеч. пер.

'Менады, вакханки — женщины, охваченные безумным влия

нием Диониса — Примеч. пер.

сексуального влечения, и, как гласит миф, проявления до статочно опасные. Вотан ограничился берсерками1, нашедшими свое призвание в охранении мифических королей.

Разуму, еще по-детски наивному, боги представляются так называемыми метафизическими сущностями или существами (entia)2, бытующими в себе, либо же он считает их несерьезной и суеверной выдумкой. С обеих точек зрения приведенная параллель между redivivus3 Вотана и социальной, политической, психологической бурей может быть ценной хотя бы как иносказание, т. е. «как будто бы». Но разум вырывается из своих оков, утверждая метафизическое существование богов. Такое постулирование настолько же самонадеянно, как и мнение, что богов можно изобрести, ибо несомненно, что боги — это персонификация психических сил. Тех психических сил, которые не имеют почти ничего общего с сознательным разумом, хотя мы и очень любим забавляться идеей того, что сознательный разум и психика тождественны. Это только интеллектуальное предположение, но мы напуганы «метафизическим» и поэтому развили манию все рационально объяснять. Эта пара всегда была братьями-врагами, и естественно, что надо бояться их конфликта. «Психические силы» в действительности относятся к бессознательному. Все, что подбирается к нам из этого темного царства и приходит вроде бы извне, мы с уверенностью воспринимаем как реальность. В противном же случае оно рассматривается как галлюцинация, следовательно, как нечто неистинное. Идея, что нечто, не приходящее извне, может быть верным, пока еще с трудом пробивается к человечеству.

Для облегчения понимания и избежания предубежденности надо было бы вместо Вотана сказать о «furor teutonicus»4.

'Берсерки — свирепые воины Вотана, профессионально-священно гибнущие на поле боя. Жили в Вальхалле (жилище Вотана, воинский

рай). — Примеч. пер.

2 Entia (лат.) — сущности, существа. — Примеч. пер. Redivivus^a/n.^ — бывшего, обновленного. — Примеч. пер. ^uror teutonicus (лат.) — бешенство тевтонов. Тевтоны —

одно из названий древних германских племен. — Примеч. пер.

Но тут может идти речь более о сходстве, нежели полной замене, ибо получится, что «furor» просто психологизация Вотана, что говорит нам лишь о том, что люди находятся в состоянии «помешательства». А так мы можем упустить ценную характеристику феномена в целом, т. е. драматический аспект Одержащего и Одержимого, что является наиболее выразительной частью немецкого феномена. Один человек, явно одержимый, заразил всех людей так, что все пришло в движение и, более того, взяло опасный курс.

Мне кажется, что Вотан как гипотеза «попадает в яблочко». Похоже, он действительно дремал в Кифхойзеровской горе, пока вороны его не позвали и не возвестили рассвет'. Вотан — это основополагающая характеристика немецкой души, иррациональный, психический ее фактор, действующий как циклон на высокое давление цивилизации и сметающий ее прочь. Почитатели Вотана, несмотря на всю их эксцентричность и причуды, похоже, оценивали эмпирические факты более верно, чем поклонники разума. По-видимому, все до одного забыли, что Вотан представляет первобытный немецкий фактор и что он — самое точное выражение и неподражаемая персонификация основного человеческого качества, которое особенно характеризует немца. Хьюстон Стюарт Чемберлен2, правда, выступает симптомом, вызывающим подозрение, что скрытые завесой боги могут дремать и в другом месте. Но в Германии симптомы очевидны: выпячивание немецкой, т. е. арийской, расы, акцент на кровь и связь с землей, народные обычаи, возвращенные к жизни, Вагалаусские (Wagalawei) песни, полет валькирий3, пророк Иисус в виде белокурого и голубоглазого героя, греческая мать Святого Павла, дьявол как

' Вороны у Вотана выполняют роль стражей и связных. Кифхойзер — место в горах Гарца, где, согласно легенде, спит и дожидается срока своего второго пришествия император Фридрих Барбаросса. — Примеч. пер.

Чемберлен Хьюстон Стюарт (ум. в 1927 г.) — писатель, социолог. Англичанин, жил в Австрии, Германии. Творчество претерпелс эволюцию от темы кризиса («нет постоянства») к темам социал-дарвинизма. Считается предшественником фашистской идеологии. — Примеч. пер.

'Пляски Валькирий — полет духов войны в женском обличье. Валькирии — слуги Вотана, прядут ткань войны.

международный Эльберих' еврейского или масонского сорта, нордическая Аврора Бореалис2 как светоч цивилизации и презрение к «низшим», средиземноморским расам. Все это — обязательные части сценария, который разыгрывается, и, по сути, все это означает одно: бог уже вступил во «владение» немцами и их дом полон «могущественным ветром». Если я не ошибаюсь, вскоре после того, как Гитлер захватил власть, в «Панче» появилась такая карикатура: торжествующий

берсерк вырывается из своих оков. Дикая, иррациональная буря разразилась в Германии, а мы все надеялись, что это обычные перемены погоды.

В Швейцарии дела идут сравнительно хорошо, хотя изредка доносятся порывы ветра с севера и юга. Иногда ветер приобретает угрожающие звучания, а иногда кажется, что он нашептывает совсем безвредно и даже идиллически, так что никто и не тревожится. Мы достаточно мудры, «чтобы позволить спящей собаке лежать», можем вести свою жизнь, таким образом, достаточно разумно. Иногда можно услышать, что у швейцарца особая сопротивляемость к своим проблемам. Я должен отвергнуть это обвинение. Швейцарец является интроспективным, но он ни за что на свете не признается себе в чем-либо, даже когда замечает ветер на своей земле. Вот так же и мы платим нашу безмолвную дань немецкой эпохе бури и натиска3. Но мы никогда не вспоминаем об этом, что дает нам возможность чувствовать свое превосходство. Тем не менее это все — немцы, у которых есть практический шанс поучиться, фактически имеется благоприятная возможность, может быть, уникальная в истории. Они подвергают души тем опаснос-

•Эльберих— седобородый гном германских легенд. Благодаря своему волшебному колпаку мог становиться невидимым, обладать силой дюжины людей. Зигфрид («Нибелунги») победил его и овладел волшебным колпаком и сокровищами Нибелунгов, которые защищал гном.

'Aurora borealis (лат.) — т. е. Северное сияние нордической (скавдинаво-германской) расы. — Примеч. пер.

'«Буря и натиск». — Скрытая цитата из немецкой литературы конца XVIII в. (Гете, Шиллер) с идеалами страсти, борьбы. Шиллеровская драма «Вильгельм Телль» о борьбе за независимость Швейцарии оказала сильное воспитательное влияние. — Примеч. пер.

тям, от которых христианство пытается спасти человечество, и могут научиться понимать природу этих опасностей в глубине своих душ.

Германия — земля духовных катастроф, где известные природные явления никогда не предполагали большего, чем требование мира, не без соображений о мировом господстве. Нарушитель спокойствия — ветер, дующий в Европу из бескрайней и первобытной Азии, проносящийся по широкому фронту от Фракии до Балтики. Иногда он дует извне и разметает народы перед собой, как сухие листья, а иногда действует изнутри и внушает людям идеи, сотрясающие основы мира. Это стихийный Дионис, врывающийся в Аполлонийский порядок. Назовем творца этой бури Вотаном, и мы очень много сможем узнать о его характере, изучая историю и ход революций и беспорядков, которые он породил в духовном и политическом мире. Но чтобы понять его характер совершенно точно, надо вернуться в то время, когда человечество использовало мифологический язык и не пыталось объяснить каждую вещь, примеряя ее на человека и его ограниченные способности. Язык мифов уходит вниз, в глубочайшие первопричины, в психику и ее автономные силы. Древнейшая интуиция человека воплотила эти силы в богов и описала как можно полнее и тщательнее в соответствии с их разнообразными характерами в мифах. Это стало возможным, потому что здесь — проблема основных и неизменных типов или образов, присущих бессознательному многих народов. Поведение народа получает свой специфический характер из собственных, лежащих в основании образов, и, следовательно, можно говорить о некоем архетипе «Вотана»1. Как автономный психический фактор, Вотан порождает эффекты коллективной жизни людей и в соответствии с этим также раскрывает свой характер. Так что Вотан имеет характерную биологию, вытекающую из его особенностей, совершенно независимую от

' Вы можете прочитать, что Бруно Гётц высказал в отношении Одина как немецкого странствующего бога: Deutsche Dichtung — Vita Nova Verlag, S. 36, 72. К сожалению, я прочитал эту книгу только после того, как закончил эту статью.

природы человека. Лишь иногда, время от времени, люди падают, сраженные непреодолимым влиянием этого бессознательного фактора. Когда фактор бездействует, архетип Вотана осознается не больше скрытой эпилепсии. Мог ли немец, уже будучи взрослым в 1914 г., предвидеть, что произойдет в 1935 г.? Такое удивительное изменение — эффект бога ветра, что «проносится там, где ему нравится, и ты вслед за ним слышишь звук, но не можешь сказать, откуда он явился и куда он правит». Он подхватил все лежащее на его пути и вырвал с корнями все, что не крепко держалось. Когда несется ветер, все — ненадежно, внешнее и внутреннее — все вскрывается.

Как раз недавно опубликовал монографию, посвященную Вотану, Мартин Нинк', — весьма желанное дополнение нашему знанию о характере этого бога. Пусть читатель не пугается того, что эта книга — обычное научное исследование с академической точки зрения. Действительно, она очень объективно и вполне достойно оценивает правила науки; в ней чрезвычайно обширный материал тщательно собран и приведен в стройную систему. Но что важнее, чувствуется, что автор жизненно заинтересован в материале, что струна Вотана вибрирует и в нем. Это не критика, наоборот, большое достоинство книги, которая без этой вибрации легко опустилась бы до неинтересного каталога. Авторская Одержимость внесла жизнь в программу, что особенно заметно в последней главе «Обзор».

Нинк действительно создает величественный портрет немецкого архетипа Вотана. Описывая его в десяти главах, использует весь имеющийся в наличии материал: Вотан как берсерк, как бог бури, путешественник, воин, как бог-Чарование, бог-Возжелание, повелитель и Ein heria2, магистр тайноведения, волшебник и бог поэтов. Не забыты ни валькирии, ни fulgia3, ведь они относятся к мистическому окружению и пророческому значению

' Вотан и верование в свою судьбу. (Vodan und gemanischer Schioksalsglaube. — Eugen Diderich, Jena, 1935.)

2 E i n heria (из сканд.) — отличный воин, — Примеч. пер.

3 Fulgia (сканд.) — дух-защитник человека или рода. — Примеч. пер.

Вотана. Особенно прозрачны изыскания Нинка по этимологии имени. Становится ясно, что Вотан не только бог ярости и неистовства, соединяющий инстинктивную и эмоциональную стороны бессознательного. В Вотане проявляется и интуитивная и вдохновляющая сторона— он понимает руны' и может толковать судьбу.

Римляне отождествляли Вотана с Меркурием, но в действительности индивидуальный характер Вотана не соотносится с каким-либо из римских или греческих богов, хотя и существует некоторое сходство. Он странствует, например, как Меркурий; правит смертями как Плутон и Кронос, и с Дионисом его связывает эмоциональное неистовство, особенно в гадательном аспекте. Удивительно, что Нинк не упомянул Гермеса, греческого бога откровения. Как Пневма2 и Нус3,

Гермес тоже связан с ветром, он может быть мостом к христианской пневме и к явлению, произошедшему на Троицын день4. Как и Поймандр5, Гермес — Одержащий людей. Нинк правильно выделяет то, что Дионис и другие греческие боги всегда оставались под верховной властью Зевса, и эта власть указывает на фундаментальное отличие греческого и немецкого темперамента. Нинк предполагает внутреннюю взаимосвязь Вотана и Кроноса; и недавнее поражение, возможно, знак того, что архетип Вотана был однажды захвачен и расцеплен в далекой античности.

'Руны, рунические надписи —· знаки древнейшего германского алфавита, в том числе гадательные (2 в.). — Примеч. авт.

^невма— категория христианского богословия (одна из центральных в гностицизме), за которой стоит Дух. — Примеч. пер.

3 ? у с — мировой разум. — Примеч. пер.

Pentecost — Пятидесятница, Троицын день, один из главных христианских праздников, празднуется на 50-й день после Пасхи. Согласно Ветхому завету, это праздник первых плодов урожая. По Новому завету, этот день — начало распространения христианства. В этот, 50-й день после вознесения Христа на небо Святой Дух снизошел на верующих и неверующих в Иерусалиме. — Примеч. пер.

5 «Поймандр» — герметический трактат, религиозно-философское сочинение, вдохновленное Гермесом Трисмегистом, т. е. богом, открывающим все тайны мира. (См.: Герметизм // Философский энциклопедический словарь. М.. 1983). — Примеч. пер.

Во всяком случае, немецкий бог представляет цельность, относящуюся к первобытному уровню, к психологическому состоянию, в котором человеческая воля почти идентична божественной и, значит, целиком в руках судьбы. Но существовали греческие боги, помогающие человеку против других богов, а отец Зевс находится на подступах к идеалу благодетельного, просвещенного деспота.

Не путь для Вотана — стоять и выказывать признаки возраста. Он просто исчез, когда время обернулось против него, и был невидим более тысячи лет, что означает, что действовал он лишь анонимно и косвенно. Архетипы походят на ложа рек, высохших, потому что их покинула вода, которая может вернуться в любое время. Архетип иногда, как старое русло, по которому в какое-то время текла вода жизни, прорезая для себя глубокую протоку. Дольше она текла — глубже протока и больше вероятность того, что раньше или позже вода вернется. Индивидуумы в обществе и, в большей мере, в государстве могут управлять этой водой и регулировать ее наподобие канала. Но когда вода достигает жизни наций, она становится великой хлынувшей рекой, вне контроля человека, но во власти того, что было всегда сильней, чем человек. Лиге Наций дали международную власть, и что же -- одни считают ее нуждающимся в заботе и опеке дитем, другие — неудавшейся попыткой. Вот так — нет узды на жизнь народов и жизнь летит бессознательно, без понимания того, куда она летит; похожа на камень, с грохотом несущийся вниз по склону до тех пор, пока, натолкнувшись на препятствие, крепче, чем он сам, не остановится. Политические события так же движутся от одного безвыходного состояния к другому, вроде воды в потоке, вдруг пойманной в водоворотах, водостоках, болотах. Все человеческое властвование заканчивается, когда индивид захвачен массовым движением и начинают функционировать архетипы. Такое же явление можно наблюдать, когда в жизни индивид сталкивается с ситуациями, неподвластными тем способам преодоления, с которыми он знаком. И достаточно оглянуться на юг или север Швейцарии и получить прекрасную возможность рассмотреть, как так называемый Вождь (Fuhrer) ведет себя, сталкиваясь с

движением в массах.

Правящий архетип не остается одним и тем же навсегда, выражающим только себя, например, в ожидании царства над миром, находясь во временном заточении. Архетип отца в Средиземноморье, созидающего порядок и вершащего справедливость или даже выражающего доброжелательность, был потрясен до своих оснований по всему Северу Европы. Красноречивое свидетельство этому — сегодняшняя судьба христианских церквей. Становится ясным (фашизм в Италии и положение дел в Испании), что шок значителен даже там, где трудно было и представить, — на Юге. Католическая церковь сама больше не в состоянии представить доказательство своей силы.

Народный бог напал на христианство под разными именами по широкому фронту. В России его назвали техническими достижениями и наукой, в Италии — Дуче, в Германии — «немецкая вера», «немецкое христианство» или «Государство». «Немецкие христиане»' — это тарабарщина. Было бы лучше для них, войди они в хауэровское «Движение за немецкую веру»2. Эти люди порядочны, действуют из самых лучших побуждений, они честно принимают свою Одержимость и внутри себя пытаются примириться с этим новым и неоспоримым фактом. Они переносят огромное число неприятностей, чтобы облечь их в видимое содержа-

1 Национал-социалистическое движение в протестантской церкви, пытавшееся исключить любые следы Ветхого завета из христианства.

'Вильгельм Хауэр (р. в 1881 г.) — первоначально миссионер, затем профессор санскрита Тюбингенского университета, был основателем и лидером «Движения за немецкую веру». Это движение пыталось учредить «Немецкую веру», основанную на германских и нордических расистских писаниях и традициях, например Мейстера Экхарта и Гете. Это движение стремилось сочетать ряд различных и часто несовместимых черт: некоторые из его членов еще допускали христианство, считая необходимым исключить нежелательные места, тогда как другие не только полностью отвергали любую форму христианства, но и любую разновидность религии и бога. Одно из общих мест о вере, преподносившееся в 1934г., гласило: «Движение за немецкую веру метит в религиозный ренессанс народа, выходящий из наследственных основ немецкой расы».

Можно сравнить это движение с проповедью, прочитанной д-ром Лангманном, евангелическим священником и высшим должностным лицом цер-

ние не слишком опасным путем поиска исторических параллелей, чтобы сохранить хотя бы видимость связующего защитного покрова. Такая деятельность открывает утешающее преходящее сияние великих людей прошлого. Тут в великие немецкие мистики, среди них, например, Майстер Экхарт, немец, который тоже был Одержимым. Таким образом, избегается большинство неловких вопросов типа: «Кто же этот «Одержащий»? Конечно же, это всегда был Бог. Но как Хауэр вместе со своей всемирной индогерманской сферой съезжает все больше и больше к нордической стороне, особенно к «Эдде», так и Одержимость проявляется все более и более в «немецком» вероучении, и становится все более понятным, что «бог для немцев» — это «немецкий» бог.

Нельзя удержаться от волнения, читая хауэровскую книгу', когда представляешь ее трагической и

в сущности даже героической попыткой добросовестного ученого. Хауэр не сознавал происходящего с ним. Как немец, он был разбужен и движим неслышным голосом Одержащего. И сейчас он пытается всей своей мощью, всеми своими знаниями и способностями выстроить мост между темными жизнесилами и светлым миром исторических идей и фигур. Но могут ли все эти чудесные вещи — относящиеся к прошлому, где

кви, на похоронах покойного Густлоффа. Д-р Лангманн обратился «в униформе армии спасения и высоких полевых ботинках». Он торопил покойника в поездку к Гадесу (бог царства мертвых в греческой мифологии. — Примеч. пер) и направлял в Вальхаллу, в дом Зигфрида и Балдура, в дом героев, «чувствующих жизнь немецких людей жертвой своей крови», подобно, среди прочих, Христу. «Возможно, этот бог посылает землян бряцать, идя своей дорогой сквозь историю». «Бог благословляет нашу борьбу. Аминь». «Почтенный господин закончил свое наставление точно так же, как сделали в «Новой цюрихской газете» (1936, № 249). Так служба держится Вотана, и это, конечно, чрезвычайно поучительно, ведь как она замечательно терпима к верующим в Христа! Что же. Единая Немецкая Церковь способна быть одинаково терпимой, проповедуя Христа, проливающего кровь за спасение человечества, и Зигфрида, Балдура и Одина, среди прочих? Вот такой удивительно гротескный вопрос можно задать в эти дни.

'«Немецкие боги» (Deutsche Gotteshau. Grundzuge eines deutschen Glaubens. — Karl Gutbrod, Stuttgart, 1934).

было другое умонастроение человека, — помочь человеку нынешнему, если он сталкивается с живым и бездонным первобытным богом, которого никогда не ощущал до этого? Человек втянут, как сухой лист, в буйный вихрь, и ритмические аллитерации «Эдды» неразрывно соединены с христианскими мистическими текстами, немецкой поэзией и мудростью Упанишад*. И Хауэр, сам Одержимый, использует лежащие в основе немецкого языка богатые и многозначные слова в той степени, которой и сам никогда не знал. Это не воздание должного ни Хауэру, санскристскому ученому, ни «Эдде», так как и то и другое было до. Это — дело Кайроса2, чье настоящее имя — Вотан, как это следует из ближайшего рассмотрения. Поэтому я хотел бы посоветовать «Движению за немецкую веру» отбросить свою излишнюю щепетильность — интеллигентные люди не спутают вас с теми вульгарными поклонниками Вотана, чья правоверность не более чем претензия. Есть люди в «Движении за немецкую веру» достаточно интеллигентные и человечные, чтобы верить и, более того, знать, что бог немцев — это Вотан, а не общий христианский Бог. Это трагический опыт, а не позор. Ужасно попасть в руки живого бога. Хорошо известно, что и Яхве3 не был исключением из этого правила. Филистимляне, адомитяне, амориты и прочие, пребывавшие вне Яхвы, нашли это чрезвычайно неприятным, и все христианство долго страдало под семитским испытанием божественного Аллаха. Мы, стоящие в стороне, судим немцев так, как будто они сознательны, были действующими силами, но, может быть, мы ближе к истине, когда считаем их и жертвами.

Надо сделать вывод на будущее, чтобы быть последовательными, рассматривая немецкие события с нашей —

'Упанишады — древнеиндийские религиозно-философские тексты, изложенные в форме бесед учителя с учеником. — Примеч. пер.

2 К а и р о с — настоящий момент времени, персонификация благоприятного момента.

'Яхве (И е г о в а) — бог иудейской религии. В то же время термин Яхве используется в других религиозно-философских течениях как тайное имя Бога вообще. — Примеч. пер.

предположительно особой — точки зрения: Вотан показа; себя беспокойным, буйным и бурным, а это лишь одна и;. сторон его характера. Он обладает на своей другой стороне, которая на время тоже способна стать видимой, различными экстатическими и пророческими качествами. Если вывод окажется верным, то национал-социализм — не последнее слово. Скрытым на заднем плане должно находиться то, что до некоторых пор мы не способны вообразить, но можем ожидать появления в ходе следующих лет или десятилетий. Пробуждение Вотана — это порядок отступления или ухода назад, в прошлое. Река была запружена и прорвалась в свое первоначальное русло. Но эта запруда не навсегда, это скорей «reculer pour mieux sauter»[1]', и вода прорвет преграду. Потом, позже, мы узнаем, что говорит Вотан, когда он «шепчется с черепом Мимира»[2].

ПСИХОТЕРАПИЯ СЕГОДНЯ

(Лекция, подготовленная к Встрече швейцарских психотерапевтов. Цюрих, 1941 г.)

Исследованием неимоверной важности стала бы подробная разработка отношения психотерапии к той ситуации, в которой сегодня находится наш европейский разум. И если еще нет такого самоуверенного предприятия, то упрекнуть нельзя никого, ибо кто может гарантировать, что созданная бы им картина нынешнего умственного и психологического состояния Европы действительно оказалось верной? Вообще, способны ли мы, свидетели и участники нынешних катаклизмов, составить хладнокровное мнение, спокойно оглядеться посреди неописуемого политического и умственного хаоса Европы? Или, может быть, было бы го-

•Reculerpour mieux sauter (фр.) — разгон для прыжка. — Примеч. пер.

2 М и м и р — один из персонажей «Старшей Эдды», древнеисландского эпоса, носитель мудрости. В данном случае обозначает: Вотан, набираясь мудрости у Мимира, может предвидеть булушее. — Примеч. пер.

раздо лучше, если бы мы сузили область психотерапии и ограничили нашу науку скромным кругом нескольких специалистов, которые могут оставаться равнодушными к руинам половины мира? Я боюсь, однако, того, что подобная позиция не вполне соответствовала бы сущности психотерапии, которая в конечном счете призвана «лечить души» Понятие психотерапии, как бы широко или узко ни истолковывалось, содержит в себе очень большой смысл, ведь душа — место возникновения всех действий и, значит, всего того, что происходит по воле человека. Не только трудно, а просто невозможно отрезать часть бескрайнего, безбрежного царства души и превратить ее в узкую область деятельности так называемой психотерапии. Верно, медицина пришла к тому, что ей следует отграничить для себя особую территорию, невроз и психоз, и в практических целях

лечения такое позволительно и вполне осуществимо. Но искусственное ограничение должно быть отброшено тогда, когда психотерапия перестает быть техникой, а становится наукой. В науке как таковой нет границ, там нет такой специализации, которая могла бы похвастаться абсолютной независимостью. Когда наука подбирается к границам своей «территории», она с неизбежностью проникает в смежные сферы, если только серьезно претендует на право называться наукой. Даже психоанализ Фрейда не может, не отходя от своих истинных начал, избегать вторжения в сферу других, иногда далеко не'родственных наук. Фактически невозможно лечить душу и вообще человеческую личность по частям. При всех нарушениях психики совершенно ясно — может быть, даже более ясно, чем при другого рода болезнях, — что психика — это целое, в котором все со всем связано. Когда к нам с неврозом приходит пациент, то не специализацию он приносит с собой, а психику в целом, и с ней — большой кусок мира, от которого эта психика зависит и без которого ее никак нельзя понять. Похоже на то, что психотерапия меньше, чем другие специализированные разделы науки, способна отгородиться замкнутым кругом специализации и заявить, что абсолютно ничего не должна большому миру. Постарайтесь, насколько вас хва-

тит, сосредоточиться на самых личных из личных проблем, и все равно, устоит ли ваша терапия под прицелом вопроса: из какого мира приходит к вам пациент и к какому миру ему нужно приспособить себя? Мир — это сверхличный факт, которому персоналистская психология, по существу, никогда не сможет отдать должного. Такая психология оправдана только для личных моментов в человеке. Но постольку, поскольку человек тоже является частью мира, он несет в себе элементы последнего, т. е. сверхличные и безличные, объективные элементы. Они включают в себя и чисто физическое и психическое основание человека, пока оно дано нам a priori. Да, личности отца и матери формируют первый и, очевидно, единственный мир человека, пока он маленький ребенок; но если такое формирование продолжается слишком долго, то человек на верной дороге к неврозу, ибо большой мир, в который ребенок должен вступить как в целый, неразъединенный мир, уже не мир отцов и матерей, а сверхличный факт. Вначале ребенок обосабливается от детского отношения к отцу и матери через взаимоотношения с братьями и сестрами. Старший брат — не настоящий отец, как и старшая сестра — не настоящая мать. Позже два первоначально друг другу чужих человека становятся мужем и женой, сходясь из разных семей с разной историей и часто имея разное социальное происхождение. Когда у них появляются дети, процесс завершается, вынуждая их войти как новоиспеченных родителей в роль отца и матери, которую они с самого начала их инфантильной позиции видели только в других, в тех, в отношении с которыми они пытались добыть для себя все преимущества роли ребенка. Любая, более или менее нормальная жизнь таким образом, протекает как энантиодромия', вызывая изменения позиции от крайности ребенка до крайности родителя. Эта перемена ролей приводит к необходимости признания таких объективных фактов и ценностей, которые ребенок еще мог избежать. Но вот школа заставляет его безжалостно рано в жизни осознать смысл понятий

'Энантиодромия (греч.) — переход явления через крайность в свою противоположность. Юнг использует термин Гераклита. — Примеч. пер.

об объективности времени, о долге и его исполнении, с внешней власти, нравится или не нравится ему школа ? учитель. С появлением в его жизни школы и хода неумолимого времени один за другим, со все увеличивающейся частотой, в его жизнь врываются объективно существующие факты, прокладывая себе дорогу безотносительно к тому, доволен ли он их появлением и, вообще, имеет ли к ним ? действительности хоть какое-нибудь отношение. При таком процессе становится наконец ясно, что за любое продление отцовского и материнского мира сверх соответствующего возраста ребенку придется заплатить слишком дорогую цену. Все попытки перенести личный инфантильный мир в мир окружающий обречены на провал, и даже тот перенос, что случается во время лечения невроза, хорош только как промежуточная стадия, предоставляющая индивиду благоприятную возможность сбросить с себя последние остатки цепляющихся за него пережитков детства и вывести проекцию родительских образов из внешней реальности. Такая работа — одна из самых трудных задач для современной психотерапии. Одно время оптимистически предполагали, что, пройдя через анализ своего содержания, родительские образы могут, так сказать, рассыпаться на составные части и раствориться. В действительности это невозможно. Родительские образы можно освободить от состояния проекции, можно отвести от внешнего мира, но они будут продолжать, как и все приобретенное в детстве, сохранять свою первую свежесть. При выведении проекции они возвращаются в собственную психику индивида, из которой в действительности, главным образом, и происходят*.

Однако перед тем как мы примемся за вопрос, что совершается в психике человека, когда родительские образы уже не проецируются, мы взглянем на другое: была ли известна проблема, которая стала освещаться современной психологией, новой психологией, когда-нибудь ранее, в те да-

' Как мы знаем, родительские образы составлены, с одной стороны, лично приобретенным образом собственных родителей, а с другой — родительским архетипом, существующим a priori, т. е. в досознательной структуре психики.

лекие времена, когда не существовало научной психологии в нашем смысле слова? Как она представлялась в прошлом?

Видимо, не стоит искать в историческом прошлом тот вид формулировки проблемы, который был бы сходен с нашим, ибо в древности люди не были знакомы с современной психотерапией. Однако превращение детей в родителей происходило всегда и везде, и с ростом роли сознания оно все труднее переживалось субъективно. Вследствие этого надо ожидать, что мы можем встретиться со своеобразными психотерапевтическими системами, дающими людям возможность совершить этот трудный переход. Фактически мы уже обнаружили, что даже самые примитивные люди предпринимают некие решительные действия в те моменты жизни, когда происходят резкие психические перемены: инициация при наступлении половой зрелости, традиционные церемонии, связанные со свадьбой, рождением, смертью. Все эти ритуалы, соблюдаемые с величайшей точностью и тщательностью в примитивных культурах, еще свободных от чужого влияния, по-видимому, изначально служат для предотвращения психических травм, которые при их отсутствии могли бы получить люди в такие периоды Вместе с тем эти церемонии наделяли инициируемого необходимыми для жизни знаниями и подготовкой. Существование и благополучие первобытного племени прямо зависит от щепетильности и традиционности исполнения этих ритуалов. Всякий раз, когда эти обычаи приходят в упадок под воздействием белого человека, подлинная племенная жизнь прекращается; племя утрачивает свою душу и распадается. Мнения о влиянии христианских миссионеров f этом отношении очень сильно расходятся. Что касается меня, то увиденное мною в Африке привело к очень пессимистической точке зрения.

На более высоком, более цивилизованном уровне такая же задача берется на себя великими религиями. У нас это — крещение, конфирмация, церемонии бракосочетания и похорон. В католическом ритуале они, как правило, намного ближе к первоначальным источникам, более живые и более цельные, нежели в протестантизме. Здесь также хо-

рошо понятно, насколько отцовский и материнский мир детства растворен в богатой системе основанных на аналогии символов; патриархальный порядок вводит взрослого в новые отношения детства посредством духовного зарождения и перерождения'.

Папство как Pater Patrum и Ecclesia mater2 — это родители семьи, включающей весь христианский мир, кроме тех его частей, которые протестуют против него. Если родительские образы были растворены и поэтому превратились в неэффективные для развития, такой порядок теряет не только свою raison d'etre3, но и свою возможность, и поэтому не может вообще существовать. И все же в действительности находится место как для все еще активных родительских образов, так и для того познающего бытие ребенка, которого ничто не сможет уничтожить в человеческом сердце. Все это предусмотрено в полном значения деле достижения такого порядка. К тому же существует целый ряд других институтов церкви, охраняющих непрерывный процесс преемственности и его обновление время от времени. Это относится в первую очередь к мессе и исповеди. Причастие в самом первом его значении — это общий стол, за которым собираются и делят трапезу в присутствии Бога все члены семьи, следуя священному обычаю, простирающемуся далеко в глубь дохристианской эры.

Излишне описывать эти вещи более подробно, ибо они известны каждому. Я ссылаюсь на них просто для того, чтобы показать, что лечение души в прошлом учитывало те же фундаментальные факты человеческой жизни, что и современная психотерапия. Но насколько же иначе решает проблему родительских образов религия. Тут не стоит вопрос о растворении или разрушении их; наоборот, они признаются теми жизненными реальностями, которые было бы невозможно или нежелательно уничтожить. Религия позволяет им жить в преобразованной форме, в рамках строго тра-

' Баптизм. См. также текст «Benedictio fontis».

^ater Patrum и Ecclesia mater (лат.) — Бог-Отец и церковь-мать. — Примеч. пер.

'Raison d'etre (фр.) — причина существования. — Примеч. пер.

диционного, патриархального порядка, который не просто десятилетия, а столетия держится на живой связи. Так же как она поддерживает и оберегает детскую душу ребенка, так она уберегает и детскую душу человечества в форме бесчисленного количества следов, сохранивших свою жизнеспособность. Таким образом, она предусматривает защиту от одной из самых серьезных психических угроз, а именно — той потери корней, которая опасна и для цивилизованного человека, и для первобытных племен. Разрыв традиции, может быть временами и необходимый ей, всегда влечет утрату и угрозу, и это угроза душе, так как инстинктивная жизнь, являющаяся самым консервативным элементом человека, выражает себя как раз в языке традиционных

обычаев. Унаследованные от предков традиции и обычаи наиболее глубоко укоренены в инстинктах. Если традиции утеряны, сознательный разум оказывается отколотым от инстинктов; в этом случае сознательный разум теряет свои корни, и инстинкт, оказавшись без средств самовыражения, проваливается назад, в бессознательное. Далее он собой подкрепляет энергию бессознательного, заставляя ее перетекать в различные, существующие в это время сознательные содержания, и теперь такое, оторванное от корней состояние сознательного разума становится реальной опасностью. Эта тайная vis a tergo1 вызывает hybris2 сознательного разума, которое проявляется в завышенной самооценке или как комплекс неполноценности. В любом случае нарушено равновесие, а это делает индивида легкой добычей психических травм.

Если оглянуться назад, за тысячу или более лет существования нашей цивилизации, то можно увидеть, что европейский идеал воспитания и заботы о душе был, и по большей части еще остается, патриархальным порядком, основанным на признании родительских образов. Следовательно, в отношении к человеку (не имеет значения, насколько революционна его сознательная установка) прихо-

' V i s a tergo (лат.) — исподняя сила. — Примеч. пер. hybris (греч.) — термин введен Аристотелем и означает наглость, заносчивость, невоздержанность в страсти. — Примеч. пер.

дится считаться с тем фактом, что психика обладает патриархальной или иерархической склонностью, которая заставляет психику инстинктивно цепляться за такой порядок или же добиваться его, если он не найден. Любая попытка, которую мы предпримем для ослабления власти родительских образов и детской души, поэтому обречена на провал с самого начала.

Теперь можно вернуться к нашему вопросу: что происходит, когда родительские образы уже не проецируются? Конечно, можно отвести -родительские образы от известных личностных носителей проекции. Это относится к основам нашего ремесла. Проблема усложняется, однако, в тех случаях, когда осуществляется перенос на врача. Процесс растворения этого переноса может перерасти в кризис. Ибо что случится с образами, когда они уже не привязаны к человеческому бытию? Папа, как верховный отец христианского мира, получил свои полномочия от Бога. Он служитель из служителей, и поэтому перенос образов на него является переносом на Отца в Небесах и на Мать Церковь на земле. Что же станется все-таки с мужчинами и женщинами, насильно вырванными и лишенными корней? Профессор Моррей' по казал на обширном статистическом материале (так подтвер див мой, перед этим опубликованный опыт), что частота появления комплексов в среднем самая высокая у евреев, про тестанты идут вторыми и только третьими — католики. Насколько тесно человеческое· мировоззрение связано с благополучием психики, видно из того, что сущность концепции жизни человека, то есть способ взгляда на вещи, обладает действительно наивысшей важностью и для него, и для его психического здоровья. Это настолько справедливо, чтс можно с уверенностью сказать, что события являются для нас не такими, каковы они есть, а такими, какими мы их видим. Если, к примеру, у нас осталось неприятное впечатление от ситуации или вещи, наше удовольствие от взаимодействия испорчено, и тогда обычно вещь становится для нас непригодной. Но, наоборот, ситуация становится не толь-

' Морре и Г. А. Изыскания в проблеме личности (Explorations in Personality. — Oxford University.

N. Y.. 1938).

ко терпимой, но часто приятной, когда мы в состоянии отказаться от определенных предубеждений или можем изменить точку зрения. Парацельс, который прежде всего был гениальным врачом, подчеркивал, что тот не был доктором, кто не понял искусства «теоретизирования»'. Он имел в виду, что мало достичь врачебного умения, кроме этого врач должен довести до пациента ту психическую установку и тот способ взгляда на болезнь, которые бы дали возможность врачу лечить, а больному вылечиться или, по крайней мере, терпеть болезнь. То есть то, что он сказал: «Всякая болезнь есть очистительный огонь»2. Он сознательно принимал и широко использовал целебную силу психической позиции. Соответственно, когда я лечу ревностных католиков, мой долг врача позволяет мне при столкновении с проблемой переноса отойти в сторону и перевести проблему на церковь. А если лечу не католика, такой путь выноса закрыт для меня, и мой долг врача не позволяет сделать мне шаг в сторону, потому что нет никого и ничего подходящего, к чему бы я мог подвести отцовский образ. Я могу, конечно, с помощью здравого смысла пациента убедить его в том, что я не отец. Но в этом случае я становлюсь благоразумным отцом, и, несмотря ни на что, все-таки отцом. Не только Природа, но и пациент не терпит пустоты. У него теперь инстинктивное отвращение к уходящим родительским образам, и его детская душа попадает в нереальность безнадежного прошлого и отсутствие будущего. Его инстинкт подсказывает ему, что, если он все же является цельным лицом, то в той или иной форме такие вещи должны сохраняться у него. Он знает, что по окончании отведения проекции последует что-то, по-видимому, похожее на нескончаемую изоляцию внутри «Я» (ego), которое будет все более навязчиво, ибо для «Я» у него так мало любви. Он считал, что его состояние до отведения было непереносимым, но и не очень-то похоже, что теперь он вдруг начнет терпеть его из чистой благоразумное™. Таким образом, на этой стадии католик, освободившийся от излишних уз, связывающих его с родителями, легко может

•Labirintus Medicorum, iii, Theorica Medica. 2 De Ente Dei, Tr. V, i.

вернуться к таинствам церкви, которые он теперь в состоянии воспринять лучше и глубже. Некоторые протестанты тоже в одном из новейших вариантов протестантизма могут найти смысл, взывающий к ним, и так еще раз достичь подлинно религиозного отношения. Все другие случаи, если только они не являются случаями насильственного разрешения, часто травмирующими, останутся, как говорится, «застрявшими» в ситуации переноса, подвергающими как пациента, так и врача серьезному испытанию терпением. Этого трудно избежать, и при внезапном впадении в безотцовщину, в состояние сиротства, можно в отдельных случаях (а именно там, где существует предрасположенность к психозу), получить опасные последствия из-за внезапной активации бессознательного, всегда сопровождающего это впадение. Соответственно проекция может и должна быть изъята постепенно, шаг за шагом. Интеграция содержаний, находящихся в расколотых родительских образах, осуществляет активационный эффект в бессознательном; эти образы наполняются энергией, которой они первоначально владели в детстве и благодаря которой продолжали осуществлять важнейшее влияние даже во взрослом возрасте. Поэтому их интеграция означает значительный доступ энергии из бессознательного, которое вскоре становится чувствительным из-за того, что сознание устойчиво детерминировано бессознательными

содержаниями. Ситуация при условии, что в бытие нет ничего, кроме «Я», имеет то следствие, достаточно парадоксальное, что в сновидениях и фантазиях теперь возникают безличные, коллективные содержания, похожие на тот материал, из которого выстроены некоторые шизофренические психозы. Поэтому ситуация небезопасна: ибо отделение «Я» от его связи с проекциями (среди которых принципиальную роль на финальной стадии играет перенос на врача) создает угрозу, что «Я», которое было прежде растворено во взаимоотношениях с личностным окружением, теперь может растворяться в содержаниях коллективного бессознательного. Это происходит из-за того, что родители и их образы, даже если родители умерли, что может случиться, и в этом мире их нет, перешли в тот, «иной мир» коллективного бессозна-

тельного, где они продолжают иметь ту же дезинтегрирующую склонность к образованию проекций, что и раньше.

Здесь, однако, в дело вступает целебный компенсаторный эффект, который каждый раз кажется мне чудом. В лице угрожающей тенденции к дезинтеграции из того же коллективного бессознательного вытекает противодействие, характеризующее такими символами, что безошибочно свидетельствуют о процессе централизации. Этот процесс создает не что иное, как новый центр личности, который своей символикой проявляет превосходство над эго, а потом доказывает свое старшинство и эмпирически. Он уже не может быть назван «Я», и поэтому я соответственно дал ему имя «Самость» («Self»). Переживание и реализация Самости — это конечная цель индийской Йоги; при рассмотрении психологии Самости неплохо бы иметь ключ к сокровищам индийской мудрости. В Индии, как и у нас, переживание Самости не имеет ничего общего с интеллектуальностью; это — витальное событие, вызывающее фундаментальное переустройство личности. Я назвал процесс, ведущий к такому переживанию, «процессом индивидуализации». Если я рекомендую изучение классической Йоги, это не значит, что я один из тех, кто закатывает глаза в экстазе, заслышав их магические слова типа «дхьяна» и «будхи» или «мукти», но то, что психологически мы можем многому выучиться, имея при себе философию Йоги, которая прежде всего несет практическое применение. К тому же материал в понятном изложении имеется в восточных книгах и переводах, сделанных с них. Опять же, я начал говорить о ней не потому, что на Западе нет ничего равноценного; я просто рекомендую Йогу, потому что западная мудрость, аналогичная Йоге, более или менее недоступна, за исключением специалистов. Она мудрость тайная и искажена до неузнаваемости тем, что сформулирована как эзотерическая система, и еще всей той бессмыслицей, которой последняя обставлена. В алхимии покоится спрятанная западная созерцающая Йога, но она хранила тщательно скрываемую тайну из-за страха ереси и ее ужасных последствий. Для практикующего психолога тем не менее алхимия имеет одно неоценимое преимущество перед

индийской Йогой — идеи алхимии почти полностью выражены в необычно богатой символике, и, кроме того, это как раз та символика, которую мы до сих пор обнаруживаем у наших пациентов. На мой взгляд, помощь, которую алхимия может оказать для понимания символики индивидуационного процесса, — огромнейшей важности1.

Алхимия описывает то, что я называю Самостью, как incorruptible2, то есть как субстанцию, которая не может быть растворена, Единое и Неделимое, не сводящееся к чему-нибудь еще, и в то же время Всеобщее. Алхимики XVI столетия и вправду дали ей имя Fillius Macrocosmi3. Современные данные соответствуют этим определениям.

Я должен был вспомнить все эти вещи для того, чтобы подойти к проблеме сегодняшнего дня. Если мы упорно и последовательно идем путем естественного развития, то приходим к опыту Самости и состоянию бытия, каково оно есть. Эта же цель в виде этического требования выражена в motto4 Парацельса, чью 400-летнюю годовщину смерти мы отмечаем осенью 1941 г.: «Alterus non sit'qui suus esse polest»5 — высказывание равно как швейцарское, так и алхимическое. Но дорога к этой цели трудна, и не всякому до путешествия. «Est longissima via»6 — говорят алхимики Мы только лишь в начале развития, чьи истоки лежат в поздней античности, которое за все время средневековья пришло к немного большему, чем потаенному существованию, прозябающему во мраке и представленному уединенными чудаками, которых не без основания назвали Tenebrionis7. И все же такие люди, как Альберт Магнус, Роджер Бэкон

'Ср.: «Психология и алхимия» («Psychologie und Alchimie». Rascher, Zurich, 1944) и «Психология и религия» («Psychologie and Religion. Terry Lectures». — Yale University Press, 1938).

2! n corruptible (лат.) — непреходящее, нетленное. — Примеч. пер.

3 F i 11 i u s Macrocosmi (лат.) — сын Макрокосма, т. е. внешнего человеку мира.

4 M o 11 o (лат.) — остроумное изречение. — Примеч. ред. Alterus non sit'qui suus esse potest (лат.) — Пусть не буіct другим тот, кто может быть собой. — Примеч. пер.

'Est longissima via (лат) — это очень долгий путь. — Примеч. пер. Tenebrionis (лат.) — темные личности. — Примеч. пер.

я Парацельс были среди отцов современной науки, и их дух з немалой мере способствовали подрыву авторитета «всеобщей» церкви. Наша современная психология — это один из результатов развития, вышедших из духа естественной науки, и, не осознавая его, дух продолжает работу, которую начали алхимики. А эти люди были убеждены donum artis1, что был дан только для некоторых electis2, и сегодняшний опыт откровенно показывает нам, насколько кропотлива и трудна работа с каждым отдельным пациентом и насколько мало открытий и опыта может дать психологическая работа. Тем временем распад и ослабление исцеляющих институтов церкви продолжается угрожающими темпами, и утрата любого священного авторитета постепенно ведет к религиознофилософской, равно как и социополитической анархии, отвратительной европейскому человеку, привыкшему уже к патриархальному порядку. Попытки в достижении окончательной индивидуальной сознательности и в стремлении сделать личность зрелой являются, если рассматривать их с социальной точки зрения, еще слабыми, чтобы выдержать любое бремя в лице исторической необходимости вообще. Если общественному порядку в Европе не предстоит быть потрясенным в своих основаниях, тогда авторитет должен быть немедленно и во что бы то ни стало заново установлен.

Возможно, что установление общности Державы как замены общности церкви, не соответствует тенденции, возникшей в Европе. Точно так же как церковь когда-то была абсолютной в своем старании реально создать теократию, государство сейчас устанавливает абсолютные права на исключительное владение всем. Руководящий принцип духа не был заменен управляющим принципом, исходящим от природы или от lumen natura3, как называл его Парацельс, а был заменен всеобщим введением индивидуума в политическую общность, названную «Державой».

Это приоткрывает путь выхода из дилеммы, так как родительские образы

' D o n u m artis (лат.) — дар творца. — Примеч. пер. 2 E 1 e c t i s (лат.) — избранные. — Примеч. пер.

turnen natura (лат.) — свет природный, естественный свет сущности. — Примеч. пер.

могут теперь проецироваться на Державу как на универсального снабженца и на авторитет, определяющий все мышление и всю волю. Появление науки связано с потребностями коллективной социальной системы, и наука единственно ценная в виде ее практической полезности этой системе. Естественное развитие души заменяется уже не духовным порядком управления, который объединяет столетия и поддерживает жизненность культурных ценностей, а политическим строем, служащим властной цели отдельных групп и обещающим массовые экономические выгоды. В этом отношении глубоко укорененное стремление европейца к патриархальному и иерархическому порядку находит адекватное конкретное выражение, замечательно соответствующее инстинктам масс, но закрепляемое на таком уровне, который для культуры оказывается вреден.

Тут мы подошли к проблеме, неизбежно разделяющей мнения. С одной стороны, психиатрия претендует на научную основу и, значит, опирается на принцип свободного исследования. В соответствии с декларированной ею целью психиатрии предстоит приобщить людей к независимости и моральной свободе, используя открытия непредубежденного научного исследования. Какие бы ни были условия, к которым хотел бы приспособиться индивид, он всегда делает это сознательно, исходя из своего свободного выбора С другой стороны, поскольку политические, иными словами, державные цели даны„как превалирующая ценность. психотерапия с неизбежностью будет превращаться в инструмент определенной политической системы. Ей придется готовить людей к тому, чтобы они могли приспосабливаться к целям этой системы, даже если из-за этого они перестанут соответствовать своему индивидуальному и наивысшему предназначению. Здесь нам непременно возразят, что конечное предназначение человека заключается не в индивидуальном, а в общественном бытии, так как вне общества индивид вообще существовать не может. Такое возражение — веское, его нельзя с легкостью отбросить. То. что индивид может существовать только благодаря обществу, и что он так существовал всегда — истина бесспорная. Вот

почему мы видим у племен обычай инициации, введения во взрослость, пройдя который индивид сбрасывает узы, соединяющие его с семьей, а в действительности — со всей его предыдущей самотождественностью, и через ритуальную смерть возрождается затем уже в качестве члена племени. Кроме того, существовали такие древние цивилизации типа Египта и Вавилона, где индивидуальность была сосредоточена в лице царя, в то время как рядовой индивид оставался безымянным. Или вот еще: можно наблюдать целые семьи, где на протяжении поколений индивидуальность имени нивелировала ее носителей; или длинная череда японских художников, отрекшихся от своих имен и принявших имя своего учителя, к которому просто добавлялся номер. Тем не менее великим, выдержавшим проверку временем достижением христианства было то, что в противовес архаическим системам, которые основывались на первоначальной проекции психических содержаний, оно одарило судьбой бессмертной души каждого отдельного человека, а

не только, как в древнейшие времена, исключительно царей. Но здесь обсуждение того, в какой мере это христианское нововведение представляет достижение человеческого сознания и вообще культуры, зашло бы слишком далеко, ибо такое нововведение положило конец проекции наивысших ценностей индивидуальной души на личность царя или каких-либо других привилегированных особ. На этой стадии присущее природе человеческого существа стремление к сознательности, моральной свободе и культуре оказывается сильнее, чем давящее душное принуждение тех проекций, которые беспросветно держат человека узником во тьме бессознательного и выталкивают его в ничтожность существования. Сделанный шаг вперед возложил на человечество и тяжкий крест — муки сознания, морального конфликта и двусмысленности собственного мышления. Задача, которую возлагает сознательно развитие, настолько трудна, что если и может быть выполнена, то лишь через постепенный процесс, длящийся столетия. За решение этой задачи должно быть заплачено тяжелым трудом в борьбе со всеми теми силами, которые беспрестанно склоняют нас на гораздо бо-

лее легкий путь бессознательного. Выбравшие путь бессознательного полагают, что задачу можно безболезненно оставить «другим» или же, в крайнем случае, анонимному Государству. Но кто же эти «другие», эти сверхлюди — ибо они должны быть таковыми, кто такой сильный, чтобы сделать то, что не в состоянии сделать даже эта среднестатистическая персона, средний индивид? Нынешние приверженцы сугубо бессознательного пути — люди, чья природа. мышление, чувства — все точнехонько соответствует нашему собственному, за исключением того, что они — искусные мастера оставлять дела другим. А кто такая, в конце концов, сама Держава? Это — скопление всех тех ничтожеств, из которых она сделана. Если бы ее можно было бы персонифицировать, в результате бы получился индивид или, скорее, чудовище, которое интеллектуально и этически стояло бы на гораздо более низкой ступени, чем большинство индивидов, из которых оно было бы составлено. Ибо это чудовище воплотило бы в себе лишь массовую психологию, добравшуюся до высшей власти. Вот почему христианство и в свои лучшие дни никогда не соглашалось с верой в Державу, но ставило перед человеком вселенскую цель, которая должна бы освободить его от принудительной власти его проекции на этот мир, где господствует дух тьмы. Оно дало человеку бессмертную душу, которая может стать ему точкой опоры, чтобы перевернуть мир. Оно дало человеку это, показывая, что его цель — не власть над этим миром, а достижение Царства Божьего, имеющего все основания в его душе.

Как человек не может существовать без общества, так не может он существовать без кислорода, воды, белка, жиров и так далее. Как и все это, общество — одно из необходимых условий бытия человека. Но было бы нелепо настаивать на том, что человек существует для того лишь, чтобы дышать воздухом. Точно так же нелепо говорить, что человек существует ради общества. «Общество — не что иное, как понятие симбиоза групп человеческих существ. А понятие — не носитель жизни. Единственный и естественный носитель жизни — это индивид, и эта истина верна во всей

природе'. «Общество» или «Держава» — это скопление носителей жизни и как организация их — одно из самых важных условий жизни. Поэтому не вполне истинно высказывание, что индивид может существовать лишь в обществе. Во всяком случае человек может существовать без Державы намного дольше, чем без воздуха.

Если политической цели позволили стать преобладающей, несомненно, может случиться, что второстепенное выйдет на первый план. Индивид облапошен собственным, принадлежащим ему

по праву предназначением, и две тысячи лет христианства выкинуты прочь. Вместо сознательного бытия, расширенного выведением проекций, прозябание, суженное тем, что общество, которое само по себе просто условие существования людей, стало самоцелью. Общество — это величайшее искушение для бессознательного, и массы с неизбежностью проглатывают не рассчитывающего на себя индивида, низводя его до состояния беззащитной частицы. Держава, претендующая на все и вся, не станет меняться только ради того, чтобы психотерапия могла осуществить свое право помочь человеку выполнить свое естественное предназначение. Без этого права психотерапия будет лишь техникой решения простой задачи — повышения общественной эффективности. Душе придется всю жизнь расплачиваться своею собственною жизнью, и станет она функцией, которой будут пользоваться так, как Держава сочтет нужным. Наука психология должна будет опуститься до изучения средств, 'Песталоцци: «Ни учреждения, ни системы, ни способы образования, установленные для масс и нужд людей как целого, какие бы очертания и формы они ни принимали, не служат развитию человеческой культуры. В огромном большинстве случаев они полностью непригодны для этой цели и прямо противоположны ей. Наша раса развивает свои человеческие качества только от лица к лицу, от сердца к сердцу. Такое может происходить только в маленьких кругах, постепенно разрастающихся все больше в тепле чувства и любви, истины и доверия. Все средства, необходимые для воспитания человека, сделать его гуманней, сделать его настоящим человеком — в руках индивида и тех институтов, что близко. интимно связаны с его сердцем и разумом. Они никогда не были и не бу дут относиться к массам. Они никогда не были и не будут делом цивили зации» (E d e m. Rascher and К·, Zurich, 1927. S. 187).

систематически эксплуатирующих психический аппарат. Что до ее терапевтических намерений, то успешное повсеместное введение пациентов в Государственную машину будет критерием успеха лечения. Но с того момента, когда требуемого можно будет быстрее достичь созданием полностью бездушного индивида, то есть созданием индивида как можно более бессознательного, все методы, приводящие к увеличению сознательности, одним махом станут устаревшими, и лучшее, что предстоит, это вытаскивание из чулана прошлого всех тех методов, что когда-то использовались для убережения человека от процесса становления сознания из его бессознательных содержаний. Искусство психотерапии, таким образом, будет вынуждено столкнуться с полным упадком'.

Такова, в общих чертах, альтернатива для психотерапии в нынешние времена. Ход будущих событий покажет, придется ли Европе, полагающей, что она уже избежала средневековья, во второй раз на столетия окунуться во мрак Инквизиции. А это вполне может случиться, если тоталитарные претензии Державы насильственно будут доведены до конца и постоянно будут поддерживаться. Самая проницательная личность не сможет отрицать, что организация нашего общества, называющегося Державой, не только ощущает сильный зуд увеличить свою власть, но и вынуждается обстоятельствами делать это. Если это происходит при свободном согласии и вызвано тем, что граждане Державы понимают, что творят, тогда в"качестве результата будет толь-

' Песталоцци: «Из существования в общности наша раса может снять урожай только цивилизации, но не культуры».

«Верно ли, что мы каждый день не замечаем того, что божественное дыхание слабости в человеческом чувстве и восприимчивость к истине, запрятанную глубоко в духе, гораздо легче задушить у людей, составляющих массы, и их чиновников, когда стадоподобное скопление людей становится более обширным и более важным и когда чиновничество, представляющее законную концентрацию власти масс, чувствует себя свободней и обладает большой силой?»

«Человек, живущий в общности, что не больше, чем просто коллективный человек, погружается в бездну дьяволов цивилизации и, похороненный этими дьяволами, прекращает стремиться и ищет не больше, чем дикое животное в рысканье по лесу» (Песталоцци. Loc. cit., p. 189).

ко добро. Если, наоборот, такое происходит из-за того, что люди решили для себя более удобным уклониться oi трудных решений или из-за недостатка сознательности, тогда индивид подвержен верной опасности прекратить свое существование как человеческого существа. Случись такое, исчезнут отличия Державы от тюрьмы или термитника.

Хотя достижения индивидуального сознания соответствуют естественному человеческому предназначению, это — не единственная цель последнего. Конечно, стремлением образованных людей не может быть только стремление создать анархический сгусток простых элементов жизни. Это бы слишком напоминало непризнанный идеал крайнего индивидуализма, который сам по себе лишь болезненная реакция на столь же неадекватный коллективизм. В противоположность им естественный процесс индивидуализации вызывает у человека сознание своей связи с общностью именно потому, что он вводит в сознание бессознательное, являющееся общим фактором, объединяющим человечество. Индивидуализация означает — стать наедине с собой и в то же время с человечеством, поскольку в конечном счете и один — человеческое существо. Когда обеспечена такая основа развития индивида, есть гарантия, что организованное нагромождение индивидов в Державе — даже в Державе, обладающей сильной центральной властью, — увенчается образованием не безымянной толпы, о сознательной общности. Обязательным для этого, однако же, должно быть условие, что человек будет способен вырабатывать свои индивидуальные решения с полной свободой и сознательностью. Без свободы и независимости индивида не получится истинной общности; и стоит предположить, что без такой общности даже независимый и обретший внутреннюю уверенность индивид не долго будет процветать'.

' Более чем 100 лет назад, при обстоятельствах, не очень отличающихся от сегодняшних, Песталоцци сказал: «Человеческая раса не может поддерживать свое общественное единство без наличия некоей силы, создающей порядок. Закон и искусство — это силы культуры, которые объединяют людей как индивидуумов в независимости и свободе. Действующие силы простой цивилизации объединяют людей друг с другом в массы властью одной только силы, не учитывая ни свободы, ни закона, ни искусства». (Loc. cit., p. 186).

Более того, и общему благу лучше служат мужчины и женщины, когда они личности независимые. Обладает ли сегодня человек зрелостью, необходимой для этой решимости, это другой вопрос. Заметим все же, что и решения, отчаянно предвосхищавшие естественное развитие, одинаково сомнительной ценности. Невозможно достаточно долго к фактам природы применять насилие. Они — как вода с ее способностью просачиваться сквозь, они подмывают любую систему, которой не хватает внимания учесть эти факты, и раньше или позже вызывают ее падение. Но тому правлению, где при ведении государственных дел хватает ума предоставить природе возможность чувствовать себя свободно, — а ее частью является дух — нечего бояться преждевременного падения. Возможно то, что европеец хочет, да и ему требуется, наверное, большей меры власти, — это оскорбительный признак его духовной незрелости. Но мы все-таки поставлены перед фактом, что бесчисленные в Европе миллионы (при недостойном соучастии так называемых реформаторов, чье ребячество — тоже от недостатка традиции), избежали Patris potestas' царей и императоров лишь для того, чтобы пасть беспомощными и бесчувственными

жертвами любого вида силы, которая хочет присвоить себе авторитет. Незрелость человека — это факт, с которым мы должны считаться.

Мы в Швейцарии живем не на какой-нибудь там малой планете, вращающейся в безвоздушном пространстве, но на той же земле, как и все. Мы точнехонько в середине этих проблем, и если мы бессознательны, мы точно так же, как другие нации, падем их жертвами. Самое опасное будет тогда, когда мы вообразим, что мы на более высоком уровне сознания, чем соседи. В то же время было бы ошибкой для горсточки психологов и психиатров, каковыми мы и являемся, переоценить свою роль, или, как мне хочется сказать более пышно, мне бы хотелось все-таки подчеркнуть, что как раз именно потому, что мы психологи, наша первейшая задача и долг — понять психическую ситуацию нашего времени, ясно осознать его вызов нам и те проблемы, с которыми мы по его милости сталкиваем-

'Patris potestas (лат.) — отцовская власть. — Примеч. пер.

ся. Даже если наш голос слишком слабый, мы можем утешиться поговоркой китайского мастера: «Когда просвещенный человек один и думает, его услышат за тысячу миль».

Лиха беда начало. Поэтому мы не против трудоемкой. но делаемой на совесть работы, с тяжелыми случаями отдельных людей, даже если цель, к которой мы стремимся лежит в недостижимой дали. Одно дело нам под силу — развить и привести в зрелое состояние отдельных людей Если мы убеждены, что индивид — носитель жизни, тогда мы служили предназначению жизни и тогда результатом наших усилий будет хотя бы одно дерево, приносящее плоды. пусть даже тысячи других бесплодны. Но тот, кто принимается помогать всему, что хочет дорасти до наибольшей высоты, вскоре поймет, что сорняки, которые всегда росли пышнее всех, вымахали у него над головой. Поэтому я считаю, что наивысшая задача психотерапии сегодня — преследовать единственную цель, цель развития индивида, При этом наша работа пойдет дорогой естественных усилий развития в каждом отдельном человеке наиболее возможной полноты жизни, ибо только в каждом отдельном человеке жизнь может исполнить свой смысл — а не в птице, которая сидит в золотой клетке.

ПСИХОТЕРАПИЯ И мировоззрение

(Вступительное послание к дискуссии на Встрече Швейцарского общества психологии. Цюрих, 26 сентября 1942 г.)

Психотерапия развивалась из практических и наскоро придуманных методов, поэтому она существовала задолго до того, как смогла посвятить время обдумыванию собственной интеллектуальной основы. Эмпирическая психология поначалу близко держалась физических, а позже — физиологических

'Weltanschauung (нем.) переводится и как «философия жизни», и как «мировоззрение». В английском издании этот термин переведен как «философия жизни». — Примеч. пер.

представлений, и только после долгих колебаний решилась на сложные явления, составляющие ее собственную область деятельности. Точно так же и психотерапия была вначале только вспомогательным методом и лишь постепенно освободилась от представлений медицинской терапии и подошла к пониманию того, что имеет дело не столько с физиологическими, сколько с психологическими постулатами. Иначе говоря, она сочла необходимым поставить те психологические проблемы, которые быстро вышли за рамки экспериментальной психологии тех дней с ее элементарными утверждениями. Нуязды терапии потребовали постановки крайне сложных по меркам этой, еще новой науки факторов, и ее практикующим врачам зачастую недоставало «инструментария». Поэтому неудивительно, что вначале появилось ошеломляющее разнообразие идей, теорий и точек зрения в дискуссиях, обсуждающих психологию, обязанной, если можно так выразиться, своим существованием терапевтической практике. Едва ли стоит набрасываться на постороннего наблюдателя, если у него сложилось представление об этом, как о вавилонском столпотворении. Такая неразбериха была неизбежна, ибо, как со временем стало понятно, психику нельзя лечить, не беря человека как целое, включая сюда и самые конечные, самые глубинные аспекты, тем более что и больное тело нельзя излечить, не учитывая целостность его функций, — или скорее, как настаивают некоторые представители современной медицины, целостность самого больного человека.

Это важнейшее — по своей сложности — психическое обстоятельство теснейшим образом связано со всеми моментами человеческого бытия. Да, элементарные психические явления очень родственны физиологическим процессам тела, и не существует ни малейшего сомнения, что физиологический фактор образует хотя бы один полюс психического космоса. Инстинктивные и аффективные процессы и вся та невротическая симптоматика, появляющаяся, когда эти процессы нарушены, явно опираются на физиологическую основу; но, с другой стороны, некоторые разрушительные факторы, оказывается, могут своей властью превратить физиологический порядок в беспорядок. Если причиной

нарушения стало вытеснение, тогда разрушительный фактор, т. е. вытесняющая, подавляющая сила принадлежит к «высшему», психическому порядку. Она не является чем-то элементарным и физиологически обусловленным, а скорее, как показывает опыт, очень сложной детерминантой, типа факторов целесообразности, этических, эстетических, религиозных и иных традиционных факторов, под которые невозможно подвести какую-нибудь физиологическую основу. Эта сфера очень сложных доминант образует второй полюс психики. Опыт показывает, что в определенных случаях здесь энергии содержится во много раз больше, чем на полюсе физиологически обусловленной психики.

Самые первые успехи новой психотерапии и именно психологической области открыли проблему противоположностей, проблему, наиболее характерную для психики. Структура психики фактически настолько противоречива и контрапунктивна, что едва ли можно сделать какое-либо психологическое утверждение без того, чтобы не задеть противоположное.

Проблема противоположностей представляет собой подходящее, идеальное место преломления копий для самых различных теорий, а особенно для частично или вообще нереализованных предрассудков чьего-нибудь мировоззрения. При таком своем развитии психотерапия растревожила осиное гнездо огромных размеров. Давайте возьмем в качестве примера на первый взгляд достаточно простой случай вытеснения инстинктивного желания. Когда вытеснение подвергается распаду, желание выходит на свободу. Когда оно свободно, оно хочет жить и функционировать по-своему. Но это провоцирует рождение трудной — иногда нестерпимо трудной — ситуации. Желание поэтому следует видоизменить, или «сублимировать», как говорят. Как это должно произойти без задействования нового вытеснения, толком никто объяснить не может. Маленькое слово «следует» само по себе доказывает ненадобность терапевта и является

признанием того, что он исчерпал свои ресурсы. Последнее средство, призыв к разуму, был бы хорош при условии, если бы человек по природе был animale rationale1, но ведь это не так, и он настолько же без-

'Animale rationale (лат.) — разумное животное. — Примеч. пер.

рассуден, как и благоразумен. Так что разума зачастую недо статочно, чтобы видоизменить инстинктивное желание, по пытаться сделать его приемлемым для рационального порядка Никто не может даже постичь, сколько нравственных, эти ческих, философских и религиозных конфликтов возникает w этой стадии проблемы, факты же превосходят всякое вообра жение. Любой добросовестный и любящий истину психотера певт может многое рассказать об этом, хотя, конечно, не публично. Все современные проблемы, все философские и религиозные сомнения наших дней разожжены, и, если только или психотерапевт, или пациент вовремя не возьмут себя в руки, оба испытают потрясение до глубины души. Каждому придется обстоятельно пересмотреть мировоззрение, и самостоятельно, и вместе. Да, верно, есть произвольные ответы и решения, но и в принципе, и на перспективу они и нежелательны, и не удовлетворяют. Ни один гордиев узел не может постоянно разрубаться — он обладает дурацким свойством каждый раз завязываться вновь.

Задача приведения пациента в соответствие со своим мировоззрением — одна из тех задач, которую по необходимости устанавливает для себя психотерапия, даже если она не углубляется в бездны духа каждого пациента. И надо как-то ответить на вопрос о той измеряющей планке и о том этическом критерии, что должны определять наши действия, ибо может случиться, что пациент станет ожидать от нас разъяснения оснований наших суждений и выводов. Не каждый пациент может позволить себе оставаться в позиции инфантильной неполноценности лишь из-за того, что мы отказали в услуге такого объяснения; совершенно очевидно, что подобная ошибка терапевтической техники выбьет самую почву из-под наших ног. Иначе говоря, искусство психотерапии требует, чтобы терапевт отвечал за тот конечный приговор, который может быть установлен и который заслуживает доверия и оправдан, который доказал свою применимость либо тем, что остановил невротическое раздвоение самого терапевта, либо тем, что не цал неврозу развиться. Терапевт-невротик не заслуживает имени терапевта, ведь невозможно подвести пациента к лучшему состоянию, чем смог достичь сам целитель. Обладание

комплексами, с другой стороны, — само по себе не говорит о неврозе, комплексы — это естественные фокусные точки сбора психических событий, и то, что они болезненны, еще не означает, что налицо патологическое расстройство. Страдание — это не болезнь, а нормальный противовес счастья. Лишь тогда комплекс становится патологическим, когда мы уверяем себя, что мы его не имеем.

Мировоззрение, как самая сложная структура в психике, — это противоположный полюс для

психики, обусловленной физиологически, и, как наивысшая психическая доминанта, в конечном счете определяет судьбу последней. Мировоззрение — ведущая сила в жизни терапевта, оно формирует суть его терапии. И, казалось бы, изначально мировоззрение — система субъективная, однако обладает возможностью становиться системой строго объективной, и вполне вероятно, что время от времени при столкновении с истиной пациента будет разрушаться, но возродится, обновленная произошедшим. Убеждения легко превращаются в самозащитные приспособления, при этом они имеют тенденцию закостеневать, но теперь они — противоположность чувству жизни. Проверка прочности убеждений — их приспособляемость и гибкость; подобно любой возвышенной истине, они чувствуют себя лучше, признавая свои ошибки.

Не хочу скрывать, что мы, психотерапевты, должны действительно быть философами или философствующими лекарями, или, вернее, мы уже таковы, хотя и не склонны признавать это из-за разительного контраста между нашими концепциями и тем, что в качестве философии преподается в университетах. То, что мы испытываем, еще можно назвать религией in statu nascendi1, ведь когда мы слишком близко приближаемся к невероятно запутанным, определяющим жизнь корням, тогда еще невозможно отделить философию от религии. В то же время постоянное напряжение терапевтической ситуации, вовлекающей так много разрушающих эмоций, впечатлений, не оставляет нам свободного времени для систематического упражнения в умении устанавливать различия или абстрагироваться. Поэтому ни философскому, 'In statu nascendi (лат.) — в состоянии зарождения — Примеч пер

ни теологическому факультету мы не можем предложить четкого представления принципов, взятых из опыта жизни.

Наши пациенты страдают от цепей невроза. Они пленники бессознательного, и если мы попытаемся, вооружившись пониманием, войти в царство бессознательных сил, нам придется противостоять тем же силам, которые не смогли сдержать наши пациенты. Подобно врачам, лечащим эпидемии, мы подвергаемся воздействиям угрожающих сознанию сил, и приходится принимать любую разумную предосторожность, чтобы уберечь не только свою человечность, но и человечность пациента от лап бессознательного. Мудрое самоограничение — отнюдь не то же самое, что учебник философии, и страстная молитва, вырывающаяся в момент смертельной опасности, далеко не то же, что теологический трактат. И тем не менее и то и другое — результат религиозно-философской позиции, соответствующей движущим силам жизни в самой непосредственной форме.

Высшая доминанта всегда религиозно-философской природы. Сама по себе она насквозь первобытна и как факт наблюдается во всем развитии у примитивных людей. Эта доминанта обязана своим возникновением любой трудной, грозной, переломной фазе жизни. И это самая естественная реакция на все сильно насыщенные, эмоциональные ситуации. Хотя бывает, что она не видна, остается в тени вместе с той полусознательной эмоциональной ситуацией, которая ее породила. Поэтому совершенно естественно, что эмоциональное нарушение пациента задействует соответствующие религиозно-философские факторы у терапевта. Врач часто чувствует затруднение, отвращение, когда в его сознание входят первобытные содержания такого рода, и он совершенно оправданно предпочитает прибегнуть к помощи философских и религиозных идей,

уже нашедших место в его сознании из внешних источников. Такое положение вещей вполне нормально, по-моему, до тех пор, пока дает возможность помочь пациенту найти свое место в одном из защитных институтов, существующих во внешнем мире. Такое разрешение проблемы полностью соответствует и природе, ибо всегда и везде существовали тотемичес-

кие кланы, культы и религиозные догмы, призванные придать упорядоченную форму хаотическому морю инстинктов.

Дело усложняется, однако, когда коллективное решение ситуации противоречит натуре пациента. Тогда встает проблема, а готов ли терапевт подвергнуть себя риску разрушения своих убеждений в контакте с истиной пациента. Если терапевт намерен продолжить лечение, ему нужно отправиться вместе с пациентом — в радости или в горе, не подсовывая никаких предуготованных представлений, — на поиски тех религиозно-философских концепций, которые смогут соотнестись с эмоциональным состоянием пациента. Эти концепции возникают в архетипическом оформлении, заново прорастая из той материнской почвы, из которой в конце концов возникли все религиозно-философские системы. Но если все-таки терапевт не готов ради пациента подчинить свои убеждения требованиям ситуации, тогда есть достаточные основания сомневаться, а действительно ли глубоко укоренилась его основополагающая позиция? Вполне возможно, что терапевт не сможет предложить выход из-за того, что стремится сохранить свои убеждения и свою уверенность. Это делает его незащищенным перед угрозой закостенения. Психическая эластичность эксплуатируется чрезвычайно широко, индивидуально и коллективно, но и она не безгранична, а потому в личном распоряжении случается ее так мало, что терапевт действительно не может выйти за пределы определенной степени закостенения. Ultra posse nemo obligatur'.

Самого по себе, отдельного, инстинкта нет, и изолировать его на практике нельзя. Он всегда тесно связан с архетипическими содержаниями, имеющими возвышенный вид, которыми он как оправдывается, так и ограничивается. Другими словами, инстинктивное желание всегда и неизбежно связано с чем-то в природе мировоззрения, каким бы архаическим, тусклым, недостаточно освещенным это что-то ни было. Инстинкт заставляет человека думать, и, если он не думает по своей собственной воле, возникает принудительное мышление, ибо два полюса психики, физиологический

'Ultra posse nemo obligatur (лат.) — никто не должен сверх меры. — Примеч. пер.

и духовный, неразрывны. Вот почему нельзя освободить инстинкты без того, чтобы не коснуться духа, точно так же как дух осужден на бессмысленную активность, когда разведен с инстинктивной сферой. Не надо думать все-таки, что связь между духом и сферой инстинктов обязательно гармонична. Наоборот, она исполнена конфликта и предполагает страдание. Отсюда наивысшая цель психотерапии — не перевести пациента в недостижимое состояние полного

счастья, а помочь обрести твердость и философское терпение, что даст ему возможность вынести страдание. Жизнь требует для своего исполнения равновесия между радостью и страданием, но так как само по себе страдание — это неудовольствие, то люди, естественно, предпочитают не думать о том, сколько же горя и заботы предуготовано человеку его природным жребием. Например, люди употребляют удобные слова вроде «прогресс» и «величайшее возможное счастье», забывая о том, что само счастье отравлено, если не была исполнена мера страдания. За неврозом часто скрыты все те естественные и необходимые страдания, которые пациент терпел с большой неохотой. Это прекрасно видно на случае с истерическими переживаниями, от которых пациент освобождается в курсе лечения, приняв соответствующее психическое страдание, которого стремился избежать.

Христианская доктрина первородного греха, с одной стороны, и смысла и ценности страдания — с другой, обладает поэтому высокой терапевтической ценностью и, несомненно, лучше подходит западному человеку, чем исламский фатализм. Точно так же и вера в бессмертие помогает тому ровному течению жизни в будущее, которое необходимо, когда приходится избегать задержки или регрессии развития. Эти представления огромной психологической значимости хотя и носят наименование доктрин, но было бы большой ошибкой думать, что они просто произвольные интеллектуальные конструкции. Психологически они гораздо ближе к природе чувственного опыта, к этой несомненно жизненной реальности. Если позволить себе распространенное сравнение, предположим, я чувствую себя хорошо и в согласии с жизнью, — то кто сможет доказать мне, что меня нет. Логические аргу-

менты просто отскакивают от переживаемого факта бытия Первородный грех, смысл жизни и бессмертие — такие же реалии чувства. Но на то, чтобы испытать их, существуе· дар Божий, который не высечет ни одно из человеческих ис кусств. Только откровенное подчинение чужой воле, само отдача может надеяться достичь эту цель.

Не каждый способен на такую самоотдачу. Сюда не до носится «следует» и «должно», ибо истинный акт напряга ющейся воли неизбежно поместит ударение на «Я буду», чт< противоречит результатам при самоотдаче. Титаны не смог ли захватить Олимп штурмом, и еще менее христиане — небеса. Самое целебное из всех переживаний, особенно не обходимое душе, это «именно то, до чего трудно добраться», и поход за этим потребует от обыкновенного человек нечто из ряда вон выходящее.

Как мы знаем, эта необычная вещь начинает проявлял себя в практической работе с пациентом в виде вторжения архетипических содержаний. Если этим содержаниям надо ассимилироваться, то наличных, текущих философских и религиозных представлений не хватает, ибо они просто не соответствуют архаической символике материала. Поэтому мы вынуждены обращаться к материалу, проистекающему из дохристианских и нехристианских представлений о мире, и наше оправдание делать именно так заключается в том, что на существование человека нет исключительного права у западного его типа, и в том, что белый человек — не какой-нибудь особо выделяющийся вид homo sapiens, любимый Богом. Кроме того, есть некоторые современные коллективные явления, которым мы не сможем отдать должное, если не вернемся к дохристианским постулатам, с которыми они соотносятся.

Кажется, врачи средневековья имели некоторое понятие об этом, ведь они практиковали философию, корни которой можно проследить еще в дохристианские времена и которая той же природы, что и близко соответствующие ей переживания, обнаруживаемые сегодня у пациента. Эти врачи помимо света божественного откровения признавали lumen naturae', который считали вторым и независимым источни-

'Lumen naturae (лат.) — свет естественный. — Примеч. ред

ком просвещения. Врач может вернуться к нему, если истина откровения в том виде, в каком ее на себя взяла церковь, почему-то окажется неэффективной для него или пациента.

Исключительно по практическим причинам, а не просто для оправдания своего хобби я и предпринял исторические исследования. Ни наша нынешняя медицинская подготовка, ни академическая психология или философия не дают врачу в руки тех необходимых знаний и средств, чтобы эффективно и с пониманием отвечать на нередко очень настойчивые требования терапевтической практики. Поэтому не стоит сдерживать себя чувствами неполноценных любителей истории, а следует разобраться, нельзя ли взять что-нибудь у медицинских философов далекого прошлого, когда еще душа и тело не жили порознь, розданные отдельным факультетам. Хотя мы и специалисты par excellence1, наша специализированная область, достаточно необычная, приводит нас к универсализму и требует нас целиком, заставляя преодолеть узко профессиональный взгляд. И мы должны пойти на такое преодоление, ибо целостность тела и души не пустой разговор. Однажды мы вздыбили наш разум в попытке вылечить душу и теперь не можем закрыть глаза на факт, что невроз не то, что свободно отделяется от остального человека, а вся патологически расстроенная психика. Вот это и есть фрейдовское революционное открытие: невроз не просто скопление симптомов, а неверное функционирование, поражающее всю психику. Важен, как мы поняли, не столько сам невроз, сколько тот, кто его имеет. Что нам приходится делать — направлено на человека, и надо суметь сделать оправданным его бытие именно как человека.

Конференция, которую мы сегодня проводим, доказывает, что психотерапия признала свою цель, ради которой придется платить равным вниманием физиологическому и духовному факторам. Произрастая из естественной науки, психотерапия переносит объективные, эмпирические научные методы на изучение феноменологии духа. Даже если этому суждено остаться просто попыткой, что ж, — то, что попытка была сделана, — неизмеримо важно.

'Par excellence (др. греч.) — по преимуществу. — Примеч. пер.

ПЕРЕЛОЖЕНИЕ ЛИБИДО КАК ВОЗМОЖНЫЙ ИСТОЧНИК ПЕРВОБЫТНЫХ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ИЗОБРЕТЕНИЙ'

В дальнейшем я попытаюсь обрисовать на конкретном примере переведение libido2. Однажды я лечил больную, страдавшую кататоническим угнетением3. Так как дело шло о легком психозе интроверсии, то нечего было удивляться наличности многочисленных истерических черт. В начале аналитического лечения, рассказывая об одном очень болезненном обстоятельстве, она впала в состояние истерического полуобморока, в течение которого проявила все признаки полового возбуждения. (Все указывало на то, что во время этого состояния она изъяла из сознания мое присутствие по весьма понятным причинам.) Возбуждение перешло в мастурбацию (frictio fomorum). Этот акт сопровождался странным жестом: она делала указательным пальцем левой руки на левом виске очень энергичные кругообразные движения, как если бы она хотела

просверлить там отверстие. После этого наступило «полное забвение» происшедшего и ничего нельзя было узнать о странном жесте рукою. Хотя в этом действии легко можно было признать перенесенное на висок ковыряние во рту, в носу и в ушах, которое, являясь прелюдией к онанизму, относится к области ludus sexualis4 раннего детства, к упражнению, подготовлявшему деятельность пола, однако это действие по впечат-

'Verlagerung (нем.) — переведение, переложение, перенос. В психоаналитической литературе широко распространен термин Obertragung (нем.) — (англ.) — перенос. В отличие от Verlagerung он используется для обозначения проекции внутренних качеств пациента на внешний мир. В данном тексте перенос (Verlagerung) обозначает чаще всего «переложение» либидо в ходе онто- и филогенеза в разные «точки» своего осуществления. — Примеч. пер.

libido (лат.) — страсть, желание. У 3. Фрейда обозначает энергию сексуального влечения. К. Г. Юнг использует это понятие шире: как жизненную энергию человека вообще. — Примеч. пер.

'Кататоническое угнетение — обездвижимость, застывшая поза, мышечное напряжение, отказ от речи. — Примеч. пер.

4 L u d u s sexualis (лат.) — сексуальные игры. — Примеч. пер.

леиию своему казалось мне все-таки более знаменательным: почему именно — мне было еще не ясно. Много недель спустя я имел возможность говорить с матерью пациентки. От нее узнал я, что пациентка еще ребенком отличалась большими странностями. Будучи двух лет, она обнаруживала склонность, сидя спиною к открытой двери шкафа, целыми часами захлопывать дверь, ударяя в нее ритмически головою', чем доводила всех окружающих до отчаяния. Немного спустя, вместо того чтобы играть, как другие дети, она стала сверлить пальцем в штукатурке стены дома отверстие. Она производила это при помощи небольших вращающих и скоблящих движений и занималась такой работой целыми часами. Для родителей она продолжала быть полною загадкой. (С четырех лет она начала онанировать.) Ясно, что в этом раннем инфантильном действии следует видеть преддверие дальнейших актов. Особенного внимания заслуживает здесь, во-первых, то, что действие производится не на собственном теле, а во-вторых, то, что оно совершается с таким упорством. Невольно усматриваешь причинную связь между этими двумя моментами и говоришь себе, что это упорство проистекает, вероятно, от того, что ребенок совершает это действие не на своем теле; сверля в стене, он никогда не достигает того удовлетворения, какое имеет, совершая то же онанистическое действие на себе.

Несомненно, онанистическое сверление пациентки может быть прослежено вплоть до самого раннего детства, предшествующего периоду местной мастурбации. Психологически это время окутано тьмою, ибо индивидуальное воспроизведение вполне отсутствует, так же как и у животного. У животного в течение всей жизни преобладает то, что свойственно его природе, отсюда определенность образа жизни, тогда как у человека понемногу индивидуальное начало пробивает-

' Это специфическое качание головой я наблюдал у одной страдающей кататонией; оно возникало из движений, сопутствующих соитию, которые мало-помалу передавались вверх; так уже давно описал это качание и Фрейд, усматривая в нем перенесение снизу вверх. Я был бы благодарен нашим кригикам, если бы они вместо бесконечных словесных споров попытались когца-нибудь подвергнуть обсуждению такое простое обстоятельство.

ся через родовой тип. Признавая правильность этого соображения, приходится в особенности удивляться поступкам этого ребенка, совершавшимся в столь раннем возрасте и потому непонятным в своей кажущейся индивидуальности. Мы знаем из дальнейшей биографии ребенка, что его развитие, как это и бывает всегда, переплелось с внешними событиями и привело к душевному расстройству, особенно хорошо известному индивидуализмом и оригинальностью своих проявлений, именно к dementia praecox. Своеобразие этой болезни, по-видимому, покоится (о чем мы упомянули выше) на более сильном проявлении фантастического образа мыслей и вообще ранних инфантилизмов; из этого мышления проистекают многочисленные соприкосновения с мифическим творчеством, и все, что мы принимали прежде за оригинальные и совершенно индивидуальные создания, часто оказывается ныне не чем иным, как образованиями, весьма близкими продуктам стародавнего времени. Полагаю, что этот критерий приложим ко всем образованиям этой странной болезни, вероятно также и к специфическому симптому сверления. Мы видели уже, что онанистическое сверление пациентки относится к раннему детству; это означает, что ныне оно было вызвано из того прошлого и произошло именно тогда, когда больная после нескольких лет замужества, потеряв своего ребенка, с которым она себя отождествила в своей чрезмерно нежной любви, впала в прежнюю мастурбацию. Когда ребенок умер, то у матери, тогда еще вполне здоровой, выступили симптомы раннего инфантилизма в форме почти нескрываемых приступов мастурбации, связанных с упомянутым сверлением. Было замечено, что первичное сверление обнаружилось в то время, которое предшествовало локализированию инфантильной мастурбации на половом органе. Это констатирование потому имеет особенное значение, что сверление должно быть отличаемо от подобной, но позднейшей привычки, которая проявилась после мастурбации. Позднейшие дурные привычки обычно представляют собою замену уже вытесненной мастурбации или попыток в этом направлении. В качестве такой замены эти привычки (соса-

ние пальцев, жевание ногтей, дерганья, ковыряние в ушах и в носу и т. д.) сохраняются дальше и у взрослых как вполне определенные симптомы вытесненной массы.

Как выше было сказано, деятельность либидо протекает первоначально в области функции питания, причем в акте сосания пища принимается при помощи ритмического движения со всеми знаками получаемого удовлетворения. С ростом индивида и с развитием его органов либидо пролагает себе пути к новым потребностям, к новой деятельности и к новому удовлетворению. Тогда дело идет к тому, чтобы первичную модель ритмической деятельности, порождающую чувство удовольствия и удовлетворения, перенести в область других функций. И, как конечную цель, именно сексуальности. Значительная часть «либидо голода» должна быть преобразована в «либидо пола». Этот переход совершается не вдруг, в период половой зрелости, как это обычно полагают специалисты, а очень постепенно в течение большей части детства. Либидо лишь с большим трудом и крайне медленно может освободить себя от своеобразия функции питания, чтобы войти в своеобразие функции пола. В этой переходной стадии, насколько я об этом могу судить, различимы две эпохи: эпоха сосания пальцев и эпоха передвинутой (verlagerten) ритмической деятельности. Сосание пальцев относится по своему характеру еще совершенно к питательной функции, но имеет перед ней то преимущество, что в собственном смысле функция питания уже отсутствует и налицо только ритмическое действие, конечною целью которого является удовольствие и удовлетворение без принятия пищи. Вспомогательным органом выступает здесь рука. В эпоху переложенной ритмической деятельности роль руки как вспомогательного органа становится еще яснее, обретение удовольствия имеет место уже не в

области рта, а в других областях. Возможностей здесь много. Большею частью предметом интереса либидо становятся прежде всего другие отверстия в теле, далее — кожа и особенные места последней. Выполняемая здесь деятельность, как-то грение, сверление, дерганье и т. п., проходит в известном ритме и служит к порождению чувства удовольствия. После

123

более или менее продолжительного пребывания либидо на этих «станциях» деятельность идет дальше, пока не достигает половой области и не становится там поводом к первым онанистическим попыткам. На своем пути либидо уносит с собою немало элементов из функции питания в половую область, чем и объясняются легко эти многочисленные и внутренние соприкосновения между функциями питания и пола. Если после оккупации половой области обнаруживается какое-нибудь препятствие к применению той формы либидо, которая стоит теперь на очереди, то по известным законам происходит регрессия к ближайшим предшествующим «станциям» обеих упомянутых эпох. Чрезвычайно важно то обстоятельство, что эпоха передвинутого ритмического действования в общих чертах совпадает с периодом развития духа и языка. Я бы предложил обозначить период от рождения до оккупации пола, которая большею частью происходит между тремя и пятью годами, как предполовую ступень развития; эту ступень можно сравнить со стадией куколки у бабочки. Она характеризуется различным смешением элементов функции питания и пола. На этой дополовой ступени могут быть некоторые регрессии; должно быть (если судить по сделанным до сих пор наблюдениям), так обычно бывает и с регрессией при dementia praecox. Приведу два кратких примера. В одном случае дело идет о молодой девушке, которая, будучи невестой, заболела кататонией. Увидев меня в первый раз, она внезапно подошла ко мне, обняла меня и сказала: «Папа, дай мне есть!» Другой случай имел место с одной молодой служанкой, которая жаловалась, что ее преследуют электричеством и причиняют ей в половом органе странное чувство: «Как если бы там внизу что-то ело и пило», — говорила она.

Эти регрессивные явления показывают, что прежние станции либидо способны подвергнуться регрессивной оккупации. Если это так при современном состоянии, то можно понять, что на отдельных стадиях развития человечества этот путь прохождения был более отчетлив, нежели ныне. Поэтому принципиально важно узнать, сохранились ли следы такого прохождения в истории.

124

Мы обязаны заслуженному труду Абрагама1 тем, что внимание наше было обращено на фантазию сверления, общую народам различных эпох; эта фантазия нашла свою обработку в значительном труде Адальберта Куна2. Благодаря этим исследованиям возникает возможность предположить, что похититель огня Прометей — брат индусского Bramantha, мужского символа, деревянного трута, от трения которого возникает огонь. Индусский похититель огня носит также имя Mataricvan3, а самая деятельность приготовления огня передается в гиератических текстах4 всегда глаголом Manthami, что означает трясти, терпеть, при помощи трения вызывать нечто Кун привел в связь этот глагол с греческим глаголом, что значит учиться, а затем выяснил также и средство понятий Tertium comparationis5 лежит, по-видимому, в ритме; в движении взад и вперед в духе. По Куну, корень или через связь свою с ??????? (??????, ???????) ?????????? ведет к Прометею — ?????????6.

•Abraham. Traum und Mythus. Deuticke. 1909 (А б р а г а м. Сон и миф). 1A. Kuhn. Mythologische Studien. Bd.l: Die Herabkunf des Feuers und Gottertrankes (А. Кун. Труды по мифологии. Нисхождение огня и Божественного напитка).

'Матаришван— мифологический персонаж («Ригведа»), похитивший в изначальном мире огонь для богов и Ману (первочеловека). Мифологически еще связан с ветром. Также — тайное имя бога Агни. Этимологически (совр. иссл.) — «растущий в матери», или как обозначение куска дерева для добывания огня с символикой полового акта. — Примеч. пер.

'•?? есть в священных, жреческих. — Примеч. пер. Tertium comparationis (лат.)— третье сравниваемое, искомое третье. Санскритское Pramathys, связанное с pramantha и имеющее двойное значение «трута» и «разбойника», создает переход к Прометею. Однако приставка p r a наводит на некоторое филологическое сомнение, так что целый ряд авторов не признает этого словопроизводства. Согласно другой точке зрения, турический Зевс носит интересующее нас здесь прозвище Про???????, вследствие чего и ???-?????? может быть вовсе не первичное индогерманское коренное слово, имеющее отношение к pramantha, а просто эпитет. По-видимому, отношение Прометея к pramantha вовсе не такое непосредственное, как это предполагает Кун. Но вопрос о наличии косвенной связи этим вовсе не исключается. Особенно важно значение ???-?????? как эпитета к ????: «пламенный» является «Промыслителем». (Pramati — предусмотрительность есть атрибут Agni, хотя pramati и другого словопроизводства.)

Ныне компетентные филологи держатся скорее того воззрения, что Прометей лишь потом получил значение «предумыслителя» (в противовес Эпиметею'); первоначально слово «Прометей» имело отношение к индусским, так что этимологически не следует приводить его в связь с ?????????, ??????, ????????; Наоборот, соединенное с Agni, pramathi — предусмотрительность, никакого отношения к manthami не имеет. Все, Прометей принадлежит к роду флегийцев, которых Кун поставил в неоспоримую связь с индусским жреческим Bhrigu (Bhrigu — ?????, связь по созвучию доказана). Bhrigu, как Mataricvan (разрастающийся в матери), также похититель огня. Кун приводит одно место, согласно которому Bhrigu возникает на пламени подобно Agni («В пламени родился Bhrigu, Bhrigu жарился, но не сгорел»). Это взгляд приводит к родственному корню Bhrigu. именно bhraj — светить, лат. fulgeo, греч. ????? ?????? ?????? (санскр. bharas — блеск, лат. — fulgur). Bhrigu является, таким образом, блистающим. ??????? зовется одна порода орлов за огненно-желтый цвет. Ясна связь с ??????? — гореть. Флегийцы были, следовательно, огненными орлами. (Орел как тотем огня у индейцев.) К флегийцам принадлежал и Прометей. Путь от Pramantha к Прометею идет, следовательно, не через слово, а через зрительный образ, и мы поэтому должны придать Прометею тот же смысл, который получается из индусской символики огня для Pramantha. Корень manth переходит, по Куну, в немецком языке к mangeln (недоставать), rollen (катать белье). Manthara значит мутовка для масла. Когда боги создали amrita (напиток бессмертия), разбалтывая океан, они пользовались горою Mandara как мутовкой (см. Кун). Штейнталь обращает внимание на латинское выражение поэтического языка: mentula — мужской детородный орган, причем menth-manth. Я еще прибавлю к этому: mentula есть уменьшительное от menta или mentha (?????) — мята. В древности мята называлась «короной Афродиты». Ментою она была названа, так как своим запахом проникает в душу, уже самый запах менты возбуждает дух. Это приводит нас к корню ment в слове mens — дух, англ. mind; этим параллельное развитие к словопроизводству pramantha — ????????? может считаться законченным. Можно присовокупить еще только, что особенно развитый подбородок называется mento (mentum). Такое развитие подбородка встречается, как известно, у приапической фигуры Пульчинелло, так же как и острые бороды и уши сатиров и других приапических демонов; вообще все выступы на теле могут получить значение мужского, а все углубления — женского элемента. Это относится как к одушевленным, так и к неодушевленным предметам. Впрочем, вся установленная связь может быть подвергнута сомнениям.

'Эпиметей — имя брата Прометея, означающее «позднемыслитель», «крепок задним умом». — Примеч. пер.

что можно констатировать в этом запутанном вопросе, так это то, что мышление, предусмотрительность, предумышление встречаются в связи со сверлением и добыванием огня; этимологически твердое отношение между употребляемыми для этих понятий словами современная наука пока еще не в состоянии установить. Наряду с перенесением коренных слов из одного языка в другой для этимологии должно иметь значение также и перенесение или же местное возрождение некоторых первичных образов и воззрений.

Pramantha как орудие огненного жертвоприношения (manhana) понимается индусами чисто половым образом: Pramantha как фаллос или мужчина; лежащее под ним дерево, подвергающееся сверлению как vulva1 или женщина. Полученный огонь есть дитя, божеский сын Agni2. Культ называет оба куска дерева Pururavas и Urvaci3; олицетворенные, они представляются как муж и жена. Из полового органаженщины рождается огонь. Особенно интересное изображение культового порождения огня (manthana) дает Вебер4.

'Vulva (лат.) — оболочка, матка. — Примеч. пер.

2 А гни — огонь, и бог огня, и один из богов древнеиндийской мифологии («Ригведа»). — Примеч. пер.

'Пururавас и У ? в а ш и — смертный и богиня. В древнеиндийской мифологии Урваши полюбила Пуруравaса и согласилась жить с ним на земле, но с с условием, что никогда не увидит его без одежды. Гандхарвы (полубоги) решили расстроить любовь. Ночью они похитили барашков, привязанных к ложу Урваши, и, сверкнув молнией, осветили бросившегося в погоню Пуруравaса. Урваши исчезла. Пururавас долго скитается в поисках Урваши, пытается стать гандхарвом. Для этого гандхарвы дают ему священную жаровню, принеся на которой жертву, можно стать гандхарвом. Пururавас теряет жаровню, и ему приходится добывать огонь трением дощечек друг о друга, дощечек, выструганных из смоковницы. — Примеч. пер.

4 То, что называется gulya (pudendum), обозначает место рождения бога — yoni; огонь, который там рождается, носит название благодатного. Katyayanas Karmapradira. Этимологическая связь bohren-gebohren допустима. Германское boron (bohren) исконно родственным лат. forare и греч. ????? — пахать, орать. Предполагают здесь индогерманский корень со значением «нести», санскр. bhar, греч. ??? — лат. fer: отсюда староверхненемецкое Ьогап — gebaren, англ. to bear, лат. fero и fertlis, tordus (беременный), греч. ?????. Walde приводит forare в связь с корнем bher. Со. ниже фаллическую символику плуга.

Жертвенный огонь возгорается при помощи трения двух деревяшек; берут кусок дерева со словами: «Ты — место рождения огня», затем кладут на него две былинки: «Вы два ядра», на них то дерево, которое должно лежать внизу (adhararani): «Ты — Urvaci», потом помазывают маслом то дерево, которое должно быть положено сверху (Uttararani): «Ты — сила (semen)», затем кладут Uttararani на Adhararani: «Ты — Pururavas», далее трут один кусок о другой трижды: «Я тру тебя метром Gayatri», «я тру тебя метром Trishtubn», «я тру тебя метром Jagati».

Половая символика этого порождения огня вне всяких сомнений. Мы видим здесь также и ритмику, метр в первичном месте, т. е. как бы сексуальный ритм, который через ритмизирование кликов в период течки дорастает до музыки. Одна песня Ригведы заключает в себе то же воззрение и ту же символику: «Это коловорот, породитель (penis) наготове, приведи госпожу рода1, станем

взбалтывать Agni по старому обычаю».

«В обеих деревяшках заключается jatavedas, как в беременных сохранен носимый плод; ежедневно должны восхвалять Agni рачительные, приносящие жертву люди».

«В распростертую вложи посох, ты, которому это ведомо; тотчас же зачнет она и родит оплодотворяющего; сын родился в великолепном дереве2, освещая свой путь красным острием».

' Госпожа являлась таковою и всего рода человеческого. Viopatni есть женская деревяшка. Viopati есть атрибут Agni, мужская деревяшка. Мысль о происхождении людей из огневицы следует той же логике наизнанку, какой руководствуется приведенная мысль о ткацком челноке и рукоятке меча. Роль совокупления в появлении на свет человека должна таким путем отрицаться; это вызвано первобытным сопротивлением сексуальности, мотивы которого будут ниже подробнее рассмотрены.

2 Дерево как символ матери известно современному исследователю снов (ср. S. Freud. Traumdeutung. S. 211). Штекель толкует дерево как символ женщины вообще. Далее, дерево является народным обозначением для грудей. Христианская символика дерева стоит, конечно, особо.

На, дочь Manu (в древнеиндийской мифологии. — Примеч. пер.), который с помощью своей рыбы пережил потоп и потом родил со своею дочерью людей.

Наряду с несомненной символикой совокупления мы заметаем здесь, что Framantha одновременно является и Agni, родившимся сыном: фаллос есть сын или сын есть фаллос; вот почему в мифологии Вед Agni носит троичный характер. Таким образом, мы примыкаем снова к культу «отца и сына» кабиров1, о котором выще было говорено. И в современном немецком языке сохранились отзвуки этих исконных символов: мальчик зовется Bengel, что значит дубина и кляп, в Гессене мальчик зовется Stift или Bolzen (шкворень, чека, болт). Artemisa Abrotanwn, называемая по-немецки Stabwurz, зовется по-английски boy's love2. Народное обозначение мужского полового органа «мальчиком» было замечено уже Гриммом. В качестве суеверного обычая культовое порождение огня продержалось в Европе до XIX столетия. Кун упоминает об одном таком случае, имевшем место еще в 1828 г. Торжественное магическое действо называлось в Германии nodfurNotfeuer, оно направлено было главным образом против падежа скота. Кун упоминает из хроники Zanecrost 1268 г. особенно странный случай этого nodfur, церемонии которого ясно указывают на основное фаллическое значение: «Чтобы сохранить веру в Бога, пусть читатель вспомнит, что, когда в нынешнем (т. е. в 1262 г.) году свирепствовал среди скота мор, обычно называемый здесь легочной чумою, некоторые зверские люди, будучи лишь по внешнему виду, а не по духу своему монастырскими жителями, научали глупцов своего родного города добывать огонь путем трения деревяшек и ставить изображение Приапа3, чтобы таким образом помочь скоту. То же самое делал и один цистерцианец4 из Фенто перед двориком своего дома; он окроплял скот святой водой, в которую предварительно опускал шулята собаки».

ЧСабиры — божества малоазийско-греческого происхождения (о «Самофракийских» божествах см.: Вестник древней истории. 1990. № 3 С. 97). — Примеч. пер.

2 Boy's love (англ.) — кустарниковая полынь. — Примеч. пер.

3 П р и а п — римский эквивалент греческого Пана. — Примеч. пер. Цистерцианец — монах католического ордена цистерцианцег

(бернардинцев), в воззрениях которых вкраплены языческие элементы. -

Примеч. пер.

129

Эти примеры, обнаруживающие сексуальную символику порождения огня, подтверждают повсеместную склонность придавать порождению огня не только магическое, но и сексуальное значение, потому что их можно привести из жизни различных эпох и различных народов. Культовое и магическое повторение этого бесконечно древнего изобретения, давно замененного другими изобретениями, показывает, как заматерел дух человеческий и как глубоко укоренилось это старинное воспоминание о добывании огня с помощью сверления. Вначале, пожалуй, можно склониться к тому, чтобы в сексуальной символике культового порождения огня увидеть относительно позднее добавление жреческой учености. Может быть, это и верно для культовой выработки мистерии огня. Но вопрос заключается в том, не было ли вообще порождение огня первоначально половым актом, т. е. игрою в совокупление. Что подобное встречается у первобытных народов — это мы знаем из сообщений об австралийском племени ваchанди. Весною они совершают следующие оплодотворительные магические церемонии. Вырывается яма в земле; ей придается такая форма и она так огораживается со всех сторон кустарником, что напоминает собою женский половой орган. Вокруг этой ямы пляшут всю ночь, причем держат перед собою копья таким образом, что последние напоминают мужской орган. Во время пляски они тычут копья в яму с криками: пулли нира, пулли нира, ватака (поп fossa, sed cunnus)1.

Такие же непристойные пляски встречаются и у других племен2.

'Non fossa, sed cunnus (лат.) — не яма, а женский половой орган. — Примеч. пер.

2 Эта первобытная игра приводит к фаллической символике плуга. Apow значит пахать, но имеет наряду с этим и поэтическое значение «забеременеть». Латинское означает только пахать, но фразеологическое выражение fwidum alienum агате (пахать чужую пашню) означает быть в связи с женой соседа или односельчанина. Превосходное изображение фаллического плуга встречается на одной вазе в флорентийском археологическом музее. На ней изображены шесть голых, итифаллических мужчин, которые несут плуг в форме фаллоса. Carrus navalis (карнавал, буквально — корабельная колесница) нашего весеннего праздника представлял собой в средних веках плуг.

5 Зек. № 732

130

В этих же весенних магических церемониях заключены элементы игры в совокупление: отверстие и фаллос. Это игрище не что иное, как игра в совокупление; первоначально это было, конечно, просто совокуплением, но только оно сопровождалось сакраментальными церемониями; в такой форме оно сохранялось еще долго в качестве таинства различных культов и впоследствии было вновь введено некоторыми сектами'. В церемониях религиозного отправления общин Цинцендорфа встречаются отзвуки сакраментального совокупления так же, как и в других сектах. Об этом будет речь в последней главе.

Легко можно себе представить, что, кроме того вида игры в совокупление, который имеет место у упомянутых австралийских негров, возможен и иной вид той же игры, именно в форме порождения огня. Вместо двух избранных для этого людей совокупление наглядно представлялось

двумя человеческими изображениями. Pururavas u Urvaci, phallos u vulva, огнесверлитель и отверстие. Подобно тому как за другими обрядами скрывалась мысль о сакраментальном соитии, так и в описываемом обряде первичным мотивом является тот же самый акт. Оплодотворяющий акт есть высшая точка, подлинный праздник жизни, достойный стать зерном религиозной мистерии. Если мы вправе заключить, что символика игры у вачанди заступила место действительного огня, а отсюда возникла идея об оплодотворении земли, то можно представить себе также и порождение огня как замену соития; а из этого соображения последовательно вытекает, что изобретение добывания огня обязано стремлению поставить на место полового акта символ^.

' Старинный обычай новобрачных проводить «первую ночь» на пашне имел своим значением сделать последнюю плодоносной: этот обычай заключает в себе первичную идею в ее наиболее элементарной форме; аналогия здесь нашла в себе наиболее ясное выражение: так как я оплодотворяю женщину, я оплодотворяю самое землю. Этот символ переводит либидо пола на обработку и обсеменение пахотной земли. Ср.: Manhard t. Wald und Feldcoulte (М а н ? а р д т. Лесные и полевые культуры); здесь можно найти множество доказательных примеров.

вольная г-жи Шпильрейн (Jahr. III. S. 371) приводит в несомненную связь огонь и рождение; она говорит об этом следующее: «Железом пользуются в целях просверливания земли, в целях добывания огня. С

Возвратимся на минуту к инфантильному симптому сверления. Представим себе, что взрослый сильный человек станет с таким же упорством и соответственной энергией, как та девочка, о которой говорилось выше, тереть одну деревяшку о другую или сверлить одною в другой: во время этой игры легко «изобрести» огонь. Большое значение при этой работе имеет ритм1. Такая гипотеза представляется мне психологически возможною, но этим еще не сказано, что изобретение огня должно было произойти непременно таким способом. Так же это могло состояться от ударов одного камня о другой. Огонь, конечно, был открыт не только в одном месте. Но что я хочу констатировать здесь, является лишь психологическим процессом, символика которого намекает на подобные возможности добывания огня. Наличность первобытных игр в соитие и ритуальных обрядов, связанных последним, доказана, по-моему, с достаточною очевидностью. Темным пунктом остается еще только настойчивость и энергия такой ритуальной игры. Как известно, эти примитивные обряды совершаются часто с суровою серьезностью и с необычайною затратою энергии, что является огромным контрастом к вошедшей в поговорку личности первобытного человека. Этим путем ритуальное действие теряет вовсе характер преднамеренного напряжения. Если некоторые негрские племена способны целую ночь провести в однообразной пляске под аккомпанемент всего трех нот, то для нашего чувства здесь уже отсутствует характер игры, и это производит на нас впечатление скорее некоторого упражнения. По-видимому, должно иметь место своего рода принуждение, чтобы оказалось возможным перенести либидо на подобное ритуальное действие. Если материал обряда

помощью железа можно из камня создать холодных людей». Просверливание почвы имеет у больной значение оплодотворения и рождения. Страницей далее она говорит: «Раскаленным железом можно просверлить гору. Железо раскаляется, если им сверлить камень» Ср. этимологию bohren и gebaren, приведенную выше. В «Синей птице» Метерлинка дети, которые ищут в стране нерожденных детей синюю птицу, встречают мальчика, ковыряющего в носу. О нем говорится, что он изобретает новый огонь, чтобы опять согреть землю, когда она охладеет.

1 Ср. интересные доказательства в книге Бюхера: Arbeit und Rhvtmus, 1899 («Работа и ритм»)

есть половой акт, то следует признать, что последний и является собственно руководящей мыслью и целью всего упражнения. Но в таком случае подымается вопрос, к чему первобытный человек тщится изобразить символический половой акт или (если уж такой взгляд кажется чрезмерно гипотетичным) напрягать свою энергию в такой мере, чтобы творить нечто практически совершенно лишенное ценности и не испытывать при этом даже никакого особенного удовольствия. Нельзя же сомневаться в том, что и для первобытного человека половой акт является более желанным, нежели бессмысленные и к тому же еще утомительные упражнения. Это нельзя себе объяснить иначе, как тем, что некое принуждение отклоняет в сторону от первоначального предмета и истинного намерения и приводит к порождению суррогатов. (Существование фаллических и оргиастических культов вовсе не указывает со ipso' на особенную необузданность жизни подобно тому, как аскетическая символика христианства не есть свидетельство особенной нравственности христиан. Часто чтут как раз то, чем не владеют или чего вовсе нет.) Это принуждение отводит (чтобы выразиться согласно принятой терминологии) известную сумму либидо от собственно половой деятельности и создает в покрытие ущерба символическую замену приблизительно равной значимости. Эта психология подтверждается описанной выше церемонией вачанди; дело в том, что во время всей церемонии никто из мужчин не смеет смотреть на женщин. Эта деталь указывает снова на то, от чего было отведено либидо, но вместе с тем поднимается настоятельный вопрос, откуда исходит это принуждение? Однажды мы уже заметили, что возникает сопротивление примитивной сексуальности, которое ведет к побочному движению либидо на замещение действования, — аналогия, символы. Немыслимо предположить, чтобы дело шло здесь о каком-нибудь внешнем противлении, о реальном препятствии, ибо ни одному дикарю не придет в голову совершить поимку труднонастигаемой добычи при помощи ритуальных чар; дело идет, разумеется, о внутреннем противлении, при котором воля выступает против воли, либидо против либидо, так как психологическое

'Со ipso (лат.) — само по себе. — Примеч. пер.

противление как энергетический феномен соответствует известному вкладу либидо. Психологическое принуждение к переведению либидо покоится на первичном несогласии воли с самой собою. В другом месте я остановлюсь на этом первоначальном расщеплении либидо. Здесь нас должна занимать исключительно проблема перенесения либидо. Это перенесение, как многократно было замечено, происходит путем направления его на некоторое подобие. Либидо отнимается от места собственного приложения и переводится на субстрат.

Противление сексуальности имеет своей целью воспрепятствовать половому акту; оно стремится вытеснить либидо из функции пола. Мы видим, например, при истерии, как специфическое вытеснение преграждает пути к актуальному перенесению, вследствие чего либидо вынуждено двинуться другим путем, а именно прежним кровосмесительным путем, т. е. в конце концов к родителям. Если же мы имеем в виду кровосмесительный запрет, препятствующий совершить самое первое сексуальное перенесение, тогда создается иное положение дела и именно от того, что в таком случае не существует никакого другого прежнего реального пути перенесения за исключением ступени дополового развития, когда либидо связано большую частью с функцией питания. Через регрессию к дополовой ступени либидо как бы десексуализируется. Но так как кровосмесительный запрет означает лишь временное и условное ограничение сексуальности, то на досексуальную ступень оттесняется назад лишь та сумма либидо, которую лучше всего обозначить как кровосмесительную долю последнего. Вытеснение касается, таким образом, лишь той половины либидо, которая стремится длительно фиксироваться на родителях. Если операция

отнятия у половой ступени либидо кровосмесительной доли и перенесение последней на дополовую ступень удалась, то эта десексуализированная сумма либидо находит свое внеполовое применение. Следует признать, что эта операция осуществима лишь с большими затруднениями, так как кровосмесительное либидо искусственным путем должно быть отколото от либидо пола, с которым оно искони (через весь ряд животных) было связано. Поэтому регрессия кровосмесительной доли не только сопровождается большими

134

затруднениями, но и привносит на дополовую ступень многие черты сексуальности. Последствием этого является то, что вытекающие отсюда явления хотя носят вполне характер половой деятельности, однако на самом деле не являются таковою. Эти явления связаны с дополовою ступенью, но поддерживаются вытесненным либидо пола, отчего им и придается двойное значение. Сверление огня есть совокупление (и притом кровосмесительное), но — десексуализированное; потеряв свою непосредственную половую ценность, оно стало взамен этого посредствующим фактором размножения рода. Дополовая ступень характеризуется многочисленными возможностями применения, так как либидо на этой ступени еще не нашло своей окончательной локализации. Регрессивно занявшая эту ступень сумма либидо имеет многочисленные возможности применения. Прежде всего — возможность чисто мастурбационной деятельности. При регрессии части либидо речь идет о либидо пола, последнее назначение которого — служить размножению; оттого это либидо обращено к внешнему объекту (в данном случае к родителям); но вследствие этого оно должно вобрать в интроверсию также и это свое предназначение, которое по существу связано с его характером. Отсюда чисто мастурбационная деятельность оказывается недостаточною и какой-нибудь внешний объект должен быть найден непременно, чтобы заступить собою объект кровосмесительный. В идеальном случае подобным объектом является сама матьгземля, кормилица. Психология дополовой ступени привносит сюда компонент питания, а либидо пола — мысль о совокуплении. Таким образом, создаются древнейшие символы землепашества. В этой последней деятельности голод и кровосмешение переплетаются друг с другом. Древнейшие культы матери-земли и все связанные с ними суеверия видели в обрабатывании земли оплодотворение матери. Но цель этой деятельности является десексуализированной, так как дело идет о плодах земли и о питании этими плодами. Вытекающая из кровосмесительного запрета регрессия ведет в этом случае к новой оккупации матери, на этот раз, однако, не как сексуального объекта. а как кормилицы.

135

Подобной же регрессии к дополовой ступени, точнее, к ближайшей ступени передвинутого ритмического действования обязаны мы, по-видимому, изобретением огня, Интровертированная вследствие кровосмесительного запрета, либидо (назначение которого, между прочим, моторная сторона совокупления) наталкивается, достигнув дополовой ступени, на инфантильное сверление, которому оно, отвечая своей тенденции к реальному, дает внешний материал; materia очень подходящее здесь название, так как объектом является mater. Как я выше старался показать, к инфантильному сверлению должны присоединиться сила и выдержка взрослого человека и соответствующий «материал», чтобы добыть огонь. Если это так, то можно допустить по аналогии с нашим случаем мастурбационного сверления, что и порождение огня состоялось первоначально как такой же квазимастурбационный акт. Доказать это вполне, разумеется, никогда нельзя будет, но мыслимо, что где-нибудь сохранились следы первичных мастурбационных упражнений с целью порождения огня. Мне посчастливилось в одном очень древнем памятнике индусской литературы напасть на отрывок, который, вне всякого сомнения, говорит об этом переходе либидо через онанизм к добыванию огня. Это место находится в «Бридахараньяка — Упанишада»: «Атман1 был так велик, как женщина и мужчина, когда они держат друг друга в объятиях. Эта его

самость распалась на две части; отсюда произошли муж и жена2. — Ее Атман

? т м а н — первосущность и всебытие в индуизме, понятие которого, переведенное на язык психологии, покрывается понятием либидо.

^тман понимается как извечно двуполое существо — соответственно теории либидо. Мир возник из возжелания: ср. «Брихадараньяка — Упанишада» I, 4, I (Дейсен).

«I. Вначале этот мир был только Атманом — он посмотрел вокруг себя: и вот он ничего не увидел, кроме самого себя.

2. Тогда объял его страх: поэтому боится тот, кто один. Тогда он подумал: чего мне бояться, когда нет тут никого, кроме меня?

3. Но он не имел никакой радости; поэтому не имеет никакой радости тот, кто один. Тогда он возжелал второго».

За этим местом следует место о разделении, приведенное в тексте главы. Представление Платона о мировой душе очень близко этому индусскому образу: «В очах она не нуждалась вовсе, ибо возле нее не находи-

взял себе в жены; отсюда произошли люди. Она же соображала: «Как мог он со мною сочетаться браком после юго, как он меня породил из себя самого? Я хочу скрыться!» Тогда она превратилась в корову; он же стал быком и совокупился с нею. Отсюда произошел рогатый скот. — Тогда она обернулась кобылою; он же стал жеребцом; а она ослицею, он — ослом и совокупился с нею. Отсюда произошли однокопытные; она стала козою, он же козлом, она овцою, он овном и совокупился с нею; отсюда произошли козы и овцы. — Так случилось, что он все способное между собою соединиться, вплоть до муравьев, все это создал. — Тогда он познал: «Поистине я сам есмь сотворение, ибо я создал весь мир!» После этого он вот так тер руками, которые он держал перед ртом; и тогда произвел он из своего рта, как из утробы матери, при помощи своих рук огонь».

Мы встречаем здесь учение о сотворении мира особенного рода, что требует обратного перевода на язык психологии: вначале было либидо неразлучимое и двуполое', затем последовало разделение на компоненты мужской и женский. С той поры человек знает, что он есть. Затем порывается связь в ходе мысли, возникает пропасть; сюда относится то противление, которое мы постулировали выше в целях объяснения вынужденного сублимирования, а затем следует мастурбационный акт, вынесенный из половой зоны, именно трение или сверление (а здесь сосание пальцев), из которого был добыт огонь2. Либидо покидает здесь ту деятельность, к которой оно, собственно, призвано в качестве половой функции и совершает регрессию к допо-

лось ничего видимого. — Ничто не отделяло ее от нее самой, ничто не присоединялось к ней, ибо, кроме нее, не было ничего» (см.: Платон. Соч.: В 3 т. Т. 3. Ч. 1. М., 1971. С. 473). - Примеч. пер.

?>.: Фрейд. Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie (Три очерка по теории сексуальности).

2 У одного ребенка я напал на одну, по-видимому, точную, параллель к приложению руки, о котором говорится в приведенном тексте Упанишад. Ребенок держал одну руку перед ртом и тер, а другой тер по первой; получилось движение, которое можно сравнить с движением смычка по струнам. Это была ранняя инфантильная привычка, сохранявшаяся в течение долгого времени.

ловой ступени, где оно, согласно сделанным выше соображениям, занимает одну из предшествующих сексуальности ступеней; согласно воззрению Упанишад, это происходит в целях возникновения человеческого искусства, а отсюда (как на то указывают идеи Куна касательно корня) и вообще высшей духовной деятельности. Этот ход развития не представляет собою для психиатра ничего странного, так как уже давно известным психологическим фактом является близость онанизма и чрезмерной деятельности фантазии Сексуализация духа путем аутоэротизма столь часто наблюдалась, что излишним было бы приводить примеры. Пуплибидо шел, следовательно, как мы можем заключить по этим опытным данным, первоначально в том же направлении, как и у ребенка, лишь в обратной последовательности; половой акт был вытеснен из собственно ему принадлежащей зоны и переложен в аналогичную зону рта, причем рту было придано значение женского органа, руке же или пальцам — фаллическое значение. Таким образом, во вновь оккупированную регрессивно деятельность дополовой ступени привносится сексуальная значимость, которая, конечно, этой ступени прежде частично принадлежала, но имела совершенно иной смысл. Некоторые функции дополовой ступени обнаруживают длительную целесообразность и потому впоследствии сохраняются в качестве сексуальной функции. Так, например, зона рта продолжает оставаться эротически важною, что означает, что ее оккупация становится долговременной. Известно, что рот обладает сексуальной значимостью и для животных: во время совокупления жеребцы кусают кобыл, также и коты, петухи и т. п. Другое значение рта — аппарат речи. Он служит существенным образом для порождения приманных звуков; эти звуки представляют собой большею частью те звуки царства животных, которые получили наилучшее развитие. Что касается руки, то мы знаем о ее важном значении как органа контректации', например передние лапы у лягушек. Многообразно-эротическое применение руки у обезьян известно. Когда возникает противление против собственной сексуаль-

'Контректация — дотрагивание. — Примеч. пер

ности, то запруженное Либидо скорее всего доводит до чрезмерного функционирования collateralia' те, которые способны компенсировать противление; это происходит с ближайшими функциями, служащими введением к половому акту, т. е. с функциями руки и рта. Половой акт, против которого направлено противление, заменяется сходным актом дополовой ступени, идеальным примером тому является сосание пальцев и сверление, подобно тому как у обезьян нога иногда выполняет функции руки, так и ребенок не затрудняется часто в выборе предмета сосания и всовывает в рот вместо пальцев руки большой палец ноги. Этот «жест» встречается и в индусском ритуале, только там большой палец ноги всовывается не в рот, а держится против глаз2. Благодаря половому значению руки и рта этим органам, которые служат на дополовой ступени чувству удовольствия, приписывается способность рождать; эта способность тождественна с упомянутым предназначением, имеющим в виду оттого именно внешний предмет, что дело идет там о либидо пола или о либидо размножения. Если вследствие действительного добывания огня половой характер истраченной на это либидо успел выразиться вполне, то зона рта не имеет адекватной деятельности: рука достигла таким образом своей чисто человеческой цели, совершив первый акт своего искусства.

Рот имеет, как мы видели, еще дальнейшую важную функцию, у которой столько же полового отношения к предмету, как и у руки, именно функцию порождения приманных кликов. При распадении аутоэротического кольца

'Collateralia (лат.) — обходные, окольные пути. — Примеч. пер, г Отверстие уха притязает на половую значимость. В одном гимне Марии говорится: quae per aurem conceptisti («ты, которая

зачала через ухо»). Гаргантюа (Ф. Рабле) появляется на свет через ухо матери. А. B a s t i a n (Б а с т и а н): Beitrage zur vergleichenden Psychologie («О сравнительной психологии») приводит из одного старинного сочинения следующее место: «Во всем этом королевстве не встретишь даже среди самых маленьких девочек девственных, так как уже в самом нежном возрасте они вливают особенную микстуру в свои половые органы, а также и ушные отверстия, расширяют их таким образом и держат постоянно открытыми». И монгольский Будда рождается из уха своей матери.

«рука — рот»', когда фаллическая рука превращается в орудие добывания огня, привлеченное в зоне рта либидо ищет пути к другой функции, который и приводит ее совершенно естественно к уже имеющейся функции криков во время течки. Приток либидо, впадающий сюда, должен был вызвать обычные последствия: именно повышение деятельности вновь оккупированной функции, т. е. выработку приманных кликов.

Мы знаем, что из первичных звуков некогда образовался человеческий язык. Соответственно психологическому положению вещей следует принять, что язык обязан своим происхождением именно тому моменту, когда влечение, вытесненное назад на дополовую ступень, обратилось наружу, чтобы тем отыскать себе эквивалентный объект. Собственно мышление, как сознательная деятельность, представляет собою, как мы это видели в первой части, мышление с положительным назначением в сторону внешнего мира, т. е. «словесное» мышление. Этот род мышления возник, по-видимому, в вышеозначенный момент. Замечательно, что воззрение это, добытое путем рассуждения, может опять-таки опереться на старинную традицию и некоторые мифологические фрагменты.

В «Aitarey-Upanischad»2 встречается в учении о развитии человека следующее место (переведенное здесь с перевода Дейсена): « Когда он его высидел, его уста отверзлись как яйцо, и из них появилась на свет речь, а из речи Агни (огонь)». Дальше рисуется, как вновь созданные предметы были введены в человека. Эти места ясно указывают на связь огня и речи. В «Brihadaranyaka-Upanischad» (3, 2) находится следую-

'Мотивы к распадению кольца следует искать, как я это попутно уже указал, в том обстоятельстве, что побочная сексуальная деятельность (сдвиг совокупления — der verlagerte koitus) никогда не в состоянии и никогда не сможет вызвать ту естественную сытость, которую дает половой акт в собственном смысле. С этим первым шагом к переложению, с этим сдвигом связан и первый шаг к тому характерному недовольству, которое впоследствии гнало человека от одного открытия к другому, не давая ему в то же время насытиться.

'Еще одна цитируемая Юнгом «Упанишада», «Айтарея — Упанишада». — Примеч. пер.

щее место: «Yayftavalkya», — так сказал он, если после смерти этого человека смерть уйдет в огонь, его дыхание — в ветер и его глаза в солнце» и т. д. Другое место из «BrihadaranyakaUpanischad» (4,3) гласит: «Но если солнце зашло, о Yaynavalkya, и месяц скрылся, и огонь погас, что служит тогда человеку светом? — Тогда речь служит ему светом; ибо при свете речи сидит он и ходит туда и сюда, совершает свою работу и возвращается домой. — Но если солнце зашло, и месяц скрылся, и огонь погас, и голос умолк, что тогда служит человеку светом? — Тогда он сам себе (atman) служит светом ибо при свете Атмана сидит он и ходит он туда и

сюда, совер шает свою работу и возвращается домой».

В этом месте мы замечаем, что огонь опять находится в ближайшем отношении к речи. Самая речь называется светом, а свет сводится к Атману, творящей душевной силе, к либидо. Таким образом, индусская метапсихология понимает речь и огонь как эманации* внутреннего света, о котором нам известно, что он есть. Речь и огонь суть формы обнаружения либидо, суть первые человеческие искусства, пришедшие из ее переложения (Verlagerung). На это общее психологическое происхождение указывают, по-видимому, некоторые данные по исследованию языка.

Индогерманский корень bha означает представления о свете, сиянии. Этот корень встречается в греческом (рока, (pociio^, (рою, в древнеирландском ban белый, Banhd, bohen — делать блестящим. Тот же корень bha означает и говорить (баить). Он встречается в санскрите bhan — говорить, в армянском ban — слово, Banhd. Bann, bennen, в греческом (ра-рл,, ефоси, (papr^ в лат. fan, fanum.

Корень la, что означает klinge, belle (звучать, лаять) встречается в санскрите: bhas — лаять и bhas — говорить, в литовском balsas — голос, звук. Но, собственно говоря, bhel-sohellsein (быть светлым), ср. (fakoE, — hell (светлый), в литовском ЬёМ — белеть, nhd: blass — бледный.

Корень 1а, что означает звучать, лаять, встречается в санскрите las, lasati — зазвучать, сиять, блестеть.

'Эманации — «истечение», религиозно-философский термин. Примеч. пер.

Родственный этому корень les6, что означает begehren (возжелать), встречается в санскрите: las, lasati играть, lash, lashati (возжелать), греческом A,aucfi)po(,— любострастный, goth, bustus, nhd. Lust, в латинском lascivus.

Следующий родственный корень laso — светить, сиять; встречается в las, lasati.

В этой группе значения возжелать, сиять, играть и звучать соприкасаются. Подобное же архаическое слитие значений в первоначальную символику либидо (как мы вправе уже выразиться теперь) встречается в тех группах египетских слов, которые происходят от двух родственных корней ben и bel и их удвоении benben и belbel. Первоначальное значение этих корней следующее: выбрасывать, выступать, набухать, вздыматься (с побочным значением пениться, пускать пузыри и круглиться). Belbel, сопровождаемое знаком обелиска (первоначально имевшего смысл фаллоса), означает источник света. Обелиск носил наряду с наименованиями techenu наименование benben, реже он назывался berber и belbel. Символика либидо объясняет связь между этими значениями.

Индогерманский корень vel, что означает wallen — вздыматься, а также (об огне) воспылать, встречается в санскрите: ulunka — пожар, жар, греческом роЛёос, аттическом оАеа — солнечное тепло, goth. vulan — wallen, ahd. и nhd, walm— жар. Родственный Индогерманский корень veiko — светить, пылать встречается в санскрите: ulka —пожар, греческом р?^х"uo^ — vulkanus. Тот же корень vel означает и звучать, в санскрите vani — звуки, пение, музыка, в чешском — volati — звать.

Корень sveno (звучать) мы находим в санскрите: svan, svanati— шелестеть, зазвучать, zend, ganant, латинском sonare, древнеиранское sent, cambr, sain, латинское sonus, англосаксонское svinsian (звучать). Родственный ему корень svenos — шелест, звучание мы находим в ved. svanas (шелест), латинском sonor, sonorus, а также svonos — звук, шелест, древнеиранское son — слово.

Корень sve (n), loc. sveni, dat. sunei (zend. gong) означает солнце (ср. выше: sveno, zend. ganant, goth. sunno, sunn6).

142

И здесь Гёте проложил нам путь: Рафаил

Звуча в гармонии вселенной И в хоре сфер гремя, как гром, Златое солнце неизменно Течет предписанным путем; И крепнет сила упованья При виде творческой руки. Творец, как в первый день создания, Твои творенья велики!

Ар и э л ь

Тише, чу! Шум Гор разлился: Легких эльфов рой смутился, Новый день, гремя, идет. Чу! Шумят ворота неба! Чу, гремят колеса Феба! Сколько шуму свет несет! Трубный звук повсюду мчится; Слепнут очи; слух дивится; Все звучит, и все поет. Поскорей цветов ищите, Глубже, глубже в лес уйдите: Меж кустами под листком День мы тихо проведем.

И о Гельдерлине следует здесь вспомнить: «Где ты? Опьяненная погружается моя душа в сумерки от ниспосылаемой тобою отрады; но вот только что я прислушивался, как восхитительный солнечный юноша, полный золотых звуков, играет свою вечернюю песнь на небесной лире; кругом отзывались леса и холмы».

Подобно тому как в архаическом словоупотреблении огонь и звук речи (приманный клик, музыка) являются формами эманации либидо, так же и свет и звук, входя в душу, становятся Единством — либидо.

143

Манилий' говорит об этом в своих стихах: «Что за чудо было бы не знать мир, если бы к тому способны были люди, в которых мир, как подобие Божие, заключен в виде малого отображения! Или позволительно думать, что люди ведут свой род не из неба, и откуда-нибудь из другого места? Только один человек устремился ввысь с поднятою головою и направил свои звездные очи вверх к светилам».

Понятие, заключенное в санскритском слове Tejas указывает нам на то значение либидо, которое является основополагающим вообще для всего образа мира. Я обязан дру Абеггу (Цюрих), отличному знатоку санскрита, следующей сводкой восьми значений этого слова.

Tejas означает: 1) острота, лезвие; 2) огонь, блеск, свет, жар, жара; 3) здоровый вид, красота; 4) огненная и порождающая краски сила в человеческом организме (находящаяся в желчи); 5) сила, энергия, жизненная сила; 6) пылкая натура; 7) духовная, а также магическая сила; влияние, знатность, достоинство; 8) мужское семя.

Отсюда мы можем почувствовать, до какой степени так называемый объективный мир являл собою для первобытного мышления и субъективную картину, и понять, что иначе это и не могло быть. К такому мышлению хочется применить слова из Chorus mysticus2. «Все преходящее есть только символ (подобие — Gleichnis)».

По-санскритски огонь — agni3; олицетворенным огнем является бог Agni — божественный посредник, символ ко-

'Марк Манилий — римский писатель I в. — Примеч. пер. Chorus mysticus (лат.) — мистическое песнопение. — Примеч. пер. 3 Иранское наименование огня — Nairyocagha — мужское слово. Огонь имеет значение логоса (ср.: Шпигель. Eran Altertumscunde). Об Agni — огне — Макс Мюллер говорит в своем введении в «Сравнительную науку о религии» (Max Muller. Vorl. uber den Ursprung und die Entwiciung der Religion): «Обычным представлением индусов было рассматривать огонь на

торого имеет некоторое соприкосновение с символом Христа. В «Avesta» и в «Ведах» огонь есть посланник богов. В христианской мифологии есть элементы, близкие мифу об Agni. Даниил (44) говорит о трех мужах в огненной печи: «Тогда Навуходоносор, царь, изумился и в испуге встал, и, начав речь, сказал советникам своим: не троих ли мужей мы бросили в огонь связанных? Они в ответ сказали царю: поистине так, царь!

Он возразил и сказал: вот я вижу четырех музей несвязанных, ходящих среди огня, и нет им вреда; а вид четвертого подобен сыну Божию»'.

«Biblia pauperum» (по-немецки: инкунабула2 1471 г.) говорит об этом следующим образом: «У пророка Даниила в третьей главе мы читаем, что Навуходоносор, царь Вавилонский, приказал посадить трех детей в пылающую печь, и когда царь подошел к печи и заглянул в нее, то увидел рядом с тремя четвертого, который был подобен сыну Божию. Трое означают для нас Святую Троицу Лица, а четвертый единство Сущности. Стало быть, Христа Даниил обозначает в своем объяснении как троичность Лица и (в то же время) единство Сущности».

После этого мистического толкования «легенда о трех мужах в печи» представляется не чем иным, как чарами огня, причем появляется сын Божий; Троица приводится в связи с

алтаре и как субъект, и как объект. ,0гонь сжигал жертву и был, таким образом, как бы жрецом. Огонь возносил жертву к богам и был, следовательно, посредником между людьми и богами. В то же время огонь сам представлял собою нечто божественное, был богом, и когда надо было оказать почести этому богу, огонь являлся как бы объектом жертвоприношения. Отсюда первичное представление о том, что Agni сам собой жертвует, т. е. что он приносит свою собственную жертву для себя самого, и дальнейшее представление о том, что он приносит себя самого в жертву. Соприкосновение этого хода мыслей с христианским символом очевидно. Ту же мысль высказывает Кришна в Бхават-Гите: IV, 24. Браман есть приношение, Браман пребывает в жертвенном огне, от Брамана жертвуется и в Браман войдет тот, который погружается в Браман во время жертвоприношения». Цитата из Библии (Ветхий завет. ТУб, I кн., пр. Даниила, 3, 26). Навуходоносор— известный вавилонский царь. — Примеч. пер. 2 B i b l i a pauperum (лат.) — бедняцкая Библия; инкунабула— одна из первых печатных книг. — Примеч. пер.

Единством или, другими словами: через совокупление рож дается дитя. Печь огненная (подобно пылающему треножни ку в Фаусте) есть символ матери, в которой «пекутся дети» Четвертым в огненной печи является сын Божий Христос, ставший в огне зримым богом. Мистическая троица и единство, вне сомнения, имеют связь с символикой пола2. О спасителе Израиля Мессии и об его

врагах говорится у Исаии: «И свет Израиля будет огнем, и Святой его пламенем».

В одном гимне Ефрем Сирин говорит о Христе: «Ты, что весь огонь, умилосердись надо мною».

Agni есть жертвенный огонь, жертвоприноситель и жертва, подобно Христу. Как Христос оставил в опьяняющем вине свою спасительную кровь в качестве зелья бессмертия, так Agni оставил Soma, святой напиток воодушевления, мед бессмертия3. Сома и огонь тождественны в индусской литературе, так что мы в этом напитке без труда открываем снова символ либидо, благодаря чему ряд, по-видимому, парадоксальных свойств этого напитка внутренне легко примирен. Как древние индусы признавали в огне эманацию внутреннего пламени либидо, так видели они и в опьяняющем напитке4 такую же эманацию либидо. Что Сома определяется в Ведах как истечение семени5, подтверждает этот взгляд. Внесение поня-

' Ср: ? и к л и н (Wunscherfullung u. Symbol in Marchen. S. 69), где речь идет о том, как один ребенок появляется на свет оттого, что родители положили в печь морковку. Мотив печи, в которой выводится ребенок, появляется и в мифах о Рыбе-Ките и о Драконе. Постоянно возвращается в этих мифах тот же мотив о том, что внутренность Дракона очень горяча, так что вследствие жара у героя выпадают волосы; это означает, что он теряет там внешний признак, характеризующий взрослого человека, и становится дитятею. Разумеется, волосы имеют отношение также и к солнечным лучам, погасающим на закате. Многочисленные примеры этого мотива встречаются и в книге Фробениуса.

2 Ср. многочисленные указания на это у Inman: Ancientppagan and modam christ, symbolisme (Древний языческий и современный христианский символизм).

)Э?? сторона указывает на Диониса, повествование о котором имеет параллельные места как в христианской, так и в индусской мифологии.

4 «Огненная вода» Soma-Agni и как дождь, и как огонь.

5 «Все, что на свете влажно, это создал он из истекшего семени; ? семя это есть Сома». «Брихадараньяка — Упанишада». С. 23.

тая Сома в огонь подобно значению тела Христова как прича стия1 объясняется психологией дополовой ступени, когда либидо служило преимущественно функции питания. Сома есть «питательный напиток», мифическая характеристика которого параллельна таковой огня и его возникновения, почему оба соединены в Agni. Кроме того, напиток бессмертия взбалтывается индусскими богами так же, как высверливается огонь. Отхождение либидо на дополовую ступень объясняет, отчего так много богов обрисовывается сексуально, а с другой стороны, почему они служат пищею.

Как показывает пример приготовления огня, не орудие, которым он добывался, получило впоследствии сексуальносимволическое значение, а, наоборот, либидо пола было той действующей силой, которая привела к изобретению подобного орудия, — вот почему и возникшие отсюда греческие учения представляют собой не что иное, как констатирование факта добывания огня с помощью этого орудия. Таким же путем пришли и другие первобытные открытия к своему сексуальному символизму; они также происходят от либидо пола.

До сих пор в наших рассмотрениях, которые исходили из pramantha жертвоприношения Agni, мы занимались лишь одним значением слова manthami или mathami, именно тем, которое связано с движением т р е н и я. Но как показывает Кун, это слово означает отрывать, к себе тянуть, похищать2. Согласно Куну, это значение налицо уже в текстах Вед. Сказание об изобретении огня

рассматривает его добывание всегда как насильственное похищение; это добывание связано с распространенным по всей земле мифическим мотивом трудно достижимой драгоценности. То обстоятельство, что во многих местах, не только в Индии, добывание огня представляется первичным похищением, по-видимому, указывает на всеобще

' Пасхальному агнцу евреев придавали крестообразную форму. 2 Вопрос о том, образовалось ли это значение лишь как явление вторичное. Согласно Куну, следует принять это предположение. Он говорит следующее: «Вместе с образовавшимся до сих пор значением корня manth выросло и представление об «отрывании», которое естественно развилось уже в Ведах из самого способа действия».

распространенную мысль, согласно которой приготовление огня есть нечто запретное, узурпированное, достойное кары, нечто, что может быть достигнуто лишь путем насилия или чаще путем коварства. Тайная кража или хитрый обман, часто являясь в качестве констатируемого врачом болезненного симптома, означают всегда тайное выполнение запретного желания'. Исторически эта черта может быть отнесена к тому обстоятельству, что ритуальное приготовление огня совершалось с магическою целью, почему и преследовалось официальным вероисповеданием; с другой стороны, добывание огня само являлось мистериозным обрядом, отчего оберегалось жрецами и облекалось тайною2. Ритуальные предписания индусов устанавливают тяжелую кару тому, кто приготовил огонь неверным способом. То обстоятельство, что нечто является мистерией уже само по себе, означает, что это совершается под покровом тайны. Что должно остаться втайне, чего вообще не следует ни видеть, ни делать, некое деяние, сопровождаемое тяжкими наказаниями души и тела, все это, по-видимому, должно быть чем-то вообще запретным, но получившим специально культовое разрешение. После всего того, что выше было сказано о генезисе добывания огня, уже нетрудно более отгадать, что именно является запретным: это онания. Выше я сказал, что то была неудовлетворенность, которая сломала аутоэротическое кольцо перенесенной (verlagerein) половой деятельности на собственное т е л о и открыла таким образом далекие горизонты культуры, но я не упомянул, что это лишь неплотно сомкнутое кольцо перенесенной онанистической деятельности в состоянии замкнуться прочнее, когда сделано другое значительное открытие, именно настоящей онании3. Таким путем деятельность переносит-

' Ср. S t e k e l. Die sexuelle Wurzel der Kleptomanie, 1908. 2 И в католической церкви в различных местах царил обычай, что раз в году священник добывал «искусственный» огонь.

'Должен заметить, что обозначение онании великим открытием вовсе не является шутливою выдумкой с моей стороны; я обязан этим выражением двум подросткам, находившимся у меня на лечении; они утверждали, что обладают страшной тайной, что открыли нечто ужасное, о чем никто никогда не должен знать, так как в противном случае на человечество обрушится огромное несчастье, именно они открыли онанию.

ся на надлежащее место и, смотря по обстоятельствам, обес печивается на долгое время достаточное удовлетворение; однако сексуальность оказывается обманутой в своих истинных намерениях. Естественное развитие оказывается обойденным, так как напрягшиеся силы, которые могли бы и должны были бы служить культурному росту, отнимаются от последнего благодаря онании: вместо переложения либидо совершается регрессия в половую область, что является прямою противоположностью целесообразному процессу. Но психологически онания есть

изобретение, значение которого отнюдь не следует недооценивать: благодаря ему оказываешься огражденным от судьбы, так как половая потребность уже не в состоянии отдать открывшего онанию на произвол жизни. Благодаря онании имеют в руках волшебное средство: стоит только отдаться воображению и при этом онанировать, как получаешь в свое обладание все плотские утехи и при этом не имеешь надобности суровым трудом и тяжелой борьбой с действительностью отвоевывать себе мир своих желаний'. А л а д д и н трет свою лампу, и услужливые духи отдают себя в его распоряжение — так изображает сказка тот большой психологический выигрыш, который получается от дешевой регрессии к местному половому самоудовлетворению. Символ Аладдина весьма тонко вскрывает двусмысленность магического добывания огня.

Близкую связь порождения огня с мастурбацией доказывает еще один случай, сообщением которого я обязан доктору Шмиду (Сегу). Некий слабоумный батрак совершил несколько поджогов. На одном пожаре, виновником которого он был, поведение его показалось подозрительным, 1 Справедливость требует принять во внимание то обстоятельство, что значительно обострившиеся благодаря нашей морали условия жизни являются столь трудными, что для многих людей просто практически невозможно добиться того, в чем ни одному человеку не следовало бы отказывать, именно осуществления любовного желания. Под давлением этой жестокой доместикации человек вынужден прибегать к онании, раз она обладает более или менее активной сексуальностью. Известно, что как раз наиболее полезные и лучшие люди обязаны своими достоинствами сильному либидо. Энергичное либидо требует по временам кое-чего сверх простой христианской любви к ближнему.

потому что он, засунув руки в карманы, стоял у двери одного дома, находившегося напротив пожарища, и с видимым удовольствием наблюдал за огнем. Во время освидетельствования в лечебнице для душевных больных он подробно рассказывал о пожаре и при этом делал подозрительные движения рукою, находившейся в кармане брюк. Немедленно произведенное телесное освидетельствование показало, что он онанировал. Впоследствии он признался, что онанировал всякий раз, когда наслаждался зрелищем огня, вызванного его поджогом.

Добывание огня само по себе представляет собою полезный многотысячелетний, лишенный всего фантастического обычай, которому очень скоро стали придавать не более таинственное значение, нежели еде и питью. Но навсегда сохранилась тенденция время от времени приготовлять огонь способом, связанным с мистериозными церемониями, так же как сохранилась ритуальная еда и ритуальное питье; и вот в таких случаях добывание огня должно было происходить согласно точным предписаниям, от которых никто не смел ни в чем отступать. Эта таинственная тенденция, присоединившаяся к технике добывания огня, и указывает на путь к онанистической регрессии, второй путь, всегда открывающийся рядом с культурою. Строгие законы идут навстречу этой таинственной тенденции; рвение, с каким совершаются церемонии, и дрожь религиозного восторга, пробегающая у присутствующих на мистериях, имеют прежде всего своим источником эту тенденцию, ибо церемония, будучи практически бессмысленной, является с психологической точки зрения действием, полным самого глубокого смысла: она представляет собою точно обозначенную законами замену онанистической регрессии'. Закон не может относиться ксодержанию церемонии, так как для ритуального действия, собственно говоря, совершенно безразлично, совершается ли оно так или иначе. Тогда как чрезвычайно существенно, отводится ли запруженное либидо путем бесплодной онании или оно переводится на путь

' Ср. основополагающие исследования Фрейда: Zwangschandlungen und Religionsubung. — Sammlung kleiner Schriften zur Neurosenlehre.

сублимирования. Эти строгие предохранительные меры имеют в виду прежде всего именно онанию1.

Я обязан Фрейду дальнейшим примечательным указанием на онанистическую природу похищения огня или, точнее, мотива трудно обретаемой драгоценности (к которому и относится, собственно говоря, похищение огня). Неоднократно встречается в мифологии формулировка вроде следующей: драгоценность должна быть сорвана с дерева табу или оторвана, что является запретным и опасным поступком; примером могут служить райское дерево и сады Гесперид2. С особенною ясностью это вытекает из старинного варварского обычая культа Дианы Арицийской3: жрецом богини может стать лишь тот, кто отважится в ее священной роще оторвать ветвь. Выражения «оторвать» (abreissen), «стирать» (abreiben) сохранились в вульгарном языке как символы онанистического акта. Таким образом, понятия «тереть» (reiben) и «рвать» (reissen), заключающиеся в слове manthami и связанные. между собою, по-видимому, через миф о похищении огня, сочетаются в акте онании, причем reiben употребляется в собственном смысле, а reissen— в переносном. Поэтому можно ждать, что в самом глубоком душевном пласту, именно в кровосмесительном, который предшествует аутоэротической стадии4, оба значения сливаются воедино; но за недостатком мифологической традиции это обстоятельство могло бы быть доказано лишь этимологически.

'Я не упускаю из виду того, что онания есть лишь промежуточное явление. Проблема самобытного расщепления остается все еще в силе.

'СадыГесперид— дочерей Атланта (греч. миф.), где росли золотые яблоки. Геракл совершил подвиг, выкрав эти яблоки у охранявшего сад стоглавого дракона. — Примеч. ред.

'ДианаАрицийская— римская богиня растительности, лесных животных (тождественна в греческой мифологии Артемиде и «хозяйке всех зверей» в разных религиях). — Примеч. пер.

4 Последовательно применяя свою терминологию, установленную в предшествующей главе, я называю стадию, следующую за кровосмесительной любовью, аутоэротической, причем подчеркиваю эротический момент как регрессивное явление. Запрудившееся у кровосмесительной преграды либидо регрессивно овладевает еще более отделенной функ-

ПОНЯТИЕ КОЛЛЕКТИВНОГО БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО'

По-видимому, ни одна из моих эмпирических гипотез не была встречена с таким непониманием, как идея о коллективном бессознательном. Поэтому я здесь попытаюсь дать

1) определение понятия коллективного бессознательного, 2) описание ее эвристических возможностей для психологии; 3) объяснение метода ее проверки и 4) пример.

1. ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Коллективное бессознательное — это часть психики, которая должна быть существенно отделена от личностного бессознательного тем, что она, в отличие от последнего, не обязана фактом своего существования личному опыту и, значит, не приобретается в нем. Тогда как личностное бессознательное, по сути, образовано из того, что уже некоторое время присутствовало в сознании, потом исчезло, потому что или забыто, или искусственно вытеснено. Элементы

коллективного бессознательного никогда не были в сознании, никогда не появятся из опыта, но обязаны своим существованием исключительно наследственности. Получается, что личностное бессознательное состоит преимущественно из комплексов, содержание же коллективного бессознательного образовано архетипами.

Понятие архетипа, которое должно обязательно увязываться с идеей о коллективном бессознательном, приводит к фак-

цией, которая предшествует кровосмесительной предметной любви; эту функцию по аналогии с термином Блейлера «Austmus» можно понять как чистое самосохранение, характеризуемое почти всеисключающим отправлением питания. Но сам термин «Austmus» потому не вполне удобно применять к дополовой ступени, что он создан для обозначения душевного состояния во время dementia praecox, где под ним разумеют аутоэротизм плюс интровертированное и десексуализированное либидо. «Austmus» означает, следовательно, патологическое явление регрессивного характера, тогда как дополовая ступень есть состояние нормального функционирования, являя собой стадию куколки.

' Впервые прочитано в виде лекции в Абертианском обществе госпиталя Св. Бартоломея (Лондон) 16 октября 1936 г. и опубликовано в «Журнале» госпиталя (XIIV, 1936/37. С. 46-49; 64—66).

ту существования определяющих форм в психике. Такие формы, по-видимому, присутствуют всегда и везде. Мифологи называют такие структуры «мотивами», в психологии первобытности они напоминают о леви-брюлевской концепции «коллективных представлений», а в области сравнительной религии похожее определялось Юбером и Моссом' как «категории воображения». Адольф Бастиан2 назвал эти структуры «элементарными» или «предварительными» мыслями. Из всего сказанного, по крайней мере, понятно, что моя идея архетипа — буквально: предшествующей формы — не одинока, ее можно найти и узнать в других областях знания.

Моя гипотеза такова: в дополнение к сиюминутному сознаваемому, которое вполне соответствует личностной природе, имеющей, по нашему мнению, эмпирическое происхождение (даже если прибавить как аппендикс личностное бессознательное), я постулирую существование второй психической системы — системы коллективной, универсальной и надперсональной природы. Она одинакова для всех людей. Это — коллективное бессознательное, которое не меняется с жизнью человека; оно — врожденно. Коллективное бессознательное состоит из предшествующих, предполагающих форм — архетипов, которые лишь вторично могут осознаваться и которые придают определенную форму психическим элементам.

2 ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ КОЛЛЕКТИВНОГО БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО

Медицинская психология в ныне существующем виде выросла из представления о личностной природе психики. Такими я знаю теории Фрейда и Адлера. Это, безусловно, психология личности, изучающая почти все поведенческие факторы как личностные по природе. Тем не менее даже она опи-

?. Ю б е ?, ?. ? о с с — французские структуралисты школы Дюркгейма. Работали в области сравнительного религиоведения. Предметом изучения были мотивы переживаний в различных религиях. М. Мосс — учитель известного французского философа-структуралиста К. Леви-Стросса. — Примеч. пер.

^дольфБастиан— немецкий врач, стал знаменитым этнографом, объездив множество стран. Основатель германской этнографии. Сформулировал мысль об общности психики для всех народов. — Примеч. пер.

рается на некоторые общебиологические факторы: сексуальные инстинкты или стремление самоутверждения, не относящиеся к чисто личностным свойствам. Так как эти ученые создают объяснительную науку, они вынуждены вспоминать и названные факторы. Ни одна из таких теорий не может отрицать существования априорных инстинктов, общих для человека и животных, или сказать, что априорные инстинкты существенно не влияют на личностную психологию. Тем не менее инстинкты надличностны, ими наделен каждый, они — наследственные факторы подвижного или мотивационного характера, которые, кстати, иногда не достигают того уровня сознания, на котором современная психотерапия встречает пациента, обещая помочь ему осознать их. Более того, инстинкты не таинственны и не определены природой, а являются специфично сформированными мотивирующими силами, существующими задолго до сознания и, несмотря на любую степень сознания, они реализуют свои наследственные цели. В результате инстинкты формируют очень точные аналогии архетипов, настолько точные, что есть смысл предположить, что архетипы — это бессознательные образы самих инстинктов или, другими словами, что они — образцы (pattern. — Примеч. пер.) инстинктивного поведения.

Поэтому гипотеза коллективного бессознательного не более смела, чем положение о существовании инстинктов. Она охотно допускает, что человеческая деятельность в очень большой степени вызвана инстинктами и вполне независима от рациональной мотивации сознательной психики. Так, если утверждается, что воображение, восприятие и мышление вызваны действием подобных врожденных и всеобщих формальных элементов, то здравый ум не найдет здесь ни больше ни меньше, чем в теории инстинкта. Хотя такой упрек в мистицизме частенько сопровождает мою концепцию, я еще раз повторю, что понятие коллективного бессознательного имеет не спекулятивное, не философское, но эмпирическое, практическое основание. Просто вопрос надо поставить так: существуют или нет бессознательные, универсальные формы такого рода? Если они существуют, тогда существует та часть психики, которую можно назвать коллективным бессознатель-

ным. Да, определение коллективного бессознательного не всегда легкая задача. Недостаточно сказать, что все это — архетипический продукт, на бессознательное часто проецируются действия языка и образования. Надо исключить также криптомнезию', которая в некоторых случаях играет определенную роль. Несмотря на эти трудности посторонних влияний, все равно остается достаточно много индивидуальных примеров, демонстрирующих автономное воссоздание мифологических мотивов, и это исключает всякие сомнения. Если же такое бессознательное можно найти везде, то психологическое объяснение должно строиться на этом и следует подвергнуть резкой критике существующие личностные этиологии.

Все, что я говорю, можно пояснить на конкретном примере. Вы, возможно, читали Фрейда и его обсуждение одной из картин Леонардо да Винчи: «Св. Анна с Марией и младенцем Христом»2. Фрейд смотрел на эту картину в свете того, что у Леонардо было две матери. Такое причинное объяснение — личностно. Сейчас не стоит останавливаться ни на том факте, что это одна из самых уникальных картин, ни на том несоответствии, что Св. Анна приходится Христу бабушкой, а не, как получается у Фрейда, матерью, но сейчас стоит заметить вплетенный в личностную психологию надличностный мотив, знакомый нам из других сфер. Это мотив двойной матери, архетип, обнаруживаемый в мифологии и сравнительной религии в разных вариантах. Такой архетип формирует основу бесчисленных «коллективных представлений». Я могу вспомнить, например, мотив двойного происхождения, то есть происхождения от человеческого родителя и от

божественного, как у Геракла, который получил бессмертие, нечаянно усыновленный Герой. То, что было мифом в Греции, — было цо этого живым ритуалом в Египте: фараон по природе — и человек, и божество. В родильных палатах египетских храмов второе божественное зачатие и рождение фараона изображены на стенах, он — дважды рожден. Эта идея лежит в основе всех

'Криптомнезия— «скрытое воспоминание», изложение нового материала как своего, на самом же деле забытого. — Примеч. пер.

2 Дословное название картины позднего Леонардо «Святая Анна с Девой Марией и Христом-дитя». — Примеч. пер.

мистерий возрождения, включая христианские. Сам Хрисгос — «дважды рожден»: крещением в Иордане он воссоздался и возродился из воды и духа. Поэтому в католической литургии купель называется «uterus ecclesia»1, и, как вы можете прочитать в католическом молитвеннике, так это называется и сегодня — «благословенная купель» святой Субботы перед Пасхой. Кроме того, в соответствии с ранней христианско-гностической идеей дух, появляющийся в виде голубя, интерпретируется как София-Сапиенция, то есть Мудрость, и как мать Христа. Благодаря этому мотиву двойного рождения у детей теперь благодетели «бог-отец» и «богоматерь», а раньше детям к их рождению, к счастью или несчастью, определяли добрых и злых фей, и те «усыновляли» их.

Идея второго рождения обнаруживается везде и всегда. В далекие от нас времена возникновения медицины второе рождение было магическим средством лечения, во многих религиях оно основное мистическое переживание, это — ключевая идея средневековой оккультной философии и еще, хоть это и немало, это детская фантазия многих и многих детей, которые воображают, что их родители не настоящие, а приемные, а они были подкинуты. Такая же идея была у Бенвенуто Челлини2, о чем он рассказал в своей биографии.

Сейчас совершенно не важно, истинно ли то, чтобы у всех людей, думающих о своем двойном порождении, было две матери, или наоборот, что те немногие, кто разделял судьбу Леонардо, заразили человечество своим комплексом. Скорее .надо предположить, что универсальный пример мотива двойного рождения с фантазией о двух матерях отражает вездесущую человеческую потребность, воплощенную в этом мотиве. Если Леонардо да Винчи в Св. Анне и Марии фактически изображает своих матерей (в чем я сомневаюсь), то он все же лишь выразил нечто, что знало до и после него бесчисленное число людей. Символ грифа3

'От uterus (лат.) — матка, ecclesia (лат.) — церковь, священное. — Примеч. пер.

Бенвенуто Челлини (1500—1571) — итальянский скульптор и ювелир. — Примеч. пер.

'Vulture (англ.) — гриф, стервятник. В русской литературе обычно употребляется слово «сокол». — Примеч. пер.

(также обсуждаемый в работе Фрейда) делает такую точку зрения еще более правдоподобной. В подтверждение Фрейд ссылается на источник символа — «Иероглифику» Гораполпона1, широко известную во времена Леонардо книгу. Там вы прочтете, что грифы бывают только женского рода и символизируют матерь. Их зачатие происходит через ветер (пневму). Это слово получило значение «дух» под влиянием, главным образом, христианства. Даже в сумме чудес

пятидесятницы пневма еще имеет двойное значение: «ветра» и «духа». Этот факт, по-моему, сразу же заставляет вспомнить Марию-девственницу, «зачавшую» через пневму, как и гриф. Кроме того, по Гораполлону, гриф символизирует Афину, которая не родилась, а вышла прямо из головы Зевса девственницей и вспоследствии знала только духовное материнство2. Все это действительно напоминает Марию и мотив второго рождения. Не существует ни малейшего доказательства, исходя из картины, что все это было знакомо Леонардо. Даже если верно, что он отождествлял себя с младенцем Христом, то, скорее всего, он все же изображал мифологический мотив двойной матери, а не свою собственную историю. А что говорить о других художниках, рисовавших на эту тему? Разве у всех было две матери?

А теперь перенесем случай с Леонардо в область неврозов и представим, что у пациента — материнский комплекс и он страдает от иллюзии, что причина его невроза — в двух матерях. Личностная интерпретация должна была допустить, что он прав — и тем не менее это совсем не так. На самом деле причина его невроза — в реактивации архетипа двойной матери, и не важно, одна мать у него или две, потому что, как мы видели, этот архетип живет индивидуально или исторически безотносительно к очень редкому случаю двойного материнства.

'«Иероглифика»— сборник IV в. египетских, в то время еще нерасшифрованных иероглифов, изданных греческим грамматиком Гораполлоном. Он сам дал и толкования значений иероглифов, и каталог идей, возможно, их выражающих (символику). — Примеч. пер.

2 Выход Афины из головы Зевса напоминает умственное усилие. По одному из мифов Зевсу помогает родить Афину (стражника, мудрость, женщину) Гефест, бог ремесла. — Примеч. пер.

В случае же с нашим пациентом хочется предположить простую и личную причину, однако наше предположение будет не просто неточным, но и неправильным. Можно представить, как трудно врачам, обученным только медицине, понять, что мотив двойной матери может иметь такую детерминирующую силу, что в состоянии достичь эффекта травмирующих условий. Но если мы посмотрим на чудовищные силы, тайно находящиеся в мифологической и религиозной сферах человека, причинная значимость архетипа покажется нам менее фантастической. Огромное число неврозов возникает из-за нехватки кооперации мотивирующих сил психической жизни пациента. Тем не менее персоналистская психология редуцирует все явления к личностным причинам и даже пытается отрицать архетипические мотивы, помешать их действию, разрушая личностным анализом. Я говорю об этой рискованной процедуре, медицински не обоснованной. Сегодня лучше, чем двадцать лет назад, можно судить о природе довлеющих над нами сил. Вы видите, как целая нация оживляет архаический символ, даже больше, — архаические религиозные формы, и сейчас массовая эмоция революционизирует и изменяет жизнь отдельного человека самым катастрофическим образом. Жив ли в нас человек прошлого, тот, что и не снился до войны, тот человек, который, исходя из последних размышлений, — судьба великих наций, а не сумма отдельных психических изменений?

Пока невроз является нам как частное дело, архетипы играют малую роль. Но если взять вопрос о всеобщем неблагополучии, или, другими словами, о распространении вредных невротических состояний у относительно большого числа людей, то тогда надо предположить существование констеллирующих (созвездий) архетипов. Если неврозы перестали быть исключительно частным делом и стали социальным феноменом, то в этом замешаны архетипы. Архетип, соответствующий ситуации, активизируется, его взрывчатые и опасные тайные силы приводятся в действие, часто с непредсказуемыми последствиями. Нет сумасшедших, не павших жертвой архетипа. Если кто-нибудь тридцать лет назад осмелился бы предсказать, что психологическое развитие

придет к средневековым гонениям евреев, что Европа будет дрожать перед римскими фашистами и тяжелой поступью их легионов, что люди еще когда-нибудь будут взбрасывать руки в римском приветствии, как и две тысячи лет тому назад и что архаическая свастика вместо христианского креста соблазнит и неотвратимо поведет вперед миллионы бойцов, готовых к смерти, тогда бы он выглядел мистическим дураком. А сегодня? Хоть и кажется странным, но все эти абсурдности — страшная реальность. Частная жизнь, частная этиология' и частные неврозы почти стали фикцией в сегодняшнем мире. Человек из прошлого, живший в мире архаических представлений, снова появился в очень зримой и реальной, наполненной болью жизни, появился не в отдельных неустойчивых индивидах, а во многих миллионах.

В жизни столько архетипов, сколько типичных ситуаций. Бесконечные повторения впечатывают опыт переживаний в нашу психическую конституцию, но не в форме чувственных образов со смыслом, а сначала в форме без содержания, являясь только возможностью определенных типов восприятия и действия. Когда представляется случай, соответствующий данному архетипу, тогда архетип активизируется и действует преднаправлеиностью инстинкта, прокладывая себе путь наперекор всем причинам и желаниям, или же порождает конфликт патологической величины, другими словами, невроз.

3. МЕТОД^ПРОВЕРКИ

Сейчас мы обратимся к возможности доказать существование архетипов. Когда мы предположили за архетипами порождение определенных психических форм, тогда стало ясно, что нужно обсудить, где и как материально можно продемонстрировать эти формы. Во-первых, это сновидения — непроизвольные спонтанные продукты бессознательной психики, продукты чистейшего естества, не испорченные никакими сознательными намерениями и этим ценные. Расспрашивая человека, можно не выяснять, какие из

'Этиология (грен.) — учение о причинах. Этиологический— причинный. — Примеч. пер.

возникших во сне мотивов ему знакомы. Из неизвестных мы должны исключить все мотивы, которые могли бы быть ему известны, как в примере (возвращаясь к случаю с Леонардо) с грифом. Там мы точно не знаем, взял ли Леонардо этот символ из Гораполлона или нет, что вполне возможно для образованной личности того времени. Тогда именно художники и отличались от остальных обширными познаниями, а такое заимствование для них было очень характерно. Поэтому, несмотря на то что птичий мотив — архетип par excellence, его присутствие в фантазии Леонардо еще ничего не доказывает. Нам надо отыскивать такие мотивы, которые не могли бы быть известны человеку с определенным сном наверняка, и еще, чтобы функциональное поведение этого архетипа совпадало с поведением архетипа, известного по другим историческим источникам.

Еще одну проверку по источникам надо бы поискать в «активном воображении». Под «активным воображением» я понимаю череду фантазий, вызванную целенаправленным сосредоточием. Я обнаружил, что наличие нереализованных, бессознательных фантазий увеличивает частоту и интенсивность сновидений, но, когда фантазии, вошли в сознание, сновидения меняют характер, становясь слабее и реже. Из этого я сделал вывод, что сновидения часто содержат фантазии, которые «хотят» стать сознательными. Часто источником сновидений служат вытесненные инстинкты, имеющие естественную тенденцию влиять на сознательный ум. В такого рода историях пациенту ставят задачу размышлять, углубляясь в один из фрагментов фантазии, который показался ему важным, — случайная идея, может быть, или что-нибудь ему понятное из

сна, — до тех пор, пока контекст фрагмента станет зримым, или, по-другому, понятным в осмыслении всего ассоциативного материала сна. Это не те «свободные ассоциации», рекомендованные Фрейдом из задачи анализа сна, а попытка разобрать фантазию, наблюдая за текущим фантазийным материалом, дополняющим фрагменты самым естественным образом.

Здесь не место начинать длинные технические разговоры о методе. Достаточно сказать, что в результате ряда после-

довательных фантазий активизируется бессознательное и появляется богатый материал в виде архетипических образов и ассоциаций. Очевидно, что этот метод может использоваться лишь в специально отобранных случаях. Он таит в себе опасность тем, что может увести пациента слишком далеко от реальности. Поэтому здесь уместно предостеречь от его бездумного применения.

В конце концов еще очень интересные проявления архетипического материала отыскиваются в параноидальном бреду, а также в фантазиях, наблюдаемых в трансе, и еще в снах в раннем детстве — от трех до пяти лет. Такой материал может быть и бесполезен, если не будут найдены дополняющие его мифологические параллели. Конечно, можно просто связать змею во сне с тем, что происходит со змеей в мифологиях, но нужно убедиться в том, что функциональное значение змеи совпадает с мифологическим контекстом. Чтобы правильно сравнивать, надо знать функциональное значение индивидуального символа, а затем выяснить, имеет ли сравниваемый параллельный мифологический символ сходный контекст и, значит, сходное значение. Установление факта такого рода требует не только долгого и утомительного расследования, но и является неблагодарным объектом для демонстрации. Чтобы символы не вырывались из контекста, надо уйти с головой в подробнейшие описания, личные и символические, а это невозможно показать в рамках лекции. Я неоднократно пытался это сделать, рискуя усыпить половину моей аудитории.

4. ПРИМЕР

Я выбираю в качестве примера случай, который, несмотря на то что он уже опубликован, я все же использую: краткость делает его особенно удачным для иллюстрации. Кроме того, я могу добавить некоторые замечания, упущенные в предыдущей публикации'.

Приблизительно около 1906 г. я случайно натолкнулся на один очень любопытный бред у параноидального шизофрени-

'Wandlungen und Symbole der Libido, 1912.

ка, которого поместили в клинику много лет назад. Пациент был болен с юношеского возраста и неизлечим. Он получил образование в государственной школе и служил клерком в офисе. Особых дарований у него не было, а я ничего особенного из области мифологии и археологии не знал, поэтому ситуация не стала для меня подозрительной. Однажды я увидел, что пациент стоит у окна, машет головой и щурится на солнце. Он попросил меня сделать то же самое, и тогда я увижу что-то интересное. Когда я спросил у него, что он видел, он изумился, что я ничего не вижу, и

сказал: «Конечно же, вы видите солнечный пенис — когда я двигаю головой туда-сюда, он двигается тоже, и в том месте из него выходит ветер». Естественно, что я ни грамма из этой странной идеи не понял, но я ее запомнил. Потом, примерно через четыре года, когда я изучал мифологию, я наткнулся на книгу позднего Альбрехта Дитриха1, широко известного филолога, который пролил свет на эту фантазию. Работа, опубликованная в 1910 г., говорит о греческом папирусе, находящемся в Национальной библиотеке Парижа. Дитрих считает, что он нашел ритуал Митры в одной из частей текста. Текст, несомненно, является сводом религиозных предписаний для определенных заклинаний, в которых встречается имя Митры. Текст происходит из александрийской школы мистицизма и обнаруживает близость с отдельными пассажами Лейденского папируса и с «Corbus Hermeticum» (Сводом позднеантичных философско-религиозных текстов. — Примеч. пер.). В дитриховском тексте мы читаем следующие наставления: «Вдохните от лучей, вдохните три раза так глубоко, насколько сможете, и вы почувствуете себя вдохновенным и идущим к вышнему, и станет заметно, что вы в середине эфирной сферы. ...Путь зримых богов возникает из диска солнца, которое есть Бог, мой отец. Это будет подобно так называемой трубе, источнику, посылающему ветер. Так ты увидишь то, что исходит из диска солнца, то, что выглядит как труба. И в направлении областей западных, как буд-

'Eine Mithrasliturgie. Как потом узнал автор, издание 1910 г. было в действительности вторым; существовало и первое издание 1903 г. — Примеч. ред. англ. изд.

то бы там был бесконечный восточный ветер. Но если другой ветер возобладает над восточными областями, ты тоже увидишь видение, идущее в другом направлении».

Стало привычным авторским стремлением предоставить возможность читателю пережить собственное видение, ну, по крайней мере, то, в которое автор верит.

Читателя посвящают в глубокое религиозное переживание автора либо (что кажется более вероятным) в религиозное переживание тех мистических общин, о которых мы знаем в передаче их современника Филона Иудея. Заклинаемые там огненный и солнечный боги — это фигуры, имеющие близкие исторические параллели с фигурой Христа из Апокалипсиса, например. Поэтому это «коллективное представление», здесь присутствуют характерные ритуальные действия (имитация звуков животных и др.). Видения, вплетенные в ткань религиозного контекста, — отчетливо экстатической природы и представляют собой разновидность инициации в мистическом переживании божества.

Наш пациент был приблизительно на 10 лет старше меня. В своей мании величия он думал, что он Бог и Христос в одном лице. Его отношение ко мне было покровительственным: я ему нравился, возможно, потому, что для его глубоких идей я был всего лишь симпатичным человеком. Его бред в основном был религиозен, и когда он приглашал меня, так же как и он, пожмуриться на солнце и махать головой, он просто хотел разделить со мной свое видение. Он играл роль мистического мудреца, а я был неофитом. Он чувствовал себя солнцебогом и сотворял ветер качанием головы туда-сюда. Такое ритуальное превращение в божество удостоверяется свидетельством Апулея1 о мистериях Исиды2 и, более того, в форме апофеоза Гелиоса. Смысл «посылающего ветер», возможно, сходен с порождающей пневмой, истекающей из солнцебога на землю и оплодотворяющей ее. Солнце и ветер часто связываются в древнейшей символике.

'Апулей— римский писатель 2 в., бытописал жизнь римских провинций. Автор «Золотого осла», «Метаморфоз».

2 И с и д а — египетская богиня, популярнейшая до 5 в. во всем Средиземноморье, «Матерь

богов».

Сейчас нам надо убедиться, что все это не произвольное совпадение двух изолированных случаев. Мы должны, следовательно, показать, что идея ветра-трубы, связанная с Богом и солнцем, существует независимо от двух приведенных свидетельств, появляясь повсеместно и в разные времена. Сейчас, как факт, существуют средневековые росписи, изображающие оплодотворение Марии посредством трубы или рукава, свисающего с трона Бога и проходящего в ее тело; можно увидеть голубя или младенца Христа, спускающегося вниз трубы. Голубем символизируется оплодотворяющий агент, ветер Святого Духа.

Но мы совершенно ушли от вопроса, что пациент мог к тому времени знать из греческого папируса, напечатанного через четыре года после нашего знакомства, но в высшей степени маловероятно, что его видение вызвано исключительно редким средневековым представлением о Замысле, даже если и допустить невероятный, неправдоподобный случай встречи с копией такой росписи. Пациент освидетельствовался, когда ему не было и двадцати лет. Он никогда не путешествовал. И в Цюрихе, его городе, в публичной художественной галерее, такого изображения нет.

Мне кажется, что этот случай не для того, чтобы доказать, что видения — это архетип, он лишь показывает вам мой метод процедуры в наиболее простом виде. Если бы у нас были только такие случаи, задача исследования была бы относительно легкой, но в действительности доказательство намного более запутанное. Во-первых, определенные символы выступают как изолированные, и достаточно трудно распознать в них типичный феномен, а не игру случая. Это производится проверкой на типические фигуры серии сновидений, скажем, нескольких сот, и наблюдением над развитием этих фигур в сериях. Похожий метод вполне применим и к продуктам активного воображения. Таким образом, можно свести разновидности или последовательности переживаний к одним и тем же фигурам. Вы можете отобрать любую фигуру, выражающую архетип, и следить за ее поведением в серии сновидений или видений. Если имеющийся материал наблюдается успешно и в большом количестве, то человек может обнаружить ин-

тересные факты о вариациях, лежащих в основе простого типа. Не только тип сам по себе, но также и его вариации могут быть расположены путем доказательства из сравнительной мифологии и этнологии. Метод исследования1 и необходимый материал для проверки я описал в другом месте.

ТЕОРИЯ ЭРОСА

В свете этого открытия проблема психической травмы была решена самым неожиданным образом, а на ее место встало исследование проблемы эротического конфликта, который, как показывает наш пример, содержит множество ненормальных элементов и с первого взгляда не может сравниться с обыкновенным эротическим конфликтом. Особенно поразительно и почти неправдоподобно то, что именно предлог пациенткой осознается, в то время как ее действительная страсть остается от нее скрытой. В данном случае, конечно, бесспорно, что действительное отношение было покрыто тьмой, а ложное всецело занимало сферу сознания. Если мы сформулируем эти факты теоретически, то придем к следующему результату: в неврозе

существуют две тенденции, находящиеся в строгой противоположности друг к другу, одна из которых — бессознательна. Это утверждение нарочно сформулировано в самых общих терминах, так как я хочу подчеркнуть, что хотя патогенный конфликт — дело личное, он также и общечеловеческий конфликт, проявляющийся в индивиде, ибо внутренний разлад с собой служит отличительным признаком цивилизованного человека. Невротик — всего лишь особый пример разлаженного человека, которому следует гармонизировать в себе природу и культуру.

Рост культуры заключается, как мы знаем, в прогрессирующем подчинении животного в человеке. Это — процесс приручения, который не может совершиться без сопротивления со стороны животной сущности, жаждущей свободы. Время от времени сквозь массу людей, слишком долго сдерживающихся в ограничениях своей культуры, пробегает

'«Психология и алхимия». Ч. II — Примеч. пер.

волна неистовства. Античность пережила это в дионисийских оргиях, которые нахлынули с Востока и стали существенной и характерной составляющей классической культуры. Дух этих оргий внес немалый вклад в развитие стоического идеала аскетизма в бесчисленных сектах и философских школах последнего дохристианского столетия и создал из политеистического хаоса той эпохи аскетические религии-близнецы, митраизм' и христианство. Вторая волна дионисийского распутства пронеслась по Западу в эпоху Ренессанса. Трудно оценить дух своего собственного времени, но в непрерывном ряду революционных вопросов, начало которым дано в последние полвека, был и «сексуальный вопрос», и это породило новый вид литературы. В этом «движении» коренятся начала психоанализа, на чьи теории оно оказало слишком одностороннее влияние. В конце концов, никто не может быть полностью независимым от течений своей эпохи. С тех пор «сексуальный вопрос» был значительно оттеснен религиозными и политическими проблемами на задний план. Что, однако, никак не меняет того основного факта, что инстинктивная природа человека всегда проступает вопреки контролю, налагаемому цивилизацией. Названия меняются, но факт остается фактом. Сегодня нам известно также — это отнюдь не только животная сущность, которая не ладит с цивилизованными ограничениями; очень часто этим являются новые идеи, которые прорываются из бессознательного и настолько же не гармонируют с доминирующей культурой, насколько и инстинкты. К примеру, мы могли бы с легкостью сочинить политическую теорию невроза в той мере, насколько современный человек возбужден именно политиче-

«Вероятно, среди мистерий были обещавшие посвященным личное бессмертие... Митраизм, как известно, учил, что Митра, посредник между верховным богом и людьми, вечный борец со злым началом в мире, вернется на Землю, когда сумма добра превысит сумму зла, и тогда настанет царство всеобщего блага и счастья. Отсюда строгая и активная мораль, предписывавшая митраистам, обязанным умножать добро и тем приблизить пришествие Митры» (Ш таерманЕ.М. Социальные основы религии древнего мира. М-, 1987. С. 249). — Примеч. пер.

скими страстями, к которым «сексуальный вопрос» был только незначительной прелюдией. Может оказаться, что и политическая жизнь является лишь предвестником гораздо более глубокого религиозного сотрясения. Не осознавая этого, невротик участвует в преобладающих течениях своей эпохи и отражает их в своем внутреннем конфликте.

Невроз тесно связан с проблемой своего времени и действительно представляет собой безуспешную попытку со стороны индивида решить всеобщую проблему в себе. Невроз суть раздор с самим собой. У большинства людей причиной раздора является то, что сознательный разум хочет полагаться на свой нравственный идеал, в то время как бессознательное борется за свой — в современном смысле — безнравственный идеал, который сознательный разум пытается отрицать. Люди такого типа желают быть более представительными, чем они есть в действительности. Но конфликт легко может пойти другим путем: есть люди, судя по всему, пользующиеся дурной репутацией, но не подвергающие себя ни малейшим ограничениям. Это, в сущности, всего лишь поза злобности, так как в глубине души у них есть своя нравственная позиция, которая ушла в бессознательное. Несомненно и то, что бывает безнравственная позиция у нравственного человека. (Крайностей, таким образом, следует избегать, насколько это возможно, потому что они всегда вызывают подозрение своими противоположностями.)

Это общее обсуждение было необходимо для того, чтобы прояснить идею «эротического конфликта». Отсюда мы можем перейти к обсуждению, во-первых, техники психоанализа и, во-вторых, проблемы терапии.

Очевидно, главным вопросом, связанным с этой техникой, является следующий: «Как нам прийти кратчайшим и наилучшим путем к знанию того, что происходит в бессознательном нашего пациента? Первоначальным методом был гипнотизм: либо опрос в состоянии гипнотической концентрации, либо спонтанное продуцирование фантазий пациентом во время такого же состояния. Этот метод до сих пор иногда применяется, но, по сравнению с нынешней техникой, примитивен и часто неудовлетворителен. Второй так

называемый ассоциативный метод был развит психиатрической клиникой Цюриха. Он довольно точно показывает наличие конфликтов в форме «комплексов» чувственно-выраженных идей, как их называют, которые выдают себя характерными нарушениями в ходе эксперимента. Но наиболее существенным методом постижения патогенных конфликтов является, как показал первым Фрейд, анализ сновидений.

О сновидении действительно можно сказать, что это как тот «камень, что строители отвергли, — тот самый, что стоит во главе угла». Только в новые времена сновидение, этот мимолетный и не очень бросающийся в глаза продукт психики, вызвало такое глубокое презрение к себе. Прежде же оно почиталось как предвестник судьбы, как знамение и утешитель, как посланец богов. Сейчас мы понимаем его как эмиссара бессознательного, задача которого состоит в том, чтобы выдавать секреты, скрытые от сознательного разума, и делает оно это с поразительной полнотой. «Явленное» сновидение, то есть сновидение, как мы его помним, выступает, по мнению Фрейда, только фасадом, не показывает внутреннее убранство дома, а, наоборот, тщательно скрывает его с помощью «сноцензора». Если, однако, соблюдая определенные технические правила, мы убедим видевшего сон рассказать о подробностях своего сновидения, то вскоре станет ясно, что его ассоциации идут в особом направлении и группируются вокруг особых тем. Последние личностно важны и выводят тот смысл, о котором никогда не подумаешь, что он скрывается за сном, ибо который, как показывает внимательное сравнение, находится в очень тонкой и точной связи с фасадом сновидения. Этот особый комплекс идей, где соединены все нити сновидения, и есть искомый нами конфликт или, вернее, его вариация, обусловленная обстоятельствами. Согласно Фрейду, болезненные и несовместимые элементы в конфликте здесь так прикрыты или стерты, что мы можем говорить даже о некоем «исполнении желания». Но лишь очень редко такие сновидения исполняют очевидные желания, как, например, в так называемых телесно-раздражительных сновидениях, в частности в ощущении голода во сне, когда сильное желание' пищи удовлетворяется сновидением с приятным приемом пищи.

Точно так же настойчивая мысль о том, что надо , противоречащая желанию поспать еще, ведет к исщему желанию сно-идеи, где уже встали, и т. д. По нию Фрейда, существуют также бессознательные жела1и»4 природа которых несовместима с идеями бодрствующего дознания, болезненные желания которых предпочитают не замечать, и они именно те желания, которые Фрейд считает подлинными архитекторами сновидения. Например, некая дочь нежно любит свою мать, но, к большому своему прискорбию, видит ее во сне умершей. Фрейд доказывает, что у этой дочери существует, неведомо для нее, чрезвычайно болезненное желание увидеть мать поскорее покинувшей этот мир, так как втайне недолюбливает ее. Даже у самой безупречной дочери могут быть подобные настроения, но их бы встретили с весьма яростным опровержением, если бы кто-то попытался обвинить ее в них.

По всей видимости, явленное сновидение содержит не следы исполнения желания, а скорее опасения или тревоги, следовательно, прямую противоположность предполагаемого бессознательного импульса. Однако нам отлично известно, что преувеличенную вообще тревогу можно часто и справедливо подозревать в обратном. (Здесь критично настроенный читатель может оправданно спросить: «Когда же тревога в сновидении преувеличена?») Таких сновидений, в которых, вероятно, нет следа исполнения желания, множество: конфликт, переработанный в сновидении, бессознателен, и таким же является предпринятое объяснение его. На самом деле у нашей пациентки все же существует стремление избавиться от своей матери; выражаясь языком бессознательного, она хочет, чтобы мать умерла. Но видевшую сон, конечно, нельзя обвинить в этом стремлении, так как, строго говоря, сновидение произвела не она, а бессознательное. Именно бессознательное имело это стремление, весьма неожиданное с точки зрения видевшей сон, избавиться от матери. Сам факт того, что ей может присниться такое, доказывает, что сознательно она об этом не думала. Она не имела ни малейшего представления о том, почему нужно избавиться от своей матери. Сейчас мы знаем, что некоторый пласт

бессознательного содержит в себе все, что прошло, не зале чатлевшись в памяти, включая и все те инфантильные инстинктивные побуждения, которые не могут найти выхода во взрослой жизни. Мы можем говорить, что большая часть того, что проистекает из бессознательного, проистекает из инфантильного характера, как, например, вот такое желание, которое есть сама простота: «Когда мама умрет, ты женишься на мне, не правда ли, папа?» Это выражение инфантильного желания является заместителем какого-то недавне возникшего желания выйти замуж, в данном случае болезненного желания для видевшей сон по все еще не раскрытым причинам. Мысль о замужестве или, правильнее, серьезность соответствующего импульса является, как мы говорим, «вытесненной в бессознательное», и оттуда она обязательно должна выражаться в манере инфантильной, потому что материал, находящийся в распоряжении бессознательного, состоит в значительной степени из инфантильных реминисценций.

Рассматриваемое сновидение, вероятно, связано с приступом инфантильной ревности. Видевшая сон, больше или меньше, все же влюблена в своего отца, и по этой причине желает избавиться от матери. Однако ее подлинный конфликт на самом деле заключается в том, что, с одной стороны, она хочет выйти замуж, а с другой -- неспособна принять решение: ибо никогда нельзя знать, на что это будет похоже, выйдет ли из «него» подходящий муж и т. д. К тому же ей так хорошо дома, а что случится, когда она будет вынуждена расстаться с любимой мамочкой и станет совершенно самостоятельной и взрослой? Она замечает, что теперь вопрос замужества является для нее серьезным делом и держит ее в своей власти настолько, что она больше не может появляться домой под взгляд мамы и папы, не внося этот жизненный вопрос в круг семьи. Она больше не

ребенок, каким была когда-то; теперь она женщина, которая желает выйти замуж. По существу, своим желанием мужа она возвращается к самой себе, завершаясь. Но в их семье мужем является ее отец, и, безотчетно для дочери, именно на него обрушивается ее сильное желание иметь мужа. Но это же инцест! Вот так там возникает обусловленность первым желанием, вторичная инцест-

интрига. Фрейд же предполагает, что склонность к инцесту — первична и является реальной причиной того, почему видевшая сон не может решиться на замужество. По сравнению с этой другие причины, на которые мы уже ссылались, менее значимы. Относительно такой точки зрения я давно считаю, что нечастый случай инцеста не служит доказательством всеобщей склонности к нему, как, впрочем, факт убийства также не доказывает наличие всеобщей мании смертоубийства как результата конфликтов. Я не хотел бы этим сказать, что зачатки преступности любого вида не присутствуют в каждом из нас. Но существует пропасть между наличием такого зачатка и действительным конфликтом с вытекающим из него результатом — расщеплением личности в том вице, в каком оно присутствует в неврозе.

Если мы внимательно проследим историю любого невроза, то всегда обнаружим в ней критические моменты, когда какая-нибудь проблема возникает, когда ее решение начинает избегаться. Это избегание — точно такая же естественная и распространенная реакция, как и лень, расхлябанность, трусость, тревожность, невежество и неосознанность, которые являются обратной стороной избегания. Всякий раз, когда что-то неприятно, трудно и рискованно, мы обычно колеблемся и, если это возможно, уклоняемся от него. Я считаю, что такие основания уже совершенно достаточны. Симптоматика же инцеста, которая, несомненно, здесь присутствует и которую Фрейд правильно увидел, — это, помоему, вторичное явление, уже патологическое.

Сновидение часто наполнено очень глупыми деталями, до такой степени создающими впечатление нелепости или же внешне настолько неразборчивы, что оставляют нас совершенно сбитыми с толку. Поэтому мы всегда вынуждены преодолевать определенное сопротивление, прежде чем сможем серьезно приступить к распутыванию замысловатого сплетения всего наработанного пациентом. А когда мы, наконец, вникнем в его действительное значение, то оказываемся глубоко в тайне пациента и с изумлением обнаруживаем, что внешне совершенно бессмысленное сновидение является в высшей степени значимым и что фактически оно говорит исключительно о существенных и серьезных материях. Это от-

крытие, пожалуй, заставляет больше уважить так называемое суеверие, в соответствии с которым сновидения содержат какой-то смысл и с которым рационалистическая сдержанность нравов нашей эпохи до сих пор быстро расправлялась.

Как говорит Фрейд, анализ сновидения — via regia1 к бессознательному. Он ведет прямо к самым глубоким личностным тайнам и поэтому является бесценным инструментом в руках целителя и воспитателя души.

via regia1 к

Аналитический метод вообще, а не только фрейдовский психоанализ конкретно состоит в основном из большого числа актов анализа сновидений. В ходе изучения сновидений последовательно выделяют содержимое бессознательного для того, чтобы подвергнуть его действию дезинфицирующей силы дневного света, и, таким образом, многое из того, что ценно и считается утраченным, находится снова. Единственное, чего стоит ожидать, — то, что для многих людей, имеющих ложное представление о самих себе, лечение станет настоящей пыткой. Ибо в соответствии со старой мистической поговоркой: «Откажись от того, что имеешь, и ты приобретешь!» они вынуждены будут отказаться от своих взлелеянных иллюзий ради того, чтобы нечто более глубокое, более значительное и более объемлющее смогло бы в них возникнуть. Это подлинная старинная мудрость снова открывается при лечении. Она особенно курьезна тем, что такому виду психического просвещения приходится доказывать свою необходимость во время расцвета нашей культуры. Во многих отношениях такое может быть сравнимо с сократическим методом, однако нужно сказать, что анализ проникает в гораздо большие глубины.

Фрейдовский способ исследования стремился обосновать, что первоочередное значение приносит эротическому или сексуальному фактору аспект источника патогенного конфликта. Согласно этой теории, между общей тенденцией сознательного разума и безнравственным, несовместимым бессознательным желанием существует определенное противоречие. Бессознательное желание инфантильно, т. е. оно суть некое желание родом из детского прошлого, обычно больше не пригодное настоящему и потому вытесненное по мораль-

'V i a regia (лат.) — царская дорога, «столбовая дорога». — Примеч. пер.

ным причинам. У невротика — психика ребенка, плохо переносящего произвольные ограничения, значение которых ему непонятно; он старается создать себе эту мораль, но срывается в разлад с самим собой: одна его половина желает подавлять, другая страстно стремится быть свободной — и борьба эта проходит под названием «невроз». Будь конфликт ясно осознанным во всех своих частях, он, возможно, никогда не мог бы проявиться невротическим симптомом; последние встречаются только тогда, когда мы не можем увидеть другой стороны своей натуры и-безотлагательности решения ее проблем. Только и только при этих условиях симптом возникает и помогает выразить непризнанную сторону психики. Следовательно, симптом, по мнению Фрейда, — это исполнение непризнанных желаний, которые, проявляясь, вступают в жестокое столкновение с нашими нравственными убеждениями. Как уже бь1ло замечено, эта теневая сторона психики, будучи изъятой из сознательного, испытующего взгляда, остается вне диалога с пациентом. Он не может ни корректировать ее, ни прийти к соглашению с ней, ни даже игнорировать; ибо фактически он совсем не «владеет» бессознательными импульсами. А они, изгнанные из иерархии сознательной психики, становятся автономными комплексами, которые — и это составляет задачу анализа — не без долгого сопротивления снова приводятся к подчинению.

Есть пациенты, хвастающие, что для них теневой стороны не существует; они уверяют нас, что. у них нет конфликта, но не видят, что другое, неизвестного происхождения, затрудняв им жизнь — истерические настроения, тайные уловки, с помощью которых они обманывают себя и своих близких, нервный катар желудка, боли в разных местах, раздражительность без причины и целое множество нервных симптомов.

Фрейдовский психоанализ обвинялся в высвобождении вытесненных (удачно) животных инстинктов человека и причинения этим самым неисчислимого вреда. Такая перестраховка показывает, насколько малую надежду возлагаем мы на эффективность наших нравственных принципов. Люди притворяются, что только мораль, проповедываемая с кафедры, сдерживает человеческую изнанку от разнузданной вольницы; но необходим гораздо более эффективный регулятор, который ус

 танавливал бы ограничения намного более реальные и убедительные, чем любые моральные наставления. Верно, что психоанализ делает животные инстинкты сознательными, однако же не с намерением, как многие высказывают, предоставить им безграничную свободу, а, скорее, чтобы объединить их в некоторое задуманное целое. При всех данных обстоятельствах есть выгода в том, чтобы полностью владеть своей личностью, в противном случае же вытесненные элементы только и будут, что неожиданно возникать в виде препятствия где-нибудь еще, а не просто в каком-нибудь несущественном, но в самом неподходящем месте, там, где мы наиболее чувствительны. Если бы люди могли быть развиты так, чтобы ясно видеть эту теневую сторону своей натуры, то можно надеяться, что они также научились бы лучше понимать и любить своих собратьев. Немного меньшее количество лицемерия и немного большее — самопознания могут иметь только положительный результат в отношении наших близких; ибо мы все слишком склонны переносить на наших собратьев несправедливость и жестокость, на которую приговариваем свою собственную природу.

Все же представляется, что фрейдовская теория вытеснения несомненно впечатляет, что существуют только как бы сверхнравственные люди, которые подавляют свою инстинктивную безнравственную природу. Соответственно безнравственный человек, живущий жизнью необузданного инстинкта, должен быть невосприимчивым к неврозу. Вообще же, как показывает опыт, это явно не происходит. Подобный человек может быть таким же невротиком, как и любой другой. Если мы проанализируем его, то просто обнаружим, что его мораль вытеснена. Неврологический распутник представляет собой, по поразительно точному выражению Ницше, картину «бледной копии уголовника», который недостоин своих поступков.

Мы, конечно, можем принять ту точку зрения, и что в данном случае вытесненные остатки приличия являются лишь традиционным пережитком раннего детства, налагающим излишний контроль на инстинктивную природу и поэтому подлежащим искоренению. Принцип ecrasez I'infame!1 может за-

'Ecrasez I'infame (фр.) — раздави позорное. — Примеч. пер.

вершиться теорией абсолютной распущенности. Естественно, это было бы совершенно фантастично и бессмысленно. Никогда не следует забывать — и фрейдовская школа должна об этом помнить, — что мораль никогда не сводилась к синайским скрижалям' и не навязывалась людям, но является некоей функцией человеческой души, такой же дневной, как само человечество. Мораль не навязана извне; мы имеем ее в себе с самого начала — не как закон, а как нашу нравственную природу, без которой коллективная жизнь человеческого общества была бы невозможна. Вот почему мораль обнаруживается на всех ступенях общества. Она — инстинктивный регулятор действия, который также правит коллективной жизнью стада. Но моральные законы имеют силу только в компактной человеческой группе. Дальше они останавливаются. Дальше в ходу старая истина: homo homini lupus est2. С развитием цивилизации мы преуспели в подчинении более многочисленных групп людей правилу той же морали, хотя до сих пор не довели моральный кодекс до распространения за социальными границами, т. е. в свободном пространстве между взаимонезависимыми обществами. Здесь, как и встарь, царит беззаконие, неповиновение и безумная распущенность — хотя, конечно, только недруг отваживается говорить об этом вслух.

Фрейдовская школа настолько уверилась в фундаментальной, действительно исключительной значимости сексуальности в неврозе, что, сделав логическое умозаключение, храбро атаковала сегодняшнюю сексуальную мораль. Несомненно, это было полезно и необходимо, так как в той сфере преобладали и все еще преобладают идеи, которые ввиду чрезвычайно запутанного состояния дел слишком недифференцированы. Точно так же, как в раннем средневековье презиралось финансовое дело, потому что тогда, как и до сих пор, финансовая мораль не дифференцировалась для ответа на различные случаи, была только некая массовая мораль, как сегодня суще-

Десять заповедей, которые были начертаны на каменных досках Синайской горы (скрижалях) Моисею Богом. Заповеди на скрижалях содержали основные принципы человеческого общежития («не убий», «не прелюбодействуй» и др.). — Примеч. пер.

li^c^mo homini lupus est (лат.)— человек человеку волк.— Примеч. пер.

ствует лишь некая массовая сексуальная мораль. Девушка, имеющая незаконнорожденного ребенка, осуждается, и никто не спрашивает, порядочный она человек или нет. Всякая форма любви, не санкционированная законом, — безнравственна, неважно, между настоящими людьми или прохвостами. Мы еще настолько загипнотизированы тем, что произошло, что забываем, какие кем это произошло, точно так же для средневековья финансовое дело было ничем, кроме как сверкающим золотом, неистово желаемым, а потому — дьяволом.

Тем не менее все не так просто. Эрос — сомнительный товарищ и, возможно, всегда будет таковым, что бы там ни говорилось о нем законодательству будущего. Он принадлежит, с одной стороны, изначальной животной природе человека, которая будет существовать, пока человек телесен. С другой стороны, он связан с высшими формами духа. Но он только процветает, когда дух и инстинкт находятся в истиннной гармонии. Если одного или другого аспекта ему недостает, то результатом будет травматическое повреждение или, по крайней мере, некоторая кривобокость, которая легко может перейти в патологическую. Чрезмерность животного аспекта искажает цивилизованного человека, чрезмерность цивилизации делает его больным животным. Эта

дилемма открывает огромную неуверенность в том, что Эрос внутренне свойствен человеку. Наличие Эроса, по сути, предстает как внечеловеческая сила, которая, вероятно, как и ее сущность, позволяет подавлять и эксплуатировать себя и тем самым выглядит слабой. Но за победу над природой заплачено дорогой ценой. Природа требует не объяснения, принципа, а только терпимости и знания меры.

«Эрос — это могущественный демон», — говорила Сократу мудрая Диотима'. Мы никогда не одолеем его, а если

'Диотима («Пир» Платона) поучает Сократа, что Эрос есть «существо, среднее между смертными и бессмертными», «великий демон, дорогой Сократ», говорит она, «ибо все демоническое и является посредствующим звеном между богом и человеком»; задача Эроса быть «толмачом и послом людей у богов и богов у людей: людям это надо для молитв и жертвоприношений, богам — для их приказов и вознаграждений за жертву: Эрос заполняет таким образом бездну между теми и другими, так что благодаря его посредничеству вселенная связуется сама с собой...» — Примеч. К. Юнга к с. 140 «Трансформаций и символов либидо». Цюрих, 1929.

и одолеем, то лишь во вред себе. Он — не вся наша внутренняя сущность, однако же является, по крайней мере, одним из ее существенных аспектов. Таким образом, сексуальная теория невроза Фрейда обоснована истинным и фактическим принципом. Но она делает ошибку, по-настоящему изысканную и однобокую; к тому же она совершает неблагоразумие, пытаясь уложить ничем не сдерживающийся Эрос в недозрелую терминологию секса. В этом отношении Фрейд — типичный представитель материалистической эпохи', понадеявшийся в одной пробирке решить мировую загадку. Сам Фрейд спустя годы согласился с такой несбалансированностью своей теории и противопоставил Эросу, которого он назвал либидо, деструктивный инстинкт смерти2. В опубликованных посмертно сочинениях он высказывается: «После долгих сомнений и колебаний мы решили принять существование только двух основных инстинктов — эроса и деструктивного инстинкта... Цель первого из этих главных инстинктов состоит в том, чтобы всегда устанавливать огромнейшие общности и сохранять их таковыми, короче говоря, связывать воедино; цель второго, наоборот, разрывать связи и, таким образом, разрушать созданное... По этой причине мы называем его также смертельным инстинкте м»3.

Я вынужден довольствоваться таким беглым упоминанием, не проникая более глубоко в сомнительную природу данного понятия. Очевидно, что жизнь, подобно любому другому процессу, имеет какое-то начало и какой-то конец и что каждое начало вообще — это и начало конца. То, что, вероятно, имеет в виду Фрейд, — весьма существенно: любой процесс суть явление энергии, а все связанное с энергией может исходить только из противостояния противоположностей.

'C. G. Jung. Sigmund Freud: A Cultural Phenomen. Coll. W. — Z. V. 15. 2 Эта идея впервые появилась у моего ученика С. Шпильрейна (S. S p i e l r e i n). cm. Die Destruction als Ursache des Werdens. Jahrbuch fur psychoanalitische und psychopathologische Forchungen, IV, 1912.

'An outline of Psychoanalysis (L., 1949. P. 5—6), переведено с нем.: К. Jung. Gesammelte Werke. Bd.

XVII. London, 1941. P. 70-71.

177

Настоящее и будущее1

1. УГРОЗА ИНДИВИДУУМУ ' В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Вопрос о том, что принесет с собой будущее, всегда занимал людей, правда, не всегда в равной мере. С исторической точки зрения легко проследить, что иногда наступают времена физического, политического, экономического и духовного упадка, когда взгляды людей в боязливой надежде устремляются в будущее, и возникают антиципации, утопии или видения апокалипсиса. Можно вспомнить, например, о Золотом веке начала христианского Эона с его хилиастическими ожиданиями или об изменениях в духовном мире Запада, сопровождавших конец первого христианского тысячелетия. Сегодня мы живем, если можно так выразиться, на закате второго тысячелетия, во времена, наполненные апокалиптическими образами всемирного уничтожения. Что означает эта пропасть в виде «железного занавеса», разделяющего человечество на две половины? Что вообще станется с нашей культурой, нашим очеловеченным существованием, если начнут взрываться водородные бомбы или если духовная и моральная бездна государственного абсолютизма поглотит всю Европу?

У нас нет оснований легкомысленно относиться к этой угрозе. Повсюду в западном мире уже сейчас можно встретить представителей тех разрушительных сил, которые дер-

' Впервые эта работа вышла в Schweizer Monatshefte XXXVI/12, Zurich, Mars, 1957 отдельным изданием. Последующие публикации в издательстве Rascher, Zurich в 1957, 1958 и 1964 гг. — Примеч. пер.

жат наготове факелы и которые были бы только рады любой возможности защитить нашу гуманность и наше правовое сознание, так что распространению их идей противостоит лишь политическое благоразумие определенного рассудительного и духовно стабильного слоя населения. Не стоит переоценить возможности этого слоя. Он меняется от страны к стране в зависимости от национального темперамента. Кроме того, он регионально зависит от общественного воспитания и образования, а также подвержен влиянию различных факторов политического и экономического характера. На основании наиболее оптимистических оценок по итогам годасований его верхняя граница находится на уровне 60% от числа избирателей. Несколько более пессимистическая точка зрения тоже не лишена оснований, ведь дар рассудка и способность к критическому размышлению не являются безусловно присущими любому человеку, да и в тех случаях, когда эти черты есть, они нередко оказываются ненадежными и непрочными, особенно если речь идет о достаточно широких политических группах. Масса подавляет ясность и здравость рассудка, которые могут быть у отдельного человека, что неизбежно приводит к доктринерской и авторитарной тирании, как только правовое государство охватывает приступ бессилия.

Разумная аргументация возможна и эффективна лишь до тех пор, пока эмоциональная нагруженность данной ситуации не переступит определенного критического уровня. Когда накал страстей становится выше этого значения, доводы рассудка уступают свое место

пропагандистским кличам и химерным желаниям, то есть наступает состояние своего рода коллективной одержимости, последовательно развивающееся в психологическую эпидемию. Это состояние затрагивает те слои населения, которые при господстве рассудка ведут хотя и асоциальный, но все же более или менее приемлемый образ жизни. Подобные индивиду не представляют собой те курьезные клинические случаи, которые можно повстречать только в тюрьмах или специальных психиатрических заведениях. На каждого выраженного душевнобольного, по моей оценке, приходится как

минимум десять латентных случаев, не часто прорывающихся наружу, но, несмотря на это, их взгляды и манеры при всей их видимой нормальности подвержены бессознательным болезненным или противоестественным влияни ям. О частоте латентных психозов, впрочем, не дает спра вок ни одна медицинская статистика — и по вполне понятным причинам. Но даже если их число превосходит коли чество выраженных душевнобольных и криминальных лич ностей меньше, чем в десять раз, то их относительно не высокий процент от общего числа населения компенсируется особой опасностью таких индивидуумов. Ведь их душевное состояние аналогично настроениям коллективно возбужденной группы населения, в аффекте охваченной предубеждениями и фантазиями. В подобной среде они оказываются вполне адекватными и чувствуют себя вполне как дома. Из своего личного опыта они хорошо знают язык подобных состояний и умеют с ним обращаться. Их химерические идеи, взращенные на ниве неосознанной вражды, созвучны коллективному безумству и находят в нем для себя благодатную почву. Им только стоит высказать вслух те затаенные мысли и чувства, которые у нормального человека дремлют под покровом рассудка и благоразумия. В силу этого такие индивидуумы опасны, несмотря на их незначительное число по отношению к населению в целом, как разносчики инфекции, потому что так называемый нормальный человек обладает очень ограниченными способностями к самопознанию, которое могло бы стать иммунитетом к такой инфекции.

«Самопознание», как правило, путают со знанием своей сознательной Я-личности. Любой человек, обладающий Я-сознанием, вполне уверенно полагает, что знает самого себя. Но Я знает лишь свои собственные содержания, будучи незнакомо с бессознательным и. его содержаниями. Человек, оценивая развитие своего самопознания, сравнивает с тем, что его ближайшее окружение в среднем знает о самих себе, не учитывая при этом реального психологического состояния дел, остающегося для него тайной за семью печатями. В этом смысле психика уподобляется телу с его

физиологической и анатомической структурой, о которой мало что известно дилетантам. Хотя он живет в ней и с ней, многое остается для него неизвестным, и ему необходимы специальные научные знания, чтобы вывести на уровень сознания хотя бы только постижимое, не говоря уже о протекающих в нем непостижимых процессах.

Таким образом, «самопознание» в его обыденном понимании оказывается ограниченным знанием о том, что происходит в психике человека, знанием, которое обычно зависит от социальных факторов. При этом, с одной стороны, нередко вновь и вновь приходится сталкиваться с предубеждениями вроде «этого «у нас», или «в нашей семье», или «в нашем кругу» еще никогда не бывало», а с другой стороны, не менее частыми являются иллюзорные предположения о якобы имеющихся свойствах, которые на самом деле служат лишь для сокрытия истинного положения дел.

Это и есть та широкая область бессознательного, недосягаемая для критики и контроля сознания и в которой мы беззащитны перед лицом всевозможных воздействий и психологических инфекций. Против психического заражения, как и против любой другой опасности, мы можем защищаться, лишь осознавая, что, как, где и когда нападает на нас. Поскольку при самопознании речь идет об ознакомлении с индивидуальным положением дел, то именно в этом случае бессильна любая теория. Ибо чем выше претензия теории на универсальность, тем меньше ее соответствие индивидуальному положению вещей. Теория, основанная на опыте, с необходимостью должна иметь статистическое обоснование, то есть она описывает идеальный средний случай, в котором стираются все верхние и нижние исключения из правила, заменяя их абстрактным средним значением. Эта средняя оценка верна, но может и вовсе не существовать в действительности. И, несмотря на это, она фигурирует в теории как бесспорный фундаментальный факт. Исключения в ту или другую сторону — не менее реальные — вообще не появляются в конечном результате вычислений, так как они взаимоисключают друг друга. Если я, например, определю вес каждого отдельно-

го камня участка железнодорожной насыпи и получу в результате средний вес 145 граммов, то это мало что может сказать о реальной структуре слоя щебня. Если кто-нибудь на основании этих слов сделает вывод, что он с первого же раза вытащит камень весом в 145 граммов, то он может жестоко обмануться. Ведь может статься, что в ходе долгих и упорных поисков он не отыщет ни одного камня весом ровно в 145 граммов.

Статистические методы позволяют вычислить именно средние показатели любого процесса, но не воссоздать его реальную эмпирическую картину. Выявляя некоторые бесспорные аспекты действительности, они могут извратип фактическую истину до полного заблуждения. Последнее особенно верно в отношении теорий, построенных на статистике. Реальные факты характеризуются своей индивидуальностью; преувеличивая, можно было бы сказать, что реальная картина основана на ярких исключениях из правила. и, таким образом, абсолютная действительность носит преимущественно иррегулярный характер.

Стоит помнить об этом, когда речь идет о теории, которая должна стать основой процесса самопознания. Нет и не может быть самопознания, основанного на теоретических предпосылках, ибо предметом познания является индивидуум — исключение и иррегулярность. Следовательно, индивидуума характеризует не всеобщее и регулярное, а, напротив — уникальное. Его следует понимать не как повторяющуюся единицу, а как уникальную единичность, целостность, которую невозможно описать только как статистическую единицу, но и как статистическую единицу в том числе, ведь иначе о нем нельзя было бы сказать ничего общего. С этой целью его необходимо рассматривать как рядоположенную единицу. Отсюда и проистекает общая антропология или общая психология с ее среднестатистической абстрактной картиной человека, лишенной всех индивидуальных черт. Но ведь именно они имеют решающее значение для понимания человека. Следовательно, если я хочу понять отдельного человека, я должен отбросить все научные знания о среднестатистическом человеке и отказаться

от всяческих теорий, чтобы сформировать для себя адекватное видение проблемы, не предвосхищающее результат. Приступить к разрешению задачи на понимание я могу лишь «vacua et libera mente» (беспристрастным и свободным умом), в то время как знание человека требует всевозможных знаний о человеке в общем.

Таким образом, постигая находящегося передо мной индивидуума или же познавая самого себя, я должен в обоих случаях отказаться от любых теоретических предпосылок, осознавая при этом, что я могу далеко уходить от сферы научных знаний. Но поскольку последние не только имеют положительный вес в обществе, но и являются для современного человека единственным духовным авторитетом, то задача постижения человека требует своего рода «crimen laesae maiestatis» (преступление против Его Величества) — неучитывания научного знания. Этот отказ означает весьма нелегкую жертву; ведь научная позиция позволяет познающему без особого труда избавляться от сознания собственной ответственности. Когда тот или иной психолог, являясь в конечном счете своего рода врачом, стремится не только изучить своего пациента с позиции науки, но и понять его по-человечески, при определенных обстоятельствах такому психологу может угрожать внутреннее столкновение взаимоисключающих и противонаправленных установок — на познание и на понимание. Этот конфликт нельзя разрешить однозначно: или — или; решение возможно лишь при условии двойственности мышления: делать одно и не допускать другого.

Если принимать во внимание тот факт, что принципиально важное с точки зрения познания не имеет значения с точки зрения понимания, то вытекающие из этого утверждения выводы грозят вылиться в парадокс. Ведь следует помнить, что, с одной стороны, с научной точки зрения индивидуум означает не более чем бесконечно повторяющуюся единицу, которую в силу этого можно вполне адекватно заменить какой-либо буквой, а с другой стороны, именно данный уникальный единичный человек является для понимания высшим и единственно существующим предметов

изучения, при этом вполне можно пренебречь всеми закономерностями и правилами, столь дорогими сердцу науки. Это противоречие становится проблемой в первую очередь для врача. С одной стороны, он экипирован стандартизованными истинами своего естественнонаучного образования, а с другой стороны, перед ним стоит задача лечения больного, требующего, особенно в случае душевной болезни, индивидуального понимания. Чем схематичнее проводится лечение, тем скорее оно вызывает справедливое сопротивление пациента и тем сомнительнее становится перспектива его выздоровления. В силу этого психотерапевт волей-неволей чувствует себя вынужденным рассматривать индивидуальность пациента в качестве существенного фактора, в соответствии с которым необходимо согласовывать свои методы лечения. Сегодня в медицине считается общепринятой точка зрения, что задача врача заключается в лечении заболевшего человека, а не абстрактной болезни, которая у кого-то появилась.

Этот пример из области медицины представляет собой лишь частный случай общей проблемы воспитания и образования. Естественнонаучное по своей сути образование основано в основном на стандартизованных истинах и абстрактном знании; учащимся, таким образом, преподается нереалистичное рациональное мировоззрение, в котором индивидуальный случай рассматривается как периферийные феномен и не играет практически никакой роли. Но индивидуум как иррациональная данность, собственно говоря, и является носителем действительности, то есть конкретным человеком, в отличие от нереального идеального или же нормального человека, который и выступает предметом научного знания. К этому следует добавить, что естественные науки особенно стремятся представить результаты своих исследований таким образом, как будто они были получены безо всякого вмешательства человека, то есть неизбежное влияние психики остается неявным. (Исключением из этого правила является постулат современной физики, что наблюдаемое не независимо от наблюдателя.) Таким образом, в естественных науках складывается такая картина мира, из

которой устраняется реальная человеческая психика - в отличие от «Humaniora»'.

Под влиянием естественнонаучных предпосылок умаляется значение не только психического в человеке, но и сам индивидуальный человек. Ведь всякое индивидуальное явление подпадает под нивелирование и сокращение, которые искажают образ действительности, сводя его к среднестатистической идее. Нельзя недооценивать психологическую эффективность стандартизованной картины мира: она вытесняет индивидуальное в пользу анонимных единиц, кучкующихся в массовые скопления и группировки. Тем самым на месте отдельных конкретных сущностей выступают названия общественных организаций, а на самой высокой ступени — абстрактное понятие государства как принципа политической реальности. Неизбежным образом моральная ответственность отдельного человека подменяется государственной целесообразностью. На место моральной и духовной дифференциации индивидуума выходят общественное благополучие и повышение уровня жизни. Целью и смыслом отдельной человеческой жизни (которая единственно и является действительной жизнью!) становится теперь не индивидуальное развитие, но государственная целесообразность, давящая на человека извне в виде реализации абстрактного понятия, обладающего тенденцией в конце концов стягивать всю жизнь на себя. Все в большей мере индивидуум лишается возможности морального выбора и самостоятельного управления собственной жизнью, а вместо этого им правят как социальной единицей, его кормят, одевают, дают ему образование, его содержат и развлекают в соответствующих помещениях. А идеальным масштабом становится благополучие и удовлетворенность массы. Правители же со своей стороны такие же социальные единицы, как и управляемые ими граждане, и отличаются лишь тем, что являются специализированными представителями государственной доктрины. Она же, в свою очередь, требует не умеющих рассуждать личностей, а специалистов, которые ни на что не способны вне сферы своей профессии. Госу-

'Humaniora (лат.) — классическая филология — Примеч. пер.

дарственной целесообразностью же определяется, чему учить в средней и высшей школе.

Внешне всемогущая государственная доктрина в свою очередь управляется от имени государственной целесообразности высшими правительственными чинами, объединяющими в своем лице всякую власть. Человек, оказавшийся в результате выборов или назначения на

высоком посту, уже не имеет над собой властных инстанцией, ведь он и есть олицетворение государственной целесообразности и в рамках своих полномочий может действовать по своему усмотрению. Он может заявить вслед за Людовиком XIV: «Государство — это я». Тем самым он становится единственным или, по крайней мере, одним из немногих индивидуумов, которые могут пользоваться своей индивидуальностью, если они вообще в состоянии отделить самих себя от государственной доктрины. Вероятнее всего, они становятся рабами своего собственного вымысла. Но подобного рода однобокость постоянно психологически компенсируется бессознательными разрушительными тенденциями. Рабство и бунт — сиамские близнецы, которых невозможно отделить друг от друга. В силу этого жажда власти и подозрительность пронизывают весь общественный организм сверху донизу. Помимо этого, масса автоматически создает для компенсирования своей хаотической бесформенности своего «вождя», который, можно сказать, вынужден стать жертвой инфляции своего Я-сознания, чему история дает многочисленные подтверждения.

Начиная с того момента, когда индивид обезличивается и выходит из употребления, подобное развитие становится логически неизбежным. Не говоря уже об агломерациях больших масс людей, в которых отдельный человек так и так исчезает, одним из основных факторов тиражирования является естественнонаучный рационализм, который лишает индивидуальную жизнь ее основ и тем самым ее достоинства, ибо в качестве социальной единицы человек теряет Свою индивидуальность и превращается в абстрактный номер в книгах учета соответствующей организации. Ему остается лишь роль легко заменяемой бесконечно малой еди-

ницы. С внешней рациональной точки зрения так оно и есть, и под этим углом зрения смешно даже и говорить о ценности и значении индивидуума, ведь в этих условиях с трудом можно предположить, что отдельная человеческая жизнь могла когда-либо удостаиваться особой чести; тогда как истина заключается в обратном и лежит прямо на ладони.

При рассмотрении с этой исходной позиции индивидуум и на самом деле приобретает исчезающе малое значение: попытайся же кто-нибудь утверждать обратное, он тут же окажется в незавидном положении из-за слабости своих аргументов. Если он воспринимает значимыми самого себя, членов своей семьи или знакомых, то это может говорить лишь о несколько странной субъективности его восприятия. Ибо что значат несколько человек уже по сравнению с десятью тысячами, с сотнями тысяч или даже с миллионом? В связи с этим мне приходит на ум аргумент одного моего друга, склонного к размышлениям, с которым я однажды оказался в толпе, насчитывавшей десятки тысяч человек. Он вдруг сказал, обернувшись ко мне: «А ведь это, собственно говоря, самый убедительный аргумент против веры в бессмертие: они все хотят стать бессмертными!»

Чем больше толпа, тем «ничтожнее» каждый человек в ней. Но если один человек, охваченный чувством собственной ничтожности и тленности, утратит смысл своей жизни — а он ни в коем случае 'не исчерпывается понятием общественного благополучия и высокого уровня жизни, — то он попадет на путь, ведущий к государственному рабству, помимо своей воли прокладывая этот путь. Кто устремлен лишь вовне и верит лишь в большие числа, тот лишается средств самозащиты от свидетельств своих органов чувств и от собственного разума. Но именно этим и занимается

весь мир: люди очарованы и одержимы стандартизованными истинами и большими числами, и их на самом деле приучают к мысли о ничтожности и бессилии отдельной личности, не представляющей в своем лице или не персонифицирующей никакой массовой организации. Наоборот, каждая отдельная личность, которая становится заметной на сцене этого

мира и голосу которой внемлют достаточно широкие круги, выступает для некритичной публики носителем интересов определенного общественного движения или представителем общественного мнения, и, исходя из этого, будет либо принята, либо отвергнута. Поскольку при этом обычно преобладает массовая суггестия', то остается неясным, является ли выступление этого человека его собственным поступком, за который он несет личную ответственность, или же он предстает всего лишь в качестве мегафона общественного мнения.

Вполне естественно, что при таких условиях будет постепенно возрастать ненадежность индивидуального суждения и—в силу этого — по мере возможности коллективизироваться ответственность, то есть она будет отниматься у отдельного человека и приписываться юридическому лицу. Тем самым индивидуум все более и более превращается в функцию общества, которое, в свою очередь, принимает на себя функции реального носителя жизни, оставаясь при этом всего-навсего идеей, например идеей государства. И человек, и общество гипостазируются, то есть становятся самостоятельными. И государство превращается в результате в якобы живущую личность, от которой всего можно ожидать. На самом же деле оно представляет собой лишь камуфляж тех индивидуумов, которые умеют им манипулировать. Тем самым первоначальная традиция правового государства деградирует до первобытной формы организации общества — до коммунизма первобытного племени, подчиненного автократии своего вождя или олигархии.

2. РЕЛИГИЯ КАК КОМПЕНСАЦИЯ ОБЕЗЛИЧИВАНИЯ

Чтобы освободить фикцию единственно законной государственной власти (другими словами — произвол вождей, манипулирующих государством) от любых благотворных

'Суггестия (лат.) — внушение. — Примеч. ред.

ограничений, все преследующие эту цель социально-политические движения стремятся выкопать для религии яму — да поглубже. Чтобы превратить индивидуума в функцию государства, его необходимо лишить любой другой зависимости или обусловленности. А религия означает зависимость и преданность иррациональным данностям, которые не непосредственно связаны с социальными и физическими условиями, а, напротив, привязаны к психологическим установкам индивидуума.

Но и установка на внешние условия существования возможна лишь тогда, когда есть точка опоры вне их. Религии дают человеку такую опору или, по крайней мере, претендуют на это и тем самым предоставляют индивидууму право судить и свободно принимать решения. Они создают заповедники в мире обескураживающего и непреклонного давления внешних отношений, охватывающих каждого, кто живет лишь во внешнем мире и не чувствует под собой никакого другого основания, кроме уличного асфальта. Если существует только статистическая реальность, то она и обладает единственно возможным авторитетом. Тогда существует только одно условие, а так как нет никаких других, противоположных, то суждение и свобода принятия решений

становятся не только ненужными, но и попросту невозможными. В этом случае индивидуум неизбежно становится функцией статистики, а в силу этого — функцией государства, каким бы другим словом ни называли этот абстрактный принцип упорядоченности.

Но религии учат верить в иной авторитет, противоположенный «мирскому». Идея божественной обусловленности человека имеет столь же высокие притязания, что и мир. Бывает даже так, что благодаря абсолютности этих притязаний человек отчуждается от мирской жизни в той же мере, в какой он утрачивает самого себя, подчиняясь коллективному менталитету. И в первом случае в соответствии с религиозной точкой зрения он может лишиться собственного суждения и свободы принятия решения точно так же, как и во втором. Очевидно, к достижению этой цели религии стремятся, когда они не желают до-

вольствоваться компромиссом с государством. В этом случае в соответствии с языковыми обычаями я предпочитаю говорить не о «религии», а о «конфессии». Конфессия проповедует определенные коллективные убеждения, в то время как слово «религия» выражает субъективное отношение к определенным метафизическим, то есть сверхъестественным, факторам. Конфессия — это вероучение, направленное в основном на окружающий мир, и поэтому она представляет собой что-то вполне земное; в отличие от нее смысл и цель религии заключаются в отношении индивидуума к Богу (христианство, иудаизм, ислам) или к Пути Освобождения (буддизм). Этот основополагающий факт лежит в основе всякой этики, которая, стоит только лишить ее индивидуальной ответственности перед Богом, сводится к обыкновенной общепринятой морали.

Конфессии, являя собой черты компромисса со светской жизнью, чувствуют себя в соответствии с этим обязанными постоянно модифицировать свои учения, воззрения и обычаи и в результате лишаются своей глубины настолько, что их собственно религиозная эссенция — живое отношение к их внезапному предмету почитания и непосредственное взаимодействие с ним — отступает на задний план. Конфессиональная точка зрения соизмеряет ценность и значение субъективного религиозного отношения в соответствии с мерками традиционного учения. Если же оно выражено слабее (например, в протестантизме), то когда кто-нибудь начинает апеллировать к непосредственному волеизъявлению Бога, его обвиняют в лучшем случае в пиетизме, сектантстве, экзальтированности и в других подобных вещах. Как правило, конфессия является государственной церковью или, по крайней мере, представляет собой общественный институт, к которому относятся не только истинно верующие, но и — так сказать, по привычке — большое количество людей, которых и не охарактеризуешь иначе как религиозно индифферентными. И здесь становится наиболее очевидным различие между конфессией и религией.

Следовательно, принадлежность к конфессии является в наше время фактом не религиозным, а

социальным и в силу этого не привносит ничего нового для упрочения индивидуума. А оно зависит исключительно от отношения индивидуума к немирской инстанции, причем критерием является не лицемерное признание веры, но такой психологический факт, что жизнь индивидуума на самом деле определяется не только его Я и образом своего Я или социальными детерминантами, но и (по крайней мере, в не меньшей степени) трансцендентным авторитетом. И не этические заповеди, по-прежнему возвышенные, или вероучения, по-прежнему ортодоксальные, обеспечивают автономность и свободу индивидуума, а единственно и исключительно его эмпиритическое сознание, то есть недвусмысленный опыт неповторимо личностного обоюдостороннего взаимоотношения между человеком и внеземной инстанцией, которая выступает мерилом «мира и его разумности».

Эта формулировка вряд ли придется по вкусу тем, кто чувствует себя единицей толпы или исповедует коллективную веру. Для массового человека высшим мерилом мышления и действий, в духе которого его учили и в соответствии с которым индивидууму оставляется столько прав на существование, сколько необходимо для исполнения им своей государственной функции, является государственная целесообразность. Религиозный же человек, признавая моральные и фактические претензии государства, все же следует убеждению, что не только человек, но и стоящее над ним государство подчинено владычеству Бога, и в спорном случае высшее решение остается за Ним, а не за государственной целесообразностью. Поскольку я не хочу выражать никаких метафизических суждений, я оставляю в покое вопрос о том, является ли «свет», то есть внешний мир человека, а вместе с ним и природа вообще, противоположностью Богу. Я хочу лишь указать на тот факт, что психологическое противоречие между обеими сферами опыта не только было отражено еще в Новом завете, но и проявляется до сих пор в наиболее явной форме в виде негативной ус-

тановки диктатур по отношению к религии, а церкви — к атеизму и материализму.

Как человек, будучи социальной сущностью, не может долго жить без связи с обществом, так и индивидуум никогда не найдет настоящего оправдания своему существованию и своей духовной и нравственной автономии вне внеземного принципа, с помощью которого он только и может соотносить внешние факторы между собой, оказывающие чрезмерное влияние на его жизнь. Индивидуум, не нашедший себе опоры в Боге, не в силах противостоять психологической и моральной мощи мира лишь на основе своего личного мнения. Для этого человеку необходима очевидность собственного внутреннего трансцендентного опыта, который один лишь в состоянии защитить его от низвержения в обезличивание, неизбежного в любом другом случае. Голое интеллектуальное или моральное понимание на уровне констатации одураченности и нравственной безответственности любого массового человека — это не более чем промедление на пути к атомизации индивидуума. Такому пониманию не хватает силы религиозного убеждения, ибо оно сухо и рассудочно. У диктатуры по сравнению с рассудком есть свое преимущество, заключающееся в том, что она вместе с индивидуумом поглотила и его религиозные силы. Государство заняло место Бога, поэтому, если посмотреть со стороны, социалистические диктатуры стали своего рода религиями, а государственное рабство — божественным служением. Подобное изменение или извращение религиозной функции не может произойти без провоцирования серьезных сомнений и недоверия, которые во избежание конфликта с воцарившейся тенденцией к обезличиванию тут же подавляются. Отсюда, как это обычно и бывает, и проистекает гиперкомпенсация в виде фанатизма, который, в свою очередь, становится рычагом подавления и истребления всяческой оппозиции. Свобода мнений душится, а нравственность решений жестоко уничтожается, причем цель благословляет все средства вплоть до самых порочных. Государственная целесообразность становится вероисповеданием, вождь или правитель — полубогом вне добра и зла, а

приверженец — героем, праведной жертвой, апостолом и миссионером. Существует только одна истина, и ничего кроме нее. Она неприкосновенна и не подлежит никакой критике. Осмелившийся иметь какие-то иные взгляды — еретик, которому согласно древним традициям угрожают все самые жуткие и ужасные наказания. Лишь тот, кто держит в своих руках поводья государственной власти, может аутентично интерпретировать государственную доктрину и делает это всегда по своему усмотрению.

Коща в результате обезличивания индивидуум становится социальной единицей под таким-то номером, а государство — высшим принципом, то вполне логичным следствием является вовлечение в весь этот клубок и религиозной функции человека. Религия как тщательное наблюдение и учитыв-ание определенных невидимых и неконтролируемых факторов есть внутренняя позиция человека, манифестации которой можно легко проследить на всех этапах его духовной истории. Она очевидно служит цели сохранения психологического равновесия, ибо естественный человек обладает пр-иродными знаниями о том, что в любой момент его сознательные функции могут быть нарушены действиями неконтролируемых факторов как извне, так и изнутри. Поэтому с&н издревле уделял внимание тому, чтобы любое намерение, чреватое более или менее серьезными последствиями, подкреплялось соответствующими мероприятиями религиознюго характера. Приносились жертвы невидимым силам, начались заклятия и совершались иные священнодействия. Везде и всюду происходили «rites d'entree et de sortie»', оспариваемые просветителями-непсихологами как нечто магическое и суеверное. Магия — это в первую очередь психологический эффект, значение которого трудно переоценить. Производство «магических» действий придает человеку чувство безопасности, что способствует реализации намерения. Намерению необходима такая опора, ибо ему всегда присуща некоторая односторонность, и поэтому оно по праву воспринимается внутренне незащищенным.

'Ritess d'entree et de sortie (фр.) хождения·. — Примеч. пер.

• ритуалы вхождения и вы-

Даже диктатор чувствует необходимость сопровождать свои государственные деяния не только угрозами, но и радостной торжественностью. Марши, знамена, транспаранты, парады и гигантские шествия в принципе не отличаются от крестных ходов, пушечной пальбы и фейерверков, применявшихся для изгнания демонов. Только суггестивное представление государственной власти порождает коллективное чувство безопасности, но в отличие от религиозных представлений не защищает индивида от его внутренних демонов. В силу этого он еще более судорожно цепляется за государственную власть, то есть за массу, отдаваясь ее воле еще и духовно, социально, уже лишившись всякой власти над собой. Как и церкви, государству необходимы энтузиазм, жертвенность и любовь, и если религии требуют или предполагают наличие страха Божьего, то диктатура заботится о наличии необходимого террора.

Нападая в основном на постулируемое традицией волшебное действие ритуала, просвещенный

человек бьет мимо цели. Сущность — психологическое воздействие — остается без его внимания, хотя обе партии служат как раз именно этому воздействию, впрочем, преследуя взаимоисключающие цели. Примерно то же самое можно сказать и об их представлениях о своих целях: религиозная цель — освобождение от зла, воссоединение с Богом и вознаграждение на том свете — преобразуется государством в посюсторонние обещания освобождения от забот о хлебе насущном, справедливого распределения материальных благ, грядущего всеобщего благополучия и сокращение рабочего дня. Еще одна аналогия заключается в том, что выполнение этих обещаний столь же незримо, как и рай небесный. Обещания служат перестройке самой направленности душевного мира человека с достижения внеземной цели на исключительно земную веру, нахваливаемую человечеству с теми же самыми религиозным рвением и исключительностью, с которыми конфессии действуют в прямо противоположном плане.

Чтобы избежать чрезмерных повторений, я не хочу больше проводить параллели между верами в посюстороннее и в потустороннее, а лишь удовлетворюсь подчеркиванием

того, что такую природную и издревле существующую функцию, как религиозная, невозможно устранить с помощью рациональной и просветительской критики. Можно, конечно, объяснить и выставить нереальными содержания конфессиональных учений и высмеять их, но подобные методы бьют мимо цели, не попадая в религиозную функцию, которая составляет основу конфессий. Религия, то есть добросовестное учитывание иррациональных факторов души и индивидуальной судьбы, предстает вновь — искаженная наиболее худшим образом — в обожествлении государства и диктатуры: «Naturam expellas furca tarnen usque reccuret» (ты хочешь изгнать природу навозными вилами, она всегда вернется обратно). Вожди и диктаторы пытаются, верно оценивая положение вещей, затушевать чересчур ясную параллель с обожествлением Цезаря и скрыть свое фактическое всевластие под фикцией государства, чем ничего по сути не меняют'.

Как я уже указывал выше, диктатура, делая индивидуума бесправным, еще и выбивает у него духовную почву из-под ног, лишая его метафизического обоснования своего существования. Нравственные решения отдельного человека теряют свое значение, все определяется слепым движением обманутой массы, а ложь становится основным принципом политических решений. И государство не преминуло довести все это до своего логического завершения, о чем непротиворечиво свидетельствует существование миллионов бесправных государственных рабов.

Обе стороны: и диктатура, и конфессиональная религиозность — подчеркивают, каждая на свой лад, идею общности. Собственно говоря, она-то и является идеалом коммунизма и настолько навязывается народу, что это приводит к прямо противоположному эффекту — ко всеобщему недоверию. С другой стороны, в качестве идеала общности выступает не менее настойчиво повторяющаяся церковь, а где она слаба, например в протестантстве, надежда или вера в «совместное переживание» компенсируют болезнен-

'Уже после сочинения данной работы весной 1956 г. в России стало заметным ощущение безнравственности подобного положения дел.

но воспринимаемый недостаток взаимосвязанности. Как легко можно убедиться, «общность» является необходимым вспомогательным средством организации масс, а в силу этого — палкой о двух концах. Как сложение нулей никогда не дает в сумме единицы, так и ценность общности соответствует усредненному духовному и моральному уровню собранных вместе индивидуумов. Следовательно, от общности не следует ждать никакого эффекта, который мог бы превышать уровень суггестии среды. То есть не может произойти никакого реального и фундаментального изменения индивидуумов ни в лучшую, ни в худшую сторону. Подобные эффекты можно ожидать только от личностного взаимодействия человека с человеком, но не от коммунистических или христианских массовых крещений, которые не затрагивают внутреннего мира человека. Насколько поверхностно по своей сути воздействие пропаганды общности, неплохо показывают последние события. Идеал общности не принимает в расчет главного действующего лица, он упускает из виду отдельную личность, которая в конце концов предъявит свои претензии.

3. ПОЗИЦИЯ ЗАПАДА В ВОПРОСЕ О РЕЛИГИИ

Этому ходу развития в XX столетии противостоит западный мир, вооруженный унаследованным римским правом, сокровищницей метафизически обосновываемой иудеохристианской этики и идеалом вечных прав человека. Громко ли, тихо ли этот мир задает себе жуткий вопрос: «Как остановить и повернуть вспять такое развитие?» Клеймить социальную диктатуру как утопию и характеризовать ее экономические принципы как лишенные всякой разумности — бессмысленно, да и неверно. Во-первых, вынося свои суждения, Запад разговаривает только с самим собой и его аргументы слышны лишь по эту сторону железного занавеса. Во-вторых, какие бы то ни было экономические принципы можно применять только тогда, когда принимаются в рас-

7»

чет все причиняемые ими последствия. Можно провестг любую социальную или экономическую реформу, уморив голодом три миллиона крестьян или имея в своем распоряжении несколько миллионов дармовых рабочих. Такое государство может не бояться никаких социальных или экономических кризисов. Покуда государственная власть остается неприкосновенной, то есть сохраняется высокодисциплинированная и хорошо накормленная полицейская армия, подобная форма государственности может утверждать свое существование на неопределенно долгий срок и столь же неопределенно широко распространять свою власть. Она, не обращая внимания на мировой рынок, который в значительной степени зависит от изменений заработной платы, может практически без ограничений увеличивать количество неоплачиваемой рабочей силы в соответствии с превышением уровня рождаемости над уровнем смертности, чтобы оставаться конкурентноспособной. Пока реальная опасность может грозить ей только извне в виде военного нападения. Но этот риск снижается год от года, потому что, во-первых, военный потенциал диктатур неудержимо растет, а во-вторых, Запад не может себе позволить с помощью нападения разбудить латентный русский или китайский национализм и шовинизм и тем самым пустить по тупиковой колее свою благонамеренную операцию.

Остается, насколько мы можем судить, лишь одна возможность — свержение государственной

власти изнутри, но гогда придется полностью положиться на внутреннее развитие ситуации. Какая-либо поддержка извне останется не более чем иллюзией, покуда государство обладает развитыми мерами безопасности и возможностями националистических реакций. Внешнеполитически в распоряжении абсолютистского государства имеется целая армия фанатичных миссионеров. И они со своей стороны могут рассчитывать на пятую колонну, которой дает убежище правовая система западных государств. Кроме того, во многих местах многочисленные общины верующих несут в себе весомое послабление волевому решению государства. С другой стороны, аналогичное влияние Запада остается незримым и неосяза-

емым, хотя предположение о наличии определенной оппозиции в народных массах Востока не было бы абсолютно ошибочным. Ведь всегда находятся честные и справедливые люди, ненавидящие ложь и тиранию, но отсюда невозможно судить о том, имеют ли они при господстве полицейского режима сколько-нибудь заметное влияние на массы1.

В силу этого сейчас на Западе вновь задается вопрос: «Что мы можем сделать перед лицом этой угрозы?» Хотя Запад и располагает огромной экономической мощью и весомым оборонным потенциалом, одного только осознания этого недостаточно, чтобы успокаиваться, ибо ясно, что ни самые лучшие пушки, ни мощнейшая индустрия с ее относительно высоким уровнем жизни не могут остановить психологическую инфекцию религиозного фанатизма. Люди всегда недовольны, и если у каждого рабочего будет свой автомобиль, то он все равно останется ограниченным в своих возможностях пролетарием, ведь у других есть по две машины и на одну ванную больше.

К сожалению, на Западе по-прежнему не замечают, что наши взывания к идеалам, разуму и другим прекрасным добродетелям лопаются подобно мыльным пузырям в пустоте, с каким бы энтузиазмом их ни произносили. Но это лишь легкое дуновение против шторма религиозной веры, какой бы искаженной она нам ни казалась. Этой ситуацией невозможно овладеть с помощью разумных или моральных аргументов. Мы противостоим выношенному духом времени раскрепощению эмоциональных сил и представлений, на которые, как показывает опыт, существенно не влияют ни разумные размышления, ни нравственные увещевания. Хотя и бытует верное мнение, что алексифармакон — противоядие — должно было бы заключаться в такой же сильной вере и не должно было бы быть неким материальным фактором, а основанная на таком противоядии религиозная позиция стала бы единственно действенной защитой перед лицом опасности психологического заражения. Почти всегда присутствующее в таких размышлениях

'Последние события в Польше и Венгрии показали что эта оппс" · ция более велика, чем это можно было предполагать.

сослагательное наклонение — «должно было бы», «стало бы» — указывает на определенную слабость или даже отсутствие желанной убежденности в собственных словах. В западном мире не

просто нет подобной объединяющей веры, которая смогла бы преградить путь распространению фанатической идеологии, но и сам Запад — отец марксистской философии — пользуется духовными предпосылками последней, прибегает к ее аргументам и преследует те же цели. Хотя церкви на Западе и обладают в целом полной свободой, но они так же заполнены или незаполнены прихожанами, как и на Востоке. Они не оказывают заметного влияния на большую политику. В этом как раз и заключается недостаток конфессии как общественного института, служащего двум господам, хотя она, с одной стороны, и ведет свое существование от отношения человека с Богом. но, с другой стороны, она обязана государству — миру, — о чем говорят такие известные слова, как: «Моли кесаря о кесаревом. Бога о боговом» или подобные им новозаветные изречения.

Раньше, еще несколько десятилетий назад, о власти говорили как о «богопомазанной власти», и лишь сейчас это воззрение полностью изжило себя. Церкви отстаивали традиционные и коллективные убеждения, которые для большинства их приверженцев были связаны не с внутренним опытом, а покоились на безотчетной вере, потерять которую так легко, если начать ? ней размышлять. В таком случае содержание веры сталкивается с содержанием сознания, и при этом выявляется, что иррациональность первой нередко недорастает до разумности второй. Поскольку вера не может стать полноценной заменой внутреннему опыту, то при его отсутствии даже самая сильная вера, donum gratiae1, волшебным образом появившаяся, столь же волшебным образом и исчезает. Хотя обычно веру приравнивают к собственно религиозному опыту, при этом упускается из виду, что она на самом деле является вторичным феноменом, ибо сначала с нами происходит что-то такое, что вселяет в нас «pistis» — доверие и лояльность. Это переживание заключа-

' D o n u m gratiae (лат.) — дар благодати. — Примеч. пер.

ет в себе определенное содержание, которое истолковывается в традициях конфессионального учения. Но чем чаще такие события происходят, тем выше вероятность возникновения беспредметных самих по себе конфликтов со знанием. Ведь конфессиональная точка зрения очень древняя и обладает впечатляющей мифологически обусловленной символикой, которая при буквальном истолковании вступает в резкое противоречие со знанием. Но если, например, слова о Воскресении Христовом понимать не буквально, а символически, то вполне можно найти такие истолкования, которые не будут противоречить знанию, не нарушая при этом смысла самого изречения. Возражение, что символическое толкование священных текстов уничтожает христианскую надежду на бессмертие, безосновательно, так как человечество еще задолго до появления христианства верило в жизнь после смерти и поэтому не нуждалось в свершении Пасхального события как в гарантии бессмертия. В наши дни опасность, что слишком многое из понимаемого буквально в мифологии, на которой основаны учения церкви, вдруг начнет трещать по швам или будет полностью свергнуто, куда выше, чем когда-либо. Не пришло ли время попытаться символически постичь, а не искоренять христианскую мифологему?

Пока еще невозможно предусмотреть, к каким последствиям может привести распространение знаний о фатальном сходстве церковной и марксистской государственных религий. «Божественность», к сожалению, очень схожа с претензиями на абсолютность представляемого людьми civitas Dei', а моральный вывод, сделанный Игнатием Лойолой из посылки об авторитетности церкви («цель оправдывает средства»), признает ложь в качестве государственного и политического инструмента, что связано с очень опасными последствиями. В конце концов все разновидности требуют безусловной покорности в вере и тем самым урезают свободу человека. Религия церкви — свободу перед Богом, марксистская религия — свободу перед государством. И обе тем самым выкапывают могилу для инди-

' C i v i t a s Dei (лат.) — град Божий. — Примеч. пер.

видуума. И без того непрочное существование этого единственного известного носителя жизни подвергается опасностям и там и тут, а взамен ему предлагается надежда на идеальное бытие либо в спиритуальном, либо в материальном плане. Но что значат те обещания по сравнению с реальностью, выражаемой старой народной мудростью: «Синица в руках лучше журавля в небе»? К этому следует прибавить, что Запад преклоняется перед теми же самыми «научными» и просветительскими мировоззрениями с их стандартизированной тенденцией к нивелированию отклонений от среднего значения и материальными целями существования, которые характерны и для восточной государственной религии, о чем я уже достаточно подробно писал выше.

И что же теперь может предложить Запад со всей своей политической и конфессиональной раздробленностью современному индивиду, попавшему в столь бедственное положение? К сожалению, ничего, кроме множества путей, ведущих в конечном итоге к одной-единственной цели, не отличимой от марксистского идеала. Не надо долго ломать голову над тем; откуда коммунистическая идеология черпает свою уверенность, что время работает на нее и что мир созрел для обращения в новую веру. Здесь факты говорят сами за себя. Запад не спасется, закрыв глаза перед лицом опасности и не видя своей фатальной уязвимости. Любой человек, научившись безусловно подчиняться коллективной вере и тем самым лишившись своего исконного права на собственную свободу и утратив свой вечный долг личной ответственности, сможет, оставаясь верным своим установкам, с такой же сильной верой и некритичностью замаршировать в прямо противоположном направлении, стоит только его мнимые идеалы подменить другими, как можно более ясными и «хорошими» убеждениями. Разве не это недавно произошло с одним культурным европейским народом?' Хотя немцы все забыли, но вряд ли можно быть спокойным в том, что ничего подобного не возникнет где-ни-

' Имеется в виду нацистский режим в Германии в 1933—1945 гг При йен пер

будь вновь и что инфекция односторонних убеждений может поразить еще одну культурную нацию. Попробуем задать себе вопрос: «В каких странах самые большие коммунистические партии?» — и ответ заставит призадуматься. Хотя США — o quae mutatio rerum1 — и являются своего рода политическим костяком Западной Европы и обладают на первый взгляд иммунитетом в силу их выраженной антикоммунистической позиции, но именно они менее всего защищены по сравнению с Европой, поскольку воспитание и образование там более подвержены влиянию естественнонаучного мировоззрения с его стандартизированными истинами, а разнородной смеси населения очень сложно укорениться на одной почве, не имея общей истории. Историко-гуманитарное образование, так необходимое именно в этих условиях, влачит в Америке весьма жалкое существование. В то же время Европа, располагающая нужными предпосылками, себе же во вред использует их в форме национального эгоизма и парализующего скепсиса. И здесь и там распространено материалистическое и коллективистское целеполагание; и тем и другим не хватает того, что могло бы выразить и отразить целостного человека, что поместило бы индивидуального человека в центр как мерило всех вещей.

Уже сама эта идея вызывает повсюду сильные сомнение и даже сопротивление. Пожалуй, можно рискнуть и заявить, что неполноценность индивидуума по сравнению с большими числами и есть единственное убеждение, встречающее всеобщее и безраздельное одобрение. Правда, говорят, что современный мир отныне принадлежит человеку, что человек господствует в воздухе, в воде и на

земле ? что от его решений зависят исторические судьбы народов Но эта гордая картина человеческого величия остается лишь иллюзией, которой противостоит совершенно иная реальность. В этой реальности человек — раб и жертва тех машин, которые завоевывают для него пространство и время его подавляет и страшит своей мощью военная техника; ?

? quae mutatio rerum (лат.) — о, как меняется устройство государства. — Примеч. пер.

хотя на одной половине мира ему в рамках доступного гарантирована нравственная и духовная свобода, но здесь она находится под угрозой хаотической дезориентации, а на другой половине — она вообще уничтожена. В конце концов — разбавим этот трагизм элементами комедии — сам Властитель стихий, носитель всех значимых решений, придерживается взглядов, низводящих его величие до ничтожества и высмеивающих его претензии на автономию. Все его достижения и владения не делают его величественным, а, напротив, уменьшают, что лучше всего видно на примере судьбы рабочего при господстве «справедливого» распределения материальных благ: свою долю фабрики он оплачивает утратой своей личной собственности, свою свободу передвижения он меняет на прикрепленность к месту своей работы, ему закрыты все пути, ведущие к улучшению его положения, если он не хочет позволять эксплуатировать себя изнуряющей аккордной работой. Когда же он заявит о наличии у него каких-либо духовных запросов, тогда ему вдолбят в голову несколько тезисов его политической веры, при необходимости размешав их с порцией профессиональных знаний. Впрочем, крыша над головой и ежедневная кормежка — тоже не мало там, где в любой момент могут лишить всего необходимого для жизни.

4. САМОПОНИМАНИЕ ИНДИВИДУУМА

Удивительно, что человек — этот бесспорный инициатор, изобретатель и носитель всех поступательных процессов истории, творец всех суждений и решений, наконец, созидатель будущего — вынужден превращать самого себя в quantite negligeable1. Это противоречие и парадоксальная самооценка человека не могут не вызывать удивления, их можно объяснить, пожалуй, только непривычной неуверенностью в суждениях. Человек — загадка для самого

'Quantite negligeable (фр.) Примеч. пер.

ничтожно малая величина. —

себя. Это и понятно, ведь для понимания необходимо иметь возможность с чем-то сравнивать, а именно ее у человека и нет. Правда, он умеет анатомически и психологически выделять себя из среды прочих животных. Но как сознательное и саморефлексирующее существо, он лишен какого-либо мерила самооценивания. На этой планете человек — уникум, которого ни с кем нельзя сравнить. Возможность сравнения, а вместе с ней и возможность самопостижения, может появиться лишь в том случае, если мы вступим в контакт с человекоподобными теплокровными существами, обитающими на других планетах.

А до тех пор человек остается отшельником, который хотя и знает о своем анатомическом родстве с антропоидами, но с психологической точки зрения он видит свое абсолютное отличие от сородичей. Именно важнейший признак его вида остается для него непознаваемым, и в этом и заключается его тайна. Небольшие количественные различия внутри собственного вида не идут ни в какое сравнение с теми познавательными возможностями, которые раскрываются при встрече с существом, сходным по структуре, но отличном по происхождению. Наша психика, несущая основную ответственность за все исторические изменения, которые запечатлела на облике нашей планеты человеческая рука, до сих пор остается неразрешимой загадкой и непостижимым чудом, предметом загвоздки, решение которой надолго затянулось; впрочем, это свойство роднит ее со всеми тайнами природы. Хотя, что касается последних, то нас еще не покидает надежда, что будут еще сделаны новые открытия и найдены ответы на многие сложнейшие вопросы. Однако в отношении психики и психологии, похоже, существует странное отставание. Психология не только является самой молодой эмпирической наукой, но и вынуждена прилагать немало усилий, чтобы хотя бы подступиться к своему предмету изучения.

Подобно тому как это уже было при освобождении нашей картины мира от предрассудка геоцентризма, необходимы почти революционные внешние усилия, чтобы сначала вывести психологию из колеи мифологических воззрений, а

затем освободить ее от предрассудка, что она является, с одной стороны, изучением простого эпифеномена биохимического процесса в мозге, а с другой стороны, не более чем личным увлечением. Хотя сама по себе связь с мозгом ни в коем случае не доказывает, что психика представляет собой так называемый эпифеномен, вторичное явление, причинно зависящее от биохимических процессов в субстрате, мы все же хорошо знаем, как сильно могут нарушить психическую функцию регистрируемые процессы в мозге. Этот факт настолько впечатляющ, что вслед за ним практически неизбежно следует вывод об эпифеноменальности психики. Но парапсихологические феномены призывают к осторожности в суждениях, ибо они показывают зависимость пространства и времени от психических факторов, что ставит под сомнение скоротечные и наивные объяснения психофизического параллелизма, в угоду которым обычно начисто отрицаются данные парапсихологии, будь то в силу мировоззренческих причин или вследствие косности духа. Во всяком случае, это поведение нельзя назвать поведением ответственного ученого, хотя оно и содержит в себе излюбленный выход из любого нестандартного затруднения в области науки. Для научной оценки психики мы должны учесть все возможные феномены и в силу этого больше не можем заниматься той общей психологией, которая исключает существование и бессознательного, и парапсихологических явлений.

Структура и физиология мозга не способны объяснить процессы сознания. Психика обладает свойством, которое ни к чему невозможно редуцировать. Как и физиология, она представляет собой относительно обособленную область опыта, имеющую совершенно своеобразное значение, ибо включает в себя одно из двух необходимых условий существования вообще — феномен сознания. Ведь практически без него нет никакого мира. Он может существовать как таковой только тогда, когда есть психика, сознательно рефлексирующая и выражающая его. Сознание —

одно из условий бытия. Это придает психике величие космического принципа, ставящего — философски и de facto — ее в рав-

ное с принципом физического бытия положение. Носителем сознания является индивидуум, который не произвольно создает психику, а, напротив, ею подготавливается: постепенно пробуждающееся сознание ему привносится в детстве. Если психика обладает таким первостепенным значением, то им же обладает и индивидуум как единственное непосредственное проявление психики.

Необходимо подробно остановиться на этом факте, так как индивидуальная душа, с одной стороны, вследствие своей индивидуальности представляет собой исключение из статистически обоснованных правил и в силу этого при научном рассмотрении ее важнейших признаков страдает от статистического нивелирования, а с другой стороны, церковные конфессии придают ей значение постольку, поскольку она признает себя в качестве соответствующей догмы, другими словами, поскольку ее можно подчинить коллективным категориям. В обоих случаях стремление к индивидуальности понимается как эгоистическое своенравие. Наука разоблачает его как субъективизм, а конфессии осуждают морально как ересь и духовное высокомерие. Что касается последнего, то нельзя упускать из виду, что в отличие от других религий именно христианство проповедует символ, содержанием которого является индивидуальное жизнетворчество человека и Сына человеческого, и этот процесс индивидуации рассматривается даже как воплощение и откровение самого Бога. Тем самым самостановлению человека придается значение, глубина которого едва ли осознана до сих пор. Слишком много внешних препятствий закрывают путь непосредственному внутреннему опыту. Если самостоятельность индивидуума не была бы тайной и страстной мечтой многих людей, то вряд ли бы она смогла духовно и морально выдержать натиск коллективного подавления.

Все эти препятствия, затрудняющие правильную оценку человеческой души, все же незначимы перед лицом одного примечательного факта, заслуживающего особого внимания. Он в основном касается врачебного опыта, показывающего, что недооценка психики и прочие преграды на пути психологической рентгеноскопии в большой мере вызваны

испугом, даже паническим страхом перед возможными открытиями в области бессознательного. Эти страхи можно обнаружить не только у людей, которых могли бы ужаснуть фрейдовские картины бессознательного, но даже и у самого автора «психоанализа», обосновывавшего необходимость возведения своей сексуальной теории в догму тем, что онаде является единственной преградой возможному «прорыву черного потока оккультизма». Тем самым Фрейд выразил свое убеждение, что многие содержания бессознательного могут быть «оккультно» истолкованы, что на самом деле и происходит. Это те самые «архаические останки», то есть архетипические формы, основанные на инстинктах и выражающие их, которым присущи

нуминативные, а в некоторых случаях и пугающие черты. Они неистребимы, так как составляют необходимый фундамент самой психики. Никакой интеллектуальный подход не в состоянии их постичь, и если разрушить одну из манифестаций архетипа, то он появится вновь в «преображенном виде». Именно страх перед бессознательной психикой ставит самые непреодолимые преграды не только на пути самопознания, но и на пути распространения психологического знания вообще. Часто страх достигает такой силы, что становится невозможным признать его своим. Здесь кроется проблема, над которой должен хорошо поразмыслить каждый религиозный человек ответ может стать для него озарением.

Конечно, научная психология должна быть абстрактной. то есть удалиться от своего конкретного предмета настолько, чтобы едва не терять его совсем из виду. Поэтому и получа ется, что познания лабораторной психологии с обыденной точки зрения бывают до странного неинтересными и далеки ми от истинных озарений. Но чем сильнее завладевает вниманием индивидуальный объект, тем живее, практичнее и полнее становятся полученные знания. Впрочем, при этом усложняются предметы исследования, а ненадежность отдельных факторов возрастает прямо пропорционально их числу, то есть увеличивается вероятность ошибки. Понятно, что академическая наука чурается этого риска и предпочитает пренебрежительно обходиться со сложными явлениями в уго-

ду упрощенной постановке проблемы, делая это вполне безнаказанно. Наука обладает полной свободой в выборе вопросов, которые она собирается задавать природе.

В такое более или менее завидное положение ни в коем случае не попадает клиническая психология. Здесь вопросы задает объект, а экспериментатор, врач работает с явлениями, которых он не выбирал, да и не стал бы "выбирать, будь на то его воля. Болезнь или больной задают вопрос, требующий своего разрешения, то есть это уже природа экспериментирует с врачом, ожидая от него ответа. Своеобразие индивидуума и его уникальная ситуация предстают перед врачом и требуют от него ответа. Врачебный долг заставляет его вступать во взаимодействие со своим больным, оказавшимся в сложной ситуации, переполненной случайными факторами. Сначала врач, конечно, вступит в общение с больным, опираясь на общепринятые профессиональные положения, но через некоторое в зависимости от обстоятельств время он будет вынужден признать, что подобного рода правила не в состоянии ни отобразить ситуацию, ни ответить на вопросы, связанные с конкретным существом дела. Чем глубже понимание врача, тем меньшую роль играют общепринятые правила. Но ведь они-то и являются мерилом и основанием объективного познания. То, что и врач, и пациент воспринимают как «понимание», все больше субъективирует ситуацию. То, что сначала было преимуществом, угрожает превратиться в опасный недостаток. Благодаря субъективированию (выражаясь техническим языком: перенос и контрперенос) возникает изоляция от окружающей среды — или ограничение социальных возможностей — вещь нежелательная, но всегда появляющаяся там, где преобладает понимание и где его уже нельзя уравновесить знанием. Чем глубже понимание, тем больший разрыв между ним и познанием. Идеальным пониманием было бы не познающее сопровождение, а сочувствие, связанное с абсолютной субъективностью и социальной безответственностью. Впрочем, столь далеко идущее понимание невозможно, ибо оно потребовало бы обоюдного взаимоуподобления двух различных индивидуумов. Рано или поздно взаимоотношения достигнут той точки,

когда один из партнеров будет вынужден пожертвовать соб ственной индивидуальностью, чтобы позволить другому еп ассимилировать. Но об это неизбежное следствие и разбива ется понимание, предпосылка которого есть интегральное со хранение индивидуальности каждого из партнеров. Целесообразно развивать понимание партнера лишь до тех пор, пока оно не достигнет равновесия с познанием, ибо понимание a tout prix1 вредит обоим партнерам.

Эта проблема возникает всюду, где речь заходит о понимании и познании сложных индивидуальных ситуаций. Но перед психологом стоит специфическая задача. Она была бы поставлена «directeur de conscience»2, находящимся под влиянием «aura animarum» (заботы о спасении души), если бы его пост с необходимостью не нес с собой в качестве мерила в сложных ситуациях его конфессиональные убеждения, ко" торые он обязан применять в беседе. Но тем самым индивидуальное право на существование ограничивалось бы коллективными предубеждениями и нередко бы чувствительно уре залось. Последствия такого урезания не наступали бы толь ко тогда, когда догматический символ, например образ жиз ни Христа, конкретно выражался бы и воспринимался субъ ектом. Насколько это возможно в наши дни, судить не мне Во всяком случае, врач часто имеет дело с пациентами, да» которых конфессиональные рамки играют небольшую роль а то и вовсе никакую. В силу этого профессия врача заставляет его по возможности не иметь никаких религиозных убеждений. Кроме того, хотя он и может признавать метафизические, то есть неверифицируемые убеждения, но все же должен остерегаться от приписывания им универсального значения. Эта осторожность особенно уместна, когда индивидуальные черты личности не должны изменяться в результате внешнего произвольного вмешательства. Решение этой задачи врач должен предоставить влияниям среды, внутреннему развитию, а в более широком смысле — судьбе и ее мудрым ли, не мудрым решениям.

'Atout prix (фр.) — любой ценой. directeur de conscience (фр.) Примеч. пер.

Примеч. пер. — духовный HiiLum.«-.

Подобную осторожность, пожалуй, можно было бы счесть чрезмерной. Но так как в диалектическом процессе взаимоотношения двух индивидуумов даже при самой тактичной и чуткой сдержанности между ними все равно осуществляются далеко идущие взаимовлияния и взаимовоздействия, то врач, осознающий всю меру своей ответственности, должен остерегаться излишне увеличивать количество коллективных факторов воздействия на своего пациента, жертвой которых он и без того является. И кроме того, врачу хорошо известно, что, проповедуя даже самые чистые и лучшие общепринятые правила и идеалы^ он вызовет у пациента лишь открытое или затаенное сопротивление и противостояние, тем самым обессмысливая всю свою работу. В наше время психика индивидуума настолько подвержена постоянному воздействию рекламы, пропаганды и прочих более или менее благонамеренных советов и внушений, что человеку просто необходимо предложить хотя бы одно-единственное в его жизни отношение, в котором не будет места для до одурения повторяющихся «должен», «обязан» (и прочих подтверждений собственной импотенции). Перед лицом натиска извне, а также внутренних процессов в психике индивидуума врач видит свою задачу в том, чтобы в первую очередь выступить в роли адвоката. Пугающее многих людей раскрепощение анархических устремлений обычно несколько преувеличивается, ибо им противостоят весьма действенные защитные действия как внешней, так и внутренней природы. Это, прежде всего, сстественная осторожность большинства людей, затем -^ мораль, хороший вкус и — last not least' — уголовный кодекс.

Вопреки этому опасению, как правило, наоборот, стоит немалых усилий помочь индивидуальным побуждениям дос* тичь сознания человека, не говоря уже о его следовании им. И там, где индивидуальные влечения все же приводят к слишком смелому и необдуманному нарушению порядка, врач должен защитить индивидуальное от грубого вмешательства недальновидности, подлости и цинизма.

'Last not least (англ.) — последнее по порядку, но не по значению. — Примеч. пер.

И все-таки в процессе взаимодействия врача и пациента наступает такой момент, когда уже уместна оценка индивидуальных влечений. Но для этого пациент должен достичь той уверенности в суждениях, которая позволила бы ему действовать в соответствии с собственным пониманием и собственной волей, а не только лишь из обычного подражания коллективным традициям, даже если его собственное мнение и согласуется с общепринятым. Пока индивидуум не научится прочно стоять на ногах, ему не делает чести следование так называемым объективным ценностям, покуда они служат ему лишь в качестве амплуа и тем самым способствуют подавлению индивидуальности. Неоспоримым правом общности является самозащита от переплескивающегося через край субъективизма, но покуда она сама состоит из обезличенных индивидуумов, она остается беззащитной перед лицом нападений со стороны злонамеренных индивидуальностей. Она может достаточно хорошо сплотиться и самоорганизоваться, но именно в силу сплоченности и вызванному этим стиранию отдельной личности такая общность становится легко доступной игрушкой в руках властолюбивого индивидуума. Сложение миллиона нулей никогда не дает единицы. В конце концов, все зависит от степени вовлеченности каждого отдельного человека, но в фатальной недальновидности нашего времени обычно мыслят лишь большими числами и массовыми организациями, а к чему может привести высокодисциплинированную массу рука одного сумасшедшего, мы насмотрелись — хотелось бы верить — более чем достаточно. К сожалению и высшему опасению, понимание этого факта до сих пор еще не завоевало нигде достаточно прочного положения. И люди продолжают радостно организовываться в вере во всеосвящающую действенность массовой акции, ни на толику не осознавая всей рискованности попыток повести мощную организацию на борьбу за высшую мораль. Инерция запущенной в движение массы воплощается в воле личного вождя-оратора, который в известных случаях не остановится ни перед чем, а его программа состоит из утопических и, если это возможно, хилиастических представлений, способных

озарить своим светом даже самый низкий интеллект (и в первую очередь — именно его!).

Изредка и церкви по мере надобности используют массовые акции для изгнания дьявола с помощью черта. Церкви, обещающие заботиться о спасении каждой отдельной души! И они, похоже, ничего не слышали о том элементарном факте психологии масс, что в массе индивидуум морально и духовно ущемляется. Видимо, поэтому церкви недостаточно утруждают себя в решении своей истинной задачи — помочь отдельному человеку — concendente Deo1, достичь метанойи, то есть возрождения в Духе. К сожалению, более чем ясно, что, если отдельный человек из массы не найдет своего истинного обновления в Духе, то и община в целом этого так и не достигнет, ибо она составлена из суммы индивидуумов, страждущих истинного освобождения. В

силу этого я могу рассматривать как заблуждение попытку церквей (так это, по крайней мере, выглядит) поместить отдельного человека в социальную организацию и тем самым вызвать у него состояние ограниченной вменяемости, в то время как его необходимо выделить из серой и бессознательной массы как субъекта процесса обновления и помочь ему осознать, что спасение всего мира в первую очередь заключается в спасении его собственной души. Хотя на массовом сборище ему и сообщаются те же самые представления, а в некоторых случаях их даже пытаются запечатлеть в его сознании с помощью массового внушения, и все это — с прискорбным итогом, заключающимся в том, что через некоторое время дурман рассеивается и массовый человек подпадает под влияние новой, еще более «просветляющей» и громогласной пропаганды. Его индивидуальное отношение к Богу могло бы стать действенной защитой от разрушающего воздействия массовых акций. Разве Христос нашел своих апостолов на чудовищном митинге? К чему привело кормление пяти тысяч приверженцев, которые потом — как следует из достоверных источников — кричали: «Распни его!»? И тогда сама твердыня Петр в ошеломлении заколебался, несмотря на

'Concendente Deo (лат.) — подчиняясь Богу. — Примеч. пер.

свою явную избранность. И разве не Иисус и Павел являют собой пример людей, вступивших на путь свой, исходя из своего индивидуального внутреннего опыта, и противостоявших всему миру?

Перед лицом этих аргументов все же не стоит упускать из внимания всю серьезность Ситуации, которой в настоящее время противостоит церковь. Пытаясь организовать аморфную массу, объединяя индивидуумов с помощью суггестии в сообщество верующих и создавая соответствующую организацию, церковь не только приносит большую пользу в социальном плане, но и Оказывает каждому отдельному человеку неоценимое благо, обеспечивая ему ос мысленный образ жизни. Но эти подарки, как правило лишь констатируют достигнутое, но не преобразуют. Как к сожалению, показывает опыт, несмотря на всю сплоченность общины, внутренний человек не испытывает никакого преображения. Среда не может подарить ему те переживания, которые он может искупить лишь собственными усилиями и страданиями. Напротив, именно благоприятная суггестия среды усиливает опасную склонность ожидать всего извне и полагаться лишь на внешний лоск, симулирующий то, что на самом деле еще не произошло, — действительное, пронизывающее до глубины души преображение внутреннего человека. Необходимость такого преображения все настойчивее заявляет о себе, если принимать во внимание нынешние массовые феномены и еще более явные массовые проблемы, угрожающие заполнить собою все будущее. Население планеты не уменьшается, а безудержно растет. Расстояния сокращаются, а земной шар съеживается. Сегодня особенно хорошо видно, чего можно добиться с помощью массовых организаций. Пришло время задать себе вопрос: «Что объединяет людей в подобные организации, то есть что влечет человека в них, причем индивидуума, человека реального, а не среднестатистического?» Ответить на него можно только с помощью нового самоосознания.

Массовое движение, как этого и следовало бы Ожидать, обычно катится по наклонной плоскости, заданной боль-

шими числами: где много людей, там безопасно; если многие в это верят, то так оно и есть; то,

чего хотят многие ценно, оно необходимо и поэтому должно быть хорошим; ; потребности многих заключается власть, способная привести к исполнению желания; но самое желанное в мире — это нежное и безболезненное скатывание в страну детства, под родительское попечение, в беззаботность и безответственность. Ведь думают и заботятся там, наверху; там же ответы на все вопросы, а под всякую потребность уже заготовлено все необходимое. Но инфантильное мечтательное состояние массового человека нереалистично в силу того, что он никогда не думает о том, а кто же, собственно говоря, будет оплачивать этот рай. Оплата по всем счетам доверяется вышестоящей организации, что ей в общем-то к нужно, ибо ее власть усиливается за счет этого, а чем более возрастает ее власть, тем беспомощнее и слабее становится каждый отдельный человек.

Там, где подобное социальное состояние достигает своего расцвета, открывается путь к тирании, а свобода индивидуума заменяется его духовным и физическим рабством Поскольку любая тирания сама по себе аморальна и гнусна. она гораздо более свободна в выборе средств, нежели организация, все еще продолжающая отчитываться перед каждым отдельным человеком. Если в тираническом государстве такая организация окажется в оппозиции, то она быстро почувствует на себе все фактические недостатки своей моральности и начнет, по возможности, пользоваться теми же самыми средствами, что и официальная власть. Так, зло неизбежно начинает распространяться, даже если удается избегать прямого контакта сторон. Подобное развитие событий наиболее и явно опасно там, где решающее значение приобретают большие числа и стандартизованные ценности. А этого как раз в нашем западном мире более чем достаточно. Большие числа — массы и их всеподавляющая власть — день ото дня в той или иной форме бросаются нам в глаза в газетах, и тем самым незначимость каждого отдельного человека проявляется и в том, что он лишается всякой надежды где-либо и как-либо быть услышанным. Ему нис-

колько не помогают истертые до пустословия идеалы liberte. egalite, fraternite1, ибо этими словами он может апелировать только к своим палачам — представителям массы.

Сопротивление организованной массе может оказать лишь тот, чья индивидуальность организована так же, как и масса. Я вполне отдаю себе отчет, что эта фраза непонятно звучит для современного человека. В уяснении ее ему могли бы помочь средневековые представления о том, что человек является микрокосмосом, так сказать, уменьшенным отображением большого космоса, макрокосма, но они уже давно исчезли из обихода, хотя уже само существование миропостигающей и мирообуславливающей психики человека могло бы многому научить каждого из нас. Воззрение о микрокосме не просто присуще человеку как существу, обладающему психикой, но он сам вновь и вновь создает и воспроизводит его. Человек соответствует большому миру, с одной стороны, в силу рефлексирующей деятельности его сознания, а с другой стороны, благодаря наследственной архетипической структуре его инстинктов, связующей его с окружающим миром. Своими влечениями он не только привязан к макрокосму, но и в определенном смысле этого слова раздираем ими, ибо его желания тянут его в разные стороны. В силу этого человек вступает в постоянное противоречие с самим собой, и лишь в редчайших случаях ему удается придать своей жизни единую цель, за что он, как правило, дорого расплачивается, вытесняя прочие стороны своего существования. В таких случаях нередко хочется спросить, а стоит ли вообще усиливать подобного рода односторонность, ибо естественное состояние человеческой психики заключается в определенном взаимопротивостоянии ее

компонентов и в определенной противоречивости ее форм поведения, то есть в определенной диссоциации. По крайней мере, Дальний Восток так понимает приверженность «десяти тысячам вещей». Это состояние требует упорядоченности и синтеза.

•Liberte, egalite, fraternite (фр.) — свобода, равенство, братство. — Примеч. пер.

Подобно тому как диктаторская воля задает единое на правление хаотически взаимоперекрещивающимся движениям в массах, так и диссоциированному состоянию от дельного человека необходим свой принцип упорядочивания и направленности. Я-сознание с удовольствием .назначило бы на эту роль свою собственную волю, если бы не упускало из вида властные бессознательные факторы, которые и расстраивают его планы. Прежде чем достичь своей цели, Я-сознанию необходимо познакомиться с природой этих факторов. Оно должно познать их или иметь в своем распоряжении нуминативный символ, выражающий их и способный побудить их к синтезу. С этой задачей вполне бы мог справиться религиозный символ, охватывающий и доступным для всех образом выражающий все, что просится на язык современного человека Наши прежние представления о христианском символе до сих пор не смогли достичь этой цели. Наоборот, в зоне проживания белого человека-христианина» возникло ужасающее расщепление мира, а наше христианское мировоззрение показало себя неспособным предотвратить прорыв архаического государственного устройства в виде коммунизма.

Вышесказанное ни в коей мере не означает, что теперь < христианством все покончено. Напротив, я убежден, что устарело не христианство, а его прежние воззрения и интерпретации, не учитывающие современной ситуации в мире Христианский символ — животворная сущность, несущая г себе ростки своего дальнейшего развития, которое зависит лишь от того, сможем ли мы решиться еще раз и более основательно поразмыслить о предпосылках христианства. Не для этого необходимо совершенно новое отношение к индивидууму, то есть к микрокосму нашей Самости. Неизвестно, какие пути открыты человеку, какие внутренние переживания еще предстоят ему и какие составляющие души лежат в основе религиозного мифа. По этому поводу царю всеобщее неведение — никто не знает, чем здесь следует интересоваться и за что выступать. Все беспомощны перед лицом этой проблемы.

Отсюда неудивительно, что все, так сказать, козыри находятся в руках у противника. Он может опереться на большие числа и их поражающую мощь. Политика, наука и техника с их умозаключениями выступают на его стороне. Импозантная аргументация науки представляет собой высшую меру духовной уверенности, которой когда-либо увенчивались усилия людей. По крайней мере, так может показаться современному человеку, ибо его неоднократно учили, какими отсталыми, непросвещенными и суеверными были прежние эпохи. До современного человека не доходит, что его учителя в этом отношении глубоко заблуждаются, по ошибке сравнивая несопоставимые величины. Тем более что все, с позволения сказать, духовные эксперты, которым

он задает свои вопросы, до сих пор доказывают ему, что все, что наука считает невозможным сегодня, было невозможным и в остальные времена, особенно же положения веры, которые могли бы дать ему внеземную точку опоры относительно окружающего его мира. Спрашивая же у церкви и ее представителей, на которых возложена cura animarum', индивидуальный человек слышит в ответ, что принадлежность к церкви, то есть к светскому социальному институту, является своего рода необходимой предпосылкой для того, чтобы вызывающие сомнения религиозные факты стали для него реальными историческими событиями, чтобы определенные ритуальные действа оказывали на него чудотворное влияние или, например, чтобы всезамещающие страдания Христовы освободили его от грехов и их последствий (иными словами — от вечного проклятия). Если он поразмыслит, опираясь на имеющиеся в его распоряжении языковые средства, над этими или подобными им вещами, то он будет вынужден признать свою полную неспособность их постичь и у него останутся всего лишь два выхода: либо просто поверить в них как в нечто непостижимое по своей сути, либо напрочь их отвергнуть.

Если современному человеку несложно обдумать и понять все «истины», поставляемые ему массовым государством, то доступ к религиозному постижению для него в значитель-

' C u r a animarum (лат.) — забота о спасении души. — Примеч. пер.

ной мере затруднен из-за отсутствия необходимых объяснений. («Разумеешь ли, что читаешь?» Он сказал: «Как могу разуметь, если кто не наставит меня?» Деяния, 8:30.) И если он, несмотря на это, еще не отрекся от всяческих религиозных убеждений, то все дело в том, что религиозная деятельность зиждется на его инстинктивной склонности и, в силу этого, относится к специфически человеческим функциям. У человека можно отнять его богов, лишь дав ему взамен других. Вожди государства, масс не могли не обожествить себя, а там, где такие неуклюжие методы не удалось внедрить и с помощью насилия, в дело шли социально приемлемые факторы, начиненные демонической энергией, — деньги, работа, политическое влияние и так далее. Когда исчезает какая-либо естественная функция человека, то есть когда она отключается в результате сознательной и преднамеренной деятельности, то возникает всеобщее нарушение нормального функционирования человеческой психики. Следовательно, вполне естественно, что с победой Deesse Raison2 наступает общая невротизация современного человека, другими словами — диссоциация личности по аналогии с нынешним расколом мира. Опутанная колючей проволокой пограничная линия проходит сквозь душу современного человека, по какую сторону от нее он ни жил бы. И если провести аналогию с классическим неврозом, когда оборотная сторона личности больного — его тень — не осознается и невротик усматривает ее черты в окружающих его людях, то и нормальный человек видит свою тень в человеке по ту сторону разделительного рва. Уже стало своего рода первоочередной политической задачей объявлять дьяволом на одной стороне капитализм, а на другой стороне — коммунизм и тем самым привораживать внимание чем-то внешним, отвлекая внимание от внутреннего мира индивидуального человека. Но подобно тому, как даже невротик, несмотря на свою половинчатую бессознательность, обладает каким-то предчувствием, что с его психикой не все в порядке, так и у западного человека развивается инстинктивный интерес к своей психике и к «психологии».

•Deesse Raison (фр.) — Богиня Здравого Смысла. — Примеч. пер.

И врачу, точно так же nolens volens1 призванному на мировую сцену, тоже задают вопросы, которые хотя и касаются в первую очередь самых интимных и сокровенных уголков души индивидуума, но при этом затрагивают в конечном счете и непосредственные воздействия современной эпохи. В силу своей личностной симптоматики они считаются в основном и по полному праву «невротическим материалом», особенно когда речь идет об инфантильных фантазиях, которые, как правило, плохо сочетаются с содержаниями психики взрослого человека и поэтому обычно вытесняются под напором моральной оценки, если вообще достигают сознания. Но большинство подобного рода фантазий, конечно же, проникает в сознание не как таковые; и, по крайней мере, не столь уж. вероятно, что они вообще когда-либо осознавались и были затем сознательно вытеснены. Напротив, похоже, они существовали всегда или, по крайней мере, возникли бессознательно и пребывали в этом состоянии постоянно, пока психологическое вмешательство не позволило им переступить порог осознавания. Оживление бессознательных фантазий являет собой процесс, способный привести к возникновению бедственного положения в сознании. Если бы все обстояло иначе, то такие фантазии продуцировались бы обычным образом и не приводили бы ни к каким невротическим нарушениям сознания. На самом же деле фантазии подобного рода принадлежат внутреннему миру ребенка и вызывают, нарушения лишь в тех случаях, когда несвоевременно усиливаются ненормальными условиями сознательной жизни. А это происходит именно тогда, когда родители совершают по отношению к детям неблагоприятные и конфликтогенные действия, отравляющие атмосферу и нарушающие душевное равновесие ребенка.

С началом невроза у взрослого человека оживает тот же мир фантазий, что и у ребенка, который и пытаются объявить причиной возникновения развития самого невроза. Но как тогда объяснить, почему раньше те же фантазии не оказывали своего патологического воздействия. Болезненный эффект возникает лишь тогда, когда индивидуум сталкивает-

'Nolens volens (лат.) — волей-неволей. — Примеч. пер.

ся с условиями, с которыми он уже не в силах справиться средствами своего сознания. Вызванный этим застой в развитии личности открывает ложный путь ухода в инфантильные фантазии, существующие в латентной форме у любого человека, но не проявляющиеся до тех пор, пока сознательная личность может беспрепятственно идти своей дорогой Как только фантазии достигают определенной степени интенсивности, они тут же начинают прорываться в сознание и вызывают конфликтогенную ситуацию, воспринимаемую даже самим пациентом, — расщепление на две различные по характеру личности. Но еще задолго до этого диссоциация личности подготавливалась в бессознательном, поскольку энергия, оттекавшая от сознания (но не использовавшаяся индивидом), усиливала бессознательные негативные качества, и прежде всего — инфантильные черты личности.

А так как нормальные фантазии ребенка по своей сути представляют собой не что иное, как образы, соответствующие инстинктивным влечениям и предваряющие будущие формы осознанных деятельностей, то и фантазиям невротика, патологически изменившимся (или перверсированным) в результате регрессии энергии соответствует ядро нормального инстинкта, который отличается таким качеством, как целесообразность. Болезнь подобного рода в каждом случае означает нецелесообразное изменение и искажение нормальной самой по себе динамики и свойственных ей образов. Но инстинкты чрезвычайно консервативны, это касается как та

динамики, так и их формы. Последняя предстает в виде образа, наглядно выражающего сущность инстинктивного влечения. Если бы мы могли, например, заглянуть в психику бабочки юкка', то бы обнаружили в ней формы представлений нуминативного характера, которые не только принуждают бабочку к выполнению ее оплодотворяющей функции в соцветиях юкки, но и помогают ей «распознавать» ситуацию в целом. Ведь инстинкт — это не только лишь слепое и неопределенное влечение, он соотносится с определенной

' Речь идет о классическом в биологии случае симбиоза насекомого и растения (ср. с параграфами 268 и 277 работы Карла Юнга. Инстинкт и бессознательное).

внешней ситуацией. Это обстоятельство придает ему его специфическую и неотъемлемую форму. Поскольку изначален и наследствен инстинкт, постольку изначальна и его форма, то есть настолько она архетипична. Инстинкт оказывается более древним и консервативным, даже чем форма тела.

Эта биологическая предпосылка, само собой разумеется, верна и для вида homo sapiens', который, несмотря на обпадание сознанием, волей и рассудком, не выпадает за рамки общей биологии. Для психологии человека отсюда проистекает следующее: деятельность нашего сознания покоится на фундаменте инстинкта и из него же черпает свою динамику и основные черты форм представлений точно таким же образом, как мы могли бы это наблюдать у всех животных форм жизни. Человеческое познание по своей сути заключается в соответствующем приспособлении наших а priori2 данных изначальных форм представлений, которым необходимы определенные модификации, так как в своей первоначальной форме они соответствуют архаическому образу жизни, а не требованиям значительно изменившегося окружения. Если сохранится приток инстинктивной динамики в нашу современную жизнь, что безусловно необходимо для сохранения нашего существования, то не менее важной для нас задачей станет преобразование имеющихся в нашем распоряжении архетипических форм в представления, адекватные требованиям времени.

5. МИРОВОЗЗРЕНИЕ И ПСИХОЛОГ;1Ч1СХИЙ СПОСОБ ВИДЕНИЯ

К сожалению, нашим воззрениям свойственно плестись в хвосте перемен и ситуации в целом. Иначе они и не могут, ведь, покуда в мире ничего не меняется, они более или менее соответствуют ему и в силу этого удовлетвори-

'Horno sapiens (лат.) — человек разумный; научная характеристика человека как биологического вида. — Примеч. ред.

2 A priori (лат.) — до опыта, независимо от опыта. — Примеч. ред.

тельно функционируют. До тех пор, пока не появятся убедительные причины для их изменения или нового приспосабливания. Лишь тогда, когда отношения настолько изменятся, что между внешней ситуацией и уже устаревшими формами представлений образуется непреодолимая бездна, встает общая проблема принципиального мировоззрения, то есть встанет вопрос о том, как можно переориентировать или изменить формы представлений, чтобы они сохранили в себе приток инстинктивных энергий. Их нельзя заменить просто рациональными новообразованиями, несущими на себе отпечаток внешней ситуации и в меньшей мере отражающими биологические предпосылки человека, так как с их помощью не только не удастся проложить мостики к исконному человеку в нас, но и вообще можно замуровать все подступы к нему. Как раз это и соответствует основному намерению марксистского воспитания, которое, веря в свою божественность, полагает, что сможет превратить человека в государственную единицу.

Наши фундаментальные убеждения все больше рационализируются. Наша философия, что весьма характерно, уже перестала быть формой жизни как в Античности, превратившись в исключительно интеллектуальное занятие. Наши конфессии с их ритуалами и формами представлений, по праву считающимися древними, рисуют такой образ мира, который хотя и не вызывал заметных затруднений в средневековье, для современного человека стал непонятным, несмотря на то что глубинный инстинкт все еще побуждает его вопреки конфликту с нынешними взглядами придерживаться воззрений, которые, если понимать их буквально, уже не соответствуют развитию науки последних пяти столетий. Очевидно, что этот консерватизм необходим человеку, чтобы не свалиться в бездну нигилистического отчаяния. Но даже тогда, когда рационалист считает себя обязанным критиковать буквально понимаемую веру и ее узколобую конкретность, нельзя упускать из внимания, что конфессии проповедуют учение, символы которого, несмотря на все их сомнительные интерпретации, обладают — в силу их архетипического характера — своей собственной

жизнью. Вследствие этого ни в коем случае недопустимо интеллектуальное вторжение; речь о рационалистических мерах может зайти лишь тогда, когда окажется недостаточно эмоциональной оценки и интуитивного предчувствия, то есть когда дело касается тех людей, для которых интеллект обладает неоспоримой убедительной силой.

В этом отношении нет ничего более характерного и симптоматичного, нежели бездна между верой и знанием, разверзшаяся в Новейшее время. Противоречие между ними настолько велико, что приходится говорить о несоотносимости обеих категорий и соответствующих им образов мира. И все же речь идет об одном и том же эмпирическом мире, в котором находится человек, ибо и теология утверждает, что ее вера основана на фактах, которые можно исторически проследить в известном нам из миров, так как Христос родился как реальный человек, содеял много чудес и принял свою судьбу, умерев по воле Понтия Пилата и восстав из мертвых после своей гибели. Теология вообще отвергает любую тенденцию истолкования своих свидетельств как мифов и символов, хотя в последнее время именно с ее стороны предпринимались попытки — своего рода уступка научному мировоззрению — «демифологизации» собственного предмета, чтобы иметь возможность все-таки по своему усмотрению объяснять те решающие положения веры,

восприятие которых ныне затруднено. Но для критического разума более чем ясно, что миф является интегрированной составной частью всякой религии, и поэтому его в принципе невозможно исключить, не разрушив основных положений веры.

Разделение веры и знания как симптом расщепленного сознания характеризует духовное состояние нашего времени. Это похоже на то, как два разных человека высказываются об одном и том же, но каждый под своим собственным углом зрения или как одна и та же личность, находящаяся в различных состояниях духа, набрасывает картины своего внутреннего опыта. Если на место одного человека мы поместим современное общество в целом, то получится, что оно страдает от диссоциации духа, то есть от невротическо-

го расстройства. И ему ничто не сможет помочь, пока одна партия исступленно смотрит направо, а другая столь же упрямо — налево. То же самое происходит внутри каждой невротической психики, к ее собственному прискорбию, и именно это страдание приводит человека к врачу.

Как я уже заметил выше, к возможному удивлению моего читателя, врач должен вступить во взаимодействие с обеими половинами личности своего пациента, ибо только из них он может составить цельного и полноценного человека, чего нельзя сделать только из одной половины при подавлении другой. Пациент и так уже довольно долго пользовался лишь тем источником информации, который предоставляют ему современные общепринятые воззрения. Его собственная индивидуальная ситуация в принципе аналогична коллективной. Он — социальный микрокосм, в уменьшенном масштабе отражающий черты больного общества, или, наоборот, из него как из мельчайшей социальной единицы и произрастает в результате суммации коллективная диссоциация. Это тем более вероятно, что единственным непосредственным носителем жизни является отдельная личность, в то время как общество и государство лишь выражают общепринятые идеи и могут претендовать на статус реальности, постольку поскольку их представляет определенное число индивидуумов.

До сих пор никем достаточно четко и убедительно не отмечалось, что наше время, несмотря на широкое распространение иррелигиозности, унаследовало важное достижение христианской эпохи — господство слова, того самого логоса, который является центральной фигурой христианской веры. Слово в буквальном смысле стало нашим Богом и осталось им, даже для тех, кто знает христианство только понаслышке, слова вроде «общество» и «государство» конкретизируются тем, что они почти что персонифицированы. В вульгарном веровании государство, превосходя в этом смысле даже королей древних эпох, стало неистощаемым источником всех благ. К государству взывают, на него возлагают ответственность, его обвиняют и так далее. Общество возвышают до уровня высшего этического принципа и

считают способным даже на творчество. Похоже, никто не замечает, что необходимое на

определенном этапе исторического развития науки обожествление слова имеет свою опасную теневую сторону. Именно в тот момент, когда слово получает благодаря многовековому воспитанию всеобщее почитание, оно отрывается от своей изначальной привязанности к божественной персоне. Следом персонифицируется церковь и — last not least — государство; вера в слово становится верой на слово, а само слово жуткой пропагандой, способной на любой обман. С помощью веры на слово, то есть пропаганды и рекламы, совершается обман граждан, заключаются политические сделки и компромиссы, а ложь достигает такого размаха, какого мир до сих пор и не видывал.

Тем самым слово, которое изначально было воззванием к единству людей и к их объединению в образе великого Человека, стало в наши дни источником подозрения и недоверия всех против всех. Вера на слово стала для нас одним из злейших врагов, будучи средством информации для невротика, с помощью которого он вновь и вновь пытается убедить противника внутри себя или заставить его исчезнуть. Считается, что человеку достаточно «только сказать», что он «должен» сделать, чтобы наставить его на путь истинный. Но может ли, хочет ли он это — читайте на следующей странице. Однако врачебное искусство обнаружило, что просьбы, советы, убеждения, призывы ни к чему хорошему не приводят. Врач хочет и вынужден знать детали и составлять себе аутентичное представление о психическом инвентаре своего пациента. В силу этого ему нужно вступить во взаимодействие с индивидуальностью больного и познать его личностное и интимное строение души, погрузившись в его личность значительно глубже, чем это следует делать педагогу или даже «directeur de conscience». Его естественнонаучная объективность, ничего не исключающая, позволяет ему рассматривать своего пациента не только как человеческую личность, но и как антропоида, подобно животному, унаследовавшему свою телесность. Естественнонаучное образование побудило врачей направить свой инте-

рес за рамки сознательной личности, в первую очередь в бессознательный мир влечений, сокрытый под пластом сознания, и заниматься сексуальностью и стремлением к власти, то есть самоутверждением, в соответствии с моральными понятиями Святого Августина concupiscentia (сладострастием) и superbia (гордыней). Столкновение этих двух фундаментальных влечений (сохранение вида и себя самого) в индивидууме образует источник многих конфликтов. В силу этого они вместе образуют собой основной объект моральной оценки, целью которой является возможно более полное исключение коллизии влечений.

Как я уже описывал выше, влечение обладает двумя основными аспектами. С одной стороны, это его динамический фактор, а с другой — его специфический смысл, или — иными словами — приведение в движение и интенция. Вполне вероятно, что все психические функции человека построены на основе влечений, как это, очевидно, имеет место у животных. Ведь у них несложно увидеть влечение как Spiritus rector[1] всего поведения. Это наблюдение начинает терять свою достоверность лишь тогда, когда более заметным становится развитие научаемости, например, у высших приматов или у человека. Здесь под влиянием научаемости влечение подвергается многообразным модификациям и дифференциациям, которые в итоге достигают у цивилизованного человека такого состояния, когда в высшей степени расщепленных влечениях в их основе лишь с некоторой долей уверенности можно увидеть первоначальную форму. Это в первую очередь относится к вышеупомянутым двум влечениям и их производным, с которыми до сих пор имеет дело врачебная психология. При этом обнаруживается, что чем глубже прослеживается разветвление влечений, тем с большей вероятностью исследование наталкивается на образования, которые трудно причислить к той или иной группе влечений. В качестве примера можно упомянуть, как исследователь влечения к власти даже высказал мнение, что не лучше ли было бы объяснить на первый взгляд несомненное проявление сексуального влечения

•Spiritus rector (лат.) — Дух-управитель. — Примеч. пер.

лишь как производное от стремления к власти; а сам Фрейд счел для себя необходимым признать, наряду с преобладающим сексуальным влечением, также и существование «Я-влечений», в чем нашло свое отражение его согласие с точкой зрения Адлера. При такой расплывчатости нет ничего удивительного, что большинство случаев невротической симптоматики можно объяснить обеими теориями практически без каких-либо расхождений. Эта неувязка ни в коем случае не означает, что какая-то из этих точек зрения или даже обе ошибочны. Напротив, обе они относительно правильны и допускают в противовес определенным односторонним догматическим толкованиям существование и конкуренцию других влечений. Хотя, как уже было сказано, вопрос о человеческих влечениях далеко не прост. Не ошибемся, если предположим, что, например, научаемость, это почти исключительно человеческое свойство, по сути своей построена на проявлявшемся уже у целого ряда животных подражании. Влечения по самой своей природе призваны нарушать другие инстинктивные деятельности и, при необходимости, модифицировать их. Это можно наблюдать, например, в пении птиц, которые способны усваивать новые мелодии.

Ничто так не отчуждает человека от фундаментальной системы его инстинктов, как научаемость, вылупившаяся из его стремления к прогрессивному преобразованию своего поведения. Ее в первую очередь вызвали изменения условий существования и необходимость нового приспособления, принесшие с собой цивилизацию. Вместе с тем в ней заключается источник многочисленных психических нарушений и сбоев, порождаемых прогрессирующим отчуждением человека от своих инстинктивных основ, его утратой собственных корней и его идентификацией с осознанным знанием о самом себе, то есть с сознанием при исключении бессознательного. Естественно, что подобное развитие приносит человеку знание о самом себе, ограниченное его способностью самосознавания. Эта способность в значительной мере зависит от тех условий окружающей среды, значение которых или овладение которыми вызывают у него

или внушают ему модифицирование своих изначальных инстинктивных тенденций. В силу этого его сознание предпочтительнее ориентируется на наблюдение и познание окружающей среды, к свойствам которой он должен приспосабливать свои психические и технические средства. Эта задача настолько претенциозна, а ее решение приносит с собой столько преимуществ, что он, так сказать, забывает о себе самом, то есть теряет из виду свою изначальную инстинктивную природу, а свою собственную сущность заменяет тем представлением, которое у него складывается о себе самом. Так незаметно для себя он оказывается в мире понятий, где продукты его сознательной деятельности все больше и больше замещают собственно реальность.

Отрыв от своей инстинктивной природы неизбежно приводит цивилизованного человека к конфликту между сознанием и бессознательным, духом и природой, знанием и верой. И это расщепление его сущности становится патологическим в тот момент, когда сознание утрачивает

способность больше не замечать или подавлять инстинктивную природу человека. Скопление индивидуумов, оказавшихся в таком критическом состоянии, запускает массовые движения, которые прикидываются защитниками всех угнетенных. В соответствии с господствующей тенденцией сознания искать источник всех бед в окружающей среде тут же звучит требование внешних социально-политических изменений. В них весьма некритично видится и решение глубоко лежащей проблемы расщепления личности. В результате получается так, что там, где данное требование выполняется, устанавливаются социально-политические условия, в которых лишь в измененной форме возобновляются те же самые беды, и это — при утрате тех духовных и моральных ценностей, которые возвышают цивилизацию до уровня культуры. Сначала в таких ситуациях происходит простое переворачивание; низы поднимаются наверх, а тень заступает на место света, а так как она всегда несколько анархична и турбулентна, то вынужденным образом приходится урезать свободу «освобожденных угнетенных» драконовскими методами. Все неизбежным образом завершается имен-

но так, потому что корни зла остаются вообще нетронутыми, а оборотная сторона медали выходит на солнечный свет.

Коммунистическая революция еще в большей мере лишила человека его достоинства, нежели это удалось сделать демократической коллективной психологии, которая отобрала у него свободу в социальном, моральном и духовном планах. Не говоря уже о политических трудностях, в результате всего у Запада появился еще один существенный психологический недостаток, достаточно неприятным образом заявивший о себе уже во времена немецкого национализма: теперь можно показать пальцем на тень, она теперь четко укоренилась по ту сторону политической границы, а мы, мол, находимся на стороне добра и наслаждаемся истинными идеалами. Совсем недавно один политик даже признался, что у него нет злых фантазий'. Этими словами он вполне понятно выразил тот факт, что западному человеку угрожает опасность полностью утратить собственную тень и идентифицироваться с фиктивной личностью, а мир приравнять к его абстрактному образу, созданному естественнонаучным рационализмом. Тем самым он может потерять последнюю почву под ногами. Духовный и моральный соперник западного человека, не менее реальный, чем он сам, обитает теперь уже не в его собственной груди, а по ту сторону демаркационной географической линии, которая теперь олицетворяет не внешние мероприятия полицейского или политического характера, а все более угрожающий разрыв между сознательным человеком и бессознательным. Мышление и чувство потеряли внутреннего противника и там, где религиозная ориентация утратила свою цейственность, даже Бог уже не остановит единовластия раскованных психических функций.

Нашу философию не заботит вопрос о том, согласен ли этот другой человек внутри нас, которого мы до сих пор именовали уничижительным термином «тень», с нашими сознательными планами и намерениями. Она, оче-

' Уже после того, как эти слова были написаны, за светлым образом последовала и тень — произошло гусарское вторжение в Египет.

видно, вообще еще не знает, что у человека есть настоящая тень, существование которой основано на инстинктивной природе, присущей ему. Динамика и мир инстинктивных образов вместе

составляют априорность, которую нельзя упускать из виду, не рискуя при этом спровоцировать опасные последствия. Насилия над инстинктом или неучитывание его приводят к мучительным последствиям физической и психологической природы, устранение которых возможно лишь в рамках оказания врачебной помощи.

Уже более полувека всем известно (или, по крайней мере, могло бы быть известно) о существовании бессознательного, противостоящего сознанию. Клиническая психология собрала все необходимые эмпирические и экспериментальные доказательства этого. Существует бессознательная психическая реальность, оказывающая влияние на сознание и его содержание, что легко можно подтвердить. Но вопреки данному факту никаких общих выводов сделано не было. Как и прежде, люди мыслят и действуют так, словно обладают не двойственной по своей природе психикой, а простой. Вследствие этого они видят самих себя безобидными, разумными и гуманными существами. Никому и в голову не приходит не доверять своим мотивам или задаваться вопросом, как внутренний человек относится к тому, что делает внешний. На самом же деле это очень легкомысленно, поверхностно и даже неразумно, так как психологически негигиенично не учитывать реакции и позицию бессознательного. Можно не замечать важность и значимость для жизни желудка и сердца, но это не помешает неправильной диете или чрезмерным нагрузкам со временем привести к последствиям, угрожающим самому существованию человека. Обычно полагают, что психологические ошибки и их последствия можно устранить словами, ведь «психическое» воспринимается столь же невесомым, как и воздух. Но все же никто не возьмется отрицать, что без психики не было бы никакого окружающего мира и уж тем более мира людей. Можно сказать, что все зависит от человеческой души и ее функций. Она заслужи-

вает самого пристального внимания с нашей стороны особенно сейчас, когда благополучие в будущем зависит решающим образом не от угрозы со стороны диких животных или естественных катастроф, не от опасности возникновения мировых моров и эпидемий, а лишь от психологических изменений в человеке. Достаточно едва заметного на рушения баланса в головах некоторых руководящих личностей, чтобы весь мир погрузился к океаны крови, огня и радиоактивности. Технические средства, необходимые для этого, накоплены обеими сторонами. А определенные осознаваемые мыслительные процессы, не контролируемые никаким внутренним соперником, с поразительной легкостью проступают наружу, как мы могли уже убедиться на примере одного фюрера. Сознание современного человека приклеивается к внешним объектам таким образом, что он возлагает всякую ответственность исключительно на них, как будто именно от них зависит принятие им решений. И почти никто не думает о том, что психологическое состояние определенных индивидуумов можно было бы и освободить от поведения объектов, хотя такие «несуразные слипания» можно наблюдать на каждом шагу, и они могут приключиться с каждым из нас.

Потерянность сознания в нашем мире вызвана в первую очередь утратой инстинктов и имеет свои корни в развитии человеческого духа в ходе прошлого зона. Чем больше человек овладевал природой,'тем сильнее он восхищался своими знаниями и возможностями и тем глубже он презирал все природное и случайное, все иррациональное, включая объективную психику, которая

не тождественна сознанию. В противоположность субъективизму сознания именно бессознательное является объективным, ибо оно манифестируется в форме противоречивых чувств, фантазий, эмоций и снов, которые невозможно вызвать сознательно и которые объективно охватывают человека. Психология и по сей день большей частью остается наукой содержаний сознания, покуда те можно соотнести с коллективными масштабами. Но индивидуальная душа, которая в конце концов и является исключительно и единственно реальной, превратилась в

случайный и незначимый феномен, а бессознательное, которое может манифестироваться только в реальном, то есть иррационально данном человеке, вообще стало игнорироваться. Причем речь идет не просто о невнимании или же неведении, но об активном сопротивлении всякой возможности согласиться с тем, что наряду с инстанцией Я может существовать еще один психологический авторитет. Этот Я кажется опасным даже допущение всякого сомнения в правомочности его монархического статуса. Религиозный же человек обычно привыкает к мысли о том, что он не является единственным властителем в своем собственном доме. Он верит, что не он, но Бог обладает правом принятия последнего решения. Но много ли осталось таких людей, которые на самом деле решаются целиком и полностью предаться воле Божией, не впадая в смущение при необходимости кому-нибудь объяснить, в какой мере то или иное решение, принятое ими, продиктовано волей самого Бога?

Религиозный человек, насколько это вообще можно установить опытным путем, находится под непосредственным воздействием реакций бессознательного. Как правило, он называет этот процесс совестью. Но поскольку из того же психологического источника могут проистекать реакции отнюдь не морального толка, верующий обычно сверяет свою «совесть» с традиционным этическим эталоном, с некоторой коллективной величиной и получает в этом активную поддержку со стороны своей церкви. До тех пор пока индивидуум может твердо придерживаться своей традиционной веры, а временные обстоятельства не требуют более выраженной индивидуальной автономии, он может довольствоваться таким положением вещей. Но стоит только, как это происходит в наше время, светскому человеку, ориентирующемуся на внешние факторы и утратившему свои религиозные убеждения, стать массовым явлением, все сразу меняется решительным образом. Верующий оказывается в позиции обороняющегося, ему все чаще и чаще приходится давать обоснования своей веры. Ибо ему уже не помогает мощная суггестивная сила соп-

sus omnium' и он начинает ощущать слабость церкви и незащищенность ее догматических предпосылок. Вопреки этому церковь рекомендует ему верить еще более истово, как будто этот donum gratiae зависит от желаний самого человека. Но источником происхождения истинной веры является не сознание, а спонтанное религиозное переживание, которое ставит религиозное чувство в прямую взаимосвязь с Богом.

Другими словами, человек задает себе вопрос: «Обладаю ли я вообще внутренним религиозным опытом и непосредственными взаимоотношениями с Богом, и в силу этого той уверенностью, которая могла бы защитить меня как отдельного человека от растворения в массе?»

6. САМОПОЗНАНИЕ

Положительное решение проблемы религиозного переживания возможно лишь тогда, когда человек согласится произвести строгое самоиспытание и самопознание. Если он осуществит этот свой замысел, лежащий в сфере влияния его воли, то сможет не только открыть значительную часть правды о себе, но и, кроме того, получить психологическое преимущество: ему удалось удостоиться серьезного внимания и небезучастного интереса к своей персоне Тем самым он особым образом расписывается под декларацией о его человеческом достоинстве и делает по меньшей мере один шаг, продвигаясь к основанию своего сознания — к бессознательному, которое является для него первым осязаемым источником религиозных переживаний. Это, конечно, ни в коем случае не означает, что именуемое бессознательным идентично Богу или может быть помещено на место Бога. Оно — посредник, в котором для нас возникает внутренний религиозный опыт. Ответ на вопрос, что же является более недосягаемой причиной по-

'Consensus omnium (лат.) — согласие всех. — Примеч. пер.

добного опыта, лежит по ту сторону познавательных способностей человека. Познание Бога является трансцендентальной проблемой.

Религиозный человек обладает большим преимуществом при ответе на грозный вопрос нашего времени: у него, по крайней мере, есть ясная идея обоснования своей субъективной экзистенции, связанная с «Богом». Я поставил слово «Бог» в кавычки, чтобы подчеркнуть, что речь идет об антропоморфном представлении, динамика и символика которого переданы нам посредством бессознательной психики. Каждый, стоит только этого захотеть, может приблизиться, по крайней мере, к месту возникновения таких переживаний независимо от того, верит ли он сам в Бога. Без такого приближения дело лишь в редчайших случаях доходит до тех чудотворных преображений, прототипом которых является дамасское видение Святого Павла. Существование религиозных переживаний больше не нуждается в доказательствах. Но всегда остаются сомнения, является ли на самом деле причиной этих переживаний именно то, что человеческая метафизика и теология именуют Богом или богами. Собственно говоря, вопрос этот праздный и отвечает сам на себя субъективно грандиозной нуминативностью переживания. Переживший нечто подобное одержим и поэтому вообще не в состоянии осуществлять бесплодных метафизических или познавательно-теоретических размышлений на эту тему. Наивернейшее заключает свою очевидность в себе самом и не нуждается ни в каких антропоморфных подтверждениях.

Перед лицом всеобщего психологического невежества и предвзятости очень неудачно, что единственное переживание, обосновывающее индивидуальную экзистенцию, как назло, берет свое начало в медиуме, на которого наверняка и нацелена всеобщая предубежденность. Вновь слышны сомнения: «Ну что хорошего может прийти из Назарета?» Бессознательное, если его вообще не считают могильником для помоев, вырытым где-то под сознанием, в лучшем случае рассматривают как некоторое образование «чисто жи

вотной природы». Но на самом деле per definitionem1 оно обладает неопределенными широтой и свойствами, в силу чего как недооценка, так и переоценка бессознательного являются беспредметными и выпадают из здравого рассмотрения как предубеждения. Во всяком случае, подобные суждения очень странно звучат из уст христиан, чей Господь сам родился в хлеву на соломе в окружении домашней скотины. Многим более было бы по вкусу, появись он на свет в храме. Точно так же светский массовый человек ожидает нуминозного переживания на массовом сборище, которое кажется ему более импозантным фоном, нежели отдельная человеческая душа. И даже церковные христиане предаются этому саморазрушающему безумию.

Выявленное психологией значение, которым обладают бессознательные процессы при возникновении религиозного переживания, явно непопулярно как среди правых, так и среди левых идеологических сил. С точки зрения первых, решающим является откровение, данное человеку, для других — все это бессмыслица, а у человека вообще нет никакой религиозной функции, и если он во что-то и может верить, так только в партийную доктрину, где неожиданно интенсивно и проявляется чувство веры. К этому стоит также добавить, что различные конфессии утверждают совершенно разные вещи, но, несмотря на это, каждая из них убеждена, что обладает абсолютной истиной. Но сегодня все мы живем в одном мире, и расстояния измеряются уже часами, а не неделями и месяцами, как это было прежде. Экзотические народы перестали быть экспонатами, на которые с изумлением взирают в музеях народов мира. Они стали нашими соседями, и то, что раньше считалось прерогативой этнологов, сегодня превратилось в политическую, социальную и психологическую проблему. Началось взаимопроникновение мировоззрений, и уже не так далеко то время, когда вопрос о взаимопонимании потребует своего безотлагательного решения. Однако взаимопонимание невозможно без глубокого постижения противоположной точки зрения, что несомненно приведет к взаимовлияниям

'Per definitionem (лат.) — по определению. — Примеч. пер.

с обеих второй. Колесо истории проедет тогда по тем, кто видит свое жизненное призвание в упорном сопротивлении неизбежному процессу развития, сколь желанной и психологически необходимой ни была бы приверженность сущностным и добрым сторонам собственной традиции. Несмотря на все различия, человечество властно заявляет о своем единстве. На эту карту уже поставила марксистская доктрина, в то время как демократический Запад по-прежнему уповает утвердить свое положение с помощью техники и экономической помощи. Коммунизм не упустил из виду чрезвычайную значимость мировоззренческого элемента и универсальность базовых принципов существования. Опасность мировоззренческой слабости с нами разделяют и экзотические народы, и с этой стороны они. столь же уязвимы, как и мы.

Недооценка психологического фактора, вероятно, будет мстить за себя еще больнее. Поэтому сейчас самое время действительно устранить здесь нашу отсталость. Но в первое время это останется не более чем благим пожеланием, ибо насущная необходимость самопознания все еще явно непопулярна, она кажется неприятно идеалистичной, попахивает нравственным самокопанием и в конце концов связана с раскрытием той самой психологической тени, которую по возможности стараются не замечать и о которой никто совсем не хотел бы говорить. Эту задачу нашего времени приходится жестко характеризовать как почти неразрушимую. Она ставит высочайшие требования нашей «responsabilite»' и готова в любой момент вновь превратиться в «trahison des clercs»2. В первую очередь она стоит перед людьми, руководящими и обладающими влиянием, имеющими интеллект, необходимый для постижения ситуации, сложившейся в современном мире. От таких людей можно было бы ожидать, что они будут советоваться со своей совестью. Но поскольку речь идет не об одном только интеллектуальном постижении, но и о желании сделать нравственные выводы, то, к сожалению, никакого повода для

'Responsabilite (фр.) — ответственность. — Примеч. пер. ^rahison des clercs (фр.) — измена духовных лиц. — Примеч. пер.

оптимизма у нас нет. Природа, как известно, не так щедро разбрасывается своими дарами, чтобы вкупе с высоким интеллектом наделить еще и даром доброго сердца. Как правило, там, где есть одно, нет другого, и там, где одна способность доходит до совершенства, чаще всего это происходит за счет всех остальных. Поэтому наиболее печальна история о диспропорции интеллекта и чувств, которые, как показывает опыт, плохо уживаются друг с другом.

Нет никакого смысла формулировать задачу, которую ставят перед нами наше время и наш мир, в виде морального требования. В лучшем случае удастся настолько размежевать психологическое положение в мире, что его смогут разглядеть даже близорукие и услышать даже тугоухие. Можно надеяться на понимание и добрую волю людей, неустанно вновь и вновь проговаривать необходимые мысли и мнения. Ведь в конце концов хотя бы однажды можно распространить по всему миру и правду, а не только лишь повторять популярную ложь.

Этими словами я хотел бы показать моему читателю основное препятствие, стоящее перед ним: весь тот ужас, вновь вселяемый диктатурами человечеству, является не более, чем вершиной айсберга, состоящего из всех тех мерзостей, вину за которые несут на себе наши ближние и дальние предки. Начиная с жестоких и кровавых боен между христианскими народами, которыми изобилует история, европеец несет ответственность еще и за все, что причинил экзотическим народам колониальные завоевания. Этим мы обременены более, нежели чем-либо еще. Из всех преступлений складывается образ всеобщей тени человечества, которую нельзя нарисовать чернее, чем она есть. Зло, открывающееся человеку и, несомненно, живущее в нем, достигает величайших масштабов, и когда церковь говорит о peccatum originale (первородном грехе), восходящем к относительно невинному поступку Адама, то на фоне всего остального это звучит почти как эвфемизм. Ситуация гораздо сложнее и несправедливо недооценивается.

Придерживаясь мнения, что человек является тем, что о нем знает его сознание, люди обычно считают себя безо-

бидными, и тем самым зло дополняется еще и соответствующей глупостью. Хотя нельзя отрицать, что раньше происходили и происходят до сих пор самые ужасные вещи, не легко считать, что все это делают другие. А если подобные поступки произошли в ближайшем или далеком прошлом, то они тотчас же полностью поглощаются в океане забвения, и вновь возвращается та погруженность в мечтания, которую и принято называть «нормальным состоянием». Этому противостоит ужасающая констатация того факта, что на самом деле ничто не исчезло окончательно и ничто не было восстановлено полностью. Зло, вина, глубинный страх совести и жуткие предчувствия

откроются взору тех, кто захочет их увидеть. Все это совершили люди: «Я — человек, и человеческая природа так же свойственна мне, как и другим, и поэтому я виновен вместе со всеми и по своей сути обладаю неизменными и неутрачиваемыми способностью и склонностью в любое время поступать точно так же». Даже если с юридической точки зрения мы и не присутствовали как соучастники, все равно, в силу нашей принадлежности к роду человеческому, мы являемся потенциальными преступниками. На самом же деле нам просто не выпало подходящего случай включиться в этот дьявольский круговорот. Никто не находится вне черной коллективной тени человечества. Отделяют ли нас от злодеяния многие поколения, или же оно совершается сейчас — все это симптом всегда и повсюду присутствующего внутреннего предрасположения. Поэтому-то у нас вполне достаточно «злых фантазий», ибо только глупец может долго не обращать внимания на предпосылки своей собственной натуры. Такая беспечность является самым лучшим средством постепенного самопревращения в инструмент зла. Как холерному больному и его окружению нисколько не поможет то, что они не осознают инфекционность заболевания, так и нас не спасут безобидность и наивность. Напротив, они соблазняют нас переносить «на других» не признаваемые за собой злые качества. За счет этого чрезвычайно усиливается позиция противостояния, ибо проекции зла сопутствует страх, который мы неосознанно и тайно испытываем перед нашим собствен-

ным злом, перед противником, и он во много раз повышает весомость своей угрозы. Кроме того, утрата взаимопонимания лишает нас способности справляться со злом. И здесь мы наталкиваемся на принципиальное предубеждение христианской традиции, которое несет с собой немалые проблемы для нашей политики. Считается, что необходимо избегать зла, и, по возможности, не затрагивать его, и даже не упоминать о нем. Ибо оно «неблагоприятно», табуизировано и вызывает опасения. Защита с помощью талисманов от зла и даже пусть кажущимся, но все-таки избегание его соответствуют склонности, присущей еще первобытному человеку. Надо просто обходить зло стороной, не признавать его и по возможности отделять его от себя какой-нибудь границей, подобно старозаветному козлу отпущения, который должен передавать зло пустыне.

Когда станет невозможно избегать понимания того, что зло без всякой на то воли человека заложено в самой его природе, то зло выйдет на психологическую сцену как равноправный соперник добра. Это понимание неизбежно приведет к усилению психологического дуализма, прототип которого уже существует бессознательным образом в виде политической расщепленности мира или в еще менее осознаваемой внутренней диссоциации самого человека. Такой дуализм возникает не только вследствие постижения этой истины, а просто мы уже сейчас находимся в расщепленном состоянии. Было бы невыносимо думать, что мы должны нести личную ответственность за такого рода вину. Поэтому люди обычно предпочитают локализовать зло в отдельных преступниках или преступных группах, а свои руки омывать в сознавании своей полной невиновности, проигнорировав присущее всем потенциальное зло. Но мы не можем недооценивать всю серьезность ситуации в течение долгого времени, ибо источник злодеяний, как показывает опыт, лежит в человеке, если, конечно, мы не будем вслед за христианским мировоззрением постулировать наличие метафизического зла. Это воззрение обладает большим преимуществом, смягчая чересчур тяжкое бремя ответственности человеческой совести и перекладывая его на плечи дья-

вола, воздавая с психологической точки зрения должное тому факту, что человек является скорее жертвой своей психической конституции, нежели ее своевольным создателем. Если принять во внимание, что зло нашего времени затмевает собой все, что мучило человечество прежде, то придется серьезно задуматься над вопросом о причине того, почему при всей благотворности прогресса правоведения, медицины и техники, при всей заботе о жизни и здоровье человека по-прежнему изобретаются все более чудовищные средства уничтожения, которые легко могут привести к гибели всего человечества.

Никто не станет утверждать, что все представители современной физики поголовно являются преступниками, поскольку они приложили все свои силы во имя расцвета человеческого гения, увенчавшегося изобретением водородной бомбы. Титанический духовный и интеллектуальный труд, потребовавшийся для построения ядерной физики, совершен учеными мужами. И потому они со всех точек зрения, включая и нравственную, заслужили звание авторов изобретения во благо и на пользу человечества. Если бы продвижение по пути к великим открытиям сводилось бы только к сознательному волевому решению, то и тогда важную роль, как и повсюду, играла бы спонтанно возникшая идея. Другими словами, бессознательное работает вместе с сознанием, и чаще всего именно оно вносит более значимые вклады. Таким образом, не только сознательные усилия ответственны за результат, но и бессознательное на каком-нибудь этапе работы вмешивается в процесс со своими едва постижимыми целями и устремлениями. Вкладывая оружие в человеческие руки, оно нацеливает его на совершение какого-либо акта насилия. Постижение истины — это самое благородное из намерений науки, и если, следуя зову света, она увеличивает число опасностей, то в этом, скорее, видится действие рока, фатальности, нежели преднамеренности. Неправда, что современный человек более жесток, чем античный или первобытный. Просто у него под рукой имеются несравнимо более эффективные средства, с помощью которых он мог бы утвердить плохое в

себе. Чем шире и дифференцированное его сознание, тем более отсталой становится его нравственность. Сегодня эта проблема заявляет о себе в полный голос. И силами одного лишь рассудка с ней уже не справиться.

Впрочем, с помощью разума можно было бы добиться отказа от экспериментов такого размаха, как расщепление атомного ядра по причине их опасности. Но страх перед злом, которого люди не замечают в собственной груди и которое они склонны приписывать другим, повсеместно преграждает путь рассудку вопреки известному им факту, что применение такого оружия равносильно добровольной гибели всего человечества. И хотя страх перед всеобщи» уничтожением может помочь нам избежать худшего финала но все же вероятность последнего будет висеть жутким об лаком над нашими головами до тех пор, пока не будет воз веден мост над духовной и политической пропастью, разделяющей мир на две половины. И этот мост должен быть таким же прочным, как и водородная бомба. Но стоит только прорасти всеобщему пониманию того, что истоки всех различий лежат в противостоянии сторон внутри человеческой души, придет и осознание возможностей решения этой проблемы. В противном же случае, когда сами по себе незначительные и интимнейшие движения отдельной человеческой души не будут осознаны, как и раньше, то они сольются в единую безмерную инертную массу и выплеснутся наружу в виде групповых сил и массовых движений. Никто не сможет удержать их тогда и привести к счастливому концу. Все непосредственные усилия по обузданию стихии подобны

фехтованию с зеркалом, когда сами фехтовальщики более других одержимы иллюзией реальности кажущегося противника.

Главное слово остается за человеком, который все еще не знает решения проблемы своей дуалистичности. Эта пропасть разверзлась перед ним почти внезапно в череде последних событий мировой истории, сменив собой то духовное состояние человечества, в котором оно пребывало уже тысячелетия, полагая само собой разумеющимся, что Единый Бог создал человека как малую единицу по своему образу и

подобию. А на самом деле до сих пор не осознается тот факт, что каждый отдельный человек является кирпичиком в структуре национальных политических организмов и в соответствии с этим вынужден принимать участие в конфликте между ними. С одной стороны, он воспринимает себя как более или менее незначимое отдельное существо и видит в себе жертву неподдающихся его контролю сил, но, с другой стороны, внутри него обитает опасная тень, противник, который незримым помощником вплетается в жуткие деяния политических монстров. В самой сути политических организмов заложена тенденция всегда все злое усматривать в других, точно так же как отдельному человеку присуща почти неистребимая склонность освобождать себя от всего, чего он о себе не знает и не желает знать, приписывая эти черты другому.

Ничто не влияет на общество разрушительнее и более от чуждающе, нежели эта моральная комфортность и безответ ственность, и ничто так не способствует пониманию и сближению, как отказ от взаимных проекций. Для такого позитивного изменения необходима самокритичность, ибо невозможно приказать противнику разглядеть и признать свои проекции. Он их таковыми не считает, впрочем, и мы свои — тоже. Подобные предубеждения и иллюзии можно познать только при условии готовности, исходя из общепсихологических знаний, усомниться в истинности своих предположений о противнике и тщательно и беспристрастно сопоставить их с объективными фактами. Как ни странно, «самокритика» стала в марксистских государствах таким же расхожим понятием, как и у нас, подчиненным в отли чие от наших воззрений государственной целесообразности она призвана служить государству, а не истине и справед ливости во взаимоотношениях людей. Обезличивание не способствует благоприятному развитию взаимопонимания и взаимоотношений среди людей, а, напротив, приводит к изоляции, то есть к духовному отчуждению индивидуума Чем более разобщены между собой индивидуумы, тем проч нее государственная организация, и vice versa'.

•Vice versa (лат.) — верно и наоборот. — Примеч. пер.

Не подлежит никакому сомнению, что дистанция между людьми даже в демократическом мире гораздо длиннее, чем это было бы необходимо для поддержания общественного благополучия или для удовлетворения духовных потребностей людей. Впрочем, здесь прилагается немало усилий для преодоления наиболее очевидных и мешающих противоречий с помощью идеалистических побуждений и действий. При этом обычно взывают к высоким идеалам, энтузиазму и этической совести людей. Но, что характерно, в то же время начисто забывают-о необходимости самокритики, отвечающей на вопрос: «А кто предъявляет все эти идеалистические требования? Разве не тот, кто перепрыгивает через собственную тень, основывая свои вожделения на идеальной программе, обещающей ему необходимое алиби по отношению к собственной тени?» О, какая респектабельность и мнимая нравственность скрывают под собой подобно обманчивым одеждам внутренний мир тьмы! Поэтому сначала хотелось удостовериться, что тот, кто

разглагольствует об идеалах, идеален и сам, иначе его слова и поступки останутся видимостью, а не реальностью. Но быть идеальным невозможно, и потому все эти красивые слова останутся нереализованным постулатом. Поскольку у людей уже выработалось отменное чутье на такие вещи, большинство из проповедуемых или демонстрируемых идеалов выглядит напыщенными и воспринимаются лишь при наличии противоположных им характеристик. Без такого противовеса идеал выходит за рамки человеческих возможностей, становится неправдоподобным и вырождается в блеф при всей его благонамеренности. А такое надувательство равнозначно незаконному насилию и подавлению аудитории, что не может привести ни к чему хорошему.

Постижение тени рождает ту непритязательность, которая необходима для признания несовершенств. А без него как раз не обойтись, когда нужно установить реальные человеческие отношения. Ведь они основываются не на дифференциации и совершенстве, подчеркивающих различия и бросающих вызов, а — напротив — на несовершенном, слабом, нуждающемся в поддержке, составляющем фундамент

243

и движущую силу зависимости. Совершенство ни в ком не нуждается, а слабое ищет опору ц пото^ не противопоставляет партнеру ничего такого, что ставило бы его в позицию подчиненного или унижало бы егс? свои\, моральным превосходством. Последнее слишком ^асто Происходит там, где высокие идеалы играют слишком ярко выраженную роль.

Эти размышления нельзя рассматривать как следствие чрезмерной сентиментальности. Оопрос о человеческих взаимоотношениях и внутренней сгшочен^ости нашего общества стал очень насущным перед .пицом Изоляции набившихся как сельди в бочку массовых челове^ов, чьи межличностные взаимоотношения подорваны повсюду распространившимся недоверием. Где в ходу правовая незащищенность, полицейский надзор и террор, там люд^и поглощает изоляция, что, впрочем, соответствует целям и намерениям диктаторского государства, ибо онс» основывается на максимально возможном скоплении Сеспоцощных социальных единиц. Для противостояния этой опасности свободному обществу необходим перевязочный материал аффективной природы, то есть всеохватывающей принцип вроде принципа милосердия или христианской любви к ближнему. Но именно любовь к людям в первуиэ очередь страдает от нарушений взаимопонимания, вызванных Взаимными проекциями. В силу этого высший интерес свободного общества с психологической точки зрения заключается в заботе о межчеловеческих отношениях, на которых основаны все его внутренние связи, а тем самым — и ei-о сила. Где больше нет любви, там царствуют насилие, террор и власть.

В этих словах заключается не призыв к возвышенным идеалам, а лишь попытка выразить мое осознание психологической ситуации в обществе. Я не знаю, что слабее — идеализм или проницательность публики; я знаю лишь, что достижение духовных изменений, от Которых можно было бы ожидать некоторого постоянства, займет немало времени. Постепенно развивающееся понимание обладает, на мой взгляд, более длительным эффектом, нежели мгновенно вспыхивающий идеализм, не обещающий надолго задержаться в памяти и сознании.

244

7. ЗНАЧЕНИЕ САМОПОЗНАНИЯ

То, в чем наше время усматривает в основном «тень» и неполноценность человеческой психики, содержит в себе не только отрицательное. Уже тот факт, что с помощью самопознания, то есть исследования собственной души, наталкиваешься на инстинкты и их образный мир, мог бы

бросить луч света на силы, дремлющие в душе; впрочем, их редко обнаруживают, покуда все идет должным образом Но эти потенциальные силы обладают высочайшей динамикой, и от подготовленности и установки сознания зависит, обратится ли прорыв этих сил и связанных с ними образов и воззрений в созидательное действие или же обернется катастрофой. Видимо, только врач из своего опыта может знать, в каком критическом состоянии находится психологическая подготовленность современного человека, и только врач видит свой долг в том, чтобы отыскать в природе конкретного человека те спасительные силы и представления, которые издревле помогали ему находить верный путь среди мрака и опасностей. В своей работе, требующей терпения, врач не может призывать к традиционным «должен» и «обязан», возлагая тем самым все хлопоты и усилия на другого и довольствуясь несложной ролью увещевателя. Хотя каждый знает, насколько бесполезна проповедь благих вещей, но всеобщая беспомощность в этой ситуации столь велика, а требования так жестки, что легче раз за разом повторять одну и ту же ошибку, чем ломать голову над решением субъективной проблемы. А кроме того, речь в каждом случае идет об одном-единственном индивидууме, а не о сотнях тысяч, которые могли бы оправдать приложенные усилия, правда, известно, что ничего не произойдет со всеми, если не преобразится конкретный человек.

Столь желанный эффект воздействия на всех индивидуумов может не наступить и в течение сотен лет, ибо духовное преображение человечества протекает практически незаметно в медленной поступи тысячелетий, и его невозможно ускорить или замедлить, не говоря уже о том, чтобы произвести его в рамках одного поколения. Однако в наших

силах вызвать преображение отдельных индивидуумов, которые могут оказывать влияние на единомышленников в более или менее узком кругу. Я не подразумеваю влияния в виде переубеждения или проповедей, а веду речь о том, кто своими поступками, а в силу этого — и своим проявлением бессознательного, неумышленно оказывает воздействие на свое окружение. Такое воздействие примитивные люди характеризуют понятием «мана». Это ненамеренное влияние на бессознательное других людей, своего рода неосознаваемый авторитет, который все же сохраняет свое воздействие лишь до тех пор, пока оно не будет нарушено подключением осознаваемых намерений.

Усилия самопознания небесперспективны уже потому что до сих существует фактор, на который в принципе ник то не обращает внимания и который идет навстречу наши»1 ожиданиям: это неосознаваемый дух времени, компенсирую щий установку сознания и предвосхищающий грядущие пе ремены. Яркий пример этому дает современное искусство которое под видом решения эстетических проблем произво дит воспитательную работу со зрителем — растворяя и раз рушая прежние эстетические воззрения, понятия формаль ной красоты и содержательной осмысленности. Приятность художественного образа заменяется холодными абстракциями самой субъективной природы, которые самым грубым образом захлопывают двери перед романтической чувствительностью и ее обязательной любовью к объекту. Этим громогласно и во всеуслышание объявляется, что провидческий дух искусства отворачивается от прежней привязанности к объекту и обращается к пока еще непроглядному хаосу субъективных предпосылок. Но все-таки до сих пор, насколько мы в состоянии об этом судить, искусство еще не открыло под завесой тьмы то, что могло бы объединить всех людей и дать выражение их духовному единству. Поскольку для этого завершающего шага, похоже, необходима рефлексия, то вполне может статься, что эти открытия придут из других сфер человеческого опыта.

До сих пор большое искусство черпает свои силы и обра зы из мифа — того неосознаваемого символического про

цесса, который продолжается сквозь зоны и, будучи изначальной манифестацией человеческого духа, содержит в себе истоки всех грядущих творений. Развитие современного искусства с его мнимой нигилистической тенденцией к разрушению следует понимать как симптом и символ характерного для нашего времени ожидания низвержения старого мира и возрождения на этой основе нового. Мы живем в эпоху «преображения образов богов», то есть основополагающих принципов и символов. Это смысл нашего времени, которое, честно говоря, мы себе сознательно не выбирали. Он выражает процесс преобразования внутреннего и бессознательного человека. Итоги этого, чреватого любыми последствиями, изменения будут подведены грядущими поколениями, если человечество сможет избежать саморазрушения властью своей техники и науки.

Как и в начале христианского зона, сегодня вновь встает проблема общей нравственной отсталости цивилизации, не отвечающей современному уровню научного, технического и социального прогресса. Слишком многое поставлено на кон, и слишком многое, очевидно, зависит от психологического состояния человека. Устоит ли он против соблазна применить свою мощь для инсценировки конца света? Осознает ли он, каким путем идет и какие выводы из современного положения в мире и ситуации в его собственной душе он должен сделать? Знает ли он, что ему предстоит лишиться поддерживавшего его жизнь мифа о внутреннем человеке, который сберегло для него христианство? Представляет ли он, что его ожидает, если произойдет катастрофа? В состоянии ли он вообще представить, что это за катастрофа? А в конце концов знает ли каждый отдельный индивидуум, что он является стрелкой весов?

Счастье и удовлетворение, душевное равновесие и смысл жизни может познать только отдельный человек, а не государство, которое, с одной стороны, является не более чем формой договоренности между собой самостоятельных индивидуумов, а с другой стороны, угрожает стать всесильным и раздавить отдельного человека. Врач относится к тем людям, которые знают больше других об условиях, необхо-

димых для духовного благополучия, от которого в объеме социума зависит бесконечно многое. Современные социальные и политические условия имеют большое значение^ но их важность с точки зрения счастья или несчастья индивидуума, особенно когда их рассматривают в качестве единственно решающих факторов, чрезмерно переоценивается. Все цели в этом направлении страдают одной общей ошибкой: они не учитывают психологии человека, ради которого, собственно говоря, и был, и поставлены, и слишком часто способствуют лишь развитию его иллюзий.

Поэтому стоит позволить врачу, который в течение своей долгой жизни изучал причины и следствия душевных заболеваний и нарушений, со всей скромностью, возлагаемой на него его статусом отдельной личности, высказать свое мнение по вопросам, которые поднимает перед нами современное положение в мире. Впрочем, я не преисполнен ни чрезмерным оптимизмом, ни возвышенными идеалами, а лишь беспокоюсь за судьбу, благополучие и переживания отдельного человека, той бесконечно малой единицы, от которой зависит весь мир, того индивидуального существа, в котором — если мы правильно понимаем смысл божественного послания — даже Бог ищет цель своего бытия.

Об архетипах коллективного бессознательного

Гипотеза о наличии коллективного бессознательного, как и понятие бессознательного вообще, относится к тем идеям, которые сначала удивляют публику, но вскоре преобразованные ею, превращаются в привычные представления. После того как философская идея бессознательного в том виде, в каком она встречается главным образом у К. Г. Каруса и Эд. Гартмана, погибла под вздыбившейся волной материализма и эмпиризма, не оставив после себя значительных следов, она опять постепенно всплыла в ориентированной на естествознание медицинской психологии. Сначала понятие бессознательного ограничивалось характе ристикой вытесненного или забытого содержания психики. Уже у Фрейда — хотя это крайне метафорично — бессозна тельное ведет себя как действующий субъект и в основном служит не чем иным, как местом сбора именно вытесненных и забытых содержаний, и только благодаря последнему бессознательное имеет практическое значение. Тем самым согласно этому воззрению бессознательное обладает исключительно индивидуальной природой, хотя, с другой стороны, уже Фрейд догадывался об архаически-мифологическом способе мышления в бессознательном'.

Несомненно, до некоторой степени поверхностный слой бессознательного индивидуален. Мы называем его «личное бессознательное». Однако оно опирается на более глубокий

' В поздних работах Фрейд дифференцировал указанное здесь воззрение: инстинктивную психику он называл «ОНО», а его «сверх-Я» означает коллективное сознание, частично осознанное индивидом, частично неосознанное (вытесненное).

слой, возникающий уже не из личного опыта и деятельности, а прирожденный. Этот более глубокий слой — так называемое коллективное бессознательное. Я выбрал выражение «коллективное» потому, что это бессознательное не индивидуальной, а всеобщей природы, т. е. оно, в противоположность индивидуальной психике, повсеместно и у всех индивидов cum grano salis' обладает одними и теми же элементами и способами действия. Другими словами, у всех людей оно идентично самому себе и благодаря этому образует психическую основу сверхличной природы, существующую в каждом индивиде.

Психическое существование распознается лишь по наличию элементов, доступных сознанию. Поэтому мы можем говорить о бессознательном лишь постольку, поскольку в состоянии указать такие же элементы. Частями личного бессознательного являются, главным образом, эмоционально выделенные комплексы, определяющие интимное содержание психической жизни. В отличие от этого элементы коллективного бессознательного образуют так называемые архетипы.

Выражение «архетип» встречается уже у Филона Александрийского (De opif. mundi, §69) по отношению к образу Божьему в человеке. Также у Иринея (Adversus haereses 2, 7, 4), где говорится: «Безупречный Создатель не осеменил грязь, но изменил, принеся архетип». В «Corpus Hermeticum» Бог называется архетипом света (???????????????). У Дионисия Ареопагита это выражение неоднократно встречается в «Небесной иерархии» (с. 11, §4: ????????????????), а также в «Божественных именах» (с. 11, §6). У Св. Августина Блаженного, правда, встречается не выражение «архетип», а «идея»; так, например, в «Божественных поисках»: «идея, которую формирует не существование, а которая в Божественном разуме содержится». «Архетип» — перефраза, объясняющая платоновскую идею (?????). Это обозначение соответствует нашим целям и содействует им, так как свидетельствует, что в случае частей коллективного бессознательного речь идет о древних

'Cum grano salis (лат.) — с крупинкой соли, т. е. с небольшими сомнениями, допущениями, изменениями, некоей долей критичности. — Примеч. пер.

или, еще точнее, о первобытных образцах, т. е. о существующих с древнейших времен универсальных образах. Выражение representations collectives1, которое Леви-Брюль использовал для обозначения символических фигур примитивного мировоззрения, без труда можно отнести и к элементам бессознательного, потому что оно касается почти того же самого явления. То есть учения примитивных племен толкуют архетипы по-особому. Во всяком случае, здесь они — элементы бессознательного, а осознанные формулы, которые по традиции передаются в виде тайного учения. Последнее вообще является типичной формой устной передачи коллективных, первоначально возникших из бессознательного элементов.

Миф и сказка — другие хорошо известные проявления архетипы. Однако и здесь речь идет о специфических формах, передававшихся на протяжении долгого времени. Следовательно, понятие «архетип» лишь отчасти соответствует representations collectives, поскольку обозначает только часть психики, еще не подвергшейся никакой сознательной обработке и посему представляющую собой непосредственную психическую данность. В таком качестве архетип незначительно отличается от полученных в ходе истории или выработанных формул. На высших ступенях тайных учений архетипы существуют в обрамлении, которые, как правило, недвусмысленно обнаруживают следы сознательной обработки путем рассуждений и оценок. По сравнению с этим обрамлением непосредственный облик архетипов, предстающий перед нами в сновидениях и видениях, гораздо индивидуальное, непонятнее и даже наивнее, чем, например, в мифе. Архетип, по существу, представляет собой бессознательное содержание, которое изменяется в результате осознания и восприятия, и притом в духе того индивидуальное сознания, в котором он всплывает2.

'Representations collectives (лат.) — коллективные пред ставления. — Примеч. ред.

1 Чтоб быть точным, надо различать архетип и архетипические представления. Сам по себе архетип — это гипотетический ненаглядный образец, подобный известному в биологии «паттеру поведения». — См.: Теоретические размышления о сущности психического // О корнях сознания, 1954.

Что подразумевается под архетипом, достаточно ясно высказано при рассмотрении вышеупомянутой связи с мифом, тайным учением и сказкой. Дело усложнится, если вместо этого мы попытаемся с позиций психологии постичь «что такое архетип?». До сих пор при исследовании мифов ограничивались только солярными, лунарными, метеорологическими, растительными и прочими вспомогательными представлениями. Однако до сих пор почти не занимались тем фактом, что мифы в первую очередь являются проявлениями психики,

манифестациями, представляющими сущность души. Примитива совсем мало трогает объективное объяснение очевидных вещей, напротив, у него есть настоятельная потребность, или, лучше сказать, его бессознательная душа неодолимо стремится уподобить психическим явлениям весь внешний чувственный опыт. Примитиву недостаточно видеть, как восходит и заходит солнце, это наблюдение внешнего явления должно стать одновременно и психическим явлением, т. е. перемещение солнца должно изображать судьбу некоего бога или героя, который, в сущности говоря, не живет более нигде, кроме души человека Все мифологизированные процессы природы, как, например, лето и зима, фазы луны, периоды дождей и т. п.. всего лишь аллегории' такого объективного опыта, лучше сказать, символическое выражение внутренней и бессознательной драмы души, которая путем проекции, т. е. через отражение в природных явлениях, становится понятной человеческому сознанию. Эта проекция настолько глубока, что потребовалось несколько тысячелетий культуры, чтобы хоть немного отделить ее от внешнего объекта. Например, в случае с астрологией такая попытка отделения даже привела к безоговорочному осуждению этой древней «интуитивной науки», ибо не была проявлена готовность различить психологическое учение о характерах людей и звезды с их движением. Тот, кто сегодня еще или вновь верит в астрологию, опять-таки чаще всего оказывается в плену старого

'Аллегория — это перефразирование сознательных элементов, напротив, символ — лучшее из возможных выражений лишь предчувствуемого, но еще непознанного содержания бессознательного,

суеверного предположения о влиянии звезд, несмотря hl то, что каждый, способный рассчитать гороскоп, обязан знать, что со времен Гиппарха Александрийского точка ве сеннего солнцестояния была установлена на 0° Овна и, стало быть, поэтому любой гороскоп основывается на произвольном круге животных, поскольку как раз со времен Гиппарха в результате процессии соотношения день— ночь точка весеннего равноденствия постепенно сместилась на начальные градусы Рыбы.

При такой поразительной субъективности примитивный человек (если именно это принять за самое первое допущение) должен был относить мифы к психическому. Его естествознанием, по существу, становится язык и внешнее облачение бессознательного психического процесса. Фактом бессознательности последнего процесса и объясняется, почему раньше при толковании мифа думали о чем угодно. но только не о душе. Просто совершенно не сознавали, что душа содержит все те образы, из которых когда-то возникли мифы и что наше бессознательное — это действующий и страдающий субъект, чью драму примитивный человек по аналогии обнаруживал во всех крупных и малых процессах природы'.

«В твоей груди находятся звезды твоей судьбы», — говорит Сени Валленштейну, что удовлетворило бы любую астрологию, если бы последняя хоть что-то знала о тайне сердца. Но до сих пор все это слабо понимали. Не рискну утверждать, что в наши дни положение принципиально улучшилось. Родовое мировоззрение основано на священном и опасном. Все тайные учения пытаются овладеть зримым событием души, и все претендуют на высочайший авторитет. То, что верно для примитивных учений, еще в большей степени относится к господствующим мировым религиям. Изначально они содержали тайное знание откровения и

выражали тайны души в великолепных картинах. Их святилища и их священные тексты в образе и слове возвещают канонизированное учение, доступное любому верующему сердцу, любому сентиментальному воззрению и любому движе-

'См.: Юнг К., Кереньи К. Введение в сущность мифологии, 1942.

нию мысли. И чем прекрасней, чем величественней, чем обширней возникший и передающийся образ, тем больше он преграждает путь индивидуальному опыту. Мы можем его лишь чувствовать и перенимать, но первичный опыт, праопыт уже утерян. Почему психология — одна из самых молодых опытных наук? Почему бессознательное не открыли давным-давно и не раскрыли его сокровища в вечных об разах? Оказывается, это совсем не просто, потому что религиозная формула, которой мы обладаем для всех обстоятельств души, более прекрасна и емка, чем непосредственный опыт. Когда для многих поблекло христианское мировоззрение, то вместо него им открылись символические богатства Востока, все еще полные чудес, способные еще долго радовать видами и новыми декорациями.

И повсюду эти образы — будь то христианские, буддистские или какие-нибудь другие — прекрасны, таинственны и полны предчувствий. Конечно, чем привычней они нам; тем больше отточены частым употреблением, так что от них остается одна лишь формальность в почти бессмысленном парадоксе. Тайна непорочного зачатия, или Единосущность Отца и Сына, или Троица непорочного зачатия, или Единосущность Отца и Сына, или Троица, которая не есть триада, более не воодушевляют философскую фантазию. Они стали только объектами веры. Поэтому не удивительно, что символы Востока, величественные воззрения на божество в Индии и бездны таоистской философии пленяют религиозную потребность, чувство веры и философскую спекуляцию образованного европейца, как когда-то христианскими идеями были охвачены сердце и дух античного человека. Немало и таких людей, которые сначала поддались влиянию христианского символа, пока не впутались в невроз Кьеркегора, или пока их отношение к Богу не превратилось в невыносимо обостренное отношение Я — Ты (вследствие возрастающего обнищания символики), но и они потом подпадают под колдовство своеобразных восточных символов. Такое отступничество — не обязательно упадок; оно доказывает отзывчивость и жизненность религиозного ощущения. Нечто подобное наблюдается у образованного вос-

точного человека, которого не так уж редко привлекает христианский символ или наука, казалось бы, не соответствующие восточному духу. Восточный человек даже проявляет завидное их понимание. То, что вечные образы пленяют — вещь сама по себе нормальная. Ведь именно для этого они и существуют. Их предназначение в том и состоит, чтобы притягивать, убеждать, ослеплять и захватывать. Они созданы из стихии откровения и каждый раз воспроизводят первоопыт божества. Поэтому каждый раз они действительно раскрывают человеку предчувствие божественного и одновременно охраняют его от подобного непосредственного опыта. Эти образы,

благодаря многовековым усилиям человеческого духа, создают обширную систему упорядочивающих мир мыслей и одновременно представлены могущественным и стародавним институтом, называемым Церковью.

Свои мысли я лучше всего проиллюстрирую на примере одного швейцарского мистика и отшельника, недавно канонизированного брата Клауса из Флюе. Пожалуй, его самым важным переживанием было так называемое тройственное видение, которое захватило его в такой степени, что он пытался его зарисовать на стене кельи. Видение изображено на современной картине, хранимой в приходской церкви в Саксонии: это шестикратно разделенная мандала, чьим центром является коронованный лик Бога. Мы знаем, что брат Клаус исследовал сущность своего видения при помощи иллюстрированной книжки одного немецкого мистика и старался свести свое исходное переживание к понятной ему форме. Занимался он этим в течение года. Он делал то, что я называю «переработкой символа». Его размышления о сущности видения, руководствовавшееся мистической диаграммой, необходимым образом привели к выводу, что, вероятнее всего, он видел саму Святую Троицу, вечное благо и саму Вечную Любовь. Этому соответствует просветленное саксонское изображение.

Однако исходное переживание было совсем иным. А именно: в экстазе открылось брату зрелище настолько страшное и он так сильно изменился в лице, что люди при-

шли в ужас и стали опасаться за него. Дело в том, что он узрел видение наивысшей интенсивности. Об этом пишет Г. Вёльфлин: «Все вокруг с первого взгляда пришли в сильнейший ужас. О причине этого ужаса он сам обычно рассказывал, что увидел всепронизывающий свет, испускаемый человеческим ликом. Он испугался этого зрелища, его сердце вот-вот должно было разорваться на мелкие части. Оглушенный ужасом, он тотчас отвернулся и упал на землю, и это была, вероятно, причина, почему у других его вид вызвал страх»'. С полным основанием устанавливают обычно связь межоу этим и подобным видением из Апокалипсиса (Алок., I, 13), а именно с тем апокалипсическим образом Христа, которого по жуткости и непривычности превосходит только безобразный семиглазый ягненок с семью рогами (Алок., V, б). Эта фигура Христа с трудом сопоставима с евангельским Христом, и существует давняя традиция, истолковывающая это видение совершенно определенным образом. Вот, например, гуманист К. Бовиллус в 1508 г. пишет о друге: «Я хочу сообщить о видении, появившемся на небе в то время, когда он звездной ночью предавался молитве и созерцанию. Он увидел образ человеческого лика с жутким выражением, полным ярости и угрозы» и т. д.2 Это толкование прекрасно согласуется с современной амплификацией через Апокалипсис (I, 13)3 Нельзя забывать также и о других видениях, например видении Христа в медвежьей шкуре или брата Клауса в качестве сына Господа Бога и Богородицы и т. д. Отчасти они обнаруживают даже недогматические черты.

Согласно традиции, была установлена связь этого большого видения с образом Троицы в Саксонской церкви, а также с символикой круга в так называемом трактате пилигрима: брат Клаус указывал на образ круга посетившему его пилигриму. Очевидно, этот образ занимал его раньше.

'Fr. Blanbe. Bruder Klaus von Flue, 1948. S. 94.

2 F. A 1 b a n S t o c k l i 0. M. Сар.: Видение святого брата Клауса, 1933.

3 М. Б. Лаванд точно так же сравнивает видение с древним текстом, в котором апокалипсически Христос появляется как яростный и гневный мститель, в сильнейшем противоречии с Христом Нагорной проповеди.

Бланке, вопреки традиции, полагает, что между видением и образом Троицы нет никакой связи. Мне кажется, что этот скептицизм зашел слищком далеко. Должно быть, ин терес брата к образу круга имел основание. Ведь подобны видения зачастую вызывают растерянность и замешательст во («сердце, разрывающееся на куски»).

Опыт учит, что «волшебный круг», мандала — с давни пор используется как противоядие для хаотических состоя ний духа. Совершенно ясно, почему символ круга так зах ватил брата. Во всяком' случае, толкование ужасного видения как переживание Бога вряд ли является ошибочным. По внутренним же психологическим причинам связь между большим видением и саксонским образом Троицы и соответственно символом круга кажется мне очень правдоподобной.

Это, без сомнения, вызывающее ужас видение, лишенное к тому же догматического руководства и экзотерического1 комментария, взорвалось в религиозном мировоззрении брата, и вполне естественно, что потребовалась длительная регулятивная работа для того, чтобы упорядочить душу, восстановить ее целостность, а вместе с тем и нарушенное равновесие. Толкование этого видения исходило из непоколебимой догмы, которая тогда выказала свою ассимилирующую силу, спасительно превратив страшного Живаго в прекрасную образность Троицы. Да и толкование, видимо, могло исходить из совершенно другого основания указанного видения (с его жуткой фактичностью); иное толкование могло бы повредить христианскому принятию Бога и, без сомнения, еще больше самому брату, который в таком случае стал бы не святым, а, напротив, еретиком (если не больным) и, чего доброго, закончил бы свою жизнь на костре. Этот пример показывает необходимость догматического символа: он выражает дос тупным человеческому пониманию образом сильное, равно как и решительно-опасное душевное переживание (ко торое из-за своего могущества по праву называется «боже·

'Экзотерический (греч.) — направленный вовне, раскрываю щий; в данном случае — разъясняющий многим. — Примеч. ред.

ственным опытом»), существенно не искажая при этом объем переживаемого и не причиняя вреда его первостепенному значению. Вид божественного гнева, который в известном смысле встречается и у Я. Беме, плохо соединяется с новозаветным Богом, любящим небесным отцом, отчего, вероятно, легко может превратиться в источник внутреннего конфликта. Последний соответствовал духу времени — концу XV столетия, времени Н. Кузаиского, который при помощи формулы «соединение противоположностей» намеревался предвосхитить угрожающий раскол. Немного погодя ветхозаветный образ Бога испытал ряд обновлений в протестантизме. Понятие Бога-Яхве содержит в себе неразделимые противоположности. Брат Клаус, оставив дом и семью (долго жил в одиночестве и предавался мрачным размышлениям), оказался как бы вне обычая и

традиции, поэтому с ним случилось нечто удивительное и ужасное из праопыта. В этой ситуации догматический образ божества, совершенствуемый в течение многих столетий, подействовал на него спасительно как цепебный напиток. Он помог ему ассимилировать фатальное вторжение архетипичного образа и вместе с тем избежать внутреннего распада. Ангелиус Силезиус оказался не настолько счастливым; внутренний конфликт разорвал его, потому что к его времени прочность церкви, гарантирующей догму, была уже подорвана.

Я. Беме знал Бога «яростного огня», истинного Сокровенного. Однако ему удалось снять глубоко ощущаемое противоречие, с одной стороны, через христианскую формулу Отца-Сына, позволяющую спекулятивно включить гностическое, однако во всех существенных пунктах все же христианское мировоззрение (в противном случае он стал бы дуалистом); с другой стороны, ему, без сомнения, помогла алхимия, которая уже долгое время втайне подготавливала объединение противоположностей.

Тем не менее противоречие оставило достаточно отчетливые следы в его мандале, которая приложена к «40 вопросам о душе» и изображает сущность божества; мандала разделена на темную и светлую половины, и соответствующие

половины круга отделены друг от друга, вместо того чтобы смыкаться'.

Догма заменяет коллективное бессознательное, формулируя его в широком диапазоне. Поэтому католическая форма жизни принципиально не знает здесь психологической проблемности. Догматические архетипические представления почти полностью владеют жизнью коллективного бессознательного, которое, как укрощенный поток, расплывается в символике кредо и ритуалов. Его жизнь проявляется в сокровенной сущности католической души. Как мы знаем сегодня, коллективное бессознательное вообще никогда не было психологическим, ведь до христианской церкви были античные мистерии, простирающиеся вплоть до седых времен неолита. Никогда у человечества не было недостатка в сильных образах, которые даровали бы ему магическую защиту против беспокоящего оживления душевных глубин. Всегда фигуры бессознательного выражались с помощью защитных и целительных образов и вместе с ними извергались в космическое, внедушевное пространство. Иконоборчество Реформации буквально пробило брешь в защитном валу священных образов, и с тех пор один образ осыпается за другим. Они оказались сомнительными, когда столкнулись с пробуждающимся рассудком. К тому же уже задолго до этого успели забыть, что подразумевалось под ними. На самом ли деле забыли? Или, быть может, вообще никогда прежде не знали, что они означали, и впервые лишь в эпоху протестантизма обратили внимание на то, что ведь, собственно говоря, никогда и не знали, что же подразумевалось под непорочным зачатием, Божественностью Христа и комплексностью Триединства? Иногда даже кажется, будто эти образы просто жили и их жизненное существование принималось без сомнения и рефлексии, точно так же как у современных людей, которые наряжают елку и прячут пасхальные яйца, порою вообще не представляя, что эти обычаи означают. Архетипичные образы уже априори настолько значительны, что никто даже не спрашивает, что же они, собственно, могли означать.

' Ср. Образы бессознательного, 1950. С. 96.

259

Время от времени боги умирают, потому что вдруг оказывается, что они ничего не значат, что они только безделушки, созданные человеческой рукой из камня и дерева. В действительности человек лишь обнаруживает, что прежде он вообще ничего не думал о своих образах. И когда он начинает размышлять о них, то делает это при помощи того, что называется «рассудком», который, однако, есть не что иное, как сумма человеческих предубеждений и недальновидностей.

История развития протестантизма — постоянное иконоборчество. Один за другим рушились оплоты. Уже после того как был подорван авторитет Церкви, разрушение стало совсем легким. Мы знаем, как в большом и малом, в общем и единичном разрушалась часть за частью и как сложилась ужасающая нищета символов, господствующая сейчас. Таким образом, сила Церкви действительно уменьшилась; крепость лишилась своих бастионов и казематов; дом, чьи стены разрушены, предоставлен всем напастям и ветрам мира. На самом деле раскол протестантизма на несколько сот сект (причиняющий боль историческому чувству) — безошибочный признак сдерживаемого беспокойства. По сути, протестант оставлен в беззащитности, которой, вероятно, страшился примитивный человек. Конечно, просвещенное сознание не хочет ничего об этом знать, но тайком ищет где-нибудь в другом месте утраченное в Европе. Ищут действенные образы, наглядные формы, которые утолила бы беспокойство сердца и разума, и находят сокровища Востока. По существу, против этого нечего возразить. Никто не принуждал римлян импортировать азиатские культы как массовые положения вероучения. Если бы действительно германским народам глубоко не подходило так называемое чуждое христианство, то они могли бы его легко сбросить, после того как умер престиж римских легионов. Однако оно осталось, потому что соответствовало архетипичному представлению. Но в ходе столетий христианство настолько изменилось, что его основатель, доживи он до этого, немало удивился бы; заметим, что особенности христианства у негров и индейцев также дают некоторое основание для исто-

260

К 1. ЮН1

рического анализа. Почему бы западному человеку не ассимилировать восточные формы? Ведь ходили же римляне в Элевсин, Самофракию и Египет, чтобы посвятиться? В Египте, кажется, даже устроили своего рода туризм.

Боги Эллады и Рима погибли от той же болезни, что и наши христианские символы: как и сегодня, люди обнаружили, что у них нет никаких представлений по этому повоцу. Чужие же боги еще обладали неизрасходованной симпагией. Их имена были необычными и непонятными, а их [(ела — полны темных предчувствий, совсем других, чем потрепанная скандальная хроника Олимпа. Азиатские символы, по крайней мере, были непонятны и потому не банальны, как привычные

боги. Поэтому то, что новым увлеклись столь же внезапно, равно как и забросили старое, — не вызывало тогда вопроса.

Существует ли эта проблема сегодня? Сможем ли мы облачиться, как в новое платье, в новые символы, выросшие на экзотических берегах, пропитанные чужой кровью, произносимые чужим языком, выкормленные чужой культурой, прошедшие чужую историю? Без сомнения, это возможно. Кто мы — нищий ли, укутавшийся в королевское одеяние; король ли, переодевшийся нищим? И не существует ли в нас где-то повеление не только не заниматься маскарадом, но более того, самим подчинять свое облачение?

Я убежден, что возрастающее обнищание символов имеет смысл. Это развитие совершается в определенной последовательности. Пропало все, над чем никогда не задумывались и что, благодаря этому, было лишено логической связи со все более развивающимся сознанием. Когда же пытались прикрыть свою наготу роскошными восточными одеяниями, как это делают теософы, то изменяли своей собственной истории. Прежде всего надо не доводить себя до нищенства, чтобы потом не принимать позу индийского короля. Мне кажется, намного лучше решительно признать себя ответственным за духовное убожество бессимволизма, чем инсценировать обладание тем, что ни в коем случае не принадлежит нам по праву наследства. Ведь мы — законные наследники христианской символики, но это наследие как-то по-

пусту растратили. Мы позволили разрушить дом, построенный нашими отцами, и теперь пытаемся вторгнуться в восточные дворцы, которых никогда не знали наши отцы. Кто потерял исторические символы и не может удовлетвориться «заменой» — находится, безусловно, в трудном положении: перед ним зияет «Ничто», от которого в страхе отворачиваются. Хуже того: вакуум заполняется абсурдными политическими и социальными идеями, которые все, вместе взятие отличаются духовной безысходностью. Тот же, кто не может довольствоваться такой поучительной неуживчивостью с чужой религией, вынужден всерьез обратиться к так называемой своей, причем нередко оказывается, что побудил его к этому чуть ли не страх. Последний, конечно, обоснован там, где Бог ближе, опасность кажется больше. Именно поэтому опасно признаться в духовном обнищании; ведь кто нищий — тот жаждет, а кто жаждет — тот притягивает к себе судьбу. Швейцарская пословица говорит об этом грубо: «За каждым богачом стоит один черт, за каждым бедняком — два». Как в христианстве обет мирской бедности отвлекал чувства от благ мира, так и духовное скудоумие должно отречься от фальшивых богатств духа и отстраниться не только от скудных остатков великого прошлого (которые называются сегодня протестантской «церковью»), но и от всех соблазнов экзотического тумана, чтоб остановить взгляд на себе, где в холодном свете сознания пустота мира простирается вплоть до звезд. Мы унаследовали эту бедность от наших отцов. Я все еще вспоминаю занятия конфирмацией, которые проводил со мной мой собственный отец. Катехизис надоел мне невообразимо. Как-то я перелистывал маленькую книжечку, чтоб найти что-нибудь интересное, и мой взгляд упал на параграф о Триединстве. Это заинтересовало меня, и я с нетерпением ожидал, когда же мы подойдем к этому разделу. Когда же наступил намеченный час, мой отец сказал: «Пропустим этот раздел, я сам в этом ничего не понимаю». Таким образом была похоронена моя последняя надежда. Правда, я восхищался честностью отца, что, однако, не помогло пережить несбывшегося ожидания; и с тех пор вся религиозная болтовня вызывала во мне смертельную скуку.

Наш интеллект достиг чудовищного развития, между тем как наш духовный дом разрушился. Мы абсолютно убеждены в том, что за далеким звездным туманом нельзя обнаружить Небеса даже при помощи новейшего телескопа, построенного в Америке, и мы знаем, что наш взгляд будет в отчаянии блуждать в безжизненной пустоте беспредельных пространств. И когда математическая физика откроет мир бесконечно малого, лучше не будет. В конце концов мы вытащим на свет Божий мудрость всех веков и народов и признаем, что все самое дорогое и ценное уже давным-давно высказано прекраснейшим языком. Как ненасытные дети, мы тянем к этому руки и думаем, что, схватив, мы уже обладаем. Однако что имеем — больше не ценим, и руки устают от хватания, потому что богатство лежит повсюду, насколько простирается взгляд. Все это достояние превратится в воду, и не один чародей утонет в вызываемом им потоке, если прежде не станет добычей спасительного заблуждения, по которому одна и та же мудрость как хороша, так и дурна. Из таких посвященных получаются вызывающие тревогу больные, которые считают себя выполняющими пророческую миссию. Лишь при искусственном разделении мудрости на истинную и фальшивую возникает подобное напряжение души, а из него одиночество и мания, как у морфиниста, который всегда надеется найти спутника своего порока.

Когда наше естественное наследие улетучилось, то, говоря вместе с Гераклитом, дух тоже спустился со своей огненной вершины. Когда же дух слабеет, то он становится водой, и интеллект при люциферовском высокомерии захватывает место, на котором некогда восседал дух. Право «власти отца» над душой может присвоить себе только дух, а не «рожденный землей» интеллект, который является серпом и молотом человека, но не творцом духовных миров, отцом души. Именно к последнему стремился Клагес, да и шелеровское восстановление духа было достаточно умеренным, т. к. они оба принадлежали к эпохе, когда дух был уже не наверху, а внизу; он был уже не огнем, а водой. Путь души, которая ищет потерянного отца (как София ищет Бутоса),

ведет поэтому к воде, к тому темному отражению, которое покоится в ее глубине. Кто все же избрал для себя положение духовного ничтожества, истинного наследия до конца себя изжившего протестантизма — тот вступает на путь души, который ведет к воде. Теперь эта вода — не только метафорические слова, но живой символ темной психики. Проиллюстрирую это на конкретном примере, хотя вместо него можно было бы привести множество других.

Некоему протестантскому теологу часто снился один и тот же сон, будто он стоит на склоне, внизу лежит глубокая долина, а в ней — темное озеро. В сновидении известно, что прежде его всегда что-то удерживало приблизиться к озеру. На этот раз он все же решается идти к воде. Как только он приближается к берегу, становится темно и жутко; внезапно на поверхность воды налетает порыв ветра. Тогда сновидца охватывает панический страх, и он просыпается.

Это сновидение обнаруживает естественную символику. Сновидец опускается в свою собственную глубину, и дорога ведет его к воде, полной тайн. И здесь происходит чудо заводи Бетесда: сходит ангел и касается воды, приобретающей, таким образом, целебную силу. В сновидении это ветер, «дух, который дышит, где хочет». Чтобы вызвать чудо оживления воды, требуется нисхождение человека к воде. Дуновение духа, которое проносится над темной водой, кажется жутким, как все, чему нет причины или же она неизвестна. Этим намекается на невидимое присутствие, божественное начало, жизнь которому придало не человеческое ожидание и не намеренное действие. Оно проявляется во всей полноте, и человека охватывает трепет, ведь для него духом было лишь то, о чем думают, что сами делают, что значится в книгах или о чем

говорят люди. Если же это происходит внезапно, то это привидение; и примитивный страх охватывает наивный рассудок. Точно так же старики в Кении описывали мне работу ночного бога, которого они называют «создателем страха». «Он приходит к тебе, — рассказывали они, — как порыв холодного ветра, и ты дрожишь; или же он со свистом крутится в высокой траве»; это — африканский шимпанзе, который в

призрачную обеденную пору, играя на флейте, ходит в камыше и запугивает пастухов. Так опять в сновидении то же самое дуновение духа испугало пастора, пастуха паствы, пастора, который темной ночной порой вступил на камышовый берег реки в глубокой долине души. Именно к природе, к дереву, скале и водоему души спустился тот прежний огненный дух, как тот старик из «Заратустры» Ницше, уставший от человечества и ушедший в лес для того, чтобы рычать вместе с медведем в честь Творца. Если хочешь вновь обрести сокровище, данное наследство отца, — надо все же идти дорогой воды, всегда ведущей вниз. В гностическом гимне душе родители посылают сына на поиски жемчужины, которая пропала из короны отца-короля. Она покоится на дне охраняемого драконом глубокого источника в земле Египетской, вожделенном и упоенном мире изобилия психической и духовной природы. Сын и наследник отправляется на поиски драгоценности, но в оргии египетских вожделений забывает и про себя, и про свое поручение, пока письмо отца не напоминает ему о долге. Он отправляется к воде и погружается в темную бездну источника, на дне которого находит жемчужину, чтобы принести ее в конце концов наивысшему божеству.

Этот приписываемый Бардесану гимн возникает во времена, в ряде отношений напоминающие наши. Человечество искало источник, жаждало окунуться в него — и это была рыба, ставшая символом Спасителя. Когда писались эти строки, я получил письмо из Ванкувера, написанное неизвестной рукой. Автор удивлен своими сновидениями, постоянно занятыми только темной водой. «Почти все время я вижу сны о воде: то я принимаю ванну, то вода вытекает из клозета, то лопается водопровод, то я вылезаю из воды, то разливается ушат (когда я принимаю ванну) и т. д.».

Вода — это самый известный символ бессознательного. Озеро в долине — это бессознательное, которое в известной мере лежит ниже сознания; и именно поэтому часто называется «подсознательным», нередко с неприятным привкусом неполноценного сознания. Вода — это «дух долины»; водный дракон Тао, чья природа подобна воде; Янь вме-

щенный в Инь. Поэтому с точки зрения психологии вода означает: дух, который стал бессознательным. Потому и в сновидении теолога совершенно правильно рассказывается, что у воды он получает возможность воздействия животворного духа, как и при чудесном исцелении у заводи Бетесда. По-видимому, спуск в глубину всегда предшествует подъему'. Так, например, другому теологу снилось2, что он увидел на горе что-то вроде дворца святого Грааля3. Когда же он приблизился к горе, то, к своему великому удивлению, обнаружил, что его отделяет от горы пропасть, мрачное и глубокое ущелье, в котором шумит подземная вода. Вниз же вела крутая тропа, с трудом поднимавшаяся на другую сторону. Однако перспектива не обнадеживала, и сновидец проснулся. И здесь перед сновидцем, который стремится к светлой вершине, предстает необходимость погружения в темную бездну как непременное условие более высокого подъема. В этой бездне угрожает опасность, от которой уклоняется умник, упускающий вместе с тем и благо,

добиться которого можно лишь при помощи мужественного, но неблагоразумного риска.

Высказывание сновидца наталкивается на резкое сопротивление со стороны сознания, которое знает «дух» только как нечто пребывающее на вершине. Видимо «дух» всегда спускается сверху. Снизу приходит все мутное и порочное. При таком понимании дух означает наивысшую свободу. парение над бездной, освобождение от оков хтонического. и поэтому — пристанище для всех, кто хочет не бояться Вода же — бренно осязаема, она также жидкость овладев шего страстями тела, кровь и кровожадность, чутье зверя l отягощенная страстью телесность. Бессознательное — это ть

'Augustin. Confess. Lib. XIII, cap. XXI.

2 Неудивительно, что это опять сон теолога, потому что священник чисто профессионально занимается мотивом восхождения. Он настолько часто об этом говорит, что напрашивается вопрос: как же устроено его собственное духовное восхождение?

'Дворец святого Грааля — символ таинственного места, где хранится святой Грааль (священный сосуд, из которого пил Иисус Хрис тос и в который была собрана его кровь, обладает способностью чудес ного насыщения и исцеления). — Примеч. ред.

психика, которая простирается за дневной свет духовного и достаточно ясного сознания в ту нервную систему, которая с давних пор называется «симпатической» и которая не поддерживает восприятие и мышечную деятельность как цереброспинальная система, но господствует над окружающим пространством, сохраняя равновесие жизни. Не имея органов восприятия, она таинственными путями, благодаря совозбуждению не только извещает о сокровенной сущности другой жизни, но и скрыто влияет на нее. В этом смысле — это предельно коллективная система, подлинное основание всех participation mystique, в то время как цереброспинальная — путем обособления функций — достигает «Я-определенности» и постигает всегда лишь поверхностное и наружное, находящееся в пространственной связи. В последнем случае все переживается как внешнее, в первом же — как внутреннее.

Сегодня бессознательное слывет за нечто, похожее на замкнутую личную интимность, которую Библия называет «сердцем»- и, между прочим, понимает как источник всех порочных мыслей. В желудочках сердца живут дурные духи крови, вспыльчивый гнев и чувственное пристрастие. Так выглядит бессознательное, когда его рассматривает сознание. Ведь по большей части сознание кажется делом головного мозга, который все разделяет и на все смотрит в деталях, отчего и бессознательное рассматривается им как мое бессознательное. Поэтому все поголовно считают, что тот, кто погружается в бессознательное, обязательно оказывается в ограниченности эгоцентрической субъективности- и в этом тупике обречен нападению всех злых зверей, которых, вероятно, должна скрывать пещера душевного подземелья.

Конечно, смотрящий в зеркало воды видит сначала свой собственный образ. Идущий к самому себе рискует встретиться с самим собой. Зеркало не льстит, оно правдиво показывает тому, кто в него заглядывает, и именно то лицо, которое мы не показываем миру, потому что закрываем его «Персоной», маской актера. Зеркало же находится под маской и показывает истинное лицо. Это —

первая проба мужества на внутреннем пути, проба, способная отпугнуть большинство, потому что встретиться с самим собой более чем неприятно; и этого избегают, пока могут проецировать все негативное на окружение. Если способны, увидев собственную Тень, пережить знание о ней, то решена лишь малая часть задачи: по крайней мере, раскрыто личное бессознательное. Однако Тень — это живая часть личности, и поэтому она хочет в какой-либо форме сожительствовать. Ее нельзя уничтожить или же, напротив, превратить в несущественное. Разрешение этой проблемы намного сложнее, потому что этим вызывается не только появление целого человека, но одновременно ему напоминают о его слабости и о его бессилии. Сильные натуры (или, напротив, надо говорить о слабых?) не любят этого намека, выдумывают себе какой-то потусторонний героический мир добра и зла и разрубают гордиев узел, вместо того чтобы его развязать. Но рано или поздно все же придется расплачиваться. Надо только при знаться себе: существуют проблемы, которые собственными средствами просто нельзя решить. Такое признание имеет преимущество честности, истины и реальности, и вместе с тем закладывается основа для компенсаторной реакции коллективного бессознательного, т. е. только в этом случае начинают с благосклонностью внимать полезным фантазиям и воспринимать мысли, о которых раньше и слышать не хотели. Вероятно, следует обращать внимание на сны, которые наступают при определенных обстоя тельствах и представляют собой раздумья над событиями разыгрывающимися с нами как раз в это время. Если придерживаться подобной установки, то полезные силы дремлющие в глубинной природе человека, могут проснуться и вмешаться; ведь беспомощность и слабость вечные переживания и вечный вопрос человечества, и на это уже существует вечный ответ, иначе человек давно бы погиб. Даже если все, что можно было сделать, — сделано, то все равно останется сделать больше, даже если бы знать, что нужно делать. Сколько вообще человек знает о самом себе? По всему моему опыту — очень мало. Поэто-

му бессознательному остается очень большой простор. Как известно, подобная установка требуется для молитвы, поэтому она и производит соответствующее действие.

Необходимые и целительные реакции коллективного бессознательного выражаются в архетипически оформленных представлениях. Встреча с самим собой означает сначала встречу с собственной Тенью. Конечно, тень — это ущелье, узкий проход, чьей мучительной тесноты не удастся избежать никому, кто спускается в глубокий источник. Надо узнать самого себя, чтобы знать, кто ты такой; потому что все находящееся в тени неожиданно оказывается безграничным по протяженности, полным неслыханной неопределенности, кажущимся ни внутренним и ни внешним, ни верхом и ни низом, ни здесь и ни там, ни моим и ни твоим, ни добром и ни злом. Это — мир воды, в котором все живое находится во взвешенном состоянии, где начинается область «симпатики», души всего живого, где «я» неотделимо от того и от другого, где я переживаю в ее; • другого и другой переживается как «я». Коллективное бессознательное менее всего напоминает капсулированную личностную систему; это — всеобъемлющая и всеоткрытая объективность. «Я»

— есть объект других субъектов, при полной перевернутости моего обыденного сознания, в котором «Я» — всегда субъект, обладающий объектом. .В коллективном бессознательном «Я» в такой степени включено в непосредственное мирное единение, что слишком легко забывает, что же оно собой представляет на самом деле. «Потерявший самого себя» — хорошее выражение для обозначения этого состояния. Это «самого себя» — означает мир, т. е. тот мир, каким он видится, если бы на него смотрело сознание. Поэтому надо знать — кто ты такой. Ведь стоит лишь бессознательному прикоснуться к нам, как мы уже становимся неосознающими самих себя. Эта страшная опасность «неосознания» была инстинктивно известна примитивному человеку, она являлась предметом его ужаса, потому что примитив еще чрезвычайно близок к включенности в мир. Ведь его осознаваемость все еще ненадежна и слабо стоит на ногах; она

еще детская и только что возникла из пра-воды. Волна бессознательного может легко ее захлестнуть, и человек забывает, кем он был, и совершает такие вещи, в которых более не узнает сам себя. Именно поэтому примитивы боятся несдерживаемых аффектов, ведь в них сознание слишком легко тонет, и возникает одержимость. Оттого все стремления человечества направлены на укрепление сознания. Этой цели служат ритуалы, «representations collectives», догматы; они были дамбами и заграждениями, сооруженными против опасности погружения в бессознательное, против «потери души». Примитивный ритуал заключался в заклинании духа, в расколдовывании, в предотвращении злого предзнаменования, в примирительной жертве и очищении, т. е. в получении полезного результата магическим путем.

Эти заграждения, сооруженные с незапамятных времен, стали потом фундаментом Церкви. И эти же заграждения разрушаются, когда символы дряхлеют. Тогда вода поднимается, и бесконечные катастрофы обрушиваются на человечество. Религиозный лидер — Локо Тененте из Гобендадора — однажды сказал мне: «Пусть американцы прекратят разрушать нашу религию, ведь если она погибнет и мы больше не сможем помогать солнцу, нашему отцу, двигаться по небу, то и американцы, и весь мир проживут на более 10 лет, потому что солнце более никогда не взойдет». Это означает, что будет ночь, свет сознания потухнет и вторгнется темное море бессознательного. Человечество, примитивно ли оно или непримитивно, всегда стоит на грани тех дел, которые оно само совершает, но не властвует над ними. Все хотят мира, но все вооружаются, по аксиоме: «хочешь мира, готовься к войне» (если привести только один пример). Человечество ничего не может сделать по отношению к человечеству, а боги, как всегда, указывают ему направления судьбы. Сегодня мы называем богов «Факторами», что происходит от facere — делать. Дельцы стоят за кулисами мирового театра. И это как в большом, так и в малом. В сознании мы сами себе господа и, по-видимому,

сами являемся этими «факторами». Однако когда мы пе реступаем порог Тени, то с ужасом

убеждаемся, чтс мы— объекты факторов. Несомненно, знать такое неприятно: потому что ничего не разочаровывает сильнее, чем открытие нашей недостаточности. Возникает даже повод к примитивной панике, когда вдруг начинают подвергать сомнению верховную власть сознания, в которую прежде робко верили и охраняли и которая — на самом деле — является залогом человеческого успеха. Но так как невежество не гарантирует безопасности, а, напротив, опасность даже возрастает, то все же лучше, несмотря на весь страх, знать об угрожающей нам опасности. Правильно поставить вопрос— это уже наполовину решить проблему. Будем же на всякий случай помнить, что наибольшая опасность, угрожающая нам, происходит из беспредельности психической реакции. Поэтому проницательные люди уже с давних пор понимали, что, какими бы ни были внешние исторические условия, они являются только поводом для опасностей, действительно угрожающих существованию, для опасностей вроде социально-политических фантасмагорий, которые следует понимать не детерминистски (как необходимые последствия внешних условий), а как решение бессознательного.

Эта проблематика новая, т. к. во все времена вплоть до нашего в какой-либо форме верили в богов. И лишь неслыханное обеднение символики вновь привело к открытию богов, но уже как психических факторов, а именно как архетипов бессознательного. Пока еще это открытие может показаться сомнительным. Для того чтобы убедиться в нем, потребуется весь тот опыт, на который намекапо сновидение теолога; лишь после этого может быть опробовано главенство духа над водой. С тех пор как звезды упали с неба и поблекли наши высочайшие символы, в бессознательном царит тайная жизнь. Именно поэтому мы имеем психологию по сегодняшний день, и именно поэтому мы говорим о бессознательном. На самом деле, все это было бы и есть совершенно излишне для той эпохи и для той формы культуры, которые обладают символами. По-

тому что они — духи свыше, и в этом случае дух действительно пребывает наверху. В таком случае желание узнать и исследовать бессознательное стало бы совершенно бессмысленным и безрассудным предприятием; ведь бессознательное не содержит ничего, кроме безмолвного и нерушимого господства природы. Наше бессознательное не скрывает ничего, кроме оживленной воды, т. е. духа, ставшего природным, поэтому оно растревожено. Небо стало для нас физическим мировым пространством, а божественные эмпиреи — прекрасным воспоминанием о том, как это когда-то было. Но наше «сердце пылает», и тайное беспокойство подрывает корни нашего бытия; вслед за Волуспа мы можем спросить: «Что же Вотан бормочет голове Мимира, Уже бурлит ручей...»

Наше обращение к бессознательному — вопрос жизни. Речь идет о духовном бытии или небытии. Все люди, которые пережили сновидение, подобное упомянутому, знают, что клад покоится в глубине вод, и они будут пытаться поднять его. Если они не забудут, кем являются, то не утратят свое сознание ни при каких обстоятельствах. Таким образом, они удержатся на земле и вместе с тем превратятся — чтоб остаться в равновесии — в ловцов рыбы, которые удочкой и сетью ловят то, что плавает в воде. Все еще существуют абсолютные глупцы, не понимающие, что делают рыболовы. Пусть же последние не разочаруются в вековом смысле своего действия, потому что символ из ремесла на много веков старше, чем вечно юная весть о святом Граале. Но не каждый из нас — рыболов. Порой эта фигура останавливается на инстинктивной праступени, и тогда это выдра, как, например, мы знаем из сказки о выдре Оскара А. Н. Шмитца.

Всякий смотрящий в воду видит сначала свой собственный образ, но вскоре за ним внезапно возникает живое существо: это, вероятно, рыбы, безобидные жители глубины, — безобидные, если бы озеро не было для многих при-

зрачным. Это существа особого рода. Иногда рыбаку в сетк попадает русалка — женская, наполовину человеческая рыба1. Русалки — обольстительные существа.

Немного она тащила его, немного он погружался туда.

Но больше его не видели.

Русалка — это инстинктивная праступень колдующей женской сущности, которую мы обозначили Анима. Это могут быть также сирены, мелузины, лесные женщины, прелестницы и дочери лесного царя, ламины и демоны сладострастия2, смушающие молодых людей и высасывающие из них жизнь. «Эти фигуры являются проекциями тоскующего душевного состояния и предосудительных фантазий», — скажет морализующий критик. Не могу не согласиться с некоторой обоснованностью такого утверждения. Но является ли это абсолютной истиной? Действительно ли сущность русалки — всего лишь продукт морального расслабления? Разве не было этих существ давным-давно, даже в то время, когда сумеречное человеческое сознание было полностью привязано к природе? Ведь духи появились в лесах, полях и водных потоках намного раньше, чем возник вопрос о морали и совести. Кроме того, эти существа так сильно пугали, что их эротические аллюры были только относительной характеристикой. Сознание было тогда намного проще, и его актив был до смешного мал. Примитив радостно проецировал на широкие поля бесконечно больше того, что мы сегодня ощущаем как компонент нашей собственной психической сущности.

Слово «проекция» по сути дела плохо подходит для описания, потому что ничего из души не выбрасывалось, а, напротив, благодаря ряду актов интроекции3 психика стала

'Ср. Paracelsus. De vita longa — изданный Адамом Боденштейном в 1562 г. и мои комментарии в Paracelsica, 1943.

2 Ср. образ Адепта в Liber Mitus, 1677. Он удит рыбу и ловит русалку. Его soror mistica ловит силком птицу, которая представляется Анимус. Идея Анимы многократно встречается в литературе XVI и XVII вв. Так, у Richardus Vitus, Aldrovandus и у комментатора трактата см. мои замечания «О загадке V. Bologna» в «Misterium Cniunctionis».

^ntroiectio (лат.) — одушевление, наделение чувством. — Примеч. ред.

комплексностью, какой мы ее знаем сегодня. Ее комплексность возрастала пропорционально одухотворенности природы. Жуткая прелестница давних времен называется сей час «эротической фантазией», неприятным образом усложняющей наше душевное переживание. Нередко мы встреча ем ее как русалку или как суккубу; она постоянно видоизменяется. В образе ведьмы она вообще обнаруживает не сносную независимость, которая, собственно говоря, вроде бы и не

подобает психическому содержанию. То она пробуждает чары, с которыми не может тягаться как лучшее колдовство, то вызывает состояние страха, с которым нельзя сравнить никакое появление черта. Она — лукавая сущность, которая попадается нам на пути во многих превращениях и обличьях, творит всяческие проказы, служит причиной счастливых и несчастных заблуждений, депрессий и экстазов, неподвластных страстей и т. д. Даже в случае благоразумной интроекции русалка не утратила своей пронырливой сущности. Ведьма не перестала смешивать свои грязные любовные и смертельные напитки, но ее магический яд усовершенствовался (зримо, но от этого не менее опасно) до интриг и самообманов.

Откуда у нас берется мужество называть эту сильфид} Анимой? Ведь Анима значит «душа» и обозначает нечто очень удивительное и бессмертное. Однако так было не всегда. Нельзя забывать, что такой облик души является догматическим представлением, целью которого было преодоление и обуздание чего-то независимого и жизненного. Немецкое слово «душа» родственно (скорее всего, через готическую форму saiwalo) греческому ?????? слову, которое означает «взволнованный», «переливающийся разными цвета ми», т. е. что-то вроде бабочки — греческого ???? — которая в упоении кружится от цветка к цветку и живет медом и любовью. В гностической типологии «человек пси хический» (????????? ???????) стоит ниже «человека духовного» (?????? ?????), и, наконец, существуют просто дур ные души, место которым до скончания веков в аду. Даже совершенно невинная душа некрещеного младенца по меньшей мере лишена созерцания Бога. У примитивов душа —

магическое дуновение жизни (отсюда «anima») или пламя. Примерно то же говорится в одном неканоническом Слове Господнем: «Тот, кто вблизи Меня, вблизи огня». У Гераклита высшая ступень души — огненная и сухая, потому что ???? вроде более всего сродни «холодному дыханию»; ?????? означает дышать, ?????? — холодный, а ????? — прохладный.

Одушевленное существо — это живое существо. Душа — это живое в человеке, вне себя живущее и оживляющее. Для того Бог вдохнул в Адама дыхание жизни, чтобы он жил. Душа при помощи лукавства и шаловливого обмана соблазняет жизнью нежелающую жить косную материю. Она убеждает в сомнительных вещах и толкает к проживанию жизни. Она полна ловушек и капканов, чтобы человек падал, касался земли, запутывался, но оставался бы к ней привязанным — и проживал жизнь; так же как Ева в раю не могла отказаться от того, чтобы не убедить Адама в прелестях запрещенного яблока. Не будь оживления и мерцания души, человек при своей огромной страстности стал бы инертным, неподвижным. Определенный способ рассудительности выступает в защиту инертности, а определенный вид морали благословляет это. Иметь душу — значит иметь отвагу, потому что душа — это животворный демон, который разыгрывает эльфическую игру «под» и «над» человеческим существованием, он угрожает и умилостивляет односторонним наказанием и благословением, которое значительно превышает заслуженное человеком. Небо и преисподняя — это судьбы души, но не того умеренного человека, которому по его слабости и скудоумию совершенно неведомо, куда себя деть в Небесном Иерусалиме. Анима — это не догматическая душа, не anima rationalis как философское понятие, а природный архетип, который, вполне вероятно, лежит в основе всех высказываний бессознательного, примитивного духа, истории языка и религии. Она является фактором в собственном смысле слова. Ее нельзя создать, она то, что всегда априорно настроениям, реакциям, импульсам, или то, что, по крайней мере, существует до психической спонтанности. Она есть нечто живущее вне себя и заставляющее нас жить;

жизнь позади сознания не может быть им целиком интегрирована, а скорее напротив, из нее происходит последнее. Потому что психическая жизнь по большей части является бессознательной и охватывает сознание со всех сторон; эта мысль станет совершенно ясной, если мы хоть один-единственный раз отдадим себе отчет в том, а насколько вообще необходима бессознательная подготовка, чтобы, например, воспринимать что-либо органами чувств.

Иногда кажется, будто Анима представляет собой совокупность бессознательной душевной жизни, но она лишь один архетип из многих. Поэтому это — не абсолютная характеристика бессознательного, а только один его аспект. Фактически этим выражается его женственность. То, что не-Я, т. е. не-мужское, — скорее всего есть женское, и так как не-Я не принадлежит к Я и воспринимается поэтому как внешнее, то образ Анимы, как правило, всегда спроецирован на женщин. Каждому полу в известной степени присущ противоположный пол; ведь только один ген из всего генного набора определяет качество «мужественности». Меньшие по числу женские гены, вероятно, содействуют развитию женского характера, остающегося бессознательным по причине своей слабости.

С архетипом Анима мы вступаем в мир божественного, соответственно в область, которую оставила за собой метафизика. Все, к чему прикасается Анима, становится нуминозным, т. е. безусловным, опасным, неприкосновенным и магическим. Она — змея в раю простодушного человека, полного добрых намерений и замыслов. Она выдвигает убедительные причины, почему необходимо заняться бессознательным, пусть даже это разрушит моральные препятствия и освободит силы, которым лучше было бы оставаться в бессознательном. Как всегда, она не ошибается и здесь: ведь жизнь-в-себе — это не только благо, но и зло. И поскольку Анима хочет жизни — она хочет добра и зла. В эльфической сфере жизни таких категорий не существует. Телесная жизнь, так же как и психическая, проявляет бестактность и зачастую намного лучше обходится без условной морали и остается более здоровой. Анима верит в ?????

Kayawv, которое является более примитивным понятием чем образованная позже противоположность эстетика — мораль. Потребовалось длительное христианское дифференцирование для разъяснения, что добро не всегда прекрасно, а прекрасное вовсе не обязательно является добрым. Парадокс границы этих понятий так же мало утруждал предков как и примитивов. Анима — консервативна и истово придерживается старых правил. Поэтому она охотно появляется в исторических одеяниях, с особым пристрастием к Греции и Египту. Сопоставьте для этого хотя бы «классиков') Ридера Хаггарда и Пьера Бенуа. Грезы Ренессанса, любовные сновидения Полифило1 и Фауст Гете в равной мере сильно захвачены античностью, чтобы быть «Ie vrai mot de la situation». В первом случае заклинали Венеру, во втором — троянскую Елену. Анила Яффе набросала живой образ Анимы у обывателя и романтика2. Не будем умножать число несомненных свидетелей, потому что уже эти, безусловно, дают достаточно материала и достоверной символики для того, чтобы сделать наши размышления достаточно плодотворными. Тому, кто хочет знать, как появляется Анима в современном обществе, можно порекомендовать как нельзя лучше книгу Эскина «Троянская Елена». Она не без глубины, ведь дыхание вечности касается всего действительно жизненного. Анима — это жизнь

по ту сторону всех категорий, и потому она прекрасно обходится без унижений и восхвалений. Небесная королева и дурочка, попадающая впросак, — думал ли кто-нибудь над той, чей печальный жребий возведен в сонм божественных звезд в легенде о Марии?

Бессмысленная и беспорядочная жизнь, которая сама себя недостаточно заполняет, является предметом страха и обороны у человека, подвластного цивилизации, и нельзя не признать оправданность этого страха, потому что такая жизнь является источником всего вздора и всего трагизма. Поэтому с самого начала смертный человек при помощи

' Ср. Линда Фьер-Давид. Любовные сновидения Полифилс

1947.

2 Образы и символы из сказки Е. Т. А. Гофмана «Золотой горшок».

целительного инстинкта боролся со своей душой и ее демо низмом. Было бы значительно проще, если бы последний был недвусмысленно мрачным. К сожалению, это не так, потому что та же самая Анима может являться как ангел света, как психопомпос и вести к наивысшему смыслу (что доказывает Фауст).

Если столкновение с Тенью — дело подмастерья, то спор с Анимой — дело мастера. Отношение с Анимой — это опять же проба мужества и испытание огнем духовных и моральных сил человека. Никогда нельзя забывать, что Анима представляет собой относящиеся к психическому факты, которыми человек в определенной степени никогда прежде не обладал, потому что они, как проекции, задерживались большей частью за пределами его психической сферы. Сыну Анимы предстоит как превосходство матери, как остающаяся иногда на всю жизнь сентиментальная связь с ней, которая очень сильно вредит судьбе мужчины; или, наоборот, которая подвигает его на отважнейшие деяния. Античному человеку Анима представлялась богиней или ведьмой, зато средневековый человек заменил богиню — Небесной королевой и Матерью-Церковью. Потерявший символы мир протестантов сначала породил нездоровую сентиментальность, а затем обострение морального конфликта, который логически (именно из-за своей невыносимости) привел к ницшеанскому «По ту сторону добре и зла». В цивилизации это обстоятельство обнаруживается в растущей ненадежности брака. Процент бракоразводных процессов в Америке, во многих местах Европы не только достигнут, но чуть ли не превзойден, — и это доказывает, что Анима проецируется преимущественно на другой пол и порождает магически-сложные отношения. Как этот факт, так и другие случаи из патологии привели к возникновению современной психологии, которая в форме фрейдизма придерживается мнения, будто основной причиной всех нарушений является сексуальность — воззрение, только обостряющее уже существующий конфликт'. При этом

'Свою точку зрения я подробно изложил в кн.: «Психология превращений», 1946.

смешивается причина и следствие. Сексуальное нарушение отнюдь не причина невротических затруднений, а одно из патологических последствий; все это возникает из уменьшившейся согласованности сознания: сознание противостоит ситуации и задаче, до которых оно еще не доросло. Оно не понимает, как изменился мир и как ему надо приспособиться, чтобы опять соответствовать ему. «Народ, когда не понимает, несет отпечаток зимы», — гласит перевод одной корейской надписи.

Для Тени так же, как и для Анимы, недостаточно, чтобы об этих понятиях знали и размышляли. Точно так же никогда нельзя пережить их содержание, заимствуя его или проникаясь им. Совершенно бесполезно выучить наизусть перечень архетипов. Архетип — это комплекс переживаний, которые наступают фатально; их действие начинается в нашей личной жизни. Тогда Анима выступает уже не как богиня, а при известных условиях как наше всеобщее недоразумение или же как рискованнейшее предприятие. Когда, например, старый, весьма заслуженный ученый оставляет в 70 лет свою семью и женится на 20-летней рыжеволосой актрисе, то мы уверены — опять приносится жертва богам. Так демоническая сверхсила проявляется в нас. До недавних пор эту юную особу просто сожгли бы как ведьму.

По моему опыту, существует достаточно большое количество образованных и развитых людей, которые легко и непосредственно понимают идею Анимы и допускают ее относительную автономность (точно так же, как и феномея Анимуса у женщин). В этом отношении психологам необходимо преодолеть значительные трудности, хотя бы потому, что их ничто не вынуждает иметь дело с комплексными фактами, с теми фактами, которые знаменуют психологию бессознательного. Если же психологи являются одновременно и врачами, то им опять же мешает их соматическо-психологическое мышление, согласно которому психологические процессы можно выразить посредством интеллектуальных, биологических или физиологических понятий. Но психология — это не биология, не физиоло

гия и не какая-то другая наука, а всего лишь знание о душе.

Образ, который я раньше начертал для Анимы, не является точным. Хотя Анима предстает хаотическим жизненным порывом, однако наряду с этим ей присуща необыкновенная значимость, что-то вроде тайного знания или сокровенной мудрости при необычайном контрасте с ее иррациональной эльфической натурой. Здесь я мог бы опять сослаться на ранее цитируемых авторов. Ридер Хаггард называет «Ее» «дочерью мудрости», у Бенуа королева Атлантиды по меньшей мере обладала великолепной библиотекой, в которой была даже безвестно пропавшая книга Платона. Троянская Елена при своей реинкарнации освобождается мудрым Симоном Магусом из борделя в Тюрусе и сопровождает его в путешествии. Прежде я не упоминал об этом характерном аспекте Анимы вполне умышленно, потому что первая встреча с ней позволяет судить о чем угодно, только не о мудрости'. Этот аспект открывается только тому, кто спорит с Анимой. Лишь эта трудная работа позволяет в большей степени узнать2, что за всей этой жесткой игрой с человеческой судьбой кроется что-то вроде тайного замысла, который, по-видимому, соответствует продуманному знанию законов жизни. То, что недавно было неожиданным, беспокойно-хаотическим, — внезапно обнаруживает глубокий смысл. И чем больше познается этот смысл, тем больше Анима теряет свой вроде бы притеснительный и принудительный характер. Постепенно возникают дамбы против прилива хаоса; тогда осмысленное отделяется от бессмысленного, и благодаря тому, что смысл и бессмыслица более не идентичны, выделение смысла из бессмыслицы ослабляет силу хаоса, и смысл оснащается силами смысла, а бессмыслица — силами бессмыслицы. Таким образом, возникает новый космос. Об этом говорит

' Я вместо клинического материала ссылаюсь здесь на всеобщие доступные литературные примеры. Для наших целей вполне достаточно литературного примера.

вообще дискуссия о бессознательном является общим местом. Она представляет большую задачу процесса интеграции.

не только новое открытие медицинской психологии, но и древняя мудрость, исходящая из полноты жизненного опыта, который передается от отца к сыну в форме учений'.

Мудрость и глупость эльфического существа не только представляются одним и тем же, но они есть одно и то же, когда их изображает Анима. Жизнь глупа и значительна. И если над первым не смеяться, а над вторым не философствовать, то жизнь станет просто банальной, в таком случае все станет мизерным. А нужен лишь крошечный смысл и крошечная бессмыслица, В сущности говоря, ничто не имело бы значения, если бы не было мыслящего человека, ведь не было бы никого, кто толковал бы явления. Толкует лишь тот, кто не понимает. Только непонятное имеет значение. Человек пробудился в мире, которого он не понимал, и потому пытался его толковать.

Анима, а вместе с ней и жизнь кажутся незначительными лишь постольку, поскольку не допускают никакого толкования. И все же их сущность поддается объяснению, ведь во всяком хаосе есть космос и во всяком беспорядке — тайный порядок, во всяком произволе — устойчивый закон, потому что все действующее основано на противоположности. Чтобы понять это, требуется человеческий разум, низвергающий все, разрешающий все в антиномических суждениях. Когда он спорит с Анимой, то ее хаотический произвол дает ему повод догадываться о тайном порядке, т. е. за пределами ее сущности мы как бы пытаемся определить— «постулировать» — замысел, смысл и намерение, что, однако, совсем не соответствует истине. Потому что в действительности поначалу нельзя трезво размышлять, не помогут тут ни наука, ни философия, а только очень условно традиционное религиозное учение. Люди оказываются в плену и запутываются в бесцельных переживаниях, да и суждение со всеми его категориями оказывается бессильным. Человеческое объяснение обнаруживает свою полную несостоятельность, когда возникает бурная жизненная ситуация, к ней неприменимо никакое мыслимое толкование. Это момент катастрофы. Проис-

' Этому есть хороший пример в кн.: Шмальц Г. Восточная мудрость и западная психотерапия, 1951.

ходит погружение на последнюю глубину, как верно сказал Апулей: «Уничтожают равновесие по доброй воле». Это не искусственно-желаемый, а естественно-принуждаемый отказ от

собственного знания; не морально-расфуфыренное, добровольное подчинение и смирение, а окончательное недвусмысленное поражение, увенчанное паническим страхом перед деморализацией. Когда сломаны все преграды и укрепления, когда неоткуда ждать даже малейшей защиты, только тогда возникает возможность переживания архетипа, до сих пор скрывавшегося в многозначительной бессмыслице Анимы. Это архетип смысла, так же как Анима, представляет собой просто архетип жизни. Нам, правда, всегда кажется, что смысл моложе события, потому что мы с известным правом предполагаем, что человечество может существовать, даже если ничего предварительно не объяснено.

Однако как мы придаем смысл? Откуда, в конце концов, мы берем смысл? Формы нашего толкования — это исторические категории, простирающиеся в туманную старину (что обычно недостаточно четко представляют). Толкование пользуется определенными языковыми матрицами, которые, со своей стороны, опять же восходят к древнейшим образцам. Мы можем решить интересующий нас вопрос, обратившись вновь к истории языка, мотивов — и она в который раз непременно приведет нас в примитивный мир чудес. Возьмем, например, слово «идея». Оно восходит к понятию у Платона, а вечные идеи являются прообразами, хранящимися в занебесной области (?? ?????????? ????) как трансцендентные вечные формы. Глаз ясновидящего усматривает их в «образе и духе» (imagines et lares) или же в образе сновидения и являющегося видения. Или возьмем понятие «энергия», которое означает физическое явление. Прежде это был таинственный огонь алхимиков, флогистон, присущая веществу тепловая сила, подобная первотеплоте стоиков, или «вечно живой огонь» Гераклита (?????????), который уже совсем близок примитивном) представлению об универсально распространенной жизненной силе приращения и магического исцеления, последняя обычно обозначается как Мана.

Не буду без нужды нагромождать примеры. Этого достаточно, чтобы знать, что нет ни одной существенной идеи или представления, которое не обладало бы историческими предпосылками. В конечном счете в основе всего лежат архетипические праформы, чья наглядность возникла во времена, когда сознание еще не мыслило, а ощущало. Мысль была объектом внутреннего восприятия, она не мыслилась, а ощущалась как явление, ее, как говорится, видели или слышали. По существу, мысль была откровением, не выдумкой, а навязчивостью и, благодаря своей непосредственной предметности, убежденностью. Мышление предшествует примитивному Я-сознанию, будучи скорее его объектом, чем субъектом. Но даже мы еще не взошли на самую высокую вершину сознания и поэтому точно так же обладаем предсуществующим мышлением, чего, впрочем, не замечаем, пока привержены обычным символам; выражаясь на языке сновидения: пока не умер отец или король.

Как бессознательное мыслит и готовит разгадки, я хотел бы продемонстрировать на одном примере. Речь идет об одном молодом студенте теологии, которого я лично не знаю. У него были трудности, касающиеся его религиозных убеждений, и в это самое время ему приснился следующий сон: «Он стоял перед красивым стариком, одетым во все черное. Он знал, что это — белый маг. Последний как раз обратился к нему с длинной речью, из которой сновидец совсем ничего не помнил. Запомнились только заключительные слова: «А для этого нам потребуется помощь черного мага». И в тот же момент открылась дверь, и вошел очень похожий старик, только одетый во все белое. Он обратился к белому магу: «Мне нужен твой совет» и бросил

вопросительный косой взгляд на сновидца, на что белый маг сказал: «Ты можешь говорить спокойно, он безвреден». После этого черный маг начал рассказывать свою историю: он пришел из далекой страны, где произошло нечто удивительное. А именно, страной правил старый король, который, предчувствуя приближение смерти, выбрал себе надгробный памятник. В названной стране было много надгробий со старых времен, и король выбрал себе самое красивое. По

преданию, там была погребена молодая женщина. Король велел вскрыть надгробие, чтоб приготовить его для своих целей. Как только кости, находящиеся там, были подняты на свет, они внезапно обрели жизнь и превратились в черного коня, который тотчас же убежал в пустыню и там исчез. Он — черный маг, как только услышал об этой истории, тут же собрался на поиски коня. Через много дней пути он пришел по следу коня в пустыню и пересек ее на другую сторону, где опять начиналось пастбище. Там он встретил пасущегося коня и там же нашел то, из-за чего ему потребовался совет белого мага; а именно, там он нашел ключи от рая и теперь не знает, что дальше с ними делать».

В свете вышеприведенного рассуждения совсем нетрудно догадаться о смысле сновидения: старый король — это распространенный символ того, что вот-вот лишится вечного покоя, притом на том месте, где уже погребены подобные «доминанты». Его выбор, как нарочно, падает на могилу Анимы, которая, подобно Спящей Красавице, спит мертвым сном, пока законный принц (принц или princeps) не наладит или не выдавит жизнь. Когда король приходит к своему концу', Анима вновь обретает жизнь и превращается в черного коня, который в платоновском сравнении выражает неистовство, страстную натуру. Кто следует за ним, тот приходит в пустыню, в дикую и далекую от людей страну — образ духовного и морального одиночества. Именно там находятся ключи от рая. Чем же теперь является этот рай? Очевидно, что эдем с его двуличным древом жизни и познания и с его четырьмя реками. В христианском изложении — это также Небесный град Апокалипсиса, который, так же как и эдемский сад, мыслился в виде мандалы. Мандала же является символом индивидуализации. Итак, черный маг — это тот, кто находит ключи к разгадке (удручающих сновидца затруднений веры), ключи, открывающие путь индивидуализации. Антитеза пустыня — рай означает еще и другую антитезу: одиночество — индивидуализация, или самостановление. Эта

'Ср. мотив «старого короля» в алхимии.

часть сновидения одновременно является замечательной па рафразой изданного и истолкованного Хунтом и Гренфеле^ Слова Господня, согласно которому путь на небеса указы вают звери и где в увещевании говорится: «Потому познай те самих себя, что вы есть город, а город — государство» Дальнейшее также является парафразой змеи Рая, соблаз нившей прародителя на грех, который в дальнейшем, бла годаря Сыну Божьему, привел к спасению рода человеческого. Эта причинная связь дала известный повод для орфической идентификации змеи с Сотером (Спасителем,

Избавителем). Черный конь и черный маг — а это современный духовный продукт — в некотором роде злые элементы, на относительность которых к благу намекает подмена одежды. Оба мага являются двумя аспектами старика, величественного мастера и учителя, архетипа духа, который представляет предсуществующий смысл, скрываемый за хаотической жизнью. Он — отец души, которая странным образом оказывается его же девственницей-матерью, именно поэтому у алхимиков он назывался «древним сыном матери». Черный маг и черный конь соответствуют спуску в темноту в ранее упомянутом сновидении.

Какой невыносимо трудный урок для молодого студентатеолога! К счастью, он ничего не воспринял из того, что говорил ему во сне отец всех пророков, а также того, что великая тайна была близко- Может быть, удивляет нецелесообразность этого события? Что за расточительство? На это мне приходится только сказать, что мы не знаем, как этот сон подействовал на студента по прошествии длительного времени, и затем я должен подчеркнуть, что, по крайней мере, мне это сновидение рассказало очень много. Оно вряд ли потерялось, даже если сновидец его не понял.

Автор этого сновидения, очевидно, пытается представить добро и зло в их совместном функционировании, предположительно как ответ на все еще нерешенный моральный конфликт в христианской душе. Своеобразная относительность противоположностей определенно приближает его к идеям Востока, к нирване индуистской философии и освобождает от противоположностей, что проявляется как возможность реше-

ния конфликта путем его замирения. Насколько опасно осознание восточной относительности добра и зла, показывает индийская пословица: «Кому дольше идти к совершенству, тому, кто Бога любит, или тому, кто Бога ненавидит?» Ответ гласит: «Тому, кто любит Бога, для совершенства нужно 7 перевоплощений, а тому, кто Бога ненавидит, — только 3, потому что ненавидящий Его будет думать о Нем чаще, чем любящий Его». Освобождение от противоположностей предполагает их функциональную равноценность, что противоречит нашему, христианскому чувству. Как показывает наше сновидение, предписанная кооперация моральных противоположностей — природная истина, совершенно естественная для Востока: наиболее отчетливо это проявляется, вероятно, в даоистской философии. Конечно, и в христианской традиции существуют отдельные высказывания, которые приближаются к такому пониманию; напомню, к примеру, притчу о неверном Управителе'. Наше сновидение не представляет собой в этом отношении чего-то уникального, потому что тенденция к установлению отношений между противоположностями представляет очевидную особенность бессознательного. Однако сразу надо добавить, что это происходит только в случаях обостренной моральной щепетильности: в других случаях бессознательное может столь же безжалостно указывать на несовместимость противоположностей. Оно, как правило, имеет относительную к сознанию точку зрения. Вероятно, поэтому можно сказать, что наше сновидение предполагает специфические убеждения и сомнения теологического сознания прогестантского толка. Это означает ограничение содержания определенной областью проблематики. Но даже при таком ограничении сновидение со всей силой демонстрирует превосходство своей точки зрения. Поэтому его смысл так настойчиво выражен как мнение и голос именно белого мага, который в любом отношении значительно превосходит сознание сновидца. Маг является синонимом древнего мудреца, который по прямой линии восходит к образу колдуна в примитивном обществе. Как и Анима, он бессмертный демон, который пронизывает хаотическую темноту пустой жизни светом смысла.

'Лук., 16. — Примеч. пер.

Он — осеняющий. Учитель и наставник, психопомпос (проводник души), чьей персонификации не мог избежать даже «разрушитель скрижалей» Ницше: и он объявил-таки Его перевоплощение в Заратустре (которое по духу чуть ли не превосходит гомеровскую эпоху), сделал Его провозвестником своего собственного «дионисийского» озарения и экстаза. Правда, Бог для него умер, и демон мудрости стал, так сказать, воплощением Бога, когда он говорит: Вот стало-Одно — Двумя, И Заратустра проходит мимо меня.

Заратустра для Ницше — более чем поэтическая фигура, он — невольное исповедание. Он также заблудился во мраке дохристианской жизни, оторванной от Бога, и поэтому открывшееся и озаряющее явилось ему как говорящий источник его души. Отсюда происходит иератический (жреческий) язык Заратустры, ведь он является стилем этого архетипа.

При переживании этого архетипа современный человек испытывает древнейший способ мышления в качестве автономной деятельности, переживает ее только как объект. Гермес Трисмегист, или Тос герметической литературы, Орфей, Руамандрес и родственный ему Руаман Гермаса являются более широкими формулировками того же самого опыта. Если бы имя Люцифера не было таким предосудительным, то оно лучше всего подходило бы для этого архетипа. Поэтому я ограничился, назвав его «архетипом Старого Мудреца, соответственно Смысла». Как у всех архетипов, у этого также есть позитивный и негативный аспект на чем сейчас я не хотел бы останавливаться. Читатель най^ дет подробное изложение двуличности «Старого Мудреца» ? моем сочинении «О феноменологии духа в сказках».

Описанные ранее архетипы — Тень, Анима и Мудрец — таковы, что выступают персонифицированно в непосред ственном опыте. Из каких общих психологических предпосылок вытекает их опыт, я пытался разъяснить раньше. То, чтс я сообщил, было чисто абстрактной рационализацией. Мо

' Райтценштайн понимает пастыря Гермаса как христианский текст, конкурирующий с Руамандрой

жет быть, лучше изобразить процесс прямо, как он представляется в непосредственном опыте. В ходе указанного процесса архетипы встречаются в сновидениях и фантазиях в виде действующих личностей. Сам процесс изображается другим видом архетипов, которые в общем можно было бы обозначить как архетипы превращения. Последние являются не личностями, а, напротив, скорее типичными ситуациями, местами, средствами, путями и т. п., которые символизируют соответствующий вид превращения. Как архетипы личности, так и архетипы-превращения — это настоящие и истинные символы, которые нельзя исчерпывающе истолковать ни как знаки, ни как аллегории. Скорее, они настоящие символы, постольку поскольку многозначны, богаты предчувствиями и, в конечном счете, — неисчерпаемы. Основные принципы, начала бессознательного, несмотря на их понятность, — неописуемы (прежде всего, из-за богатства связей). Интеллектуальное суждение, конечно, всегда пытается установить однозначную связь между основными принципами, но тем самым утрачивает существенное; прежде всего надо себе

уяснить, что одна только многозначность соответствует бессознательному, его почти необозримая полнота связей всегда разрушает любую однозначную формулировку. Кроме того, эти основания принципиально парадоксальны, так же как дух у алхимиков слывет за «senex et iuvenis simul».

Если есть намерение представить себе символический процесс, то серия алхимических картинок является хорошим тому примером, несмотря на то что их символы — традиционны, даже если они зачастую имеют темное происхождение и значение. Прекрасньм примером является восточная тантрическая система чакр и мистическая нервная система' китайской йоги. Создается такое впечатление, будто серии образов Тано являются производными архетипов превращения, что мне подтвердил разъясняющий доклад Бернулли2.

'Arthur A val о п. The Serpent Power Being. The Stat-Chakra, Nirupane and Paduka-Panchaka.

Руссе л Е. Духовное руководство в живом таоизме, 1933. Бернулли Р. Символика геометрических фигур и цифр, 1934. —

Примеч. пер

Символический процесс — это переживание в образе и образа. Его дальнейшее движение обнаруживает, как правило, нелинейную структуру как текст I bing1; он представляет собой ритм отрицания и утверждения, утраты и приобретения, света и тьмы. Его начало почти всегда характеризуется тупиком или другой невозможной ситуацией; выражаясь обобщенно, его цель — просветление или более высокая сознательность, преодолевающая исходную ситуацию на более высоком уровне. Процесс можно изобразить сжатым во времени, в одном-единственном сне или в коротком моменте переживания, или же он может длиться месяцы и годы, в зависимости от характера исходной ситуации индивида, который погружен в процесс, а также от преследуемой цели. Само собой разумеется, что богатство символов колеблется очень сильно. Несмотря на то что сначала все переживается в образе, так сказать, символически, речь идет вовсе не о «детской опасности», а об очень серьезной ответственности, от нее (при известных условиях) может зависеть даже судьба. Главная опасность состоит в подверженности ослепляющему влиянию архетипов, что очень легко может произойти, если архетипичные образы не будут осознаны. При определенном психологическом предрасположении и при определенных условиях архетипические фигуры, и без того сильные своей естественной нуминозностью, могут приобрести известную автономность, целиком освободиться от контроля сознания и достигнуть полной независимости, т. е. вызвать феномен одержимости. Например, при Анима-одержимости больной хочет путем самокастрации превратиться в женщину по имени Мария или опасается, что насильственным образом учинят над ним что-то подобное. Примером тому служит известный Д. П. Шребер (Запись достопримечательного заболевания. Лейпциг, 1903). Больные часто обнаруживают совершенную мифологию Анимы с многочисленными архаическими мотивами. Случай подобного рода обнародован в свое время Нелкеном2. Другой пациент сам записывал

"Das Buch der Wandlungen, 1924. — Примеч. пер. 2 Аналитические наблюдения над фантазиями больного шизофренией.

и комментировал свои переживания в дневнике'. Я упомянул об этих случаях потому, что всегда находятся люди, которые полагают, будто архетипы являются игрой моего субъективного воображения. Что в болезнях духа обнаруживается насильственно, при неврозе остается скрытым, отошедшим в тень, но влияющим оттуда на сознание. Когда анализ проникает на задний план феноменов сознания, то он обнаруживает те же самые архетипические фигуры, которые населяют психотический делирий2. Last not least доказывают многочисленные литературно-исторические документы, ведь с помощью этих архетипов говорится о нормальных видах фантазии, которые встречаются практически повсюду, а не о порождениях психической болезни. Патологический элемент состоит не в факте существования этих представлений, а в диссоциации сознания, которое более не способно управлять бессознательным. Поэтому во всех случаях диссоциации встает необходимость интеграции бессознательного с сознанием. Речь идет о синтетическом процессе, который я обозначил как «процесс индивидуализации». Этот процесс, по существу, соответствует естественному течению жизни, при котором индивид становится тем, кем он был всегда. Однако подобное развитие протекает далеко не гладко; оно многообразно варьируется и нарушается, когда сознание вновь и вновь отклоняется от архетипической основы и оказывается в противоречии с ней. Именно тогда возникает необходимость синтеза обоих позиций. Последнее соответствует психотерапии на примитивной ступени, где она происходит в форме восстановительных ритуалов. Примерами являются австралийские обратные идентификации с предками времен угря, идентификация с сыновьями солнца у таосцев, апофеоз солнца в мистериях Изиды у Апулея и т. д. Терапевтический метод комплексной психологии состоит, собственно, с одной стороны, в наиболее совершенном доведении до сознания воздействующего бессознательного содержания и, с другой стороны, в синтезе его с сознанием посред-

'John Custance. Wisdom, Magness and Folly, 1951. delirium (нем.) — бред. — Примеч. ред.

ством акта познания. Только культурный человек обладает такой большой диссоциабельностью и постоянно ею пользуется, чтобы уклониться от возможных рисков; но все это крайне неустойчиво. Вероятно, и познание что-то взяло от такого поведения. Надо признать указанную безрезультативность познания и настаивать на осмысленном применении его. Одно только познание, как правило, ничего не совершает и не имеет нравственной власти над собой. В таких случаях становится ясно, насколько исцеление неврозов является моральной проблемой.

Поскольку архетипы относительно автономны, как все нуминозные элементы, то они не могут быть просто рационально интегрированы, а требуют диалектического поведения, т. е. своеобразного спора, который часто проводится с пациентом в форме диалога. Пациент часто и не

подозревает, что осуществляет алхимическую дефиницию медитации, а именно «внутренний диалог со своим добрым ангелом»'. Этот процесс, как правило, протекает драматически со многими перипетиями. Он выражается или сопровождается символами сновидений, родственных тем «representation collectives», которые с давних пор изображали процесс душевного превращения в форме мифологического мотива2.

В рамках лекции я должен ограничиться обсуждением лишь некоторых примеров архетипов. Я выбрал те, которые играют главную роль при анализе мужского бессознательного, а также попытался мало-мальски наметить психический процесс превращения, в котором они появляются.

Описанные здесь фигуры Тени, Анимы, Старого Мудреца вместе с соответствующими фигурами женского бессознательного подробно изложены в моих статьях о символике Самости, а отношение процесса индивидуализации к алхимической символике я также исследовал более подробно в «Психологии и алхимии».

'Rulaiiiias. Lexicon AkheiiUi-\il,, !я12. Укажу на «Символы превращения», 1952

О феноменологии духа

Непоколебимое «правило игры» естествознания — всегда полагать свой предмет известным лишь постольку, поскольку о нем можно высказать нечто научно достоверное. Однако в этом смысле достоверным является лишь то, что может быть доказано фактами. Например, природное явление. В психологии к важнейшим феноменам относится высказывание, и в особенности его формальный и содержательный способ проявления, причем последнему аспекту, принимая во внимание сущность психики, принадлежит, может быть, даже большее значение. Соответственно задача, которая встает прежде всего, — это описание и упорядочение происходящего, после чего следует скрупулезное исследование закономерностей того же, но в их жизненном поведении. Вопрос о субстанции наблюдающего возможен в естествознании только там, где обретается внешняя Архимедова точка опоры. У психики отсутствует внешняя точка опоры, потому что ведь только психика может наблюдать психику. Вследствие этого невозможно познание психической субстанции, по крайней мере, нашими нынешними средствами. Вместе с тем не исключено, что и атомная физика будущего также не сможет нам представить эту Архимедову точку. Но пока что проблема эта остро стоит в изучении психики, где даже самое хитроумное наше измышление в состоянии констатировать не более того, что можно выразить простой констатацией: так ведет себя психика. Честный исследователь — вежливо или благоговейно — оставит в стороне вопрос о субстанции. Я полагаю, что совсем не излишне уведомить моего читателя о необхо-

димом, равно как и добровольном самоограничении психологии, с тем чтобы он был в состоянии понять отнюдь не всегда постигаемую феноменологическую точку зрения современной психологии. Эта точка зрения не исключает наличие веры, убеждения и переживаний всех видов, но опровергает их возможную научную ценность. Сколь же велико их значение как для индивидуальной, так и для коллективной жизни, но все же психологии недостает всех средств,

чтобы доказать их достаточность в научном смысле. Можно сожалеть о такой несостоятельности науки, но вместе с тем нельзя сделать ее способной перепрыгнуть через собственную голову.

I. О СЛОВЕ «ДУХ»

Немецкое слово «дух» обладает столь большой областью применения, что требуется некоторое усилие, чтобы вообразить, что же под всем этим имеется в виду. Духом обозначается тот принцип, который составляет противоположность материи. Под ним подразумевают некую имматериальную субстанцию или существование, которые на самой высокой и универсальной ступени называются «Богом». Эту имматериальную субстанцию представляют также в качестве носиталя психического феномена или даже жизни. Такому пониманию противоречит противоположение духа— природе. Здесь понятие духа сокращено до сверх- или противоестественного, оно утратило субстанциальную связь с душой и жизнью. Подобная утрата и объясняет, почему Спиноза считает дух лишь атрибутом единой субстанции. Но еще дальше идет гилозоизм, который понимает духовное как

свойство вещества.

Общераспространенное воззрение рассматривает дух как более высокий, а душу — как более низменный принцип деятельности; у некоторых алхимиков, наоборот, дух слывет за функцию души и тела, при этом он, очевидно, мыслится как Spiritus vegetativus (грядущий дух жизни и нервов).

Точно так же всеобщим является мнение, будто дух и душа, по существу, являются одним и тем же, а поэтому могут быть разделены лишь произвольно. У Вундта дух считается «внутренним бытием, если при этом никакая связь с внешним бытием не принимается во внимание». У остальных дух ограничен некоторыми психическими возможностями, функциями или свойствами, такими, как мыслительные способности и разум, в противоположность более «душевным» наклонностям. У них дух означает совокупность феноменов рационального мышления, соответственно интеллекта (включая волю, память, фантазию, созидательную силу и стремления, обусловленные идеальными мотивами). При более широком толковании дух означает «одухотворение, бытие», под чем понимают многостороннее, разнообразное, изобретательное, блистательное, остроумное и неожиданное функционирование рассудка. Кроме того, духом называется некоторая установка или ее принцип, например воспитание в «духе Песталоцци» или «дух Веймара есть непреходящее немецкое наследие». Особый случай — это дух времени, который представляет собой принцип или мотив определенных воззрений, мнений и поступков коллективной природы. Существует еще более широкий, так называемый объективный дух, под которым понимают общее состояние всех культурных творений человечества, в особенности интеллектуальной и религиозной природы.

Дух, понимаемый как установка, в обычном употреблении имеет несомненную склонность к персонификации: дух Песталоцци может быть его духом даже в более конкретизированном смысле, т. е. его воображением или призраком, так же как духи Веймара могут быть личными духами Гете и Шиллера, потому что духом называется еще и привидение, т. е. душа умершего. «Свежее дуновение духа» указывает, с одной стороны, на генетическое родство ????1 с ??????2 и ?????3, так как оба означают холодное, а с другой стороны, — на исходное значение ??????, то есть «взволно-

'???? (греч.) — дыхание, душа, дух.

'?????? (греч.) — холодный, прохладный, свежий, освежительный

'????? (греч.) — холод, стужа, прохлада.

ванный воздух», так же как animus и anima — ?????? (ветер). Немецкое слово «дух», вероятно, больше всего связано с пенящимся и кипящим, почему нельзя отмахнуться, с одной стороны, от его родства с пеной (gischt, gascht, gheest), с другой стороны — от эмоциональности aghast'. Ведь с давних пор эмоция понимается как одержимость, и поэтому еще сегодня говорят, что кто-то вспылил, взбеленился и одержим либо чертом, либо каким-то злым духом, или будто некто подобный в него проник2.

Как духи и души покойников имеют, по древнему воззрению, тонкоматериальное строение, подобное дуновению воздуха или дыму, точно так же у алхимиков Spiritus означает субтильную, volatile3 активную, живительную сущность; в качестве таковой, например, понимался алкоголь, а также все без исключения аркан-субстанции. Дух на этой ступени есть дух вина, нашатыря, муравьиного спирта и т.д.

Эти две дюжины значений и нюансов слова «дух» затрудняют, с одной стороны, психологу понятийное отмежевание своего предмета, с другой — облегчают ему задачу описания своего предмета, т. к. множество различных аспектов передает наглядный образ феномена. Речь идет о функциональном комплексе, который первоначально, на примитивной ступени ощущался как невидимое, духовное— а presence — присутствие. Вильям Джеймс наглядно изобразил этот прафеномен в своем труде «Многообразие религиозного опыта». Известный всем пример — ветер чуда Пятидесятницы. Для примитивного опыта немедленно напрашивается персонификация невидимого присутствия как привидения или демона. Духи и души покойников суть то же самое, что и психическая деятельность живущих; ее-то они и продолжают. Представление, будто психика есть дух, выражена здесь без околичностей. Поэтому, если в индивиде происходит нечто психическое, воспринимаемое им как свое, то это его собственный дух. Если, однако, случается

' Ср. ?????? — отступать, удаляться.

2 Ср. мои высказывания в: Geist und Leben // Seelenprobleme der Gegenwart, 1931. S. 369.

'Volatile (фр.) — улетучивающееся, легко испаряющееся. — Примеч. пер.

с ним нечто психическое, которое кажется ему чужеродным, то это какой-то другой дух, вызывающий одержимость. В первом случае дух соответствует субъективной установке, в последнем — общественному мнению, духу времени или первоначальной, еще нечеловеческой, антропоидной диспозиции, которая называется также и бессознательным.

В соответствии с исконной ветровой природой духа последний есть уже активная, окрыленная,

оживленная. взволнованная, так же как и живительная, возбужденная. волнующая, воодушевляющая, вдохновенная сущность Дух, выражаясь современно, — что-то динамическое, и поэтому он составляет классическую противоположность материалу, а именно его статике, инертности и неоживленноси. Это — в конечном счете — противоположность жизни и смерти. Последующая дифференциация этой противоположности приводит к поистине достопримечательному противопоставлению духа природе. Хотя сущностно дух — это оживленное и оживляющее, нельзя все же ощущать природу как недуховную и мертвую. Стало быть, здесь скорее всего говорится о (христианской) гипотезе духа, жизнь которого так превосходит жизнь природы, что последняя относится к нему как смерть.

Эта особая разработка представлений о духе зиждется на признании того, что невидимое присутствие духа есть психический феномен, т. е. собственно дух, и что этот дух существует не только в жизненных всплесках, но и в содержательных формациях. Среди первых особенно выделяются образцы и отображения, заполняющие внутреннее поле зрения, а среди последних — мышление и рассудок, упорядочивающие мир образов. Сверхдух превозносится над первоначальным природным духом жизни и даже противопоставляется последнему, как только лишь природному. Сверхдух стал сверхприродным и надмировым, космическим принципом порядка, он получил, в качестве такового, обозначение «бог» или же стал, по крайней мере, атрибутом единой субстанции (как у Спинозы) или личностью божества (как в христианстве).

Соответствующее развитие духа в обратном, гилозоическом направлении, a maiori ad minus', имело место в материализме под знаком антихристианства. Предпосылкой такой инволюции является (достигшая исключительной уверенности) идентичность духа с психическими функциями, зависимость которых от мозга и обмена веществ становилась все более ясной. По всей вероятности, «единой субстанции» дали только другое имя и назвали ее «материей», чтобы породить понятие «дух», которое, безусловно, зависело от питания и внешнего мира и чьей наивысшей формой были интеллект, или разум. Тем самым первоначально духовное присутствие очутилось как бы полностью в области человеческой психологии, и только один Клагес сумел выдвинуть свое обвинение против «духа как противника души». Дело в том, что при таком понимании духу отказывалось в праспонтанности, после чего он был низведен до несвободного атрибута вещества. Где-нибудь, конечно же, свойственное духу качество deux ex machina2 осталось сохранным — если не в нем, то все же в его первоначальном синониме, в душе, в переливающейся разными цветами3 и напоминающей бабочку духовной сущности (anima, ????). Хоть материалистическое понимание духа распространилось не повсеместно, все же понятие духа застряло вне религиозной сферы, в рамках феноменов сознания. Дух в качестве «субъективного духа» стал обозначением для эндопсихических феноменов как таковых, в то время как «объективный дух» означал совсем не объективный дух или божество, а совокупность интеллектуальных достояний — достояний, которые составляют наши человеческие институты и содержимое наших библиотек. Дух повсеместно лишился своей изначальной сути, своей автономии и спонтанности; редкое

? maiori ad minus (лат.) — от большего к меньшему. — Примеч. ред. id e u x ex machina (лат.) — бог из машины; неожиданно, внезапно, вдруг. — Примеч. пер.

Душа, др. — германское saiwalo, родственна, вероятно ????? (блистающий, подвижный, изменчивый). Это слово имеет также значение лукавого и обманчивого, благодаря чему алхимическая дефиниция Анимы как Меркурия получает некоторое правдоподобие.

исключение составляет область религии, где, по крайней мере, у духа в принципе остался сохранным его прахарактер.

В этом резюме была описана сущность, которая предстает как непосредственно психический феномен в противоположность другим психизмам, чье существование каузально обусловлено, по наивному воззрению, физическими влияниями. Отношение духовной сущности к физическим условиям не явствует воочию, почему духовным феноменам и приписывается имматериальность, и даже в большей степени, чем это допускается у душевного явления в узком смысле. Последнему примысливалась не только известная зависимость от физического, но даже некоторая вещественность, о чем свидетельствует идея о subtle body и китайское воззрение о кийя-душе. Все же нельзя себе представить тотальную невещественность душевного при тесной связанности некоторых, пока еще психических процессов с физическими параллельными явлениями. Вопреки этому consensus omnium' настаивает на имматериальное™ духа, при этом за ним, разумеется, не признается не то что вся, но даже собственная субстанциальность. Однако совсем не просто уразуметь, почему реальной должна быть только гипотетическая материя (которая сегодня выглядит уже совершенно иначе, чем 30 лет назад), а дух — нет. Хотя понятие имматериальности само по себе ни в коем случае не исключает реальности, но дилетантское воззрение все же постоянно связывает действительность с вещественностью. Дух и материя являются именно формами трансцендентального в-себе-бытия. Так, например, тантристы точно с таким же правом говорят, что вещество есть не что иное, как определенность мыслей бога. Единственная непосредственная действительность — это психическая действительность содержаний сознания, которые в какой-то мере несут на себе отметину своего духовного или материального происхождения.

Духовной сущности, во-первых, свойствен принцип спонтанного движения и деятельности, во-вторых, способность свободного порождения образа помимо чувственного восприятия и, в-третьих, автономное и суверенное мани-

'Consensus omnium (лат.) — общее согласие. — Примеч. пер.

пулирование образами. Эта сущность противостоит примитивному человеку, но по мере успешного развития она оказывается в области человеческого сознания и становится функцией, которая, будучи ему подчиненной, видимо, утрачивает свой первоначальный автономный характер. Последнего утверждения придерживаются только лишь самые консервативные

воззрения, а именно — религии. Нисхождение духа в сферу человеческого сознания отражено в мифе о божественном uou?', который попадает в плен к ?????2. Этот процесс, длящийся тысячелетия, есть все же неотвратимая необходимость, в отношении которой религии оказались бы в безнадежном положении, если бы они уверовали в том, что развитие можно задержать. Но если они руководствуются благими помыслами, то их задача не препятствовать неизбежному ходу вещей, а, скорее, способствовать протекать ему без фатальных ущербов для души. Поэтому религии должны всегда, снова и снова напоминать о первоначале и о первоначальном характере духа, чтобы человек не забывал, что он вовлекает в свою сферу и чём он наполняет свое сознание. Человек ведь не сам сотворил дух, а дух делает то, что творит; дух дает человеку побуждения, счастливые затеи, терпение, воодушевление и вдохновение. И он настолько пронизывает человеческую сущность, что человек стоит перед тяжелейшим искушением вообразить себя творцом самого духа. В действительности же прафеномен духа овладевает человеком точно так же, как физический мир. Будучи уступчивым объектом человеческих помыслов лишь по видимости, дух в действительности сковывает свободу человека тысячью оков и становится навязчивой idee force3. Дух угрожает человеку инфляцией души, что поучительнейшим образом доказало наше время. Опасность будет тем больше, чем больше внешний объект приковывает интерес и чем более забывают, что вместе с дифференциацией наших связей с природой рука об руку будет идти такая же дифференциация с духом, создавая тем

'uou^ (греч.) — ум, разум. — Примеч. пер. vi/uou; (греч.) — природа. — Примеч. пер. Idee force— движущая идея. — Примеч. ред.

самым необходимое равновесие. Если внешнему объекту не противостоит внутренний, то возникает необузданный материализм, спаренный с обманчивым самопревозношением или, напротив, принижением автономной личности, что так или иначе является идеалом тоталитарного народного государства.

Как замечено, всеобщее современное понятие духа плохо согласуется с христианским воззрением, поскольку сам дух понимается как summum bonum', как сам Бог. Конечно, существует также понятие злого духа. Однако и им нельзя охватить современное понятие духа, потому что последний не неизбежно является злым; напротив, его следует считать морально индифферентным или нейтральным. Когда в Писании говорится: Бог есть Дух, то это звучит как дефиниция субстанции или как некое именование. Однако черту, по всей видимости, подходит то же самое своеобразие духовной субстанции, хотя злой и испорченной. Исходная идентичность субстанции выражается в мысли об ангельском падении, а также в тесной связи Яхве и Сатаны в Ветхом завете2. Эта примитивная связь, вероятно, отражена в «Отче наш»: «Не введи нас во искушение», чем и подчеркивается подлинное дело искусителя, самого черта. Тем самым мы переходим к вопросу, которого вовсе не затрагивали ранее. До сих пор мы привлекали культурно-исторические и распространенные воззрения человеческого сознания и его рассуждений, чтобы составить себе представление о психическом проявлении «духа». Мы, однако, не учли того, что дух в силу своей первоначальной и психологически также несомненной автономии3 вполне в состоянии обнаружить себя.

'Summum bonum (лат.) — высшее благо, добро, Бог. — Примеч. ред. 2 См.: R. S c h a r t. Die gestalt des Satans im Alten Testament // Symbolik des geistes. Zurich, 1953.

'Даже если существует представление, что самооткровение духа, например духовное явление, есть не что иное, как галлюцинация, тем не менее это спонтанное (неподвластное нам, произвольное) психическое событие. Во всяком случае, это автономный комплекс, что совершенно достаточно для нашей цели.

2. САМОИЗОБРАЖЕНИЕ ДУХА В СНОВИДЕНИЯХ

Психическое проявление духа совершенно ясно указывает на то, что оно по природе архетипично. Иными словами, феномен, называемый духом, зиждется на существовании некоего автономного праобраза, который предсознательно существует в качестве универсальной предрасположенности человеческой психики. Как во всех подобных случаях, с этой проблемой я столкнулся у моих пациентов при исследовании их сновидений. Прежде всего меня поразило, что известный всем вид отцовского комплекса имеет, так сказать, «духовный» характер, т. е. от образа отца исходят высказывания, поступки, тенденции, побуждения, мнения и т. д., в отношении которых совершенно не возбраняется использование термина «духовный». У мужчин позитивный комплекс отца приводит нередко к некоторой авторитарной набожности и к выраженной готовности подчиняться всем духовным уставам и ценностям; у женщин — к ярким духовным устремлениям и интересам. В сновидениях — это фигура отца, от которой исходят решительные убеждения, запреты, советы. Невидимость источника часто подчеркивается тем, что он состоит лишь из авторитарного голоса, который выносит окончательный приговор1. В большинстве случаев это фигура старого человека, символизирующая фактор «духа». Иногда же это — «собственно» дух, а именно дух покойника, который играет ту же роль. Реже — это гротескные, гномообразные фигуры или же говорящие и ведающие животные. Карликовые формы, как свидетельствует мой опыт, встречаются главным образом у женщин. Вот почему мне показалось логичным, когда Барлах в «Мертвом дне» приписывает матери карликовую фигуру «хвостатой бороды», тогда как у Карнаха Бес идентифицируется с Богоматерью. Дух может также появляться у обоих полов в образе отрока или юноши. У женщин эта фигура соответствует так называемому «позитивному» Анимусу, который указывает на возможность сознательного духовного предприятия. У мужчин этот образ не столь однозначен. Он

'Соответствующий случай представлен в «Psychologie und Alchemic», Q. Auflage. 1952. S. 79.

может быть позитивным и имеет тогда значение «важной особы», Самости или filius regius, как понимают его алхимики'. Он может быть также и негативным и означает тогда инфантильную тень2. В обоих случаях отрок изображает некоторый дух3. Старец и подросток связаны друг с другом. Эта пара играет также значительную роль в алхимии как символ Мекруия.

Никогда нельзя констатировать со стопроцентной уверенностью, что фигуры духа в сновидениях нравственно добры. Часто они имеют не только все приметы двусмысленности, но также злостности. Однако я должен подчеркнуть, что большой план, согласно которому сконструирована бессознательная жизнь души, настолько недоступен нашей проницательности, что мы никогда не в состоянии знать, какое зло необходимо, чтоб приблизиться посредством энантиодромии к благу, и какое благо совращает ко злу. «Probate Spiritus»4, которое рекомендует

апостол Павел, часто, при всем желании, является не чем другим, как столь же предусмотрительным, как и снисходительным выжиданием, что же из этого в конце концов получится.

Образ старого мудреца может появляться в сновидениях, но также и в видениях медитации (или так называемой «активной имагинации») так пластично, что он, как это порой случается в Индии, перенимает роль гуру5. Старый мудрец появляется в сновидениях как маг, врач, священник, ' Сюда относится видение «нагого подростка» у Майстера Экхарта.

2 Я припоминаю «подростка» в новелле Бруно Гетца «Das Reich ohne Raum». 0 фигуре божественного подростка ср. также Jaff, A., Hermann Broch. Der Tod des Vergil. Ein Beitrag zum Problem der Individuation // Studium zur Analyt. Psychologie. C. G. Yung. Bd. 2. Zurich, 1959. Festchrift zum 80. Gerurtstag von C. G. Yung.

3 Ср. «божественное дитя». Yung, К е ге n g i: Einfubrung in den Wesen der Mythologie, 1941.

Probate Spiritus (лат.) — испытание духа. — Примеч. ред. 5 Об этом много диковинных историй в rishis & mahatmas. Один образованный индус, с которым я беседовал о сущности гуру, ответил мне на вопрос, кем был его гуру: «Это был Sankaracharya» (8—9 вв.). Изумленный, я заметил: «Но ведь это известный комментатор». На что он возразил: «Да, это был он, конечно же, его дух», причем его ни в малой степени не беспокоило мое западное удивление.

учитель, профессор, дед или какая-нибудь особа, которая обладает авторитетом. Архетип духа в образе людей, гномов и животных выступает, смотря по обстоятельствам, в ситуации, в которой благоразумие, понимание, добрый совет, решение, замысел и т. д. были бы необходимы, но не могут быть произведены собственными средствами. Архетип компенсирует такое состояние духовного изъяна, заполняя этот пробел содержаниями. Превосходным примером такой компенсации является сновидение о белом и черном маге, о котором я упоминал в сочинении «Об архетипах коллективного бессознательного». Это сновидение пыталось компенсировать духовные .затруднения одного юного студента теологии. Компенсация здесь происходила, конечно, не так, как хотелось бы, но он столкнулся с проблемой, которую я обрисовал выше и подобную которой нам снова и снова преподносит жизнь, а именно сомнительность морального оценивания, сбивающая с толку сыгранность добра и зла, il неумолимое сцепление вины, страдания и избавления. Это — верный путь к религиозному праопыту, однако сколь многие могут его познать? Путь этот — едва слышный голос, который звучит издалека. Этот голос — двусмыслен, сомнителен и темен, он означает опасность и риск; невидимую тропу, по которой могут идти только во имя Бога, без уверенности и без одобрения.

3. ДУХ В СКАЗКАХ

С величайшим удовольствием я бы представил моему читателю побольше материала из современных сновидений. Боюсь, однако, что индивидуализм сновидений предъявляет слишком большие требования к изложению и займет много места, коим мы не располагаем. Поэтому лучше обратиться к фольклору, где мы избавлены от конфронтации и суматохи индивидуальной

казуистики и можем рассматривать вариации мотива духа без необходимости принимать в расчет более или менее неповторимые индивидуальные ус-

ловия. В мифах и сказках, так же как и в сновидениях, душа высказывается о себе самой, а архетипы обнаруживаются в своей естественной сыгранности, как «оформление и преобразование вечного смысла вечного содержания».

Частота, с которой тип духа встречается в сновидениях в виде старика, приблизительно соответствует частоте появления духа в сказках'. Старик всегда возникает там, где герой пребывает в безнадежной и отчаянной ситуации, из которой его может освободить только основательное размышление или счастливый случай, т. е. духовная функция или эндопсихический автоматизм. Так как герой, однако, по внешним или по внутренним причинам не может добиться успеха, то этот изъян компенсируется необходимым знанием, являющимся в форме персонифицированной мысли, а именно в образе приносящего совет и оказывающего помощь старика. В одной эстонской сказке2, например, рассказывается, как один истязаемый мальчиксирота, у которого с пастбища убежала корова, не пожелал более из страха наказания возвращаться домой и сбежал, полагаясь на счастье и на авось. Таким образом, он оказался в безнадежной ситуации, из которой не было видимого выхода. Изнуренный, погрузился он в глубокий сон. Когда он пробудился, «то ему показалось, как будто что-то жидкое было у него во рту, и он увидел, что перед ним стоял маленький старичок с длинной седой бородой, который собирался заткнуть пробку на своем бочонке с молоком. «Дай мне еще попить», — попросил мальчик. «На сегодня с тебя хватит, — возразил старик. — Если бы мой путь меня сюда случайно не вывел, то это был бы твой последний сон, ибо когда я тебя нашел, ты был уже наполовину мертв». Потом старец спросил мальчика, кто он такой и куда он собирается. Мальчик рассказал все, что прежде пережил, из того, что смог вспомнить, вплоть

'За материал сказок, используемый здесь, я благодарен дружеской поддержке Frl. Dr. M.-Z. von Franz.

2 Finnische und estnische Marchen, 1922, № 68, S. 208. Все, упоминаемые в последующем сказки, взяты из собрания: Die Marchen der Weltliteratur. Diederichs, Jena.

до побоев вчерашнего вечера. Тогда старик сказал: «Мое дорогое дитя! На твою долю выпало не лучшее, а худшее как и многим, чьи любимые опекуны и утешители покоят ся в гробу под землей. Вернуться назад ты уже не можешь. Так как ты уже ушел, то тебе следует искать свое новое счастье в мире. Так как у меня нет ни дома — ни двора, а также ни жены — ни детей, то я не могу больше о тебе заботиться, но один добрый совет я хочу тебе дать безвозмездно».

До сих пор .старик произносит то, до чего мальчик, герой рассказа, мог бы додуматься сам. Когда

он, следуя напору своего аффекта, сбежал просто так, наобум, то ему следовало бы, по крайней мере, сообразить, что потребуется пища. Потом, в какой-то момент, вероятно, настала необходимость поразмыслить о своем положении. Тут-то ему и пришла на ум вся его прежняя жизненная история вплоть до недавнего прошлого, как это обычно и бывает. При таком анамнезисе' речь идет о целесообразном процессе, который нацелен на то, чтобы в критичес кий момент, который взывает ко всем духовным и психи ческим силам, собрать их в целостную личность, активи зировать ее, чтобы объединенными силами распахнуть ворота будущего. Никто ему в этом не поможет, и он дол жен будет рассчитывать полностью на себя. Все пути к отступлению отрезаны. Понимание этого придаст всем его поступкам необходимую решительность. Побуждая его к такой реализации, старик берет на себя хлопоты, связанные с размышлением. Да, сам старик является этим закономерным размышлением и сосредоточением моральных и физических сил, это осуществляется спонтанно, в сверхсознательном психическом пространстве, где «еще» или «уже» невозможно сознательное мышление. Концентрации и напряжению психических сил свойственно нечто такое, что всякий раз появляется как магия; дело в том, что развивается неожиданная пробивная сила, которая зачастую многократно превосходит результат сознательной воли. Это можно наблюдать экспериментально, особенно в ис

"Анамнезис (греч.) — воспоминание, припоминание. — Примеч. ред.

кусственных состояниях концентрации, в гипнозе: во время лечения одной истерички со слабым телосложением я обыкновенно укладывал ее (в глубоком гипнотическом сне) затылком на один стул и пятками — на другой, как доску, и оставлял ее так лежать примерно минуту. Ее пульс постепенно повышался до 90 ударов в минуту. Один сильный гимнаст, из студентов, тщетно пытался повторить этот эксперимент путем сознательного волевого напряжения. Он сломался вскоре с пульсом в 120.

После того как умный старик в общем и целом собрал юношу, он смог приступить к доброму совету, т. е. представил ситуацию не столь безнадежной. Он посоветовал ему спокойно продолжать странствие, все время на Восток, где^ по прошествии семи лет тот достигнет большой горы, которая означает абсолютное счастье. Величина и возвышенность горы предвещают взрослую личность'. Из сконцентрировавшейся силы проистекает уверенность и вместе с тем наилучшая гарантия успеха2. Следовательно, он ни в чем более не будет нуждаться. «Возьми мой хлебный куль и бочонок, — сказал старик, — и ты ежедневно там найдешь столько пищи и питья, сколько тебе потребуется». Он дал мальчику к тому же репейный лист, который мог превратиться в лодку, на случай если отроку нужно будет переправиться по воде.

Нередко в сказках старик ставит вопросы, кто, почему, откуда и куда3, для того чтобы подготовить к раздумью о

' Гора представляет цель странствия и подъема, поэтому психологически она часто означает Самость. «I-ging» описывает ее как цель: «король представился ему горой» (Hexagram 17. Sui der Nachfolge). У Honorius von Autun (Spec. de Mysteriis Ecd. Minge: Part. Lat. voll CLXXII, col. 945) она называется: «montes patriarchas et prophetae Sunt. Richard von S. Victor vis videre Christum transfiguratum? Ascende in montem говорит istum disce cognoscere tete ipsunt? (Bengamin minor, Migne: Part. Lat vol. CXCVI. col. 53-56.

2 В этом отношении следует особенно выделить феноменологию йоги ^ому есть много примеров: Spanische und portugiesische Volkmarchen 1940. S. 158, 199. Russische Volksmarchen, 1914. S. 149. Marchen au! dem Balkan, 1915. S. 64. Marchen aus Iran, 1939. S. 151; Nordisch« Volksmarchen, I, 1915. S. 231.

себе и к объединению моральных сил, но еще чаще он дает в награду необходимое волшебное средство', т. е. неожиданное и невероятное преуспевание, которое воплощает своеобразие объединенной личности в добре и зле. Кажется, будто вмешательство старика, т. е. спонтанная объективизация архетипа, совершенно неизбежно, так как одна лишь сознательная воля едва ли в состоянии объединить личность в той мере, чтобы она могла достигнуть чрезвычайного преуспевания. Для этого необходимо не только в сказке, но и в жизни вообще объективное заступничество архетипа, который усмиряет чисто аффективное реагирование, связывая в единую цепь процессы внутренней конфронтации и реализации. Последнее позволяет ясно обнаружить: кто, где, как и зачем; тем самым дается возможность познать как нынешнее положение, так и цель. Вызванное благодаря этому уяснение и распутывание клубка судьбы часто имеет в себе нечто прямо-таки волшебное — опыт, не чуждый психотерапевту.

Тенденция старика — побудить к размышлению — выражается также в форме призыва сначала просто «обмозговать». Так, он говорит девушке, которая ищет своего пропавшего брата: «Ложись: утро вечера мудренее»2. Он также прозревает мрачное состояние духа героя, очутившегося в бедственном положении, или умеет, по крайней мере, раздобыть ту информацию, которая тому в дальнейшем поможет. Для достижения этой'цели он, как правило, пользуется помощью животных и в особенности птиц. Принцу, который ищет путь в царство небесное, один пустынник говорит: «Я живу здесь уже с три сотни лет, однако еще никто не спрашивал меня о царстве небесном; я тебе этого не могу сказать, однако наверху, на других этажах дома, жи-

' Девушке, которая ищет своего брата, он дает клубок, который катится к брату (Estnische Volkmarchen, 1922, 260). Принцессе, которая ищет царство небесное, дается челн, который едет сам по себе (Deutsche Marchen Seit Grimm, 1912). Другой подарок — флейта умеет играть, или шар, указывающий дорогу, или палка-невидимка, или удивительная собака, или книга тайной мудрости.

^innische und estnische Volkmarchen. № 83, p. 260.

вут всевозможные птицы, которые непременно смогут тебе это сказать»'. Старик знает, какие пути ведут к цели, и указывает их герою2. Он предостерегает о грядущих опасностях и дает средство им эффективно противостоять. Он наставляет, например, мальчика, который хочет заполучить серебряную воду, что источник охраняется львом, который имеет обманчивое качество: спать с открытыми глазами, с закрытыми же глазами — стоять на страже3; он советует юноше, который хочет поехать верхом к магическому источнику, чтобы там заполучить целебный напиток для короля, что воду можно зачерпнуть только на скаку, потому что ведьмы поджидают там всех, приходящих к источнику, и набрасывают на них лассо4. Он заставляет принцессу, которая ищет своего превращенного в оборотень возлюбленного, развести огонь и поставить на него котелок со смолой. Затем ей следует бросить свою любимую лилию в кипящую смолу, а когда придет оборотень, то велит ей нахлобучить на голову волка этот котелок, после чего ее возлюбленный

будет расколдован5. Иногда старик выделяется своими критическими суждениями, как в той самой кавказской сказке о младшем принце, который намеревался — чтобы унаследовать империю — построить своему отцу безупречную церковь. Он строит ее, и никто не может обнаружить ни одной ошибки, однако появляется старый человек и говорит: «Ах, что за прекрасную церковь они построили! Жаль только — фундамент чуть-чуть искривлен». Принц велит снести церковь и строит новую. Однако и здесь старик обнаруживает ошибку, и все повторяется три раза6.

Итак, с одной стороны, старик представляет собой знание, познание, размышление, мудрость, ум и интуицию, а с другой стороны, моральные качества, такие, как доб-

' Deutsche Marchen Seit Grimm, 1912, p. 382. В одной балканской сказке (1915. С. 65) старик является «царем всех птиц». Ср. также мистических «Господ голубятни» в новелле Meyrink'a «Белый доминиканец».

2 Marchen aus Iran. 1939. S. 152.

3 Spannische und portugiesische Marchen. 1940. S. 158.

-Ibid. C. 199.

'Nordische Volksmarchen. I. S. 231

6 Kaukasische Marchen. 1919. S. 35

рожелательность и готовность помочь, что, вероятно, вполне достаточно разъясняет его «духовный» характер. Так как архетип — это автономное содержание бессознательного, то в сказке, которая обычно конкретизирует архетипы, старик может появляться в сновидениях, и именно так, как это примерно происходит в современных сновидениях. В одной балканской сказке старик является во сне к гонимому герою и дает ему хороший совет, как лучше справиться с возложенными на него невыполнимыми задачами'. О связи старика с бессознательным прямо говорит его обозначение как «лесного царя» в одной русской сказке. Когда крестьянин устало уселся на ствол дерева, то из него выполз маленький старичок. «Он был совершенно сморщенный, и совершенно зеленая борода свешивалась у него до колен». «Кто же ты?» — спросил крестьянин. «Я — лесной король ??», — сказал человечек. Крестьянин отдал ему в услужение своего безалаберного сына. «И лесной царь с ним удалился, и повел он юношу в тот другой мир под землей и привел его в зеленую хижину... В хижине было все зеленое... Стены были зеленые и скамьи, жена Оха была зеленая и дети... и ундины, которые ему служили, были настолько зелены, как руты (оконницы)». Даже еда была зеленая. Лесной царь описан здесь как растительный нумен (numen)2 или как нумен деревьев; с одной стороны, он доминирует в лесу, однако, с другой стороны, через русалок, имеет отношение к водному царству, из чего можно отчетливо заключить о его принадлежности к бессознательному, поскольку последнее часто предстает в виде леса, а также в виде воды.

Во всяком случае, когда старик появляется в облике карлика, то мы имеем дело с принадлежностью к бессознательному. В сказке о принцессе, которая искала своего возлюбленного, говорится: «Настала ночь и потемнело, звезды взошли и опустились, а принцесса все сидела на том же самом месте и плакала. Когда она сидела в глубокой задумчивости, то услышала голос, который ее приветствовал:

Примеч. пер.

'Balkanmarchen. 1915. S. 217. 2 N u m e n (лат.) — божество.

«Добрый вечер, прекрасная дева! Почему ты здесь сидишь так одиноко и печально?» Тут она поспешно вскочила и очень растерялась, что неудивительно: когда она осмотрелась кругом, то увидела лишь тщедушного маленького старичка, который кивал ей головой; вид у него был очень кроткий. В одной швейцарской сказке повстречался крестьянскому сыну, который собирался принести дочери короля корзину яблок, «маленький isigs человечек» и спросил у него, что тот несет в корзине. В другом месте тот же человечек одет в isigs курточку, очень старенькую. Под «isigs» можно понимать железный (eisern), что, вероятно, более правдоподобно, чем ледяной (eisig)'. И впрямь существуют и «железный человечек», а также «медный человечек», а в одном современном сне я даже отыскал черного железного человечка, который появлялся в моменты значительных жизненных перемен, как в той сказке о глупом Гансе, который намеревался жениться на принцессе.

В современной серии видений многократно возникает тип старого мудреца, иной раз он нормальной величины (когда появляется у основания кратера, окаймленного высокими отвесными скалами), в другой раз он крошечного телосложения и находится на вершине горы, внутри низкой каменной ограды. Тот же мотив о карликовой принцессе, которая обитала в шкатулке, встречается в сказке Гете2. К этому можно присовокупить антропария, свинцового человечка из видения Зосимы3, а также рудниковых человечков из шахты, искусных дактилов античности, гомункулюсов алхимии, домовых, шотландских броунов и т. д. Насколько «реалистичны» представления, подобные этому, стало мне ясно в связи с тяжелой горной аварией, когда после катастрофы двое из пострадавших при ясном дневном свете имели коллективное видение человечка в капюшоне мона-

'Речь идет о сказке «Птица-Гриф» (Vogel Greif, Nr. 84. Rer Kinder und Hausmarchen) gesammelt durch die Bruder Grimm. 1912, т. II. S. 84. Текст повторяет фонетические ошибки.

2 Goethe. Die Neue Melusine. Marchen.

3 Ср. мое сочинение «Die Visionen des Zosimos // Von den Wurzeln des Bewu?tseins. Zurich. 1954. S. 137.

ха, который вышел из неприступной трещины ледникового обвала и пересек ледник, что вызвало у обоих форменную панику. Нередко я встречал мотивы, которые создавали у меня впечатление, будто бессознательное есть мир бесконечно малого. Рационалистически это можно было бы вывести из темного чувства, которое при таких видениях побуждается чем-то эндопсихическим, вместо того чтобы делать вывод, что в голове размещается что-то очень маленькое. Я не охотник до таких «разумных» домыслов, хотя и не хотел бы утверждать, что они всегда бьют мимо цели. Мне кажется более правдоподобным, что склонность к уменьшительной форме, с одной стороны, и к чрезмерному увеличению (великаны!)' — с другой, имеет дело с удивительной неопределенностью понятий пространства и времени в бессознательном. Человеческое чувство меры, т. е. наше рациональное понятие о большом и малом, — это явно выраженный антропоморфизм, который становится недействительным не только в царстве физических явлений, но также в тех областях коллективного бессознательного, которые лежат за пределами досягаемости специфически человеческого. «Атман» меньше малого и больше большого, он величиной с большой палец и «все же повсеместно перекрывает мир на две ладони». Гете говорит о кабирах: «малы ростом, но велики силой». И правда, архетип мудрости — крошечно-мал, почти неуловим, и все же обладает судьбоносной силой, как 'можно увидеть, если действительно вникнуть в суть дела. Архетипы имеют эту особенность, общую с миром атомов, который именно в наши дни наглядно доказывает: чем глубже научный эксперимент проникает в мир бесконечно малого, тем сталкивается со все более разрушительными величинами энергии, которые там находятся в связанном состоянии. То, что из мельчайшего исходит огромное действие, стало очевидным не только из области физики, но также и в психологическом исследовании. Как часто в критические моменты жизни Все зависит от мнимого Ничто!

'В одной сибирской сказке старик появляется в виде белой, до неба возвышающейся фигуры.

В определенно примитивной сказке просветляющая природа нашего архетипа выражается путем идентификации старика с Солнцем. Он проносит с собой головешку, которую использует для того, чтобы поджарить тыкву. Откушав, он опять забирает с собой огонь, что и побуждает людей похитить у него этот самый огонь'. В одной североамериканской сказке старик является шаманом, который обладает огнем2. Дух имеет аспект огня, как мы знаем из Ветхого завета и из повествования о чуде Пятидесятницы, Оказывается, что старик наряду с благоразумием, знанием и мудростью, как уже упомянуто, обладает также и моральными свойствами, даже более того: он испытывает, способен ли человек к нравственному поступку и свои дары ставит в зависимость от этой проверки. Наиболее ясным примером служит эстонская сказка о падчерице и родной дочери. Первая — сирота, которая отличается послушанием и аккуратностью. История начинается с того, что у нее падает в колодец пряслица. Она прыгает вслед за ней, однако не тонет в колодце, а приходит в магическую страну, где продолжает свои поиски; там ей попадаются корова, баран и яблоня, чьи желания она исполняет. Она идет к бане, в которой сидит какой-то грязный старик, который желает, чтобы она его обмыла. Завязывается следующий диалог. Старик: «Прекрасная девушка, прекрасная девушка, искупай меня, очень мне тягостно быть таким грязным». Она: «Чем я истоплю печь?» — «Собери деревянные колышки и вороний помет, этим и топи». Однако она приносит хворост и спрашивает: «Где мне взять купальной воды?» Он: «Под зерносушилкой стоит белая кобыла, пусть она помочится в ушат». Девушка же берет чистую воду. «Где мне взять веник?» — «Отрежь у белой лошади хвост и сделай из него веник». Она же сделала его из березовых прутьев. «Где мне взять мыла?» — «Возьми банный камень и скреби меня им». Она приносит, однако, мыло из деревни и моет им старика. В награду он ей дает короб, полный золота и драгоценных камней. Родная дочь, конечно, по-

' Indianenmarchen aus Sudamerika, 1920. S. 285. 2 Indianenmarchen aus Nordamerika, 1924. S.74.

завидовала, бросила пряслицу в колодец, но тут же эту прялку и нашла. Несмотря на это, она идет дальше и делает все то, что прежде правильно сделала падчерица, но наоборот. Награда — соответствующая. Дальнейшие подтверждения излишни при частоте этого мотива.

Образ старика, столь же превосходящего в силе, как и услужливого, побуждает поставить его в какое-нибудь отношение к божеству. В немецкой сказке о солдате и черной принцессе' рассказывается, что проклятие принцессы, лежащей в железном гробу, заключается в том, чтобы каждую ночь сжирать солдата, который должен нести очередную вахту на ее могиле. Один из таких солдат попытался удрать. «Когда настал вечер, он тайком улизнул, пустился наутек через горы и поля; и очутился он на прекрасном лугу. Там внезапно предстал перед ним маленький человечек с длинной седой бородой, который, однако, был нашим любимым Господом Богом; он не пожелал более взирать на бедствия, еженощно учиняемые чертом. «Куда путь? — спросил седой человечек. — Не разрешишь ли пойти с тобой?» Старичок выглядел таким простодушным, что солдат рассказал ему о своем побеге и почему он это сделал. Теперь, по обыкновению, следует хороший совет. В этом рассказе фактически старик объявляется самим Богом с той же самой наивностью, с какой английский алхимик Джон Рипли называет «старого короля» — «antiquus dierum» («Стариком дней»)2.

Все архетипы имеют как позитивный, благоприятный, светлый, возвышенный, так и принижающий, отчасти негативный и неблагоприятный, отчасти лишь хтонический, но в дальнейшем нейтральный характер. Архетип «духа» также не является исключением. Уже его карликовый облик означает предельную уменьшительность, а также расплывчатую природность растительного нумена, происходящего из преисподней. В одной балканской сказке он кажется убогим, поскольку потерял глаз. «Филины» — вид летающего чудовища — выкололи ему глаз, и герой должен поза-

' Deutsche Marchen Seit Grimm, 1912. S.189. 2 В так называемой кантилене.

ботиться, чтобы они же его восстановили. Старик потерял часть своего зрения, т. е. своей проницательности и прозорливости в демоническом мире тьмы; последний нанес ему порчу, и в этом отношении старик напоминает судьбу Осириса,· потерявшего один свой глаз из-за взгляда черной свиньи, а именно Сета, или вспомним о том же самом Вотане, который у источника принес в жертву Мимиру один свой глаз. Примечательно, что верховным животным у старика в нашей сказке является козел, — последнее указывает на то, что старик обладает и темной стороной. В одной сибирской сказке старик появляется как одноногий, однорукий и одноглазый старец, пробуждающий железным посохом покойника. В ходе рассказа многократно оживленный по ошибке убил старика, разрушив тем самым свое полное счастье. Название сказки гласит: «Однобокий старик»; на самом деле его ущербность означает то, что он в какой-то мере состоит только из одной половины. Другая половина — невидима, она выступает в рассказе как убийца, который посягает на жизнь героя истории. Наконец герою удается умертвить своего многократного убийцу, однако в неистовстве он повергает также и однобокого старика, что

намекает на идентичность обоих убитых. Из этого явствует возможность, что старик мог быть одновременно и своей противоположностью: оживляющим, так же как и убивающим, «Ad utrumque peritus», как говорится о Гермесе'.

В тех случаях, где старик держит себя скромно и чистосердечно, можно было бы порекомендовать — по эвристическим, так же как и по другим причинам — более тщательно высветить окружение. В упомянутой нами первой эстонской сказке о батраке, который потерял корову, возникает подозрение, что оказавшийся своевременно на месте и готовый помочь старик, до этого хитростью умыкнул корову, чтобы придать своему подопечному изрядный мотив к разрыву. Это очень даже возможно: обыденный опыт показы-

' P r u dentiu s: Contra Symmachum. Corp. Script. Eccl. Lat. 61. P. 222. см. Hugo R a h n e r: Die Seelenheilende Blume, Eranos-fahrb. XII, 1945. S. 132.

вает, что обдуманное, но сублимированное знание судьбы создает досадный инцидент, чтобы согнуть в бараний ??? дурашливое Я-сознание и вывести его на путь истинный, которого иначе оно никогда не отыскало бы из чистой робости. Если бы наш сирота догадался, что именно старик своим колдовством заставил исчезнуть корову, то последний, пожалуй, показался бы мальчику коварным троллем или чертом. Старик на самом деле имеет и злой аспект, так же как примитивный шаман, с одной стороны, является целительным помощником, а с другой — внушающим страх отравителем, точно так же как слово ???????? означает и лечебное средство, и яд: в конце концов ядом в действительности могут быть оба.

Итак, старик имеет двусмысленный, эльфический характер: то он по некоторым причинам кажется самим благом, как, например, в чрезвычайно назидательном образе Мерлина, то ему присущ — в других формах — также и аспект зла. В одной сибирской сказке старик — злой дух, «на чьей голове были два озера, в которых плавали две утки». Он питается человеческим мясом. История рассказывает, как герой и его люди идут в ближайшую деревню на праздник, а своих собак оставляют дома. Собаки постановили — по пословице «Без кота мышам масленица» — также устроить праздник. В разгаре праздника они все набрасываются на запасы мяса. Когда люди возвратились домой, собаки выскочили вон и убежали в> заросли. Творец сказал Эмемкуту: «Ступай со своей женой искать собак». Пошедшего, однако, застигает пурга, и он вынужден искать убежище в хижине злого духа. Затем следует известный мотив одураченного черта. «Творец» называется отцом Эмемкута. Отец же Творца называется «самоизданным», потому что он сам себя сотворил. Хотя в сказке нигде не говорится, что старик со своими двумя озерами на голове заманил героя с его женой, чтобы утолить свой голод, можно все-таки предположить, что особый дух проник в собак, побудив их отметить праздник наподобие людей, чтобы затем, вопреки своим повадкам, сбежать из дома, отчего Эмемкут должен их искать, попасть в буран и, наконец, столкнуться со злым

стариком. В этом ему помогает в качестве советчика «творец» — «сын самоизданного», из-за чего возникает клубок проблем, разрешение которых мы с удовольствием уступим сибирскому теологу.

В балканской сказке старик дает бездетной царице съесть волшебное яблоко, от которого она

беременеет и рожает сына, причем старик оговорил свое право быть его крестным отцом. Мальчик, однако, — бедовый парень, он колотит всех детей и убивает у пастухов скот. В течение десяти лет он не получает никакого имени. Появляется старик втыкает ему в ногу нож и нарекает его «ножевым принцем» Теперь сына потянуло на приключения, что отец ему, наконец, после долгих колебаний и разрешает. Нож, торча щий у него в ноге, является условием его жизни: если кто то другой его вытаскивает, то мальчик умирает, если он вытаскивает нож сам — то живет. В конечном счете но* становится его роком, так как старая ведьма во сне вытягивает его. Он умирает, однако вновь возвращается к жизни своими закадычными друзьями'. Здесь старик, правда, по лезен, но он также даритель опасной судьбы, которая с таким же успехом могла бы обратиться во зло. Ранее зло отчетливо демонстрировалось в насильственном характере юноши.

В другой, тоже балканской сказке встречается вариант нашего мотива, о котором стоит упомянуть: король ищет свою сестру, которую умыкнул чужестранец. Во время странствования король заезжает в хижину старухи, предостерегающей его от продолжения поисков. Дерево, нагруженное плодами, все время отступая, заманивает его и уводит от хижины. Когда оно наконец останавливается, из .кроны опускается старик. Он угощает короля и приводит его к крепости, где и живет королевская сестра, оказавшаяся женой старика. Она говорит брату, что ее муж — злой дух и что он убьет короля. На третий день король на самом деле исчез. Тогда младший брат отправляется на поиски и убивает злого духа в образе дракона. Благодаря этому расколдовывается прекрасный молодой

"Marchen aus dem Balkan. 1915. S. 34.

человек, который теперь женится на сестре короля. Старик, кажущийся сначала нуменом дерева, имеет очевидное отношение к сестре. Он — убийца. В одном вставном эпизоде ему вменяется в вину то, что он заколдовал целый город, сделав его «железным», т. е. неподвижным, окоченелым и замкнутым'. Он также держит в заключении сестру короля и более не позволяет ей вернуться к своим родственникам. Тем самым изображается Анимус— одержимость у сестры. В известной мере старик воспринимается как Анимус сестры. Однако способ, каким король втянут в эту одержимость и поиски сестры, наводит на мысль, что сестра имеет значение Анимы для брата. Следовательно, судьбоносный архетип завладел сначала Анимой короля, т. е. он лишил его архетипа жизни, который как раз персонифицирован в Аниме, и тем самым навязал ему поиск утраченной жизненной привлекательности, «трудно достижимой драгоценности»; он, таким образом, делает из короля мифического героя, т. е. значительную личность, которая есть выражение его Самости. При этом сплошь и рядом старик действует как злодей и должен быть насильственно устранен, чтобы затем появиться в качестве супруга сестры-Анимы, собственно как жених души, который справляет священный инцест, как символ объединения противоположного и подобного. Это часто встречающаяся, рискованная энантиодромия означает не только омоложение и преобразование старика, но позволяет заподозрить тайную, внутреннюю связь зла с добром и vice versa.

В этой истории мы видим также архетип старика в облике преступника, ввергнутого в перипетии и превращения процесса индивидуации, намеки на который простираются вплоть до Хормусты2. В упомянутой ранее русской сказке о лесном царе последний, наоборот, оказывается сначала

услужливым и благодетельным, однако потом он уже не собирается отпускать своего батрака, так что фабула рассказа состоит в разнообразных попытках юноши вырваться из лап

Примеч. ред.

'Marchen aus dem Balkan. S. 177. ^ормуста — верховное божество у монголов.

колдуна. Место поиска замещает побег, однако кажется, будто последний приносит те же барыши, что и отважное поисковое приключение: герой в конце концов женится на дочери короля. Колдун же должен довольствоваться ролью одураченного черта.

4. ТЕРИОМОРФНАЯ СИМВОЛИКА ДУХА В СКАЗКАХ

Описание нашего архетипа не было бы полным, если бы мы не помянули еще об одном особенном способе его проявления, а именно о проявлении этого архетипа в животной форме. Последняя — в общем и целом — принадлежит к териоморфизму богов и демонов и также имеет психологическое значение. Животный облик как раз указывает, что обсуждаемые содержания и функции пребывают во внечеловеческой области, т. е. по ту сторону человеческого сознания, и потому соучаствуют, с одной стороны, в демонически-сверхчеловеческом, а с другой — в животно-подчеловеческом. При этом нужно принимать во внимание, что такое разделение имеет ценность только в рамках сознания, где это отвечает необходимому условию мышления. Логика гласит: tertium non datur', т. е. мы не можем представить себе противоположности в их единобытии. Другими словами, снятие все же существующей антиномии мы можем полагать только за постулат. Для бессознательного, однако, это ни в коем случае не так, и категория бытия для него не исключение, так как его содержания — все до единого — парадоксальны и антиномичны в самих себе. Если кто-либо по неведению психологии бессознательного хочет составить себе представление об этом положении вещей, то ему рекомендуется проштудировать христианских мистиков и индийскую философию. Там он найдет ярчайшие проявления антиномичности бессознательного.

•Tertium non datur (лат.) — третьего не дано. Логический принцип исключения третьего. — Примеч. ред.

Хотя старик в только что изложенных сюжетах демонстрирует в большинстве случаев и человеческую наружность, и манеру обхождения, но все же его колдовские способности, включая духовное превосходство, указывают на нечто сверх- или над- или недочеловеческое в добре и зле. Его звериный аспект не означает умаления его ценности ни для примитива, ни для бессознательного, т. к. в некотором отношении животное ведь превосходит человека: оно еще не запуталось в своем сознании и не противопоставляет свое своенравное Я той силе,, которой оно живет, но исполняет волю — в нем господствующую — почти наилучшим образом. Если бы животное было сознательным, то оно было бы благочестивее человека. Легенда о грехопадении содержит глубокое наставление; не является ли она выражением смутного предчувствия того, что эмансипация Я-сознания представляет собой дело Люцифера. Всемирная история человечества с самого начала состоит из противоречия между чувством неполноценности и самопревозношением. Мудрость ищет середины и расплачивается за это смелое и рискованное предприятие

сомнительным родством с демоном и зверем и потому страдает превратным истолкованием морали.

Зачастую в сказке мы встречаем мотив услужливых зверей. Они ведут себя по-человечески, говорят человеческим языком, обнаруживают ум и знания, в которых превосходят даже человека. В этом случае с полным правом можно говорить, что в облике животного выражается архетип духа. В одной немецкой сказке' говорится, как юноша, разыскивающий свою исчезнувшую принцессу, встречает волка, который его спрашивает: «Не бойся! Скажи, куда ты держишь путь?» Юноша рассказывает свою историю, за что волк дает ему магический подарок, а именно несколько своих волосков, с помощью которых юноша сможет позвать его на помощь в любое время. Это интермеццо проходит точно так же, как встреча с услужливым стариком. В том же самом повествовании выступает и другая, а именно злая сторона архетипа. Для наглядности я конспективно изложу эту сказку: 'Die Prinzessin aufdem Baum. Deutsche Marchen Seit Grimm. 1912.

«Когда юноша в лесу пас свою свинью, то он обнаружил большое дерево, чьи ветви затерялись в облаках. «Как же это здорово, — сказал себе юноша, — разглядеть с его верхушки, что там на краю света!» Он карабкается вверх по дереву в течение целого дня, но так и не достигает ветвей. Настал вечер, и он вынужден переночевать на сучке. На другой день он карабкается дальше и к полудню добирается до кроны. Только под вечер он достигает деревни, которая возведена на ветвях. Там живут крестьяне, которые его потчуют и дают приют на ночь. Наутро он карабкается дальше и к полудню достигает дворца, где живет девушка. Здесь он узнает, что выше идти некуда. Она — королевская дочь, которую злой волшебник заключил в тюрьму. Герой остается теперь у принцессы, и ему разрешается заходить во все комнаты замка. Только в одну она ему запретила заходить. Однако любопытство сильнее. Он отпирает комнату и находит там ворона, прикованного к стене тремя гвоздями. Один гвоздь проходит через шею, оба других — через крылья. Ворон сетует на жажду, и юноша, тронутый состраданием, дает ему попить воды. С каждым глотком выпадает по гвоздю, и после третьего глотка ворон освобожден и вылетает в окно. Когда принцесса услышала об этом, она очень испугалась и сказала: «Это был черт, который меня заколдовал. Теперь уже недолго ждать, когда он меня настигнет». В одно прекрасное утро она на самом деле исчезла».

Теперь юноша отправляется на поиски, где ему, как уже описано ранее, встречается волк. Точно так же он встречает медведя и льва, от которых тоже получает волоски. Кроме того, лев ему сболтнул, что принцесса заточена совсем неподалеку в охотничьем домике. Он отыскивает эту сторожку и принцессу, однако узнает, что побег невозможен, потому что охотник обладает трехногой сивой кобылой, которая все ведает и неминуемо предупредит охотника. Несмотря на это, юноша все же пытается сбежать, но тщетно. Охотник догоняет его, однако позволяет сбежать вновь, т. к. однажды юноша спас ему жизнь, когда тот был вороном. Итак, охотник вместе с принцессой ускакал. Однако юноша опять прокрался в дом. Когда охотник ушел в лес,

он уговаривает принцессу выведать у него тайну, как тот за получил свою умную кобылу. Ночью ей это удается, а юноша, спрятавшийся под кроватью, узнает, что пример но в часе езды от сторожки охотника живет ведьма, которая разводит волшебных лошадей. Кто сумеет уберечь жеребят в течение трех дней, тот имеет право в награду выбрать себе лошадь. В старину она давала в придачу еще и двенадцать ягнят, чтобы утолить голод двенадцати волков, которые живут

в лесу в окрестностях хутора, поочередно бросая им по одному ягненку и тем самым отвлекая их от погони. Колдуну она, однако, не дала никаких ягнят. Когда он поскакал домой, волки его, вероятно, преследовали, и при переходе границы им все-таки удалось откусить ногу у его сивой кобылы. Поэтому она имеет только три ноги.

Юноша немедленно отыскивает ведьму и нанимается к ней при условии, что она ему даст не только лошадь, которую он выберет сам, но в придачу еще и двенадцать ягнят. Она согласилась, но повелела жеребятам сбежать от него. Чтобы его усыпить, она ему дала с собой хлебное вино. Он пьет его и засыпает, жеребята сбегают от него. В первый день он их нагоняет с помощью волка, во второй — ему помогает медведь, а на третий — лев. Теперь он имеет право подыскать себе награду. Маленькая дочь ведьмы пробалтывается ему, какая из верховых лошадей принадлежит ее матери. Это, конечно, сивая кобыла — самая лучшая лошадь. Ее он и требует. Но как только он выходит из конюшни, ведьма просверливает четыре копыта у сивой кобылы и высасывает из них костный мозг. Из мозга она выпекает пирог, который дает юноше с собой в дорогу. Лошадь смертельно больна, но юноша дает ей съесть пирога, после чего она вновь получает свою прежнюю силу. Он выбирается невредимым из леса, после того как умиротворил двенадцать волков двенадцатью ягнятами. Он заезжает за принцессой и скачет с ней прочь Трехногая сивая кобыла, в свою очередь, кличет охотника, который тотчас пускается в погоню за обоими, быстро нагоняет, т. к. четырехногая сивая кобыла не хочет бежать. Как только охотник приблизился, четырехногая ко-

была крикнула трехногой: «Сестрица, сбрось его!» Колдун сброшен и растоптан обеими лошадьми. Юноша сажает принцессу на трехногую сивую кобылу, и так они едут в королевство ее отца, где они и празднуют свадьбу. Четырехногая сивая кобыла просит юношу отсечь голову обеим лошадям, которые после этого превращаются в статного принца и дивную принцессу и через некоторое время уезжают «в свое собственное королевство». Когда-то охотник их тоже превратил в лошадей.

Помимо териоморфной символики в этом повествовании интересен тот факт, что функция знания и интуиции представлена верховыми животными. Тем самым выражено, что достоянием духа можно также овладеть. Так, трехногая сивая кобыла является собственностью демонического охотника, а четырехногая — сначала собственностью ведьмы. Дух здесь отчасти функция, которая может как вещь менять владельца (лошадь), отчасти также автономный субъект (колдун в качестве владельца лошади). Заработав четырехногую кобылу у ведьмы, юноша освобождает дух или мысль особого вида от господства бессознательного. Ведьма здесь означает, как и в других местах, mater natura, соответственно первоначальное, так сказать, «матриархальное» состояние бессознательного, чем возвещается о психическом устроении, в котором бессознательному противостоит лишь слабое и несамостоятельное сознание. Четырехногая сивая кобыла оказывается превосходящей трехногую, так как первая может повелевать второй. Так как четверица есть символ целостности, а целостность играет значительную роль в образном мире бессознательного', то победа четырехножия над треножием не кажется совершенно неожиданной. Что должна означать противоположность между троичностью и четверичностью, т. е. что означает троичность в противовес целостности. В алхимии эта проблема зовется аксиомой Марии и сопутствует этой философии более чем тысячелетие, чтобы, наконец, снова быть подхваченной в Фаусте (сцена с кабирами). Самое раннее литературное изложение

' В отношении четвершвд я должен сослаться на моя ранние работы; Psychoiogie und Religion. Zurich, 1940 и Psychologie und Aichemie, 1952.

этой проблемы обнаруживается во вступительном слове Тимея*, о котором вновь напоминает Гете. У алхимиков мы можем отчетливо видеть, что тройственности божества соответствует низшая хтоническая троичность (наподобие трехглавого черта у Данте). В троичности заключен принцип, обнаруживающий своей символикой родство со злом, при этом отнюдь не бесспорно, что троичность выражает только лишь зло. Напротив, все указывает на то, что зло и соответственно его употребительный символ принадлежат к роду тех фигур, которые описывают темное, ночное, нижнее, хтоническое. Нижнее относится в этой символике к верхнему как эквивалент в противоположности2, т. е. оно выражается, так же как и верхнее, троичностью.

Тройка как мужское число логическим образом идентифицируется здесь со злым охотником, которого, вероятно, следует понимать (алхимически) как «нижнюю троичность». Четверка, напротив, как женское число, указывает на старика. Обе лошади — говорящие и всеведающие чудовища, и поэтому они представляют бессознательный дух, который, однако, в одном случае подчинен злому колдуну, а в другом — ведьме.

Таким образом, между троичностью и четверичностью прежде всего сохраняется противоположность мужскогоженского, тогда как четверичность является символом целостности, а троичность — нет. На это указывает, как видно из алхимии, противоположение, — ведь одна троичность всегда предполагает другую, так же как верх — низ, свет — тьму, добро — зло. Энергетически противоположность означает потенциал, а там, где оказывается потенциал, есть возможность происшествия и события, потому что напря-

' Самое древнее из известных мне изложений этой проблемы — повезтвование о четырех сыновьях Гора, из которых три соответственно пред;тавлены с животными головами, а один — с человеческой. Хронологически это примыкает к видению животных в четырех лицах у Иезекииля, эти облики потом еще раз повторяются в атрибутах евангелистов. Как известно, трое имеют голову животных и один — человеческую (ангел).

'По утверждению из «Tabula Smaragdina»: Quod est inferius, est sicut quod est superius.

жение противоположностей стремится к уравниванию. Если представить себе четверичность как квадрат и разделить его диагоналями на две половины, то возникает два треугольника, чьи вершины указывают на противоположные направления. Поэтому, вероятно, можно метафизически сказать: если разделить целостность, символизируемую посредством четверичности, на равные половины, то возникают две троичности противоположного направления. Как только на основании этого простого соображения мы выводим троичность из четверичности, то разъясняется и охотник похищенной принцессы, а также почему и как его сивая кобыла стала из четырех- — трехногой (после того, как двенадцать волков ей отгрызли ногу). Трехножие сивой кобылы обязано своим существованием несчастному случаю, которой произошел в то мгновение, когда лошадь намеревалась покинуть царство темной матери. Выражаясь психологическим языком, это скорее всего означает, что если бессознательная целостность становится очевидной, т. е. покидает пределы бессознательного и переходит в область сознания, «одно» из «четырех» отстает и таится — horror vacui — в боящемся пустоты бессознательном. Благодаря этому

возникает троичность, которой — как мы знаем не только из сказки, но и из истории символа, — соответствует противоположная троичность', т. е. возникает конфликт. Здесь можно было бы вместе с Сократом спросить: «Один, два, три, а где же четвертый, из тех, что вчера были нашими гостями, любезный Тимей, а сегодня взялись нам устраивать трапезу?»2 Он остался в царстве темной матери, задержанный волчьей жадностью бессознательного, которое, будь его воля, не отпустило бы ничего из сферы своего влияния, разве только в том случае, если за это будет принесена соответствующая жертва.

Охотник или старый колдун и ведьма — соответствуют негативным родительским имаго в магическом мире бессознательного. Охотник в рассказе встречается сначала в обра-

' Ср. Psychologie und Alchemic, 2 Aufl. 1952, подробнее в Der Geist Mercurius // Symbolik des Geistes. 2 Aufl. Zurich, 1953.

2 Это непонятное место хотели списать на «насмешливый нрав» Платон;

зе черного ворона. Он похитил принцессу и держит ее в заточении. Она называет его «чертом». Однако, как ни странно, его самого заперли в какой-то запретной комнате дворца и приковали там к стене тремя гвоздями, т. <:i. все равно что распяли. Он пойман, как и всякий тюремный надзиратель, и сам предан анафеме, как всякий, кто проклинает. Тюрьмой обоих является волшебный замок на вершине гигантского дерева, а именно мирового древа. Принцесса принадлежит светлому миру перигелия. Именно тогда, когда она заключена под стражу на мировом древе,) она является чем-то вроде amima mundi, которая очутилась во власти тьмы. Однако последней эта добыча, кажется, не пошла на пользу, потому что тот же самый ворон растят, и именно тремя гвоздями. Распятие означает, очевидно, мучительную связанность и подвешенность, наказание за безрассудство, которое осмелилось сунуться, подобно прометею, в сферу принципа противоположностей. Сделал же это ворон, который идентичен с охотником, когда выдрал из светлого мира драгоценную душу, и его в наказание пригвоздили к стене в верхнем миру или в сверхмире. То, что здесь речь идет о перевернутом отражении христианского прообраза, несомненно. Спаситель, который освободил душу человечества от господства этого мира, распят на тресте внизу, в подлинном мире, так же лукавый ворон — за превышение своих полномочий — был пригвожден к стене на небесной вершине мирового древа. Своеобразным путевидным инструментом проклятия в нашей сказке является троичность гвоздей. Кто заключил в тюрьму ворона - в сказке не говорится. Похоже, будто дело здесь было в проклятии триединым именем. Героический малый, который взобрался на мировое древо и проник в волшебный замок (из которого он должен освободить принцессу), имеет право заходить во все комнаты, кроме одной, а именно там, где находится ворон'. Как не следует есть от древа в раю, также нельзя открывать комнату, уж тем более заход и за нее: ничто не прельщает так внимание, как запрет Э >

'В сказке братьев Гримм (1912, Bd. I, «Marienkind») в запрете . »<иннате находится «триединство», что мне кажется весьма примеч^гечьн»- ч

так сказать, самый верный способ, чтобы вызвать непослу шание.{ Очевидно, тайный умысел в

том, чтобы освободить не столько светлую принцессу, сколько ворона. Как только герой уз^ел ворона, тот начал жалобно кричать и жаловаться на cboijo жажду", и юноша, побуждаемый добродетелью сострадания, утоляет его не губкой, иссопом и уксусом, а освежаюШей водой, вслед за чем тотчас выпадают три гвоздя, и воро! улетает через открытое окно. Тем самым злой дух опять оказывается на свободе, превращается в охотника, похищает принцессу во второй раз и запирает ее на этот раз на земле, 1 своей охотничьей хижине. Тайный умысел частично разоблачен: принцесса будет перенесена из сверхмира в человеческий мир, что без содействия злого духа и человеческого непослушания, очевидно, было бы невозможно.

Однако так как и в человеческом мире охотник за душой является также властелином принцессы, то герой должен вновь вмешаться, выманивая хитростью, как мы уже узнали, четырехногую лошадь у ведьмы и разрушая тем самым силу коддуна. Именно троичность заклинает ворона, и одновременно она является силой злого духа. Это две троичности, которые имеют противоположное направление.

Из совершенно другой области, а именно из область психологического опыта, мы знаем, что дифференцируютмогут стать сознательными три из четырех функ-

•Уже Ailian сообщает (Hist. Anim. 1,4), что Аполлон приговорил во ронов к жажде, т. к. один лукавый ворон слишком долго пребывал у водного источника. В немецком фольклоре говорится, что в месяц червем и август ворон должен страдать от жажды. В качестве причины приводится следующее: он один не сокрушался о смерти Христа, или то, что когда он был предан Ноем искать сушу — то не возвратился (ср. Fr. Panzet in Zeitschr. H- deutsche Mythologie. Bd. II. 171; Reinhold Kohler «KSeinen Schriften zur| Marchenforschung, Bd. I, S. 3). О вороне как аллегории зл; см. также исчерпывающее изложение Hugo Rahner (Eranos-fahrbuch 1945). С другой стороны, ворон находится в тесной связи с Аполлоном как исцелившее его животное; в Библии также о нем упоминается в положительном смысле: (Пел. 146,9) «дает скоту пищу его и птенцам ворона, взывающем к Нему». (Иов. 38,41): «Кто приготовляет ворону корм его, когда птенцы его кричат к Богу, бродя без пищи». Подобное в Лк 12:24. Как подлинно «угодливые духи» встречаются они в Книге царств (1 Цар. 17,4; 17,6), где они ежедневно приносят Ахаву пищу.

ций сознания, одна, однако, остается связанной с родной землей, с бессознательным, и называется она — низшей, соответственно, «неполноценной» функцией. oha-to и представляет собой ахиллесову пяту доблестного сознания, где сильный — слаб, разумный — глуп, хороший — плох и т. д., и обратное тоже верно. Согласно нашей сказке, троичность представляется как изувеченная четверичность. Если бы можно было приложить одну ногу к трем другим, то возникла бы целостность. Как гласит загадочная аксиома Марии: «из третьего становится одно (как) четверное» (бк той Tpuov то ev тетартоу), т. е., вероятно, если из аретьего выходит четвертое, то тем самым одновременно возникает единство. Одна, пропавшая часть, которой обладает волки большой матери, является только лишь четвертью, но она, однако, составляет вместе с тремя другими ту целостность, в которой снимается разъединение и конфликт.

Как теперь объяснить, что одна четверть, по свидетельству символики, является также и троичностью? Здесь символика сказки бросает нас на полный произвол, и мы вынуждены

прибегнуть к помощи психологических фактов. Я прежде говорил, что три функции могут быть дифференцированы и только одна пребывает в плену бессознаельного. Это определение все же следует уточнить. Как показывает опыт, дифференциация, лишь приблизительная, удается одной функции, которая вследствие этого называется высшей, или главной, функцией; она составляет (наряду с экстра- и интроверсией) тип сознательной установки. Этой функции пособляют одна или две, более или менее дифференцированные вспомогательные функции, которое, однако, почти никогда не достигают такой же степени дифференциации или пригодности к произвольному использованию. Поэтому они обладают большей спонтанностью по сравнению с главной функцией, которая в значительной степени надежнее и уступчивей нашим намерениям. Четвертая, низшая функция, напротив, недоступна нашей воле. То она предстает как кобольд', вызывающий забавные неполадки, то как ex machina. Всегда, однако, она по-

'Кобольды — в герм мифологии домовые, духи — Примеч. ред

является и действует sua sponte. Из этого изложения следует, что даже дифференцированные функции лишь отчасти освободились от укорененности в бессознательном, в остальном же они прочно засели и действуют под его господством. Трем дифференцированным функциям, которые находятся в распоряжении Я, соответствуют три бессознательные части, которые еще не оторвались от бессознательного [1]. И так же, как трем сознательным и дифференцированным частям функций противостоит четвертая, недифференцированная функция как более или менее мучительный и мешающий фактор, точно так же высшая функция представляется злейшим врагом в отношении к бессознательному. Нельзя обойти молчанием особую уловку: как черт любит рядиться в ангела света, так и низшая функция — тайным и коварным образом — оказывает влияние по преимуществу на главную функцию, так как последняя больше всего подавляет первую[2].

Это, увы, несколько абстрактное отступление необходимо для того, чтобы мало-мальски прояснить хитрые и иносказательные связи нашей — как обыкновенно говорят — «просто детской сказки». Обе противоположные троичности — одна, которая нагоняет зло, и другая, которая противостоит, похожи как две капли воды на функциональную структуру нашей психики — сознательную и бессознательную. Сказка как спонтанный, наивный и нерефлексируемый продукт души не может высказывать ничего другого, кроме того, а что же, собственно, из себя представляет душа? Поэтому не только наша сказка изображает эти структурные психические соотношения, бесчисленные другие сказки делают то же самое[3].

' В одной северной сказке три принцессы, которых надо выручить, изображаются воткнутыми в землю по шею.

2 К учению о функциях см. Psychologische Typen. Neueauflage. 1950.

3Для неспециалистов в этой области я хотел бы добавить, что учение о структуре психики было выведено не только из материала сказок и мифов, но основано на опытах и наблюдениях в области медико-психологического расследования. Лишь вторично было найдено подтверждение этому учению в сфере, лежащей очень далеко от врача, — в сфере сравнительного исследования символа.

Наша сказка на редкость отчетливо показывает, с одной стороны, полную противоречивость архетипа духа, с другой — запутанную сыгранность антиномий по достижении одной большой цели — наивысшего осознавания. Юный свинопас, который из животно-чувственной бездны взбирается на гигантское мировое древо и уже совсем наверху, в светлом сверхмире обнаруживает свою деву - Аниму, знатную принцессу, — символизирует восхождение сознания из приживотных областей к многообещающей вершине, которая самым наилучшим образом представляет расширение горизонта сознания*. Если мужское сознание однажды достигло этой высоты, то оно встречает там свое женское соответствие, Аниму2. Она — персонификация бессознательного. Встреча показывает, насколько неподходящим является обозначение бессознательного как «подсознания». Оно не только «под сознанием», но также над ним, и уже с давних пор над ним, так что герою нужно именно с большим трудом к нему карабкаться. Однако это «высшее» бессознательное ни в коем случае не является сверх-сознанием в том смысле, что тот, кто его достиг, как наш герой, будет возвышаться над «подсознанием» примерно так же, как над поверхностью земли. Напротив, он делает досадное открытие, что его высокая и светлая Анима, принцесса души, гам уже заворожена и так же несвободна, как птица в золотой клетке. Он может, правда, похвастаться, что преодолел низину чуть ли не животной тупости, однако его душа находится во власти злого духа, мрачного отцовского имаго из преисподней в образе ворона, этого известного териоморфного облика черта. Зачем ему нужна его высота и широкий горизонт, если его возлюбленная душа томится в плену? Да, она даже принимает участие в игре преисподнего мира и склонна, по-видимому, препятствовать юноше в раскрытии тайны своей неволи, запрещая ему входить в

' Речь идет о типичной энантиодромии: на этом пути выше не поднимаются, но должны реализовать еще и другую сторону своей сущности и до нее дорасти.

2 Юноша задается вопросом, взглянув на большое дерево: «Как же это здорово посмотреть с его верхушки на край света?»

одну из комнат. Украдкой, однако, она все же приводит его к этому именно через запрет. Это так, как если бы бессознательное имело две руки, причем одна всегда делает нечто супротив другой. Принцессе и хочется и не хочется быть освобожденной. Злой дух, очевидно, именно на это попался в ловушку: он собирался, по-видимому, похитить для себя прекрасную душу светлого верхнего мира, что он, вероятно, мог сделать в качестве крылатой сущности, но вместе с тем он не рассчитывал, что и сам таким образом будет изгнан в этот верхний мир. Хотя он — темный дух, но он страждет света. В этом его тайное оправдание, так же как изгнание означает наказание за то, что он взял на себя лишнее. До тех пор пока злой дух заточен в верхнем миру, принцесса также не может опуститься на землю, и герой исчезает в раю. Тут он, однако, совершает грех непослушания, содействуя таким образом бегству разбойника, и служит причиной повторного умыкания принцессы, а также целого ряда скверных последствий. Результат таков; что принцесса возвращается на землю, а чертов ворон принимает человеческий облик охотника. Тем самым светлая, надмирная Анима, так же как и злой принцип, сближаются в человеке, т. е. оба переводятся в человеческую уменьшительную форму и поэтому становятся досягаемыми. Трехногая, всезнающая лошадь охотника представляет его собственную силу. Она соответствует бессознательной части дифференцированной функции'. Однако охотник персонифицирует низшую функцию, которая выявляется так же и в герое, как его любопытство и

предприимчивость. В дальнейшем герой еще больше уподобляется охотнику: наш герой, так же как и охотник, заполучил своего коня от ведьмы. Однако в отличие от первого охотник в то же время промешкал и не прихватил с собой двенадцать ягнят, ' Всезнание бессознательных частей функции, конечно, утрировано. Фактически они распоряжаются или даже, лучше сказать, находятся под влиянием сублиминальных ощущений и воспоминаний, равно как и инстинктивных, архетипических содержаний бессознательного. Именно они сообщают бессознательной деятельности непредвиденно точную информацию.

чтобы насытить двенадцать волков, которые затем и попортили ему лошадь. Он забыл уплатить дань хтоническим силам, потому что он только лишь разбойник. Его нерадение учит героя, что бессознательное отпускает своих чад только. взамен на жертву*. Число двенадцать здесь, вероятно, является символом времени, с побочным значением двенадцати дел (????)2, которые следует выполнить для бессознательного, прежде чем удастся от него освободиться3. Охотник появляется как первая и неудачная попытка героя пс овладению своей душой путем грабежа и насилия. Достижение души в действительности означает opus4 терпения, жертвенность и самоотверженность. Присваивая себе четырехногую лошадь, герой полностью замещает охотника и также гоняется за принцессой. Четверичность оказывается в нашем рассказе большей силой, потому что она интегрирует в свою целостность ту часть, которой ей недостает, чтобы быть целой.

Архетип духа в этой, кстати сказать, отнюдь не примитивной сказке имеет териоморфное выражение как систему трех функций, которая подчинена единству, злому духу, точно так же, как одна неназванная инстанция при помощи троичности гвоздей распяла ворона. В обоих случаях вышестоящее единство соответствует в первом случае — низшей функции, которая является бессознательным противником главной функции, т. е. охотнику, в последнем случае — главной функции, а именно — герою. Герой и охотник, наконец, уподобляются друг другу, так что функция охотника растворяется в герое. Да, сам герой уже с самого начала кроется в охотнике и побуждает его всеми на-

' Охотник ошибся в расчетах, как это чаще всего и происходит. Люди редко или никогда не думают об издержках, которые вызывает деятельность духа.

2 Ср. миф о Геракле.

'Алхимики подчеркивают большую продолжительность работы и говорят о «longissima via», «diuturmitas immensae meditationis» и т. д. Число 12, вероятно, можно связать с церковным годом, в котором совершается дело Христа по избавлению. Ягненок-жертва, конечно, также происходит из этого источника.

4 О pu s (лат.) — труд. — Примеч. ред.

холящимися в его распоряжении аморальными средствами совершать грабеж души, подталкивая ее, так сказать, против собственной воли скрытно играть на руку герою. На поверхности царит яростная борьба между обоими, в глубине же — один выполняет обязанность другого. Развязка

происходит в тот момент, когда герою удается покорить четверичность, т. е. психологически воспринять низшую функцию в систему трех. Таким образом, конфликт прекращен одним ударом, и личность охотника испаряется в Ничто. После этой победы герой сажает свою принцессу на трехногую лошадь и скачет вместе с ней в королевство ее отца. Она управляет, и отныне она персонифицирует ту область духа, которая прежде служила злому охотнику. Итак, Анима есть и остается представительницей той части бессознательного, которая ни за что не может быть вмещена в целостность, доступную человеку.

Дополнение

Лишь по завершении этой рукописи мои друзья обратили мое внимание на русский вариант нашей сказки. Она имеет название: Марья Моревна1. Герой истории не свинопас, а Иван Царевич. Трем помогающим животным здесь дается интересное пояснение: они составляют соответствие трем сестрам Ивана и их мужьям, поскольку последние являются настоящими птицами. Три сестры представляют бессознательную триаду функций, которая имеет отношение с животной, соответственно, с духовной областью. Птицылюди с виду похожи на ангелов, они подчеркивают вспомогательную природу бессознательной функции. В истории они также спасительно вмешиваются в тот решающий момент, когда герой (непохожий на героя немецкого варианта) оказывается во власти злого духа, им умертвляется и разрывается на части (типичная судьба Богочеловека!)2.

"Дочь моря.

'Старик кладет расчлененного мертвеца в бочонок и бросает его в море, что напоминает судьбу Осириса (голова и фаллос!).

Злой дух — это старец, он часто изображается голым и зо вется Кащей Бессмертный*. Ведьме соответствует известная Баба Яга. Три услужливых животных немецкого варианта здесь удвоены, один раз это птицы-люди, потом — лев, заморская птица и пчелы. Принцесса здесь — королева Мария Моревна, великая предводительница (Мария, небесная Царица, превозносится в русских православных гимнах как «предводительница»), которая в своем дворце, в запертой комнате держит злого духа, прикованного дванадцатыо цепями. Когда Иван утоляет жажду старика, последний похищает королеву. Магические верховные животные не превращаются в заключение в людей. Русская сказка имеет ярко выраженный наивный характер.

5. ПРИЛОЖЕНИЕ

Нижеследующие высказывания не претендуют ни на какой всеобщий интерес, поскольку они, по существу, являются техническими. Я намеревался было их здесь вовсе утаить, но затем одумался и добавил их в качестве приложения. Читатель, специально не интересующийся психологией, может спокойно пропустить этот раздел. Дело в том, что ниже ;я обсуждаю, по-видимому, трудную для понимания и абстрактную проблему трех- и четырехногости магических лошадей и при этом излагаю мои соображения так, что становится ясным метод, которого я придерживаюсь. Это психологическое Raisonnement2 покоится, с одной стороны, на иррациональной данности

материала, т. е. сказки, мифов или сновидений, с другой — на осознавании «латентных»3 рациональных связей этой данности друг с другом. То, что такие связи вообще существуют, является прежде всего гипотезой, наподобие той, которая гласит, что сновидения имеют

•От «кош» — кость и пакость, к а пост — отвратительный, грязный. — Примеч. пер.

raisonnement (фр.) — рассуждение. — Примеч. пер. Патентный (лат.) — скрытый. — Примеч. ред.

смысл. Истинность этого допущения не установлена a priori. Его эффективность может явствовать только после его применения. Поэтому сначала нужно выяснить, действительно ли его методическое употребление на иррациональном материале содействует отчетливому истолкованию последнего. Его применение состоит в том, что с материалом обращаются так, как если бы он обладал внутренней смысловой связью. Для этой цели требуется много данных так называемой амплификации, т. е. некоторых пояснений, генерализаций и сближений с более или менее общим понятием в соответствии с карданическим правилом толкования. Так, например, чтобы познать трехногость, нужно прежде всего отделить ее от лошади и приблизить к ее собственному принципу, а именно к троичности. Упомянутая в сказке четырехногость также соотносится с троичностью на более высокой ступени, усиливая всеобщее понятие, из чего получается загадка Тимея, а именно проблема трех и четырех. Триада и тетрада представляют архетипические структуры, которые играют значительную роль во всеобщей символике, они важны в равной мере для исследования мифов и сновидений. Возведение иррациональных связей (а именно, трех- и четырехногости) на ступень всеобщего принципа воззрения позволяет выявить подспудное универсальное значение мотива, что придает размышляющему рассудку мужество всерьез приступить к доказательству. Эта задача затрагивает ряд соображений и выводов технического характера, которые я не хотел бы скрывать от читателя, интересующегося психологией, тем более что эта понятийная работа вообще типична для разгадывания символов и необходима для понимания продуктов бессознательного. Таким только образом может быть проработан смысл бессознательных связей из них самих, в противоположность тем дедуктивным толкованиям, которые выводятся из какой-то предполагаемой теории, как, например, из астро- и метеоромифологической и last not least из сексуально-теоретической интерпретации.

Трех- и четырехногость лошади составляет на самом деле загадочное обстоятельство, достойное более тщательного расследования. Тройка и четверка напоминают не только о

той дилемме психологической теории функций, но также о той аксиоме Марии Prophetissa (пророчицы), которая играет значительную роль в алхимии. Поэтому стоит, видимо, чуть ближе подойти к значению обоих диковинных лошадей.

Достойным внимания мне представляется прежде всего то, что трехногому предписано быть, с одной стороны, верховым животным для принцессы, а с другой стороны — эта же самая кобыла одновременно является заколдованной принцессой. Троичность связывается здесь недвусмысленно с женственностью, тогда как для доминирующего религиозного воззрения, присущего сознанию, троичность представляет изборное мужское дело, не говоря уже о том, что три, как нечетное число, и без того является мужским. Поэтому можно было бы троичность прямо перевести как «мужественность», и последняя еще более подчеркивается в древнеегипетской трехипостасности бога Ка-Мутеф-фараона1.

Трехногость как свойство животного означает мужествен ность бессознательного, присущую женской сущности. У реальной женщины ее мужественности, вероятно, соответствует Анимус, который, как заколдованный конь представляет «дух». У Анимы, напротив, троичность совпадает не только с христианским представлением Троицы, но и с «нижним треугольником», триадой низших функций, с триадой, которая составляет так называемую «Тень». Низшая половина личности чаще всего и по большей части — бессознательна. Она означает не все бессознательное, только лишь его личностный срез. Анима, напротив, отличается от Тени, постольку поскольку она персонифицируеэ коллективное бессознательное. Если троичность ей подчинена как верховое животное, то этим хотят указать на то, что она оседлала Тень, т. е. относится к ней как Мара2. В данном случае она дурачится над Тенью. Будь она сама ло-

' Ка-Мутеф означает «Бык своей матери». См. H. Jacobsohn: Die dogmatische Stellung des Konigs in der Theologie der alten Agypter. Agypt. Forsch. Herausg. v. A. Scharft, 1939. H. 8. S. 17, 35.

2 Ср. Wandlung w. Symbole der Libido. S.243 и 398. Новое издание. 1952. Symbole der Wandlung. S.427 и 725.

шадью, то она бы утратила свое доминирующее положение как персонификация коллективного бессознательного, ведь если она является верховым животным принцессы А, супруги героя, то она объезжена, т. е. одурачена. Она, как принцесса В, — правильно говорится в сказке — заколдована в трехногого.

Это несколько запутанное дело может разрешиться следующим образом: 1. Принцесса А есть Анима героя'. Она едет верхом, т.е. дурачится над трехногим, над Тенью, над триадой низших функций своего будущего супруга. Выражаясь проще, это означает, что она завладела низшей половиной личности героя. Она его подцепила со стороны его слабости, что часто случается в повседневной жизни, потому что человек нуждается в поддержке и в дополнении там, где он слаб. Женщине по смыслу подобает быть слабым местом мужчины. По всей вероятности, эта ситуация так и формулируется, если героя и принцессу А рассматривать как двух обычных людей. Но так как эта история удивительна и разыгрывается, главным образом, в мире магического, то все же правильнее толковать принцессу А как Аниму героя. В таком случае герой, благодаря встрече с Анимой, отрешается от дольнего мира, как Мерлин, благодаря своей фее, т. е. он похож на заурядного человека, который, захваченный удивительным сном, смотрит на мир лишь как сквозь туман.

2. Теперь положение дел значительно усложняется из-за непредвиденного обстоятельства, т. к. трехногий, со своей стороны, представляет женское, т. е. соответствует принцессе А. Он — принцесса В. Последняя как бы соответствует в своем лошадином обличье Тени принцессы А. (Стало быть, триаде ее низших функций.) Однако принцесса В отличается от принцессы А тем, что она не ездит верхом на лошади, а в ней заключена, другими словами, в нее заколдована и таким образом оказывается под господством мужеской троичности. Она также одержима Тенью.

' То, что она не заурядная девушка, а королевское лицо и даже electa (фр. — избранница) злого духа — доказывает ее нечеловеческую природу. Я полагаю, что понятие Анима — известно.

3. Теперь вопрос таков: чьей Тенью она одержима? Это не может быть Тень героя, потому что тот уже завладел своей Анимой. Сказка дает нам ответ: это — охотник, соответственно колдун, который ее заворожил. Как мы увидели, охотник находится в определенной связи с героем: последний постепенно занимает место охотника. Поэтому можно выдвинуть предположение, что охотник, в сущности говоря, есть не что иное, как Тень героя. Однако теперь такая точка зрения противоречит тому факту, что охотник репрезентирует значительную власть, которая распространяется не только на Аниму героя, но и намного дальше, а именно на королевскую пару (брата с сестрой), о существовании которой ни герой, ни его Анима не имели ни малейшего представления и которые даже в самой сказке появляются очень неожиданно. Власть, которая простирается много дальше сферы влияния единичного человека, имеет сверхиндивидуальный характер и не может быть поэтому идентифицирована с Тенью, поскольку последнюю мы понимаем и определяем как темную половину личности единичного. В качестве надындивидуального фактора нумен охотника является той доминантой коллективного бессознательного, которая в силу своих характерных черт, таких как охотник, колдун, ворон, чудесная лошадь, распятие — и соответственно — подвешенность на вершине мирового древа, в особенности затрагивает древнегерманскую душу. Отблеск христианского мировоззрения в море бессознательного поэтому принимает черты Вотана. Мы сталкиваемся в фигуре охотника с imago dei, с образом Бога, потому что Вотан есть также бог ветра и духа, поэтому-то римляне и истолковывали его надлежащим образом как Меркурия.

4. Принц и его сестра, принцесса В, стало быть, захвачены языческим божеством и превращены в лошадей, т. е. загнаны в животную сферу. Последняя соответствует бессознательному. Оба в их собственном человеческом обличье когда-то принадлежали к царству коллективного сознания, Однако кто они?

Для ответа на этот вопрос мы должны исходить из топ факта, что оба, без сомнения, представляют собой соответствие герою и принцессе А. Оба связаны с последними,

т. к. служат им в качестве верховых животных и появляются, естественно, как их нижние анималистические половины. Животное с его почти полной бессознательностью с давних пор является символом той психической сферы в человеке, которая скрыта в сумраке телесной жизни влечений. Герой едет верхом на жеребце, который ознаменован четным (женским) числом (4). Принцесса А—на кобыле, которая имеет только три ноги (следовательно, мужское число). Эти числа обнаруживают, что одновременно с превращением в животное наступила также определенная перемена в признаке пола: жеребец имеет женский атрибут, кобыла — мужской. Этот итог подтверждается психологией; в той мере, в какой коллективное бессознательное одолевает мужчину, безудержно обнаруживается не только его потребностная сфера, но также определенный женский характер, который я предложил обозначить как «Анима». Окажись, напротив, женщина под господством бессознательного, то сильнее выделяется темная сторона ее женской природы, связанная с резко выраженными мужскими чертами. Последние обобщаются понятием «Анимус»'.

5. Однако, по свидетельству сказки, животная форма чужеродна паре брат — сестра, и она (форма) обязана своим существованием колдовскому влиянию языческого бога охотника. Если бы они были только животными, то мы могли . бы довольствоваться, вероятно, только вышеупомянутым толкованием. При этом мы обошли бы, разумеется, несправедливым молчанием диковинный намек в перемене родового признака. Сивая кобыла, однако, — не обычная лошадь, но чудовище со сверхъестественными свойствами. Человеческая фигура, из которой путем околдования возникло животное, должна поэтому также иметь в себе характер сверхъестественности. Сказка, правда, не дает никаких указаний на это. Однако если наше предположение законно, т. е. животная форма обоих соответствует низшим человеческим компонентам героя и принцессы, тогда оказывается, что человеческая форма равна сверхчеловеческим компонентам их

"Ср. Emma Y u n g. Ein Beitrag zum Problem des Animus // Wirklichkeit der Seele. Psychol. Abh. IV, herausg. v. C. G. Jung, 1934. S. 296.

самих. Сверхчеловечность исходного свинопаса обнаруживается в том, что он становится героем, как бы полубогом, т. к. он не остается при своих свиньях, а взбирается на мировое древо, где оказывается его пленником, чуть ли не как сам Вотан. Точно так же он не сумел бы уподобиться охотнику, если бы он, как мы видели, не обладал бы известным с ним сходством. Равным образом неволя принцессы А на вершине мирового древа также означает определенную ее избранность', она — даже невеста бога, поскольку делит ложе с охотником, как сообщается в сказке.

Именно чрезвычайные, граничащие со сверхчеловеческим силы геройства и избранности впутывают двух обыкновенных смертных в сверхчеловеческую судьбу. Благодаря этому в мирской жизни свинопас становится королем, а принцесса находит суженного ей супруга. Так как в сказке существует не только дольний, но и магический мир, то человеческая судьба еще ни о чем не говорит. Поэтому я должен набросать, что происходит в магическом мире. Там также принц и принцесса очутились во власти злого духа, но он и сам находится в скверном положении, из которого не может вызволить себя без посторонней помощи. Тем самым на ступени магического мира проводится параллель с человеческой судьбой, которая приключилась с юношей и принцессой А. Поскольку, однако, охотник как языческий кумир возвышается над миром героев и любимцев богов, то параллелизм простирается далеко за пределы только магического в область божественного и духовного, где злой духчерт или по меньшей мере просто черт обречен на проклятие таким же, а скорее, даже более сильным контрпринципом, что выражено тремя гвоздями. Это наивысшее напряжение противоположностей, из которого развязывается целая драма, является, очевидно, конфликтом между верхней и нижней тройственностью, или, выражаясь мировоззренчески, между, с одной стороны, христианским Богом, с другой стороны, чертом, перенявшим черты Вотана'.

' О троичности Вотана ср. Ninck. Wodan und Germanischer Schicksalsglaube; 1935. S.142. Его конь, между прочим, также описывается как трехногий.

6. Представляется, что мы должны исходить из этой наивысшей инстанции, если хотим правильно понять сказку, потому что исходное основание драмы состоит во всех предшествующих злоупотреблениях духа. Ближайшим результатом является его распятие. В своем нестерпимом положении он нуждается в чужой помощи, которую, если она не приходит свыше, можно призвать только снизу. Какой-то подпасок, обладая столь безрассудной, сколь и ребяческой предприимчивостью и любопытством, вскарабкивается на мировое древо. Если бы он упал и поломал себе все кости, то люди бы просто сказали: какой-то злой дух внушил ему это сумасбродство взбираться именно на такое гигантское дерево! И на самом деле они не ошиблись

бы, потому что это как раз то, что требовалось злому духу. Пленение принцессы А было злоупотреблением в дольнем миру, а зачарование (как мы вправе предположить) полубожественной пары (брата с сестрой) было тем же самым в магическом мире. Мы этого, правда, не знаем, но вполне возможно, что это злодеяние даже предшествовало колдовству принцессы А. Во всяком случае оба события свидетельствуют о распространенности злого духа в магическом мире, так же как и в земном.

Не лишено более глубокого смысла и то, что избавитель или спаситель является именно свинопасом, как блудный сын. Он происходит из низов и в этом смысле имеет много общего со странным представлением о спасителе у алхимиков. Первое его освободительное дело — развязывание злого духа, приговоренного к божественному наказанию. С этого дела, как первой ступени лизиса, начинается вообще драматическая развязка.

7. Мораль этой истории на самом деле очень странная. Конец удовлетворяет, поскольку пастух и принцесса А празднуют свадьбу и становятся королевской четой. Принц и принцесса В также празднуют свою свадьбу как инцест, по архаической королевской прерогативе, что, по-видимому, кажется предосудительным, но с чем нужно смириться как со своеобразным обычаем в кругу полубогов'.

'Предположение о том, что речь здесь идет о паре брата с сестрой, основано на том простом факте, что жеребец обращается к кобыле как к

12'

Но что происходит со злым духом, освобождение которого от справедливого наказания дало начало всей драме? Злого охотника растоптали кони, что предположительно не нанесло духу никакого продолжительного ущерба. Он исчез, по-видимому, бесследно. Однако это — только видимость, потому что он, наперекор всему, оставил после себя след, а именно трудноискупаемое счастье как в дольнем, так и в магическом мире. Четверичность, представленная с одной стороны пастухом и принцессой А, а с другой стороны — принцем и принцессой В, объединилась по крайней мере по половинкам и крепко завязалась: теперь две супружеские пары противостоят друг другу: хотя они и параллельны друг другу, но все же отделены друг от друга, потому что одна пара принадлежит дольнему, другая — магическому миру. Несмотря на это несомненное разделение, как мы видели, между ними существуют тайные психологические отношения, которые позволяют нам выводить одну пару из другой.

Говоря в духе сказки, в которой драма закручивается с кульминационного пункта, нужно было бы сказать, что полубожественный мир предсуществует дольнему и в какой-то мере порождает последний из себя, точно так же как первый следует понимать происшедшим из мира богов. Понятые таким образом пастух и принцесса А означают не что иное, как земные отображения принца и принцессы В —как те, со своей стороны, вероятно, опять же были отпрыс ками божественных образов. Не забудем, что ведьма, раз водящая лошадей, относится к охотнику как

женская про тивоположность, что-то вроде старой Эпоны (кельтской бо гини коней). К сожалению, не сообщается, как происхо дило заколдование в лошадей. Однако то, что ведьма при дожила к этому свою руку, следует из того, что обе кобы лы происходят из ее хлева и поэтому в известной мере яв ляются ее порождением. Охотник и ведьма составляют пару

«сестричке». С одной стороны, это может быть только оборотом речг но, с другой стороны, «сестричка» все же означает сестру, будь то на стоящую или ненастоящую. Кпоме того, инцест играет видную роль как в мифологии, так к в алхимии.

которая есть отблеск божественной родительской пары в (тонически-ночной части магического мира. Божественную пару нетрудно узнать в центральном представлении христианства о sponsus et sponsa о Христе и невесте-Церкви.

Пожелай кто-нибудь объяснить сказку персоналистически, то эта попытка потерпела бы неудачу, потому что архетипы — не произвольные выдумки, но автономные элементы бессознательной психики, и они находятся там прежде всякой выдумки. Они представляют собой неизменную структуру психического мира, который своими детерминирующими воздействиями на сознание показывает, что он — «настоящий». Итак, этот мир — важная психическая реальность, где человеческой nape1 соответствует другая пара в бессознательном, причем последняя является только по видимости отражением первой. Королевская пара всегда и повсюду существует в действительности a priori, и поэтому человеческая пара скорее всего означает индивидуальную, пространственно-временную конкретизацию вечного прообраза, по крайней мере в его духовной структуре, которая отчеканена на биологической континуальности.

Вероятно, можно даже сказать, что свинопас представляет уже этого анималистического человека, которому вверена где-то в сверхмире партнерша. Своим королевским происхождением она выказывает свою связь с существующей полубожественной парой. Рассмотренная с этой точки зрения, она представляет все то, чем человек только может стать, если он взберется достаточно высоко на мировое древо2. По мере того как молодой пастух овладевает своей родовитой женской половиной, он приближается к полубожественной паре и возвышается до сферы королевского достоинства, т. е. общезначимости. В той интермедии, которая присоединена к «Химической свадьбе» Христиана Розенкрейцера, мы встречаем тот же мотив: Царевич должен сначала освобо-

' Поскольку Анима заменена человеческой персоной. 2 Большое дерево соответствует алхимическому arbor philcsophica. Встреча зеленого человека с Анимой в образе Мелузины, сошедшей с кроны, описано у Ripley Scroll. См. Psychologie u. Alchemie 2. Aufl. 1952. S. 617.

лить свою королевскую невесту от власти мавра, к которому она прильнула добровольно как сожительница. Мавр представляет там алхимическое нигредо, в котором скрыта аркансубстанция;

вот на какие мысли наводит дальнейшая параллель нашей мифологемы, т.е., выражаясь психологически, последующий вариант этого архетипа.

Как алхимия, так и наша сказка описывает те бессознательные процессы, которые компенсируют христианское состояние сознания. Описывается бурление духа, который выводит христианские идеи за грань, установленную церковным воззрением, чтобы найти ответ на тот вопрос, на который, вероятно, не могли дать ответа ни в средние века, ни в Новое время. Ведь совсем нетрудно увидеть, что образ второй королевской пары соответствует церковному представлению о женихе и невесте, а в образе охотника и ведьмы — налицо искажение христианской мысли в направлении все еще существующего бессознательного вотанизма. Так как речь идет о немецкой сказке, то дело принимает особенно интересный оборот, поскольку тот же самый вотанизм психологически стал крестным отцом национал-социализму[1]. Последний наглядно продемонстрировал всему миру искажения «снизу». Однако, с другой стороны, сказка показывает, что достижения тотальности, в смысле целостного становления человека, — возможно только путем приобщения к темному духу, потому что последний представляет собой именно causa instrumentalis этой избавляющей индивидуации. В совершеннейшем извращении той цели духовного развития, к которой стремится не только природа, но которой также отмечена христианская доктрина, национал-социализм разрушил нравственную автономию человека и установил нелепую тотальность государства. Сказка, напротив, показывает, как нужно поступать, если хочешь преодолеть силу темного духа: надо применять его методы против него самого; чего, конечно, не может произойти, если магическая преисподня мрачного охотника останется бессознательной, а лучшие из народов будут скорее проповедовать научные положения и догматы веры, чем всерьез относиться к человеческой душе.

' Ср. мою работу: Aufsatze zur Zeitgeschichte, 1946.

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Когда мы созерцаем дух в его архетипической форме, каким он предстает перед нами в сказках и сновидениях, то получается образ, который резко отличается от сознательной идеи духа, расколотой на множество значений. Первоначально дух — это дух в человеческом или животном облике, демония, которая выступает против человека. Однако уже наш материал позволяет нащупать следы расширения зоны сознания; оно постепенно начинает оккупировать ту, первоначально бессознательную область и отчасти превращать эту самую демонию в акты произвола. Человек покоряет не только природу, но также и дух, не представляя себе, что он тем самым делает. Просвещенному рассудку кажется, что здесь что-то не так, когда он узнает, что то, что он считал духами, есть в конечном счете дух человека, его собственный дух. Все сверхчеловеческое как в добре, так и во зле, о чем в былые времена вещали демоны, считается преувеличением и редуцируется до «разумной меры». После этого кажется, что все в полном порядке. Значит, единодушное убеждение прошлого было только преувеличением? Если это не так, то интеграция человеческого духа означала совсем не его демонизацию, так как сверхчеловеческие духовные силы, которые когда-то были связаны с природой, вошли в человеческую сущность и придали ей власть, которая рискованно сдвинула границы человеческого бытия в неопределенное. Я должен задать вопрос просвещенному рационалисту: привела его разумная редукция к благотворному господству материи и духа? Он гордо укажет на прогресс физики и медицины, на освобождение духа от средневековой затхлости и — как благонамеренный христианин — на избавление от боязни демонов. Однако затем мы спросим: к чему привели все прочие достижения культуры? И ответ повергнет нас в ужас: от страха не избавились, мрачный кошмар лежит на всем мире. Разум и поныне остался жалким, и именно то, чего все желают избежать, происходит в зловещей прогрессии. Человек добился чего-то чрезвычайно полезного, но для этого он растравил пучину мира. И что станется с ним? Где же он смо-

жет сделать привал? После последней мировой войны надеялись на рассудок, надеемся и сейчас, но если уже сегодня ослеплены возможностями расщепления урана и посулами Золотого века — то это вернейший залог того, что ужас опустошения безмерно возрастет. И кто же все это осуществляет? Так называемый мирный, одаренный, изобретательный и разумный человеческий дух, который, как на грех, не осознает только присущей себе демонии. Да, этот дух делает все, чтоб нельзя было увидеть его собственное лицо и чтобы каждый помогал ему в этом по мере сил. Только бы не психология! — потому что ее «распутство» могло бы привести к самопознанию! Тогда уж лучше войны, в которых каждый раз виноват другой, и никто не видит, что весь мир одержим, мы творим то, чего избегаем и боимся.

Мне кажется, честно говоря, в былые времена не преувеличивали, и дух не сбросил своей демонии, и люди чуть ли не в большей мере поставлены перед опасностью одержимости вследствие их научного и технического развития. Вероятно, архетип духа отличается способностью как к злым, так и к хорошим делам, однако это зависит от сво" бодного, т. е. сознательного, решения человека: не превратится ли благо в нечто сатанинское? Ужаснейшим грехом человека является несознание, однако ему предаются даже с большим благоговением именно те, которые должны быть учителями людей и служить им примером. Наступит ли, наконец, то время, когда совершенно серьезно всеми силами и способами человек попытается вырвать себя из своей одержимости и бессознательности, преодолеть варварство и сделать это важнейшей задачей культуры? Неужели нельзя в конце концов понять, что все внешние изменения и улучшения не затрагивают внутреннюю природу человека и что все наконец зависит от того, вменяем или нет тот человек, который пользуется техникой? Ну, указало нам христианство путь, однако, как показывают факты, оно недостаточно глубоко проникло вглубь. Сколько еще потребуется отчаяния, чтобы открыть ответственным вождям человечества так широко глаза, чтобы они смогли, по крайне? мере, сами воздержаться от зловещего соблазна?

Божественный ребенок (пер. Т. А. Ребеко)

ВВЕДЕНИЕ

Автор одной из работ по мифологии «ребенка» и о детском божестве упросил меня .психологически прокомментировать предмет его исследования. С удовольствием выполняю его предложение, хотя мне кажется, что это предприятие, ввиду большого значения мотива ребенка в мифологии, таит в себе немало риска. Греческо-римский вариант этого мотива сам Кереньи расширил через параллели, имеющие индийское, финское и прочее происхождение, — тем самым он дал понять, что изложение можно было бы распространить на еще более широкие дали. Пусть развернутое описание не внесло бы ничего принципиально нового, но оно, пожалуй, могло бы

произвести прямо-таки потрясающее впечатление о всемирной распространенности и частотности этого мотива. Обычная (до сегодняшнего дня) трактовка мифологического мотива в отделенных друг от друга областях науки, таких, как филология, этнология, история культуры и сравнительная история религии, не слишком способствовала познанию его универсальности, — а психологическую проблематику, вскрытую благодаря этой универсальности, с легкостью можно было бы отодвинуть в сторону при помощи гипотез миграции. Именно вследствие этого идеи Адольфа Бастиана имели в свое время незначительный успех. Хотя существовавшего уже тогда эмпирического материала было вполне достаточно, чтобы обеспечить далеко идущие психологические заключения, но не было необходимых предпосылок. Тогдашнее психологическое

познание сводило образование мифа только к своей компетенции, о чем свидетельствует пример Вундта (психология народов); но оно было не в силах обнаружить тот же самый процесс в психике цивилизованного человека в качестве живой наличествующей функции, столь же мало оно было в состоянии понять мифологические мотивы в качестве структурных элементов психики. Верное своей истории, — где психология сначала была метафизикой, затем учением об органах чувств, и лишь после — теорией сознания и его функций, — познание идентифицировало свой предмет с сознанием и его содержаниями и тем самым полностью упускало из виду существование несознательной души. Хотя различные философы, такие, как Лейбниц, Кант и Шеллинг, ранее уже ясно указали на проблему темной души, но был также и врач, который почувствовал, что вынужден, исходя из своего естественнонаучного и медицинского опыта, указать на бессознательное как на существенное основание души. Это был К-Г.Карус, решающий предшественник Эдуарда фон Гартмана. В новейшее время именно медицинская психология вновь приблизилась к проблеме бессознательного, но уже без философской предпосылки. Благодаря многочисленным эпизодическим исследованиям стало ясно, что психология неврозов и многих психозов не может обойтись без гипотезы о некоей темной части души, а именно о бессознательном. То же самое верно для психологии сновидения, последнее является истинной terra intermedia между нормальной и патологической психологией. В сновидении, так же как и в продуктах психоза, были обнаружены бесчисленные связи, которые можно поставить в параллель только со сцеплением мифологических идей (или, пожалуй, с некоторыми поэтическими продуктами, которые часто отличаются далеко не всегда осознанными заимствованиями из мифов). Если бы в ходе соответствующего основательного разыскания обнаружилось, что в большинстве этих случаев речь идет просто о забытых знаниях, то врач никогда бы не взял на себя труд по проведению пространных исследований относительно индивидуальных и

'Terra intermedia (лат.) — промежуточная зона. — Примеч. пер.

коллективных параллелей. Однако на самом деле и воистину типичные мифологемы наблюдались именно у тех индивидов, где подобные знания были исключены и где невозможно было их вывести даже опосредованно из скольколибо известных религиозных представлений или из фигур

обиходной речи1. Такие результаты вынуждали предположить, что здесь следует говорить об «автохронном» вторичном происхождении помимо какой бы то ни было традиции и вместе с тем о наличии «мифообразующих» структурных элементов в бессознательной психике2.

В этих случаях речь никогда не идет об оформленных мифах (или, по крайней мере, очень редко), а скорее о мифологических компонентах, которые можно обозначить из-за их типичной природы как «мотивы», «прообразы», «типы» или «архетипы» (как назвал их я). Архетип ребенка— меткий пример. Сегодня мы вправе утверждать, что архетипы проявляются в мифах и сказках, так же как в сновидениях и психотических продуктах фантазии. Средой их в первом случае является смысловая связь, упорядоченная и по большей части непосредственно понятная, во втором случае — напротив, по большей части она представляет из себя вереницу образов— непонятную, иррациональную и описываемую как бредовая, — вереницу, которая, однако, не лишена смысловой спаянности, пусть и скрытой. У индивида архетипы

'Один пример из практики см. в Seelenprobleme der Gegenwart. S. 161.

'Фрейд («Traumdeutung». 1900. II. Aufl. S.185) поставил в параллель определенные аспекты индивидуальной психологии и предание об Эдипе; он заметил, что «их всеобщую достоверную действительность» можно объяснить сходной инфантильной предпосылкой.

Затем настоящая разработка мифологического материала была подхвачена моими учениками (A. Maeder. Arch, de Psychologie. T. VI, 1907. Psychiatr. — Neurol. Wochenschr. Bd.X.; F. Riklin. Psycho-neurol. Wochenschr. Bd. IX. Schriften z. angew. Seelenkunde. H. z. 1908. C. Abraham. Schr. z. angew. Seelenk. H.4. 1909).

За ними следует О.Ранк из Венской школы (O.Rank: Schr. z. angew. Seelenkunde. H.4. 1909).

В «Wandlung und Symbole der Libido» (1911) я уже тогда осуществил довольно объемное изучение психологических и мифологических параллелей. Ср. мое сочинение: Uber den Archetypen. Zentralbl. far Psychotherapie. Bd.IX. 1936.

выступают как непроизвольные манифестации бессознатель ных процессов, существование и смысл которых можно раскрыть только косвенно; в мифах же, напротив, речь вдет о традиционных формах, возраст которых чаще всего не поддается оценке. Они восходят к доисторическим временам, к тем духовным предпосылкам и условиям, которые мы можем наблюдать у существующих еще сегодня примитивов. Мифы на этой ступени, как правило, представляют собой родовое учение, которое передается от поколения к поколению путем пересказа. Примитивное состояние духа отличается от цивилизованного главным образом тем, что сознание в puncto протяженности и интенсивности развито гораздо меньше. Главным образом еще не дифференцированы такие функции, как мышление, воля и т. д.; они — предсознательны, в случае мышления это, например, обнаруживается в том, что не мыслят сознательно, а мысли всплывают. Примитив не может утверждать, будто он думает, но «нечто мыслится в нем». Спонтанность мыслительного акта связана каузально1 не с его сознанием, а с его бессознательным. Он не способен также ни к какому сознательному напряжению воли, но он

должен наперед повергнуть себя в «настроение хотения» или быть повергнутым: отсюда его «rites d'entree et de sortie»2. Его сознание находится под угрозой могущественного бессознательного — отсюда боязнь магических влияний, которые могут в любое время перечеркнуть его намерение, и потому он также окружен неизвестными силами, к которым он должен как-то приспособиться. При хронически сумеречном состоянии его сознания чаще всего просто невозможно разобрать, что нечто только лишь приснилось ему или он пережил это на самом деле. Самоманифестация бессознательного с его архетипами повсеместно вторгается в его сознание, и мифический мир предков, к примеру мир альира и вугари у австралийцев, существует наравне с материальной природой, если не господствует над ней3. Не тот мир, каким мы

'Causa (лат.) — причина. — Примеч. ред.

^ites d'entree et de sortie (фр.)—ркгуалыкюда и уьаоал—Примеч. пер. ^тот факт — известен, а этнографической литературы по данному вопросу больше, чем можно было бы привести.

его знаем, говорит из его бессознательного, а неизвестный мир психики, про который нам ведомо, что она только частично отражает наш эмпирический мир и что она — в другой части — даже формирует его соответственно психических фактов, сколько описывает, как душа переживает психические факты, причем она (душа) нередко ведет себя настолько самовластно, что отрицает осязаемую действительность и выдвигает утверждения, которые дают пощечину действительности.

Примитивное устроение духа не выдумывает никаких мифов, но переживает их. Изначально мифы — суть откровения предсознательной души, невольные высказывания о бессознательном духовном событии, а совсем не аллегории психических процессов'. Такие аллегории были бы только досужей игрой ненаучного интеллекта. Мифы же имеют витальное2 значение. Они не только представляют, но также и являются душевной жизнью примитивного рода, который тотчас распадется и погибнет, если потеряет свое мифическое наследное достояние, так же как человек, потерявший душу. Мифология рода — это его живая религия, потеря которой всегда и повсюду, даже у цивилизованных людей, — моральная катастрофа. Религия — это живая связь с душевными процессами, которые зависят не от сознания, а происходят где-то по ту сторону от него, в темноте душевных задворок. Хоть многие из этих бессознательных процессов возникают из косвенных понуждений сознания, но никогда не из сознательного произвола. Другие, кажется, возникают спонтанно, т. е. без узнаваемых и без указующих на сознание причин.

Современная психология трактует продукты бессознательной деятельности фантазии как самоизображение процессов в бессознательном или как высказывания бессознательной психики о себе самой. Различают две категории таких продуктов. Во-первых, фантазии (включая сновидения) личного характера, которые, без сомнения, восходят к лично пережитому, забытому или вытесненному и кото-

'Ср. Seelenprobleme der Gegenwart. 1931. S.167. Vita (лат.) — жизнь. — Примеч. ред.

рые вследствие этого всецело могут быть объяснены из индивидуального анамнеза'. Во-вторых, фантазии (включая сновидения) неличного характера, которые не могут быть сведены к переживаниям индивидуальной предыстории и которые, вследствие этого, не могут быть объяснены из индивидуальных acquisitionen2. Несомненно, что эти образы фантазии имеют свою ближайшую аналогию с мифологическими типами. Поэтому можно допустить, что они вообще соответствуют определенным коллективным (а не личным) структурным элементам человеческой души и наследуются так же, как морфологические элементы человеческого тела. Хоть традиция и распространение путем миграции имеют все основания, помимо них все же существуют бесчисленные случаи — как уже было сказано, которые нельзя объяснить таким происхождением и которые требуют предположения об «автохронном» вторичном происхождении. Эти случаи настолько часты, что нельзя не предположить наличие коллективного базового пласта души. Я обозначил это бессознательное как коллективное бессознательное. Продукты этой второй категории настолько подобны структурным типам мифов и сказок, что их можно рассматривать как родственные. Поэтому вполне вероятно, что оба — как мифологические типы, так и индивидуальные — возникают при абсолютно схожих условиях. Как уже упомянуто, продукты фантазии второй категории (впрочем, также и первой) возникают в состоянии пониженной интенсивности сознания (в сновидениях, делириях, дневных грезах, видениях и т. д.). В таких состояниях прекращается концентрация сознания, и содержания, выходящие из бессознательного, не оттормаживаются, бессознательный прежде материал устремляется как из распахнутых боковых дверей в пространство сознания. Этот способ возникновения является всеобщим правилом3.

'Анамнез (греч.) — припоминание. — Примеч. ред. Requisitionen (фр.) — приобретение. — Примеч. пер. Исключение составляют некоторые случаи спонтанных видений, «automatismes teleologiques» (Frounoy) и процессы, о которых я узнаю путем метода «активной имагинации».

Пониженная интенсивность, отсутствие концентрации и внимания, «abaissement du niveau mental»1 (Жане) довольно точно соответствуют примитивному состоянию сознания, состоянию, в котором следует подозревать причину образования мифа. Поэтому очень даже возможно, что мифологические архетипы выявлялись точно таким же способом, как и индивидуальные манифестации архетипических структур, существующих поныне.

Методический принцип, согласно которому психология трактует продукты бессознательного, гласит: содержания архетипичной природы манифестируют процессы в коллективном бессознательном. Они относятся поэтому не к сознанию или к бывшему сознательному, а к сущностно бессознательному. Поэтому, в конечном счете, совершенно нельзя указать, к чему они относятся. Всякое толкование по необходимости остается в форме «как будто». В конце концов ядро значения можно даже перефразировать, но нельзя описать. Тем не менее одно только изложение означает существенный процесс в познании подсознательной структуры психики, которая была уже тогда, когда еще не существовало ни единства человека (коим еще наверняка не обладают современные примитивы), да и вообще не было еще сознания. Это предсознательное состояние мы можем наблюдать также в раннем детстве, и это — именно сновидения того раннего периода, которые нередко споспешествуют обнаружению в высшей степени примечательных архетипических содержаний2.

Если поступать согласно ранее изложенному правилу, то больше не возникает вопроса, относится

ли миф к солнцу или к луне, к отцу или к матери, к сексуальности, к огню или к воде. Но речь идет только о перефразировании и об аппроксимативной3 обрисовке бессознательного ядра значе-

'Abaissement du niveau mental (фр.) — понижение умственного уровня. — Примеч. пер.

2 Специальный материал содержится только в неопубликованных докладах психологического семинара в Eidgen. Techn. Hochschule, Zurich. 1936-1939.

Rpproximare (лат.) — приближаться. — Примеч. пер

ния. Смысл этою isu Jens' никогда не был сознательным и никогда таковым не будет. Его только лишь толковали и толкуют, причем всякое толкование, которое мало-мальски приближается к этому сокровенному смыслу (или с точки зрения научного интеллекта — к бессмыслице, что сводится к тому же самому), с давних пор претендовало не только на абсолютную истинность и достоверность, но одновременно также и на почитание, и на религиозную покорность. Архетипы были и остаются душевной жизненной мощью, которая желает, чтобы ее приняли всерьез, и которая причудливым образом следит за тем, чтобы выказать себя. Они всегда были носителями защиты и исцеления, и их уязвление влекло за собой «perils of the soul»2 — хорошо известные из психологии примитивов. Именно они — неминуемые возбудители невротических и даже психотических нарушений, так как ведут себя словно запущенные и истерзанные органы тела или органические функциональные системы.

О чем бы ни высказывалось архетипическое содержание — это прежде всего языковое сравнение. Говорит ли оно о солнце и идентифицирует с ним льва, короля, охраняемые драконом сокровища или силы жизни и здоровья человека, так это ни первое и ни второе, а нечто неизвестное третье, что может быть выражено более или менее точно через все эти сравнения, но что — оставаясь постоянной досадой для интеллекта — останется неизвестным и несформулированным. По этой причине научный интеллект вдруг снова оказывается во власти просветительских замашек и надеется окончательно покончить с этой неразберихой. Называются ли эти устремления евгемеризмом, христианской апологетикой, разъяснением в узком смысле слова или позитивизмом, всегда скрывается за эгим новое, ошеломляющее облачение мифа, которое столь же подходило к древнему священному образчику, как и к настоящему окончательному разумению. В действительности никогда легитимно не отделаться от архетипических основ, не согласившись поплатиться за это неврозом, так же как нельзя — без самоубийства — избавиться

'Nucleus (лат.) — ядро. — Примеч. пер. Perils ofthe soul (англ.) — потери души. — Примеч. пер.

от тела или его органов. Если же нельзя отречься от архетипов или как-нибудь иначе их обезвредить, то всякая, вновь достигнутая ступень культурной дифференциации сознания

сталкивается с задачей отыскания нового толкования, соответствующего этой ступени, чтобы сопрясть именно ту, все еще существующую в нас прошлую жизнь с современной жизнью, т. к. первая грозит убежать. Если этого не происходит, то возникает сознание, лишенное корней, и, не ориентирующееся более на прошлое, оно беспомощно изнемогает под всеми суггестиями, т. е. практически становится подверженным психическим эпидемиям. Вместе с потерян ным прошлым, которое враз стало «невзрачным», обесце ненным и более уже не возвеличиваемым, пропал также но ситель исцеления, потому что носитель исцеления являете! либо этим самым невзрачным, либо исцеление из него происте кает. Он возникает при «изменении облика богов» (Циглер), так сказать, все снова и снова, как провозвестник и первенец нового поколения, он неожиданно обнаруживается в невероятном месте (порожденный камнем или деревом, в пахотной борозде или в воде) и в двусмысленном облике (кар лик, ребенок, мальчик-с-пальчик, животное и т. д.).

Этот архетип «божественного ребенка» чрезвычайно ши роко распространен и очень тесно смешан со всеми друга ми мифологическими аспектами мотива ребенка. Едва ли необходимо ссылаться на все еще живого «младенца-Иисуса», который в легенде о Христофоре обнаруживает все тот же самый типичный аспект «меньше малого и больше большого». В фольклоре мотив ребенка в облике карлика или эльфа появляется как разъяснение потаенных сил природы К этой области относится также позднеклассическая фигу ра антропария, или металлического человечка', который. с одной стороны, вплоть до позднего средневековья ожи вотворял рудниковые шахты2, с другой стороны, представ лял алхимические металлы3 и прежде всего Меркурия, воз

'Berthelot. Alch. Grecs. III. XXXV.

^ regor. Agricola. De Animantibus Subterraneis, 1549. A. Krie cher. Mundus Subterraneus, 1678. Lib.VIII. Cap.IV. 3 M y 1 i u s. Philosophia Reformata, 1622.

рождаемого в совершенном облике' (в виде гермафродита. как filius sapientiae2 или как infans noster3). Благодаря религиозному толкованию «ребенка» у нас остались сохранными также некоторые средневековые свидетельства, которые показывают, что «ребенок» был не только фигурой, сообразной традиции, но также спонтанно переживаемым видением (в виде так называемого вторжения бессознательного). Упомяну видение «обнаженного мальчика» у Майстера Экхарда и сновидение брата Евстахия4. Интересные сообщения о таких же спонтанных переживаниях находятся также в английских рассказах о привидениях, где речь идет о видении «Radiant Boy»5, которого якобы видели на месте римских руин6. Этот образ описывается как сулящий несчастья. Мнится, что речь идет чуть ли не о «puer aetemus»7 — фигуре, которая из-за «изменения облика» стала неблагоприятной, разделяя таким образом судьбу античных и германских богов, которые все скопом стали вдруг чудищами. Мистический характер переживания подтверждает нам также Фауст Гете во 2-й части, где сам Фауст превратился в мальчика и был принят в «блаженных мальчиков», что соответствует кукольной стадии у доктора Мариануса8.

В одной диковинной истории «Царство без места» Бруно Гетца появляется «puer aeternus» — образ, названный Фо (=Будда), вместе с хором всех «злосчастных» мальчиков в исправном значении (современные произведения лучше не толковать). Я упоминаю этот случай только для того, чтобы указать на имеющуюся во все времена живучесть этого архетипа.

'«Alleg. sup. Libr. Turbae» in «Art Aurifer». Vol.1, S. 161. Filius sapientiae (лат.) — сын премудрости. — Примеч. пер. Infans noster (лат.) — наш ребенок. — Примеч. пер. 4 Texte aus der deutschen Mystik des 14 u 15. Jahrh. Masq. von Ad Spame. Radiant Boy (англ.) — сияющий мальчик. — Примеч. пер. John H. I n gram. The Haunted Homes, 1897. P. 43. 7? u e r aeternus (лат.) — вечное

дитя. — Примеч. пер. Существует старый алхимический авторитет, именуемый Morienes, Morienus или Marianus (De Composit. Alch. Mangel «Bibl. Chem» I, 509). Вероятно, такая связь была бы совсем не неожиданной, принимая во внимание обнаруженный алхимический характер Фауста, ч. II.

В области психопатологии мотив ребенка случается также нередко. Часто это фантомный ребенок у душевнобольных женщин, который, как правило, истолковывается по-христиански. Попадаются также и гомункулы, как в знаменитом случае Шребера', где они выступают толпой и докучают больному. Но наиболее вразумительно и толково манифестируется мотив ребенка при терапии неврозов в ходе созревания личности, вызванном анализом бессознательного; этот процесс я прежде обозначил как процесс индивидуализации2. При таком процессе речь идет о предсознательных событиях, которые постепенно в форме более или менее оформленных фантазий переходят прямо в сознание, или же осознаются в форме сновидений, или, наконец, делаются сознательными, благодаря методу активной имагинации3. Эти материалы в избытке содержат архетипичные мотивы, а среди них — многочисленный мотив ребенка. Часто ребенок оформлен в подражание христианскому образцу, но куда как больше он соответствует нехристианским праступеням, происходя от животных, обитающих в преисподне, таких, как крокодилы, драконы, змеи или от обезьян. Частенько ребенок появляется в цветочных чашечках, или из золотого яйца, или в виде сердцевины мандалы. В сновидениях по большей части он выступает как сын или дочь, как мальчик, подросток или девушка; иногда он имеет экзотическое происхождение (китайское, индийское — с темным цветом кожи) или даже космическое (под звездами или окруженных ореолом звезд, как сын короля или как дитя ведьмы с демоническими атрибутами). В особом случае этого мотива как «трудно достижимой драгоценности»4 мотив ребенка чрезвычайно изменчив и принимает все, какие только можно формы, например драгоценного камня, жемчужи-

'Schreber. Denkwurdigkeiten eines Nervenkranken., 1903.

2 Общее изложение в The Integration of the Personality. 1939. Cap. I. Специальная феноменология в последующих главах, а также в «Traumsymbole des Individuationsprozesses» Eramos-Jahrb., 1935.

^ie Beziehungen zwischen dem Ich und dem Unbewu?ten., 1928. Kap. 3.

Handlungen und Symbole der Libido. S.161.

ны, цветка, сосуда, золотого яйца, четверицы, золотого шара и т. д.

Он может чуть ли не безгранично подменяться этими и другими подобными образами.

А. ПСИХОЛОГИЯ АРХЕТИПА РЕБЕНКА /. АРХЕТИП КАК СОСТОЯНИЕ ПРОШЛОГО

Теперь, что касается психологии нашего мотива, то я должен заметить, что всякое высказывание об архетипе, выходящее за пределы чисто феноменального, неизбежно подвергается уже ранее изложенной критике. Нельзя ни на миг предаваться иллюзии, будто архетип в конце концов может быть объяснен и тем самым упразднен. Даже самая лучшая попытка объяснения не что иное, как

более или менее удачный перевод на другой язык образов. (Ведь язык и есть образ.) В лучшем случае миф продолжает сниться или ему придают современный облик. И то, что его объясняет и толкует, всегда затрагивает собственную душу, всегда влияет на самочувствие. Ведь архетип — о чем никогда не следует забывать — душевный орган, который находится у каждого. Плохое объяснение означает соответственно плохую установку по отношению^ этому органу, из-за чего ему наносится ущерб. В конечном счете скорбящий — это просто скверный толкователь. Поэтому всегда «объяснение» должно быть таким, чтобы функциональный смысл архетипа остался сохранным, т. е. чтобы была обеспечена удовлетворительная и сообразная смыслу связь между сознанием и архетипом. Ведь именно последний является психическим структурным элементом, а потому и витально необходимым компонентом душевного хозяйства. Он репрезентирует или персонифицирует определенные инстинктивные данности примитивной темной психики, подлинные, но невидимые корни сознания. Сколь велика значимость этой связанности с корнями, указывает нам обеспокоенность

примитивного духа в отношении некоторых «магических» факторов, которые как раз суть не что иное, как то, что мы называем архетипом. Эта праформа религии еще и сегодня образует нечто действенно существенное для всей религиозной жизни и всегда будет им оставаться, какой бы вид ни принимала эта жизнь в будущем.

Возможность «разумного» замещения архетипу куда меньше, чем мозжечку или почке. Можно исследовать органы тела анатомически, гистологически или с точки зрения исторического развития. Этому соответствовало бы описание архетипической феноменологии и некоторое историко-сравнительное изложение того же самого. Однако смысл органа тела явствует исключительно и только из телеологической постановки вопроса. Отсюда возникает вопрос: какова биологическая цель архетипа? Так же как физиология дает ответ о телах, задача психологии — дать ответ на те же самые вопросы об архетипе.

Разъяснения вроде того, что «мотив ребенка является пережитком воспоминания о собственном детстве» и т. п., только уводили от вопроса. Если же мы — чуть изменив эту посылку — скажем: мотив ребенка — это образ некоторых обстоятельств собственного детства, позабытых нами, то это будет уже ближе к истине. Но так как в случае архетипа речь идет о целом человечестве, а не только об образе, принадлежащем кому-то одному, то, вероятно, лучше сформулировать так: мотив ребенка репрезентирует предсознательный аспект детства коллективной души1.

'Нелишне, вероятно, заметить, что дилетантский предрассудок имеет постоянную склонность соединять воедино мотив ребенка с конкретным опытом «ребенка», как если бы реальный ребенок был каузальной предпосылкой к существованию мотива ребенка. В психологической реальности эмпирическое представление «ребенок» является только средством выражения (и это не единственный случай!) не очень легко схватываемого фактического материала о душе. Поэтому совершенно очевидно, что мифологическое представление о ребенке является не копией эмпирического «ребенка», а ясно познаваемым символом: речь идет о божественном, чудесном ребенке, а вовсе не о человеческом — зачатом, рожденном и выращенном при совершенно необычных обстоятельствах. Его дела столь же чудесны и чудовищны, как его природа и телосложение.

Не будет ошибкой представить себе это высказывание прежде всего как историческое по аналогии с определенным психологическим опытом, который показывает, что некоторые отрезки индивидуальной жизни могут обособиться и персонифицироваться в такой степени, что это может привести к созерцанию самого себя: например, смотрят на самого себя как на ребенка. Подобный визионерский опыт — имеет ли он место быть в сновидении или в состоянии бодрствования — эмпирически обусловлен, так как имела место вышеупомянутая диссоциация между состоянием настоящего и прошлого. Такие диссоциации случаются на почве несовместимости, например нынешнего состояния с состоянием детства. Вероятно, произошло насильственное отделение от своего исходного характера в пользу характера самовольного, в пользу амбиции под стать Персоне'. Тем самым, став недетским и искусственным, образ ребенка теряет свои корни. Это дает благоприятный повод для столь же резкой конфронтации его с исходной истиной.

Имея в виду тот факт, что вплоть до настоящего времени человечество не прекратило давать показания о божественном ребенке, мы должны, вероятно, распространить индивидуальные аналогии на жизнь человечества и чуть ли не сделать вывод, будто человечество вновь и вновь оказывается в противоречии с условиями своего детства, т. е. с исходным, несознательным и инстинктивным состоянием, и что опасность такого противоречия, которое делает возможным видение «ребенка», все еще существует. Поэтому религиозное упражнение, т. е. пересказывание и ритуальное повторение мифологического события имеет целью

Только и благодаря этим неэмпирическим свойствам возникает необходимость говорить о «мотиве ребенка». Повсеместно мифологический «ребенок» имеет вариации в виде Бога, великана, мальчика-с-пальчика, животного и т. д. — что никак уже не может быть сведено к рациональной или конкретной человеческой каузальности. То же самое важно в отношении архетипов «отца» и «матери», которые равным образом являются мифологическими иррациональными символами.

' Psychologischen Typen. S.663 u Die Beziehungen zwischen dem Ich und dem Unbewu?ten. Kap. III.

вновь и вновь наглядно показать сознанию образ детства и всего с ним связанного как раз для того, чтобы не оборвать связь с исходным условием.

2 ФУНКЦИЯ АРХЕТИПА

Мотив ребенка представляет не только что-то бывшее и давным-давно прошедшее, но также и нечто настоящее, т. е. он не только пережиток, но и система, функционирующая в настоящем, — система, которой предписано рационально компенсировать, соответственно подправлять неизбежные односторонности и сумасбродства сознания. Сущность сознания состоит в концентрации на относительно небольших содержаниях, которые по возможности усиливаются вплоть до наибольшей ясности. Сознание в качестве необходимого вывода и условия имеет исключение других, способных в данный момент также стать сознательными, содержаний. Это исключение неизбежно вызывает известную односторонность содержаний сознания. Так как отныне дифференцированному сознанию цивилизованного человека вместе с динамикой воли дается в руки действенный инструмент для практического осуществления его содержания, то по мере все возрастающего совершенствования воли возникает все большая опасность запутанности сознания в одностороннем содержании и отклонения его в нечто беззаконное и лишенное корней. С одной стороны, это, конечно, возможность человеческой свободы, но с другой — источник бесконечных инстинктивных напастей. Примитивный человек отличался поэтому — из-за близости к инстинкту, как животное — неофобией и привязанностью к традиции. На наш вкус он мучительно отстал, тогда как мы превозносим прогресс. Наша прогрессивность, конечно, с одной стороны, делает возможным исполнение множества прекраснейших желаний, но, с другой стороны, множится столь же гигантский прометеевский грех, который время от времени требует

расплаты в форме судьбоносных катастроф. Как долго человечество мечтало о полетах, а сейчас мы уже

дошли до бомбардировщиков! Сегодня посмеиваются над христианским упованием на тот свет и сами часто впадают в хилиазмы', которые во сто крат безрассудней, чем идея о блаженном потустороннем мире после смерти. Дифференцированному Сознанию всегда грозило искоренение, потому ему требовалась компенсация через еще наличное состояние детства.

Симптоматика компенсации формируется с точки зрения прогресса, конечно, не в очень лестных выражениях. Так как речь идет на первый взгляд об эффекте запаздывания, то говорят об инерции, отсталости, скептицизме, придирчивости, консерватизме, боязливости, мелочности и т. д. Однако поскольку человечество в большинстве своем неспособно избавиться от своих собственных оснований, то оно может быть некритично увлечено опасными односторонностями вплоть до катастрофы. Запаздывающий идеал — всегда более примитивный, естественный (и в хорошем, и в дурном смысле) и «моральный», — поскольку он верно придерживается завещанного закона. Прогрессивный идеал всегда более абстрактный, неестественный и «неморальный», поскольку он требует неверности в отношении традиции. Прогресс, понужденный волей, — это всегда судорога. Хотя отсталость ближе к естественности, но все же ей постоянно угрожает неприятное пробуждение. Древнее воззрение уже осознало, что прогресс возможен только «Deo concedente»2, чем доказывает свое право на обладание противоречивым сознанием и повторяет стародавние «rites d'entree et de sortie» на более высоком уровне. Однако чем больше дифференцируется сознание, тем больше становится опасность его отторжения от состояния укорененности. Полное отделение наступает тогда, когда позабыто «Deo concedente». Сегодня это психологическая аксиома, так как отщепленная от сознания часть души только кажется инактивированной, нейтрализированной, в действительности же она ведет к одержимости личности, из-за чего искажали л и а з м (греч.) — тысячелетнее царство божье на земле и учение о нем. — Примеч. ред.

2 D e o concedente (лат.) — подчиняясь Богу. — Примеч. пер.

ется постановка личностной цели. Таким образом, если ребяческое состояние коллективной души вытесняется вплоть до полного исключения, то бессознательное содержание завладевает постановкой сознательной цели и тем самым тормозит ее претворение в жизнь, фальсифицирует или прямо-таки разрушает пути ее достижения. Жизнеспособный прогресс осуществляется только через кооперацию обоих.

3. БУДУЩНОСТЬ В ХАРАКТЕРЕ АРХЕТИПА

Существенным аспектом мотива ребенка является его свойство будущности. Ребенок — это потенциальное будущее. Поэтому возникновение мотива ребенка в психологии индивида означает, как правило, предвосхищение грядущего развития, даже если на первый взгляд кажется, что речь идет о ретроспективном изображении. Ведь жизнь — это исхождение, течение в будущее, а не волна, откатывающаяся назад от запруды. Поэтому неудивительно, что мифические носители исцеления столь часто являются детьми богов. Это в точности соответствует психологическому

опыту тех, которые свидетельствуют, что «ребенок» подготавливает грядущее изменение личности. Он (ребенок) антиципирует' в процессе индивидуации тот облик, который вытекает из синтеза сознательных и бессознательных элементов личности. Поэтому он — символ, объединяющий противоположности2 — медиатор, носитель исцеления, т. е. делатель целого. Ради этого значения мотив ребенка способен даже на упомянутые выше разнообразные превращения формы: он выражается, например, через окружность, круг или шар или через четверицу как одну из форм целостности3. Я обо-

'Антиципация (лат.) — доопытное представление. Временное допущение чего-либо в качестве правильного до того, как оно будет подтверждено опытом. — Примеч. ред.

'Psychologischen Typen. S. 269.

'Traumsymbole des Individuationsprozesses. Eramos-Jahrb. 1935; Psychologie und Religion, 1940. S. 117.

значил эту трансцендентную сознанию целостность как Самость1. Цель процесса индивидуализации есть синтез Самости. При рассмотрении с другой точки зрения рекомендуется вместо термина «синтез» использовать, может быть, даже термин «энтелехия»2. Тому имеется эмпирическое основание, почему последнее выражение, по всей вероятности, является более подходящим: символы целостности зачастую выступают именно в начале процесса индивидуации, так что их даже можно наблюдать в самых что ни на есть раннеинфантильных сновидениях. Это наблюдение говорит за априорное наличествование целостности в потенциальности3, вследствие чего и рекомендуется понятие энтелехии. Поскольку, однако, эмпирический процесс индивидуации протекает как синтез, то представляется, будто наличное целое было составлено как бы парадоксальным образом. Следовательно, применимо также выражение «синтез».

4. ЕДИНСТВО И МНОЖЕСТВЕННОСТЬ МОТИВА РЕБЕНКА

В многообразной феноменологии «ребенка» надо различать единство и множественность соответственно форме проявления. Если речь идет, например, о многих гомункулусах, карликах, мальчиках и т. д., которые никоим образом не характеризуются индивидуально, то очень правдоподобно, что имеется диссоциация. Такие формы мы встречаем особенно часто при шизофрении, сущность которой состоит в фрагментировании личности. Большое количество детей представляет тогда продукт разложения личности. Если же множественность встречается у нормальных людей, тогда речь идет о репрезентации еще неосуществленного синтеза личности. Личность (соответственно «Самость») находится в этом случае только на ступени множественности, т. е. имеется как бы одно «Я», которое, однако, свою

'Die Beziehungen zwischen dem Ich und dem Unbewu?ten. S. 202. Энтелехия (грен.) — имеющее цель в самом себе. — Примеч. пер. Traumsymbole des Individuationsprozesses. S. 130.

целостность еще не может пережить в рамках собственной личности, а только в общности с семьей, родом или нацией; «Я» еще находится в состоянии бессознательной идентичности с множественностью группы. Церковь принимает в расчет это всеобще распространенное состояние

в ученик о corpus mysticum1 и о членстве в нем каждого.

Если же мотив ребенка появляется в форме единства, те речь идет о бессознательном и вместе с тем уже предварительно совершенном синтезе личности, который на практике, как и все бессознательное, означает не более чем возможность.

5. ДЕТСКИЙ БОГ И ГЕРОИЧЕСКИЙ РЕБЕНОК

«Ребенок» имеет то больший аспект детского божества, w юного героя. Оба типа имеют чудесное происхождение и одну общую судьбу в младенчестве, заброшенность и угрозу ее стороны гонителей. Бог есть чистая сверхприрода, герой имеет человеческую, но возвышенную до границы сверхъестественного сущность («полубожественность»). Тогда как Бог, особенно в Его интимной связи с символическим животным (которое все же не объединилось с человеческой сущностью), персонифицирует коллективное бессознательное герой включает в свою сверхприроду человеческую сущность и представляет поэтому синтез бессознательного («божественного», т. е. еще не гуманизированного) и человеческого сознания. Это означает, следовательно, потенциальное предвосхищение одной из целостностей приближающейся индивидуации. Судьбы «ребенка» должны поэтому рассматриваться как изображения тех психических событий, которые ра зыгрываются в энтелехии или при возникновении «Самости». «Чудесным рождением» пытаются живописать вид переживания при таком возникновении. Так как речь идет с психическом возникновении, то все должно происходить вопреки эмпирическому опыту, например как порождение от девы, или путем чудесного зачатия, или путем рождения из

"Corpus mysticum (лат.) — мистическое тело. — Примеч. пер.

неестественных органов. Мотив «невзрачности», отданности на произвол, заброшенности, подверженности опасности и т. д. старается изобразить шаткую психическую возможность существования целостности, т. е. чрезмерную трудность на пути достижения этого наивысшего блага. Тем самым также характеризуется бессилие и беспомощность того жизненного напора, который принуждает все растущее подчиниться закону максимально совершенного самоосуществления, причем влияния внешнего мира в самых разнообразных формах чинят величайшие препятствия на пути каждой индивидуации. Если самосвоеобразию угрожают драконы и змеи, то это особенно указывает на опасность того, что приобретенное сознание окажется проглоченным инстинктивной душой, бессознательным. Низшие позвоночные с давних пор являются излюбленными символами для коллективного психического основания', их анатомическая локализация совпадает с субкортикальными центрами, с мозжечком и со спинным мозгом. Эти органы образуют змею2. Сновидения о змеях поэтому происходят, как правило, при отклонениях сознания от инстинктивных основ.

Мотив «меньше малого, но больше большого» присовокупляет к бессилию дополнительные, так же как и чудесные деяния «ребенка». Эта парадоксальность принадлежит сущности героя и проходит красной нитью через всю его жизненную судьбу. Он справляется с величайшей опасностью, но погибает в конце концов от чего-то «пустячного»: Больдр от омелы, Мауи от смеха маленькой птицы, Зигфрид от удара в уязвимое место, Геракл от подарка своей жены, другие — из-за обычной измены и т. д.

Основное деяние героя — преодоление чудища тьмы: это чаемая и ожидаемая победа над бессознательным. День и свет — синонимы сознания, ночь и тьма — бессознательного. Осознавание — ведь самое что ни на есть сильное древнее переживание, потому что вместе с ним возникает мир, о существовании которого прежде никто ничего не знал. И

' Высшие позвоночные символизируют главным образом аффекты. Это значение змеи имеется уже у Hyppolytos «Refutatio omn. haer» IV, 49—51, ed. Wendland. Ср. также Leisegang «Die Gnosis». S. 146.

Бог сказал: «Да будет свет!» — это проекция того доисторического переживания сознаваемости, отделившейся от бессознательного. Однако у живущих еще сегодня примитивов душевная наличность является чем-то сулящим опасность, а «потеря души» — типичной душевной аффектацией, которая понуждает примитивную медицину к разнообразным психотерапевтическим вмешательствам. Поэтому уже «ребенок» отличается деяниями, которые указывают на эту цель по одолению тьмы.

В. СПЕЦИАЛЬНАЯ ФЕНОМЕНОЛОГИЯ АРХЕТИПА РЕБЕНКА

1. ЗАБРОШЕННОСТЬ РЕБЕНКА

Заброшенность, покинутость, подверженность опасности и т. д. принадлежат, с одной стороны, к дальнейшей разработке того же начала невзрачности, а с другой — к таинственному и чудесному рождению. Этим описывается определенное психическое переживание творческой природы, которая имеет своим предметом появление еще непознанного и нового содержания. В психологии индивидуума в такой момент речь идет всегда о горестной конфликтной ситуации, из которой, кажется, не существует выхода — для сознания, ибо оно всегда считает, что tertium non datur (третьего не дано)1. Из коллизии противоположностей бессознательная психика же всегда сознает нечто третье иррациональной природы — неожиданное и непостижимое для сознания. Оно представляется в той форме, которая не соответствует ни «да» ни «нет», и потому отвергается обоими. Сознание ведь не знает ничего помимо противоположностей, а потому оно также не распознает и соединяющего их. Но так как разрешение конфликта путем единения противоположностей имеет витальное значение и сознание этого также страждет, то

' Psychoiogische Typen. S.277.

оно проникается предчувствием знаменательного созидания. Отсюда возникает нуминозный характер «ребенка». Какое-то значительное, но неведомое содержание оказывает всегда тайное, объясняющее действие на сознание. Новый облик — это становящаяся целостность, он приближает к целостности по крайней мере настолько, насколько нарушает «цельность» разрываемого противоположностями сознания, и поэтому превосходит его в полноте. Оттого всем «объединяющим символам» подобает значение избавления.

В этой ситуации появляется «ребенок» как символическое содержание, явственно отмежеванное, соответственно изолированное от фона (матери), порою даже втягивающее мать в критическое положение; ему угрожает, с одной стороны, отрицательное отношение сознания, с другой — horror vacui' бессознательного, которое готово вновь поглотить всех своих чад, т. к. оно их породило лишь шутя, и разрушение — неминуемая часть игры. Ничто в мире не идет навстречу новому рождению, однако оно, несмотря на это, является ценнейшим и самым перспективным произведением самой праприроды, т. к. означает в конечном счете более высокое

самоосуществление. Поэтому природа, сам инстинктивный мир попечительствует ребенку: его вскармливают и защищают звери. «Ребенок» означает нечто вырастающее в самостоятельность. Он не может состояться без отторжения от истоков. Поэтому заброшенность является не только сопутствующим, но просто необходимым условием. Конфликт не может быть преодолен, если сознание остается захваченным противоположностями; именно поэтому нужен символ, указывающий на необходимость отторжения от истоков. Очаровывающий и захватывающий сознание символ ребенка избавляюще интегрируется в сознание, осуществляя то избавление от конфликтной ситуации, на которое само по себе сознание не было способно. Символ — это антиципация только лишь становящегося психического состояния. Пока это состояние не установилось, сохраняется «ребенок» мифологической проекцией, которая требует культового повторения и ритуального об-

' H o r r o r vacui (лат.) — боязнь пустоты. — Примеч. пер.

новления. Культовая необходимость младенца-Иисуса, например, сохраняется до тех пор, пока большинство людей не будет способно психологически реализовать изречение: «Если не будете как дети». Поскольку при этом речь идет о чрезвычайно трудном и опасном развитии, неудивительно, что такие символы часто сохраняют свою жизненную силу на протяжении столетий или даже тысячелетий. Все то, что человеку присуще в позитивном или негативном смысле, но что он все же реализовать не может, — все это живет или как мифологический облик и антиципация помимо его сознания, или как религиозная проекция, или — что очень опасно — как содержания бессознательного, которые вдруг спонтанно проецируются на неподобающие предметы, на такие, например, как гигиенические и прочие медицинские учения и процедуры, ответственные за здоровье людей. Все это — рационалистическая замена мифологии, которая из-за своей неестественности несет скорее угрозу, чем помощь человеку.

Безвыходная конфликтная ситуация, из которой появляется «ребенок» как иррациональное третье, — конечно же, формула, которая соответствует только лишь психологической, т. е. современной, ступени развития. К душевной жизни примитива она не может быть применена без обиняков; хотя бы потому, что детский объем сознания примитива еще исключает целый мир психических возможностей переживания. Современный моральный конфликт, перенесенный на-естественную ступень развития примитива, объективно повлечет за собой бедственное положение с угрозой для самой жизни человека. Не потому ли образы ребенка, как бы подготавливая к будущему, являются носителями культуры и идентифицируются с услужливыми культурными факторами, а также с огнем', металлом, пшеницей, маисом и т. д. Как просветители, т. е. размножители сознания, они одолевают тьму, а именно предыдущее бессознательное состояние. Более высокое сознание как ведение, нечто большее, чем осознано сегодня, равнозначно одиночеству в мире. Одиночество выражает противополож-

1 Даже у Христа уже огненная природа («Qui iuxta me est, iuxta ignem est» Origenes in Jerem. hom. XX, 3), так же как и у Святого Духа.

ность между носителем, или символом более высокой осознаваемости, и окружающим его внешним миром. Победители тьмы прослеживаются в глубокой древности. Вместе со многими другими преданиями этот факт указывает на то, что имелась психическая пранужда, а именно

неосознаваемость. Из такого источника происходит именно «неразумный» страх темноты у сегодняшних примитивов. Я обнаружил в одном племени религиозную форму (на горе Элгон), которая соответствовала пантеистическому оптимизму. Это убеждение, однако, упразднялось соответственно с шести утра до шести вечера и заменялось страхом, потому что ночами там господствует сущность тьмы — Айик, «делатель страха». Днем в той местности не было никаких громадных змей, но ночами они повсюду подстерегали на пути. Именно ночью здесь высвобождалась целая мифология. '

2 НЕПРЕОДОЛИМОСТЬ РЕБЕНКА '

Во всех мифах о ребенке бросается в глаза один парадокс, потому что, с одной стороны, бессильный ребенок отдан в руки могущественным врагам и ему угрожает постоянная опасность, с другой стороны, однако, он располагает силами, которые далеко превосходят человеческую меру. Это высказывание тесно связано с тем психологическим фактом, что ребенок, с одной' стороны, именно «невзрачен», т. е. неопознан, «только лишь ребенок», однако, с другой стороны, божествен. Если смотреть с точки зрения сознания, то кажется, что речь идет о незначительном содержании, в отношении которого считается, что оно не обладает разрешающими конфликты и уж тем более избавляющими свойствами. Сознание охвачено своей конфликтной ситуацией, и борющиеся там силы кажутся столь большими, что одиноко всплывающее содержание «ребенка» не имеет никакого отношения к фактам сознания. Поэтому его легко упустить из виду и вновь подпасть под власть бессознательного. По крайней мере, стоило бы опасаться, если положение вещей складывается в соответствии с сознательным ожиданием.

Миф как раз подчеркивает, что это неверно и что, напротив, ребенку причитается превосходящая сила, и что он неожиданно, несмотря на все угрозы, будет иметь успех. «Ребенок» выступает как рожденный из лона бессознательного, как порожденный из основ человеческой природы или, чего доброго, из живой природы вообще. Он персонифицирует жизненную мощь по ту сторону ограниченного объема сознания, те пути и возможности, о которых сознание в своей односторонности ничего не ведает, и целостность, которая включает глубины природы. Он представляет сильнейший и неизбежный порыв сущности, а именно порыв по осуществлению самого себя. Он— невозможность поступить иначе, оснащенная всеми естественными силами инстинкта, в то время как сознание постоянно плутает в мнимой возможности поступить иначе. Порыв и непреложность самоосуществления — естественная закономерность, и поэтому она обладает непреодолимой силой, даже если ее действие поначалу неприметно и неправдоподобно. Сила выражается в изумительных подвигах героического ребенка, позже — в athla (делах) в облике слуги (тип Геракла), где герой вырастает из бессилия «ребенка», но до поры до времени занимает неприметное положение. Образ слуги, как правило, переходит затем к собственной эпифании полубожественного героя. Как ни странно, в алхимии мы имеем совершенно сходную вариацию мотива, правда, в синонимах lapis (камня). В качестве materia prima (первоматерии) он является lapis exilis et vilis (камнем тонким и ничтожным). В качестве субстанции превращения он появляется как servus rubeus или figutivus (слуги или беглеца) и, наконец, достигает в полном апофеозе достоинства filius sapientiae (сына премудрости) или deus terrcnus (бога земли) и становится «светом всех светил», властью, которая содержит в себе силы верха и низа. Он становится corpus gloriticatum, который достиг вечной нетленности, а поэтому — также и панацеей («носителем исцеления!»)'. Величие и непреодолимость ребенка тесно примыкает в ин-

Материал, собранный в «Erlosungsvorstellungen in der Alchemic». Меркурий как прислужник в притче Eircnaeus Philaletha: «Erklarung der Riplaeischen Werke», 1741, S. 132.

дийском умозрении к сущности Атмана. Последний соответствует формуле: «меньше малого и больше большого». Самость как индивидуальное явление — «меньше малого», однако как эквивалент мира — «больше большого». Самость как полярность, как абсолютно «иное» по отношению к миру является conditio sine qua non (обязательным условием) познания мира и сознания, субъекта с объектом. Это — психическое инобытие, которое делает вообще возможным сознание. Идентичность как раз делает невозможным сознание, только отделение, отторжение и горестное пребывание-в-противоположности может породить сознание и познание. Индийская интроспекция уже давно уяснила это психологическое положение вещей и потому разъединила субъекта познания с субъектом существования. Сообразно с преимущественно интроспективным направлением индийского мышления объект потерял даже атрибут абсолютной действительности и часто становился лишь видимостью. Греческо-западное направление духа не могло освободиться от убеждения об абсолютном существовании мира. Это произошло, однако, за счет космического значения Самости. Сегодня западному человеку также трудно постичь психологическую необходимость трансцендентального субъекта познания как полную противоположность эмпирическому универсуму, хотя существование Самости, противопоставленной миру, допускается как логическая необходимость. Невзирая на отвергающую или с оговорками одобряющую позицию западной философии, все же существует в нашей бессознательной психике компенсирующая тенденция по восстановлению символа Самости в его космическом значении. Эти старания происходят в архетипических формах героического мифа, что, так сказать, легко можно наблюдать в каждом процессе индивидуации.

Феноменология рождения ребенка вновь и вновь отсылает к психологическому прасостоянию незнания, т. е. темноты или сумеречности, неразличения субъекта и объекта, бессознательной идентичности человека и мира. В этом состоянии неразличимости возникает «золотое яйцо», которое является столь же человеком, как и миром, и все же не обо-

ими, а иррациональным третьим. Сумеречному сознанию примитива кажется, будто яйцо выходит из лона большого мира и вследствие этого является космическим и объективно-внешним событием. Дифференцированному сознанию, напротив, представляется совершенно ясным, что это яйцо есть не что иное, как символ, .произошедший из психики, или — еще хуже — что он есть преднамеренная спекуляция и потому подходит к «действительности» никак «не больше, чем» примитивная химера. Медицинская психология настоящего думает относительно «химер», конечно, совсем другое. Ей известно, сколь значительные телесные нарушения функций, с одной стороны, и сколь опустошительные психические последствия, с другой стороны, оказывают «только» фантазии. «Фантазии» суть естественные жизненные проявления бессознательного. Но так как бессознательное — это психика всех автономных функциональных комплексов тела, то его «фантазии» имеют этиологическое значение, которое ни в коем случае нельзя недооценивать. Из психопатологии процесса индивидуации мы знаем, что формирование символа очень часто сопряжено с психогенными телесными нарушениями, которые при известных условиях ощущаются как «очень даже настоящие». Фантазии в медицинской психологии — это реальные вещи, которые психотерапевт должен всерьез принимать в расчет. Поэтому он не может лишать какого-либо основания те примитивные химеры, которые свои содержания, пусть даже ради их действенности, проецируют во внешний мир. В конце концов, ведь даже человеческое тело сделано из материала мира, и на таком материале становятся явными фантазии; так ведь без него

они вообще непознаваемы. Без материала они были бы только абстрактными решетками кристалла в материнском растворе щелочи, где еще не наступил процесс кристаллизации.

Символы Самости возникают в глубине тела и выражают его вещественность точно так же, как и структуру воспринимающего сознания. Символ — это живущее тело, corpus et anima', поэтому «ребенок» является такой превосходной

'Corpus et anima (лат.) — душа и тело. — Примеч. пер.

формулой для этого символа. Несравненность психики — это, конечно же, не полностью осуществленная величина, но постоянно к тому приближающаяся, одновременно она является непременным основанием всякого сознания. Глубокие «слои» психики теряют по мере увеличения глубины и темноты индивидуальную несравненность. Они становятся на пути «вниз», т. е. по мере приближения к автономной функциональной системе все более коллективными, чтобы в вещественности тела, а именно в химических телах, стать универсальными и одновременно прекратиться. Углерод тела — это углерод вообще. Поэтому «в самом низу» психика — это «мир» вообще. В этом смысле я могу совершенно согласиться с Кереньи, когда он говорит, что в символе говорит сам мир. Чем более архетипичным и «глубоким», т. е. чем более физиологичным, является символ, тем он коллективной и универсальней, тем он «вещественней». Чем он более абстрактный, дифференцированный и специфичный, тем более он приближается к природе сознательной несравненности и однократности и тем более с него стерта его универсальная сущность. В сознании он полностью рискует стать только аллегорией, которая нигде не выходит за рамки сознательного понимания и где он уже подвержен всем возможным рационалистическим попыткам объяснения.

3. ГЕРМАФРОДИТИЗМ РЕБЕНКА

Примечателен тот факт, что, по-видимому, большая часть космогонических богов имеют двуполую природу. Гермафродитизм означает объединение самых сильных и бросающихся в глаза противоположностей. Это объединение восходит прежде всего к примитивному расположению духа, в сумерках которого различия и противоречия или еще мало отделены, или вообще смешаны. По мере же нарастания ясности сознания противоположности все более отчетливо отделяются друг от друга и становятся все более несовместимыми. Поэтому если бы гермафродитизм был бы только

продуктом примитивной недифференцированности, то следовало бы ожидать, что он чуть ли не искоренится по мере нарастания культуры. Но это отнюдь не так; напротив, фантазия на высоких

и высочайших ступенях культуры все снова и снова занималась этим представлением, как мы можем убедиться на примере позднегреческой и синкретической философии гностицизма. В натурфилософии средневековья гермафродитический Ребис' играет значительную роль. В самые что ни на есть ранние времена слышим мы в католической мистике2 об андрогении Христа.

Здесь, вероятно, речь идет не о Еще-наличии примитивных химер, а об исходной контаминации противоположностей. Прапредставление, как мы только что убедились из средневековых работ3, стало скорее символом конструктивного объединения противоположностей, подлинным «объединяющим символом». Символ в его функциональном значении указывает не столько назад, сколько вперед, на какую-то еще не достигнутую цель. Не заботясь о своей чудовищности, гермафродит стал постепенно преодолевающим конфликты спасителем, впрочем, этого значения он достиг уже на относительно ранних ступенях культуры. Это витальное значение объясняет, почему образ гермафродита со времен глубокой древности не только не потерял силы, но, напротив, сумел упрочиться в ходе тысячелетий по мере нарастающего углубления символического содержания. Тот факт, что в высшей степени архаическое представление достигло такой высоты значения, указывает не только на жизненную силу архетипических идей вообще, но демонстрирует также и правильность тезиса о том, что архетип посредничает, объединяя противоположности между бессознательными основами и сознанием. Он наводит мост между нынешним сознанием, которому грозит искоренение, и естественной бессознательной целостностью седой старины. Благодаря

' R e b i s (лат.) — «из двух состоящий», обозначение гермафродита. —

Примеч. пер.

'Georg Koepgen. Die Gnosis des Christentums, 1939. S. 315 Lapis как медиатор и медиум, ср.: Tractat. Aureus cum Scholiis Magnet: «Bibl. Chem», I, 408b u «Art Aurif», 1572. S. 641.

этому посредничеству однократность, несравненность и односторонность индивидуального современного сознания в настоящем все снова и снова примыкает к природным и родовым предпосылкам. Прогресс и развитие суть идеалы, которые не следует отрицать, но они теряют свой смысл, если человек прибывает в новое состояние только как фрагмент себя самого, а все, лежащее в основе и существенноеоставляет в тени бессознательного, в состоянии примитивности или даже варварства. Если отколовшееся от своих оснований сознание не способно выполнить смысл нового назначения, то оно слишком легко впадает в положение, которое хуже, чем то, из которого его собиралась освободить Реформация. Exempla sunt odiosa!1 Именно Фридрих Шиллер был тем, кто впервые внял этой проблеме, но ни его современники, ни его потомки не в состоянии были извлечь из этого какие-то выводы. Вместо этого хотели просто воспитывать детей. Поэтому я подозреваю, что furor paedagogicus2 — как бы приятный окольный путь, который обходит стержневую проблему, затронутую Шиллером, а именно — воспитание воспитателей. Детей воспитывает то, чем взрослый является, а не то, что он болтает. Всеобще распространенная вера в слова — это настоящая болезнь души, поэтому такое суеверие все дальше и дальше уводит от основ человека и соблазняет к скверной идентификации личности с когда-либо уверованным лозунгом. В то же время преодоленное и оставленное прогрессом все глубже сползает в бессознательное, откуда, наконец, снова возникает примитивное состояние идентичности с массой. И это состояние обернется затем действительностью вместо желаемого прогресса.

Двуполое прасущество в течение культурного развития становится символом единства личности. Самостью, в которой конфликт противоположностей обретает покой. Прасущество как цель самоосуществления человека с самого начала остается проекцией бессознательной целостности.

'Exempla sunt o d i o s a (лат.) — примеров лучше не приводить,— Примеч. пер.

'Furor paedagogicus (лат.) — безумие педагогики. — Примеч. пер.

Человеческая целостность состоит именно из объединения сознательной и бессознательной личности. Так же как каждый индивид формируется из мужских и женских генов, а пол определяется преобладанием соответствующих генов, так и в психике только лишь сознание — в случае мужчины — имеет мужские черты, бессознательное же имеет женское качество. У женщин все наоборот. Этот факт я только лишь вновь открыл и сформулировал в своей Анима-теории1. Известен же он был уже очень давно.

Идея conjunctio мужского и женского, которая в герметической философии переросла в, так сказать, техническое понятие, выступает как mysterium iniquitatis2 уже в гностицизме, вероятно, не без влияния старозаветного «брака с Богом», как, например, это осуществил Хосеа3. На это указывают не только известные традиционные установления4, но и евангельская цитата из второго Климента: «Когда двое станут едины, внешнее как внутреннее, и мужское с женским — ни мужским и ни женским»5. Эта логия сопровождается словами Климента Александрийского: «Когда вы попрали покров стыда (ногами)»6, что вполне относится и к телам, т. к. Климент, как Касиан (у которого взята цитата), а так же как псевдо-Климент толкуют слова духовным образом в противоположность гностикам, которые, кажется, conjunctio принимали слишком буквально. При этом они все же заботились — с помощью практики абортов и прочих ограничений, — чтобы биологический смысл их понуждения не превысил религиозного значения обрядов. Несмотря на то что в церковной мистике прообраз Хормусты возгонялся на недосягаемую высоту и только иногда, как, например, у Мехтхильда фон Магдебургского7 более или

'Psychol. Typen. Def.48. «Seele». S. 661 u Beziehungen zwiscen dem Ich und dem Unbewupten. S. 177.

'Mysterium iniquitatis (лат.) — таинство строгости. — Примеч. пер

? o se a I. 2ff.

4 Ср. Fendt. Gnostische Mysterien, 1922.

'Hennecke. Neutestamentische Apokryphen. S. 593, 12.

'C 1 emeu s. Strom. Ill, 13, 92, 2.

^echthild von Magdeburg. Das fliepende Licht der Gotlheit i 909

менее ощутимо приближался к фюзису, — все же оставался он повсюду живым и служил предметом особой психической озабоченности. Символические рисунки Опицинуса де Канистриса' знакомят нас в этом отношении с тем способом, как этот прообраз в патологическом состоянии выполнял инструментальную функцию в объединении противоположностей. В герметической философии, преобладающей в средние века, напротив, conjunctio осуществлялось совершенно и полностью в области физиса, и прежде всего в абстрактной теории conjunctio Solis et Lunae2, которая, однако, несмотря на красочную фантазию, дала богатый повод к

антропоморфизации.

При таком положении дел становится понятным, если в современной психологии бессознательного вновь выявляется прообраз в форме противоположности мужского-женского, а именно, как мужское сознание и персонифицируемое с женским — бессознательное. Однако из-за психологического осознавания образ этот усложняется не так уж незначительно. В то время как старая наука почти исключительно была областью, где могло проецироваться только бессознательное мужчины, новая психология, вероятно, должна признать также существование некоей автономной женской психики. И здесь мы имеем как раз обратный случай: женское сознание стоит в противоречии к персонифицированному с мужским бессознательному, которое следовало бы уже обозначить не как Анима, а как Анимус. Вместе с этим открытием осложняется и проблема conjunctio.

Исходно ведь жизнь этого архетипа разыгрывалась полностью в области чар плодородия, а потому оставалась столь длительное время одним лишь биологическим феноменом, не имеющим никакой другой цели, кроме оплодотворения. Однако уже в ранней античности, кажется, возросло символическое значение акта. Так, например, воплощенное осуществление Хормусты как культового действа стало не

•Richard Salomon. Opicinus de Canistris. 1936. conjunctio So lis et Lunae (лат.) — объединение Солнцз и Луны, — Примеч. пер.

столько мистерией, сколько чистой догадкой'. Как мы видели, гностицизм также — плохо ли, хорошо ли — поусердствовал в том, чтобы соподчинить физиологическое мета физическому. В церкви conjunctio вообще была полностью исключена из сферы физического, а в натурфилософии она стала абстрактной «теорией». Это развитие означает постепенное превращение архетипа в душевное переживание, которое теоретически можно охарактеризовать как комбинацию сознательных и бессознательных процессов2. Практически же все это совсем не просто, потому что, как правило, именно женское бессознательное мужчины проецируется на женское визави, а мужское бессознательное женщины — на мужчину. Прояснение этой проблематики, однако, является областью специально психологической и более не подлежит комментированию в качестве мифологического гермафродита.

4. РЕБЕНОК КАК ИСХОДНАЯ И КОНЕЧНАЯ СУЩНОСТЬ

Фауст после смерти был зачислен в «Хор блаженные мальчиков». Я не знаю, соотносил ли Гете это диковинное представление с античными надгробными купидонами; последнее очень даже вероятно. Образ полушинелей указывает на завуалированного, т. е. невидимого, гения усопших который отныне — в детском хороводе — опять обнаруживает новую жизнь, окруженный морскими образами дельфинов и богов моря. Море — это излюбленный символ бессознательного, мать всего живущего. Так же как «ребенок»* при известных условиях (например, как в случае Гермеса и дактилей) имеет ближайшую связь с фаллосом как симво-

'Ср. обвинение епископа Asterius (Foucart. Mysteres d'Eleusis. Кар III). По сообщению Hyppolitos, верховный жрец сделал себя даже импо тентом, выпив чашу с ядом. Такое же значение имеют священнически< самокастрации на службе у богини-матери.

'К вопросу о споре с бессознательным см. Die Beziehungen zwischei. dem Ich und dem Unbewu?ten.

лом производителя, он снова проявляется в надгробном фаллосе в качестве символа обновленного зачатия.

Ребенок поэтому также является «renatus in novam infantiam»1. Иными словами, он не только исходная сущность, но также и конечная. Исходная сущность была до человека, конечная — после человека. Психологически это высказывание означает, что ребенок символизирует «предсознательную» и «послесознательную» сущность человека. Его предсознательная сущность — это бессознательное состояние самого раннего детства, послесознательная сущность — антиципация per analogiam2 того, что вне смерти. В этом представлении выражается всеобъемлющая сущность душевной целостности. Целостность ведь никогда не состоит только из объема сознания, но включает неопределенное и неопределяемое протяжение бессознательного. Поэтому эмпирически целостность имеет беспредельную протяженность, она старше и моложе сознания, обнимает его в пространстве и во времени. При таком определении речь идет не о спекуляции, а о непосредственном душевном опыте. Процесс сознания не только постоянно сопровождаем, но очень часто бессознательные процессы даже направляют его, поддерживают и приостанавливают. Душевная жизнь была в ребенке еще до того, как он имел сознание. Даже взрослый человек еще говорит и делает вещи, о которых он, по видимости, только впоследствии узнает, — если вообще когда-либо узнает, что они означают. И все же он говорит о вещах и Поступает так, как если бы он это знал. Наши сновидения постоянно говорят о вещах, превосходящих пределы нашего сознательного воззрения (почему их так хорошо использовать в терапии неврозов). Мы имеем предчувствия и ощущения из неизвестных источников. Страхи, причуды, намерения, надежды охватывают нас без видимой причины. Этот конкретный опыт образует основу того чувства, будто бы недостаточно известен самому себе, а вместе с тем — и мучительное подозрение, будто переживание самого себя было полной неожиданностью.

•Renatus in novam infantiam (лат.) — рожденный вновь. — Примеч. пер.

2 P e г analogiam (лат.) — по аналогии. — Примеч. пер.

Сам по себе примитивный человек не является загадкой. Вопрос о человеке — это, собственно говоря, последний вопрос, который сберег себе человек. Примитив же имеет столь много душевного вне сознания, что для него опыт психического, находящегося вне его самого, в значительно большей степени привычен, чем нам. Сознание — со всех сторон защищенное психическими силами и ведомое или же находящееся под угрозой и обманутое — есть праопыт человечества. Этот опыт спроецировался на архетип ребенка, который выражает целостность человечества. Он есть нечто покинутое и заброшенное, но одновременно нечто божественно-могущественное, начало — невидимое и сомнительное, а также — триумфальный конец. «Вечный» ребенок в человеке — это неописуемый опыт, нечто неприспособленное, изъян — и — божественная прерогатива, нечто неуловимое, что составляет последнюю ценность и бесценность личности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

\

Я отдаю себе отчет, что психологическое комментирование архетипа ребенка без подробного документирования — только эскиз. Так как речь идет, однако, о психологической целине, то мне надо в первую очередь разметить возможный объем проблематики, поднятой нашим архетипом, и описать, по крайней мере, его различные аспекты в резюмирующем изложении. Резкие ограничения и точные формулировки понятий в этой области положительно невозможны, т. к. струящееся обоюдное проникновение принадлежит к сущности архетипов. Их можно в каждом случае описать только приблизительно. Их жизненный смысл получается скорее из совокупности изложений, чем из единичного формулирования. Каждая попытка более строгого охвата тотчас же наказуется, потому что она гасит свет непостижимого ядра значения. Ни один архетип не может быть сведен к простой формуле. Он — сосуд, который никогда нельзя ни опу-

стошить, ни наполнить. Он существует в себе только потенциально, и, будучи преосуществлен в материале, он уже более не то, чем был только что. Он пребывает косным на протяжении тысячелетий и тем не менее всегда жаждет нового толкования. Архетипы — непоколебимые элементы бессознательного, но они постоянно изменяют свой облик.

Ведь почти безнадежно вырвать один-единственный архетип из живой смысловой ткани души, но именно из-за своей переплетенности они тем не менее образуют интуитивно схватываемое единство. Психология, как одна из многих жизненных проявлений души, работает с представлениями и понятиями, которые, со своей стороны, опять же выводимы из архетипичных структур и которые в соответствии с этими структурами только лишь порождают тот или иной абстрактный миф. Психология, следовательно, переводит архаический язык мифа на современную, если таковая еще не известна, мифологему, которая составляет элемент мифа о «науке». Эта «бесперспективная» деятельность — живущий и прожитой миф, для людей соответствующего темперамента она удовлетворительна, даже целебна, постольку поскольку они отделались от основ души из-за невротической диссоциации.

С архетипом ребенка мы сталкиваемся эмпирически в процессах индивидуации, спонтанно или терапевтически запущенных. Первая форма ребенка по большей части тотально бессознательна. В этом случае налицо идентификация пациента с его личным инфантилизмом. Затем наступает (под влиянием терапии) более или менее постепенное обособление и объективация «ребенка», и, следовательно, разложение идентичности под воздействием интенсификации образов фантазии (подчас технически поддержанных), при этом все более заметными становятся архаичные, т. е. мифологические черты. Последующий ход превращения соответствует героическому мифу. Как правило, мотив великих дел отсутствует, но все большую роль играют мифологические угрозы. Чаще всего на этой стадии опять возникает идентичность с атрактивными героическими ролями различного происхождения. Эта идентичность зачастую очень устойчива и

опасна для душевного равновесия. Если будет достигнуто разложение этой идентичности, то образ героя — из-за редукции сознания до человеческого размера — постепенно может дифференцироваться вплоть до символа Самости.

В практической действительности речь идет, благо это понятно, не столько о знании о таком развитии, сколько о переживании превращений. Начальное состояние личного инфантилизма демонстрирует образ «покинутого», т. е. «непонятого» и несправедливо обойденного, ребенка, который имеет дерзкие притязания. Эпифания героя (вторая идентификация) проявляется при соответствующей инфляции: несоразмерное притязание становится убеждением, будто бы ты есть нечто особенное, или же невыполнимость притязания доказывает собственную неполноценность, что способствует роли доблестного страдальца (негативная инфляция). Несмотря на всю противоположность, обе формы идентичны, поскольку сознательной грезе о великом соответствует бессознательная, компенсирующая неполноценность, а — сознательной неполноценности — бессознательная греза о великом (никогда не отыскать одного без другого). Если подводные камни второй идентификации счастливо обойдены, то сознательное событие может начисто отделиться от бессознательного, а бессознательное событие можно будет объективно наблюдать. Из этого следует возможность спора с бессознательным, и вместе с тем возможность синтеза сознательных и бессознательных элементов познания и поступка. Из этого, в свою очередь, возникает смещение центра личности с Я на Самость'.

В таком психологическом обрамлении чередуются мотивы заброшенности, непреодолимости, гермафродитизма, сущности исхода и конца — как различные категории переживания и познания.

'Подробное изложение этого развития имеется в Die Beziehungen zwischen dem Ich und dem UnbewuBten.

Глоссарий

Алхимия — древняя химия, представляющая собой смешение экспериментальной химии в современном смысле этого слова и всеобщих, наглядно-интуитивных, частью религиозных спекуляций (умозрений) о природе и человеке. В алхимии проецировали на неизвестные свойства материи различные символы, которые Юнг рассматривает как содержания бессознательного. Исследуя неизвестную материю, алхимик пытался раскрыть «Божественную тайну», а в результате приходил к методам и путям изучения, похожим на используемые ныне в аналитической психологии.

Согласно Юнгу, алхимию средневековья можно понимать как философское движение, имеющее свои истоки в бессознательном, движение, компенсаторное по отношению к христианству; ибо предмет алхимических медитаций и техник — царство природы и материи — в христианстве не нашли себе достойного места и адекватной оценки. Алхимия является своего рода темным и примитивным отображением христианского мира образов и мыслей. В работе «Психология и алхимия» Юнг с помощью аналогии исследовал связь между центральным представлением о «философском камне» («lapis») в алхимии и образом Христа в христианстве. Для языка алхимиков типичны символический образ и парадокс. Поэтому говорится, что камень является не камнем (то есть он одновременно представляет собой и духовно-религиозное понятие) или что алхимический

Меркурий, дух в материи, ускользает и исчезает подобно оленю, ибо он неуловим. «У него тысяча имен». Но ни одно из них не выражает его сущность полностью — как ни одно

определение не в состоянии однозначно охватить сущность психического явления.

Амплификация — расширение и углубление образа из сновидения с помощью направленных ассоциаций' и параллелей с фактами, почерпнутыми из человеческой истории духа и символов (мифологии, мистики, фольклора, искусства и так далее), благодаря чему его смысл поддается истолкованию.

Анима и Анимус — персонификации женского начала в бессознательном мужчины и мужского начала в бессознательном женщины. Эта психическая двуполость основана на том биологическом факте, что решающую роль при определении мужского (женского) пола играет количественное преобладание мужских (женских) генов. Количественно меньшая доля генов противоположного пола формирует характерные черты противоположного пола, которые вследствие своей слабости обычно остаются неосознаваемыми.

К. Г. Юнг писал: «Издревле каждый мужчина носит в себе образ женщины, образ не данной определенной женщины, а какой-то определенной женщины. Этот образ по своей сути является наследственным материалом, берущим свое начало в древних эпохах и укоренившимся в живой системе, «типом» («архетипом»), всего опыта, накопленного по женской линии предков, воплощение всех женских впечатлений, унаследованной психологической системой приспособления... То же самое можно сказать и о женщине: и ей присущ врожденный образ мужчины. Опыт показывает, что в данном случае правильнее было бы говорить об образе мужчин, в то время как у мужчины речь идет об образе женщины. Поскольку этот образ неосознаваем, он всегда бессознательно проецируется на любимого человека и является одной из основных причин болезненной привязанности или ее противоположности» (из работы «Психологические взаимоотношения в браке»).

' Полужирным шрифтом здесь выделены слова, отсылающие к соответствующим статьям глоссария. — Примеч. ред.

«Естественная функция Анимуса (как и Анимы) заключается в установлении взаимосвязей между индивидуальным сознанием и коллективным бессознательным. В этом смысле персона представляет собой сферу между Я-сознани-ем и объектами внешнего мира. Анимус и Анима должны функционировать как мосты или ворота, ведущие к образам коллективного бессознательного, тогда как персона представляет собой своего рода мост во внешний мир». (Из неопубликованного доклада, прочитанного К. Г. Юнгом в январе 1925 г.)

Все архетипные манифестации, в том числе Анимус и Анима, имеют свои негативный и позитивный, примитивный и дифференцированный аспекты.

К. Г. Юнг пишет: «В своей первоначальной бессознательной форме Анимус является спонтанным и непреднамеренным мнением, которое оказывает главенствующее влияние на сферу чувств, Анима же, наоборот, является чувственным образованием, оказывающим влияние или дисторсию

на рассудок («Она вскружила ему голову»). Поэтому Анимус проецируется преимущественно на «духовные» авторитеты или на прочих «героев» (включая певцов, «деятелей искусства» и спортивных звезд)- Анима охотнее использует бессознательное, пустое, фригидное, беспомощное, бессвязное, темное и многозначное в женщине... Душа, присоединяясь в процессе индивидуации к Я-созна-нию, приобретает у мужчин женские признаки, а у женщин — мужские. Его Анима стремится соединять и объединять, ее Анимус хочет различать и постигать. Это — резкое противоречие... В реальности сознания оно означает возникновение конфликтной ситуации, даже если сознательные взаимоотношения обоих индивидуумов гармоничны». (Из работы «Психология переноса».)

«Анима — архетип жизни... Ведь жизнь является мужчине через Аниму, хотя он и считает, что это происходит благодаря разуму (intellectus). Он совершенствует свою жизнь с помощью разума, но жизнь живет в нем с помощью Ани-мы. А таинственность Женщины заключается в том, что жизнь является ей через духовный образ Анимуса, хотя она

полагает, что это заслуга Эроса, дающего ей жизнь. Она совершенствует свою жизнь и просто живет с помощью Эроса, но реальная жизнь, в которой она может оказаться и жертвой, приходит к своей вершине через рассудок (ratio), который воплощается в Анимусе». (Из неопубликованного доклада о книге Ф. Ницше «Так говорил Заратуст-ра» в 1937 г.)

Архетип — «Понятие архетипа... выведено из многократно повторявшихся наблюдений, что, например, мировую литературу определяют те мифы и сказки, которые содержат в себе мотивы, вновь и вновь появляющиеся повсюду. Эти же самые мотивы мы встречаем в фантазиях, сновидениях, делириях и безумных идеях современных людей. Эти типичные образы и взаимосвязи характеризуются как архетипичные представления. Чем они отчетливее, тем в большей мере им присуще сопровождаться особенно живыми эмоциональными тонами... Они оставляют впечатления, оказывают влияние и завораживают. Они проистекают из неосознаваемого самого по себе архетипа, бессознательной предформы, которая, по-видимому, относится к унаследованной структуре психики и вследствие этого может мани-фестироваться повсюду как спонтанное явление». (Из работы «Совесть с психологической точки зрения».)

«Я снова и снова сталкиваюсь с одним и тем же недоразумением, когда архетипы определяют содержательно, то есть как род бессознательных «представлений». Поэтому необходимо еще раз отметить, что архетипы определяются не содержательно, а только формально, и последнее делается лишь весьма условно. Содержательно можно определить только Первообраз и то лишь тогда, когда он осознан и в силу этого наполнен материалом сознательного опыта. Его же форму, напротив... можно сравнить с осевой структурой кристалла, которая определенным образом предопределяет формирование кристалла в исходном растворе, не существуя сама при этом материально. Ее материальное существование проявляется лишь в способе и форме кристаллизации ионов, а затем и молекул. Сам по себе архетип

представляет собой пустой формальный элемент, нечто иное, как praeformatio1, данную априори возможность той или иной формы представления. Наследуются не представления, но формы, которые тоже можно определять только формально. Точно так же нельзя обнаружить наличие архетипа самого по себе, как нельзя обнаружить и наличие инстинктов, пока они не проявят себя в чем-то конкретном». (Из работы «Психологические аспекты архетипа Матери».)

«Мне кажется вполне вероятным, что сущность собственно архетипа неосознаваема, то есть трансцендента, в силу чего я характеризую его как психоидное». (Из работы «Теоретические размышления о сущности психического».)

«Ни на мгновение нельзя предаваться иллюзии, что архетип можно объяснить раз и навсегда и на этом разделаться с ним. Даже самая лучшая попытка объяснения представляет собой лишь более или менее удачный перевод на другой образный язык». (Из работы «К психологии детского архетипа».)

Ассоциативный эксперимент — психологическая методика тестирования для выявления комплексов с помощью измерения времени реакции и интерпретации ответов на задаваемые экспериментатором слова-раздражители. К признакам комплексов относятся: замедленное время реакции или субъективно своеобразное качество ответов, когда слова-раздражители затрагивают комплексы, которые испытуемый желает утаить или которые им не осознаются.

Ассоциация — сочетание представлений, восприятий и так далее по признаку схожести, взаимосвязанности, противоположности и порядку следования. Свободные ассоциации в толковании сновидений Зигмундом Фрейдом:

спонтанные цепи ассоциаций сновидца, не (обязательно) сводимые к ситуации сна. Направленные или контролируемые ассоциации К. Г. Юнга: спонтанные мысли, берущие свое начало в ситуации сна и постоянно сводимые к ней.

'Praeformatio (лат.) — предформирование. — Примеч. пер.

Бессознательное — «Теоретически поле сознания ничем нельзя ограничить, поскольку его можно расширять до неопределенно высокого уровня. Но эмпирически оно всегда имеет границы со сферой бессознательного. Последнее состоит из всего, что неизвестно, что не состоит ни в каких взаимодействиях и взаимоотношениях с Я как центром поля сознания. Неизвестное разбивается на две группы объектов— группу чувственно познаваемых внешних объектов и группу непосредственно познаваемых внутренних объектов. Первая группа представляет собой неизвестное во внешнем мире, а вторая — во внутреннем. Последнюю область мы и называем бессознательным». (Из работы «Эон».)

«Все, что я знаю, но о чем не думаю в данный момент;

все, что я когда-либо осознавал, но теперь забыл; все, что было воспринято моими органами

чувств, но осталось без внимания со стороны моего сознания; все грядущее, вызревающее во мне и лишь затем осознающееся, — все это составляет содержания бессознательного». (Из работы «Теоретические размышления о сущности психического».)

«К этим содержаниям относятся все более или менее осознанные изменения мучительных представлений и впечатлений. Сумму всех этих содержаний я называю личным бессознательным. Но кроме этого мы находим в бессознательном и не индивидуально приобретенные, а унаследованные свойства, инстинкты, побуждения к деятельности, которым следуют из необходимости и без сознательных мотивировок... (В этом «глубинном» слое психики мы находим и архетипы.) Инстинкты и архетипы составляют коллективное бессознательное. Я называю это бессознательное коллективным, потому что в нем заключены, в отличие от определенного выше личного бессознательного, не индивидуальные, то есть более или менее уникальные содержания, а содержания, распространенные повсюду и в равной мере». (Из работы «Инстинкт и бессознательное».)

«Глубинные «слои» психики, погружаясь все глубже и становясь все более темными и смутными, утрачивают

свою индивидуальную своеобразность. Они «опускаются вниз», то есть они, приближаясь к автономной функциональной системе и становясь все более коллективными, универсализуются и одновременно растворяются в материальности тела, химических единиц. Углерод тела — это углерод вообще. «На слишком глубокой глубине» психика — это мир вообще». (Из работы «К психологии детского архетипа».)

Богообраз — Это понятие берет свое начало в трудах отцов церкви, полагавших, что Imago Dei (богообраз) запечатлен в душе человеческой. Если подобный образ спонтанно появляется в сновидениях, фантазиях, видениях и так далее, его необходимо понимать в рамках психологического способа рассмотрения как символ Самости.

К. Г. Юнг: «Влияние божества на нас мы можем обнаружить только с помощью психики, не имея при этом, правда, возможности отличить его от воздействия бессознательного, так как невозможно ответить на вопрос о том, являются ли божество и бессознательное различными величинами. Они оба являются пограничными понятиями, выражающими трансцендентальные содержания. Но эмпирически с достаточной степенью вероятности можно установить, что в бессознательном наличествует архетип целостности, который спонтанно манифестируется в сновидениях, фантазиях и так далее, и что существует независимая от сознательной воли тенденция сводить все архетипы к этому центру. Поэтому не было бы невероятным утверждение, что этот архетип обладает определенной самой по себе центральной позицией, которая приближает его к богообразу. Их схожесть особенно подкрепляется тем, что этот архетип выделяет ту символику, которая еще издревле характеризовала и наглядно выражала собой божество... Богообраз коинцидирует, совпадает, строго говоря, не с самим бессознательным, а с некоторым его содержани-ем—с архетипом Самости. Именно от него мы уже не можем эмпирически отделить богообраз». (Из работы «Ответ на послание».)

«Богообраз можно объяснить как отображение Самости, или, наоборот. Самость как Imago Dei in homine1». (Из работы «Попытка психологического толкования догмы о Троице».)

Душа — К. Г. Юнг: «Если психика человека представляет собой что-то, то это что-то необозримо сложно и характеризуется неограниченным многообразием, и его невозможно охватить с помощью одной лишь психологии влечений. В глубочайшем изумлении и с непередаваемым восхищением я замираю, созерцая бездны и высоты природы человеческой души, чей внепространственный мир таит в себе неизмеримую полноту образов, которые были собраны и органично объединены миллионами лет развития жизни. Мое сознание подобно глазу, запечатлевающему самые удаленные пространства, но именно психическое не-Я непространственно Наполняет собой это пространство. И эти образы представляют собой не голые тени, но могущественные действующие силы души, которые мы можем только недопонимать, не умея никогда подорвать их величия своим отрицанием. Это впечатление я могу сравнить лишь с видом ночного неба, усеянного звездами, ведь эквивалентом внутреннему миру может быть только мир внешний, и если этот мир я достигаю посредством своего тела, то тот — посредством своей души». (Из введения к книге В. Кранефельда «Психоанализ».)

«Было бы верхом кощунства утверждать, что Бог может явить себя везде, где угодно, но только не в человеческой душе. Да, проникновенность взаимоотношений между Богом и душой изначально исключает всякую возможность не-дооценивания души. Возможно, было бы преувеличением говорить об отношениях родства между ними, но в любом случае душа должна заключать в себе возможность отношений или соответствия с сущностью Бога, иначе никогда не могла бы осуществиться никакая взаимосвязь между ними. Формулируя психологически, можно сказать, что это соответствие заключается в архетипе богообраза». (Из работы «Психология и алхимия».)

•Imago Dei in homine (лат.) — образ Бога в человеке. — При-меч. пер.

Иерогамия — Святое или духовное бракосочетание. Объединение архетипных фигур в мифах о возрождении, в античных мистериях и в алхимии. Типичные фигуры — представления Иисуса Христа и Церкви как жениха и невесты (sponsus et sponsa) и алхимическое объединение (con-junctio) Солнца и Луны.

Индивидуация — К. Г. Юнг: «Я использую выражение «Индивидуация» для обозначения того процесса, который производит психологическую «индивидуальность», то есть обособленную неделимую единицу, целостность». (Из работы «Сознание, бессознательное и Индивидуация»).

«Индивидуация означает: стать единичной сущностью и, поскольку под индивидуальностью мы понимаем нашу глубинную внутреннюю, предельную и ни с чем не сравнимую уникальность стать собственной Самостью. В силу этого «индивидуацию» можно было бы переводить и как «самосо-зидание» или «самовоплощение». (Из работы «Отношения между Я и бессознательным».)

«Я все время сталкиваюсь с тем, что процесс индивиду-ации путают с процессом осознания Я и тем самым идентифицируют Я с Самостью, в результате чего возникает безысходная путаница в понятиях. Ведь вследствие этого ин-дивидуацией называют обыкновенный эгоцентризм или аутоэротизм. Но Самость подразумевает нечто бесконечно большее, нежели просто Я... Она в равной мере объемлет и то, и другое, и Я. Индивидуация не исключает мир, но включает его в себя». (Из работы «Теоретические размышления о сущности психического».)

Интроверсия — типологическая установка, характеризующаяся концентрацией интересов на

внутренних процессах в душе. Противоположность экстраверсии.

Инфляция — расширение личности за пределы границ индивидуального в результате идентификации с архетипом или, в патологических случаях, с исторической либо религиозной фигурой. В обычных случаях проявляется как сво-Глоссарий 39

его рода самодовольство и компенсируется соответствую щим чувством собственной неполноценности.

Мана — меланезийское понятие, обозначающее чрезвы чайную влиятельную силу, исходящую от человека, пред мета, действия, события, сверхъестественных существ и ду хов. Мана также обозначает здоровье, престиж, целитель ные и волшебные способности. Примитивное понятие о психической энергии.

Мандола — на санскрите — круг. Магический круг. У К. Г. Юнга — символ середины, цели и Самости как психической целостности. Представление самого процесса дви жения к центру, создания нового личностного центра. Символически выражается в форме круга, симметричного упорядочивания числа четыре и кратных ему (см. Четверич-ность). В ламаизме и в тантрической йоге мандала является инструментом созерцания (янтра), местом обитания и происхождения богов. Нарушенная мандола — форма, отличающаяся от круга, квадрата и равностороннего креста, или основанная на числе, не равном четырем или восьми.

К. Г. Юнг: «Мандала — это круг, специальный магический круг. Мандалы распространены не только по всему Востоку, но и нередко встречались и у нас в средневековье. В христианстве они закрепились в раннем средневековье, обычно с Христом посередине и четырьмя евангелистами или их символами в основных направлениях стран света. Это воззрение должно быть очень древним, ведь и Гор со своими четырьмя сыновьями изображался египтянами точно так же» (Из комментария к сборнику «Тайна Золотого века».)

«Как показывает опыт, мандалы появляются... в тех ситуациях, которые характеризуются запутанностью и безвыходностью. Определяемый ими архетип представляет собой упорядочивающую схему, которая в виде психологического перекрестия нитей как в оптическом приборе или как разделенный на четыре части круг, определенным образом словно бы накладывается на психический хаос, благодаря чему каждое содержание обретает свое место, а разбегающе-392 Глоссарий

еся в неопределенность целое воссоединяется магическим оберегающим кругом». (Из работы «Современный миф о вещах, увиденных на небе».)

Невроз — состояние разъединенности с самим собой, вызванное противоречием между потребностями-влечением и требованиями культуры, между инфантильной раздражительностью и требованиями, вызванными необходимостью приспособления к окружающим и к внешнему миру, между коллективным и индивидуальным долгом. Невроз представляет собой знак, запрещающий въезд, поставленный перед неверным путем и увещевание в необходимости личностного процесса исцеления.

К. Г. Юнг: «Психологические нарушения в случае невроза и невроз сам по себе можно охарактеризовать как неудавшуюся попытку приспособления. Эта формулировка <...> созвучна с точкой зрения Фрейда, что невроз в некотором роде является попыткой самоисцеления». (Из

работы «О психоанализе».)

«Невроз всегда представляет собой замену узаконенному страданию». (Из работы «Психология и религия».)

Нуминативность — понятие, введенное в обиход Рудольфом Отто, служащее для обозначения невыразимого, таинственного, пугающего, «совершенно Иного» свойства, непосредственно познаваемого лишь как нечто, присущее божественному.

Первообраз — понятие, введенное Якобом Буркхардом. Первоначально использовалось Юнгом для обозначения архетипа.

Персона — первоначально — маска, которую носили актеры в античном театре.

К. Г. Юнг: «Персона — это... та приспособительная система или та манера себя вести, с помощью которой мы общаемся с миром. Так, например, почти любая профессия представляет собой для человека характерную для него Пер-

сону... Опасность заключается в том, что можно идентифицироваться со своей персоной, как профессор со своим учебником или тенор со своим голосом... С некоторой долей преувеличения можно сказать: Персона — это то, чем человек на самом деле не является, но о чем он сам и другие люди говорят, что это и есть он». (Из работы «О возрождении».)

Психоидное — «подобное душе», «имеющее форму души», «квазидушевное». Юнг характеризует этим термином невыразимый глубинный слой коллективного бессознательного и его содержания, архетипы.

К. Г. Юнг: «Коллективное бессознательное представляет собой психику, которая в противоположность к известному нам психическому непредставима, поэтому я называю его психоидным». (Из работы «Синхронистичность как принцип акаузальных взаимосвязей».)

Самость — центральный архетип. Архетип упорядочивания. Целостность человека. Символически представляется в виде круга, квадрата, четверичности, младенца, мандалы и так далее.

К. Г. Юнг: «Самость — это величина, управляющая сознательным Я. Она охватывает не только осознаваемую, но и бессознательную составляющую психики и в силу этого является личностью... Нет никакой надежды, что мы достигнем хотя бы приближенного осознания Самости, ведь сколько ни смогли бы мы осознать, всегда еще остается определенное или неопределенное количество бессознательного, которое тоже относится к тотальной Самости». (Из работы «Отношение между Я и бессознательным».)

«Самость является не только центром, но и той окружностью, которая заключает в себе сознание и бессознательное; она представляет собой такой же центр этого общего, как Я — центр сознания». (Из работы «Сновиденческие символы в процессе индивидуации».)

«Кроме того, Самость является и целью жизни, ибо она представляет собой совершеннейшее выражение той комби-

нации судьбы, которую называют индивидуумом». (Из работы «Отношение между Я и

бессознательным».)

Синхронистичность — понятие, образованное Юнгом для выражения осмысленных совпадений (коинциденций) или соответствий:

а) психического и физического событий, которые не связаны между собой каузально. Подобные синхронистические феномены происходят, например, когда внутренние события (сновидения, видения, предчувствия) находят себе соответствие во внешней реальности — внутренний образ или предчувствие оказываются «вещими»;

б) похожих или одинаковых сновидений, мыслей и так далее, которые появляются в разных местах и/или у разных людей. Ни ту, ни другую манифестацию невозможно объяснить причинной связью. Наоборот, они происходят в связи с архетипными процессами в бессознательном.

К. Г. Юнг: «Моя работа в области психологии бессознательных процессов вот уже много лет тому назад вынудила меня перейти к другому (наряду с принципом причинности) объяснительному принципу, так как принцип каузальности показался мне недостаточным для объяснения определенных странных явлений в психологии бессознательного. Сначала я обнаружил, что существуют параллельные психологические явления, которые совершенно невозможно причинно увязать друг с другом, но находятся в иного рода взаимосвязи между событиями. Эти взаимосвязи показались мне по своей сути заключающимися в факте их относительной одновременности, отсюда пошло и выражение «синх-ронистичные». Ведь похоже, что время словно бы является не абстракцией, а представляет собой конкретный континуум, содержащий в себе качества или принципиальные условия, которые могут манифестироваться относительно одновременно в различных местах в виде причинно не объяснимого параллелизма, как это бывает, например, в случаях одновременного появления идентичных мыслей, символов или психических состояний у разных людей». (Из работы «Памяти Рихарда Вильгельма».)

Сновидение — «маленькая хорошо спрятанная дверь в самые глубокие и интимные уголки души, дверь, которая ведет в ту изначальную космическую ночь, которой была душа еще до возникновения Я-сознания и которой душа становится, далеко выходя за пределы того, что способно когда-либо достичь Я-сознание. Ибо Я-сознание полностью разъединено, оно познает единичное, отрывая его и различая, и увидеть при этом можно лишь то, что как-либо соотносится с этим Я. Я-сознание состоит из громогласных ограничений даже тогда, когда оно достигает самых далеких звездных туманностей. Сознание все разделяет, а во сне мы вступаем в мир глубинного, всеобщего, истинного, вечного человека, который еще находится в сумерках надвигающейся ночи, где он еще был Целым, а Целое было в нем, который находится в не имеющей различий, лишенной всякой яковости природе. Из этой всеобъединяющей глубины поднимается сон, каким бы детским, гротескным или аморальным он ни был». (Из работы «Значение психологии для современности».)

«Сновидения являются не преднамеренными и предвзятыми изобретениями, а естественными феноменами, которые не представляют собой ничего, кроме того, что они собой представляют. Они не обманывают, не лгут, не извращают и не затушевывают, а наивно возвещают о том, что они собой представляют и подразумевают. Они обижают нас и вводят нас в заблуждение, потому что мы не понимаем их. Они не применяют никаких искусственных трюков, чтобы что-нибудь скрыть, а говорят о том, что составляет их содержание, настолько отчетливо, насколько это позволяет сделать их образ. Мы не в состоянии понять, почему они столь своеобразны и сложны: ведь опыт показывает, что они всегда стараются выразить то, что наше Я не знает и не понимает».

(Из работы «Аналитическая психология и воспитание».)

Сознание — «Когда размышляют о том, что же, собственно говоря, представляет собой сознание, то обычно наиболее глубокое впечатление производит тот в высшей степени удивительный факт, что каким-либо событием,

происходящим где-нибудь в космосе, вызывается одновременное внутреннее отображение таким образом, как будто бы оно происходило одновременно и внутри, это и означает: осознавать». (Из неопубликованного доклада, прочитанного К. Г. Юнгом на Базельском семинаре в 1934 г.)

«Наше сознание не создает самое себя, а поднимается из неизвестной нам глубины. Оно постепенно пробуждается в ребенке, а затем каждое утро пробуждается из глубин сна из бессознательного состояния. Оно подобно ребенку, который ежедневно рождается из своей материнской первопричины — бессознательного». (Из работы «К психологии восточной медитации».)

Тень — сумма всех личностных и коллективных психических установок, которые в силу своей несовместимости с сознательно избранным образом жизни не могут быть пережиты и которые объединяются в относительно автономную частичную личность с конкретными бессознательными тенденциями. По отношению к сознанию Тень ведет себя ком-пенсаторно, ее действие в силу этого может оказаться как негативным, так и позитивным. В качестве персонажа сна Тень появляется в виде существа одного пола со сновидцем. Как часть личного бессознательного Тень относится к Я, но как архетип «Сатаны» (Widersacher) она относится к коллективному бессознательному. Осознание Тени представляет собой начальный период аналитической работы. Игнорирование и вытеснение Тени, как и идентификация Я с ней, могут приводить к опасным диссоциациям (рассогласовани-ям) личности. Так как Тень очень близка миру инстинктов, длительное удержание ее в фокусе внимания недопустимо.

«Фигура Тени персонифицирует собой все, что субъект не признает в себе и что все-таки — напрямую или же косвенно — снова и снова всплывает в его сознании, например, ущербные черты его характера или прочие неприемлемые тенденции». (Из работы «Сознание, бессознательное и индивидуация».)

«Тень... — это та сокрытая в тумане, вытесненная, чаще всего неполноценная и виноватая личность, которая вмес-

те со всеми своими проявлениями простирается вплоть до царства предков-животных и охватывает всю историческую глубину бессознательного... Если до сих пор обычно придерживались мнения, что человеческая Тень является источником всего темного в человеке, то отныне при более глубоком рассмотрении можно обнаружить, что бессознательный человек, или Тень, состоит не только из морально неприемлемых тенденций, но и обнаруживает в себе целый ряд хороших качеств — нормальные инстинкты, целесообразные реакции, восприятие, соответствующее реальности, творческие импульсы и им подобное». (Из работы «Эон».)

Травма психическая — неожиданное событие, которое наносит непосредственный вред живому существу. Ужас, страх, стыд, отвращение и т. д.

Четверичность — К. Г. Юнг: «Четверичность — это архетип, который проявляется, так сказать, универсально. Она является логической предпосылкой всякого суждения о целостности. Всякий раз это суждение должно сочетать в себе четыре аспекта. Когда, например, судят о целостности горизонта, то называют четыре основные стороны света. Всегда речь идет о четырех основных элементах, о четырех примитивных качествах, о четырех цветах, о четырех кастах в Индии, о четырех путях духовного развития в буддизме. Поэтому существует и четыре психологических аспекта психической ориентации, к которым ничего существенного добавить больше нельзя. Для ориентации нам нужны:

— функция констатации наличия чего-либо (восприятие),

— функция установления, что это собой представляет

(мышление),

— функция, позволяющая определить, подходит ли это субъекту или нет, приятно это или нет (чувства),

— функция, позволяющая увидеть, откуда это появляется и к чему это ведет (интуиция).

К этому больше нечего добавить... Идеальная завершенность выражается в круглом; в круге (см. Мандала), а ее минимальное возможное расчленение — четыре». (Из работы «Попытка психологического толкования догмы Троицы»),

Четверичность или кватернер часто имеет структуру 3+1, когда одна из ее величин занимает исключительное положение и имеет отличную от остальных природу. (Например, три евангелических символа представлены животными, а один — ангелом.) Когда четвертая величина присоединяется к трем остальным, возникает «единое», символизирующее целостность. В аналитической психологии нередко именно «малоценная» функция (то есть та функция, которой человек не может воспользоваться в своем сознании) воплощает в себе «четвертую» величину. Интеграция ее в сознание представляет собой одну из основных задач процесса индивидуации.

Экстраверсия — типологическая установка, характеризующаяся концентрацией внимания на внешнем объекте. Противоположна интроверсии.

Составитель Д. В. Дмитриев

Налоговая льгота - общероссийский классификатор
продукции ОК-00-93, том 2; 953000 - книги, брошюры.

Редактор В. Г. Голобоков

Художественный редактор О. Н. Адаскина
Компьютерный дшайн В. С. Лукьянов
Технический редактор Н. В. Сидорова

Корректоры М Е. Козлова, Р. Д. Станкова

Сдано в набор 15.07.97. Подписано в печать 25.09.97.
Формат 60x90 \1\6. Гарнитура «Тайме».
Печ. л. 25,0.
Тираж 10 000 экз. Заказ № 732.

«Олимп». Изд. лиц. №07190 от 25.10.96.

123007, Москва, а/я 92

000 «Издательство АСТ-ЛТД».
Лицензия В 175372 № 02254 от 03.02.97.
366720, РИ, г. Назрань, ул. Фабричная, 3

Отпечатано с оригинал-макета в Тульской типографии.
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.